

УРОКИ
ДЕЯНОСТЫХ

ФИНАНСОВАЯ КОРПОРАЦИЯ
Открытие

ФОНД ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА

Общественный совет «Уроки девяностых»

Дмитрий Травин
Очерки новейшей истории России
Книга первая: 1985–1999

НОРМА

Санкт-Петербург
2010

УДК 947
ББК63.3(2)635+63.3(2Рос)-я7
Т65

Травин Д.Я.
Т65 **Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. – СПб.: Норма, 2010. – 368 с.**

ISBN 978-5-87857-160-9

В книге исследуется, каким образом наша страна прошла путь от советской экономической и политической системы к рынку и демократии. Автор – сторонник либеральных преобразований – рассматривает как успехи, так и трудности перехода, не скрывает ошибок и слабостей реформаторов, но последовательно развенчивает те идеологические мифы, которыми события 80-х и 90-х гг. обросли за последнее время. В «Очерках» есть и описание хода преобразований, и политические портреты главных героев событий, и распутывание тонких политических интриг. Книга рассчитана не только на учителей, но на всех читателей, желающих разобраться в том, что же действительно произошло с Россией в ходе трансформации.

ББК63.3(2)635+63.3(2Рос)-я7

© Травин Д.Я., текст, 2010
© Норма, оформление, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Блудная дочь Европы?

Россия в прошлом, настоящем и будущем

Эта книга посвящена реформам, через которые нашей стране довелось пройти за последние четверть века. Кому-то пройденный путь видится вполне логичным, естественным. Кому-то, напротив, он представляется страшными, судорожными метаниями — бесовской пляской, охватившей больную, истерзанную страну.

Среди тех, кто считает последние десятилетия эпохой осмысленного движения, есть оптимисты, полагающие, что мы двигались верной дорогой, и пессимисты, уверенные в том, что Россию цинично и целенаправленно уничтожали. А люди, не верящие в осмысленность реформаторских действий, в свою очередь, подразделяются на тех, кто винит Горбачева и Ельцина в непоследовательности как реформаторов, и тех, кто винит Горбачева и Ельцина в отступничестве от коммунизма.

На бытовом уровне пессимизм доминирует. Во времена наших последних реформ появился такой анекдот.

Прибыли Клинтон, Мейджор и Ельцин к Господу Богу. Клинтон спрашивает:

— Господи, когда же американцы будут жить без проблем?

- Лет через пятьдесят, – отвечает Бог.
– Да, не дожить мне, – вздохнул президент.
Мейджор спрашивает:
– Ну а мы, англичане?
– Лет через семьдесят пять.
– И мне не дожить, – говорит британский премьер-министр.
– Господи, ну а россияне, когда, понимаешь, будут жить хорошо?
Подумал Бог, почесал затылок и говорит:
– До этого уж мне не дожить [93, с. 581–582].

Действительно ли все обстоит так плохо? В период «процветания» 2000-х гг. мы вроде бы забыли о пессимизме, однако с началом экономического кризиса вновь появилось много скептических оценок. Разобраться во всей этой каше можно лишь одним способом – сопоставив наше развитие с развитием других европейских стран. Живем ли мы той же жизнью, что и европейцы, только со своими особенностями? Или мы живем совершенно иной жизнью, лишь какими-то внешними чертами похожей на тот мир, который остается к Западу от России? Является ли Россия «блудной дочерью Европы», возвращающейся ныне к своей матери, или она ей даже не родственница? Есть множество ответов на поставленные вопросы.

Скоро уж 200 лет (если считать со времен знаменитой полемики западников и славянофилов) как аналитики пытаются прояснить ситуацию. Те позиции в споре, которые актуальны и сегодня, можно условно разделить на четыре большие группы.

От изоляции до модернизации

Первую группу условно назовем изоляционистской.

Изоляционисты полагают, что Россия – это совершенно особый мир, который никак не может развиваться по западным сценариям. Соответственно, преобразования последнего времени были дорогой в никуда. В число сторонников подобной точки зрения попадают националисты, считающие, будто Россия – это мир особой красоты и духовности, не способный жить по приземленным западным правилам. Но сюда же относятся и националисты иного рода, считающие нашу страну миром вечной лени, беспробудного пьянства и чудовищной несправедливости.

Наиболее концептуально оформленной и в то же время сравнительно «раскрученной» современной изоляционистской теорией является евразийство

Александра Дугина. Для него Россия — это «Ось Истории», поскольку цивилизация вращается вокруг нее. Исповедуемый Дугиным геополитический подход предполагает деление всего мира на два принципиально разных лагеря — державы континентальные и морские, — каждый из которых имеет свои законы. Рыночной цивилизацией является лишь морская. Континентальная же, центром которой, по Дугину, оказывается Россия, основана на традиции. Здесь прогресс осуществляется не столько в материальной сфере, сколько в сфере духа.

Экономика для Дугина является геоэкономикой. Суть ее состоит в том, что экономическая система зависит от того конкретного исторического места на земном шаре, в котором применяются модели. Следовательно, каждый конкретный случай существования экономической системы уникален. Для Евразии с Россией, находящейся в центре, геоэкономика Дугина предлагает так называемую «автаркию больших пространств», т.е. «железный занавес» по отношению к более развитым, нежели мы, государствам [81, с. 166, 214, 610, 784, 791].

Для того чтобы исторически обосновать особый российский путь в экономике, дугинское направление анализа возводит наш хозяйственный опыт к византийскому образцу. «Хозяйственные практики русского народа во многом наследуют аграрный строй византийской экономической модели, где общинное владение землей на законодательном уровне поощрялось и поддерживалось в ущерб частному владению ею аристократией и чиновничеством, ленному принципу и системе земельной ренты» [175, с. 25]. Что же касается промышленности, то она исторически не имеет для нашей страны той самодостаточной ценности, какая существует на Западе. Связано это, по мнению сторонников Дугина, со своеобразной идеалистической, созерцательной ориентацией русского народа [175, с. 40].

Нетрудно заметить, что преобразования последнего времени абсолютно не укладываются в данную концепцию. Более того, в нее не укладывается почти все, что происходило в России со времен Петра и даже раньше — с тех времен, когда европейская культура по крупицам начала проникать в нашу страну.

В число изоляционистов попадает и такой популярный ныне автор, как Андрей Паршев, написавший книгу «Почему Россия не Америка», где особый путь нашей страны обосновывается настолько простыми и доступными каждому читателю аргументами, что труд этот за последние годы выдержал уже несколько изданий.

Паршев отмечает, что Россия — страна уникальная, потому что «мы построили свое государство там, где больше никто не живет [...] Лишь треть нашей

земли «эффективная». Но и наша эффективная площадь — самая холодная в мире. Мы не Индия, не Китай и даже не Канада» [192, с. 38, 40].

Иначе говоря, в России по причине особого холода невозможно жить так же, как в других странах мира. Здесь обязательно будут более высокие расходы на обеспечение нормальной жизнедеятельности, что связано с особой потребностью обогрева. Следовательно, получается, что в России невыгодно осуществлять инвестиции. Доходность на каждый вложенный рубль окажется ниже, чем в странах с более благоприятным климатом. Иностраный капитал к нам не пойдет, а свой убежит. «В общем, нет у нас ничего такого, что Западу необходимо позарез. Все или кончается, или отвалилось вместе с Назарбаевым, или дорого добывать», — делает вывод Паршев [192, с. 62].

А раз так, то, следовательно, для нормального развития нам надо изолироваться от мировой экономики. Для этого требуется осуществить, согласно Паршеву, три меры: ввести государственную монополию внешней торговли, запретить вывоз капитала и отменить конвертируемость рубля [192, с. 225].

Книга «Почему Россия не Америка» впервые была издана в 1999 г., т.е. почти сразу же после дефолта августа 1998 г. Тогда действительно с инвестициями у нас дело обстояло чрезвычайно плохо, поскольку инвесторы не доверяли России из-за политической нестабильности, финансовых проблем и неспособности платить по своим обязательствам. С тех пор, однако, капитал хлынул в нашу страну настолько бурным потоком, что экономика вплоть до начала экономического кризиса даже не успевала переваривать вливающиеся в нее финансовые ресурсы, и излишек денег вызывал нежелательный рост цен¹. Причем понятно, почему это происходило. Ведь климатический фактор — лишь одно из множества обстоятельств, влияющих на инвестиционную привлекательность. Абсолютизация одного фактора всегда приводит к ошибкам.

Казалось бы, теория Паршева опровергнута? Но нет. У автора книги «Почему Россия не Америка» есть ответ на любые возражения. «Само присутствие иностранных средств в каком-то месте — это сигнал тревоги, — отмечает Паршев, — это SOS, это сирена и мигалка! Так просто иностранные деньги у нас не могут появиться! Либо это признак какой-то дыры в экономике, через которую утекают наши невосполнимые ресурсы, либо там копошится гнездо

¹ С началом кризиса капитал бросился бежать из России, но это, естественно, никак не связано с климатом. В 2008–2009 гг. в нашей стране не стало холоднее. На движение капитала влияют не природные, а экономико-политические факторы.

отвратительных вредителей и нужны дуст и керосин» [192, с. 225]. Таким образом, экономическая теория трансформируется в конспирологическую по принципу: если кто со мной не согласен — тот заговорщик и вредитель. А следовательно, в конспирологическом сознании значительной части общества концепция Паршева по сей день сохраняет свою привлекательность.

Вторую группу взглядов назовем институциональной.

Ее сторонники не считают Россию особым миром. Более того, они, как правило, хотят, чтобы наша страна пошла по проторенной Западом дорожке и достигла благополучия. Но на пути этом оказываются чрезвычайно серьезные препятствия, сформированные особенностями именно русского исторического развития. В России не сложились те институты, не сформировались те традиции и не возник тот менталитет, которые давно уже есть на Западе. А потому велика оказывается вероятность того, что мы долго еще будем плестись в хвосте у своих более удачливых соседей.

Наиболее известный и популярный представитель такого подхода — американский историк Ричард Пайпс, выпустивший еще в 70-х гг. классическую работу «Россия при старом режиме». Пайпс принципиально разделяет Россию и Запад. Практически нигде он не сопоставляет нашу страну с отдельными европейскими или американскими странами, а только с Западом в целом. И это не случайно, поскольку историк полагает, что у всего западного политического опыта есть принципиальное отличие от опыта восточного. Это наличие института частной собственности, над которой государственная власть, как правило, не имеет юрисдикции.

По Пайпсу, Россия — это торжество вотчинного уклада, в котором власть и собственность сосредоточены в одних руках — руках монарха. На Западе же они были четко разграничены. В нашу страну в какой-то момент пришли с Запада представления о том, что государство — это не собственность его правителя. Но произошло это так поздно, что политические взгляды и обычаи уже сложились. В результате получается, что у нас практически нет различия между частным и публичным [191, с. 10, 95, 101, 114]. Неудивительно, что Россия — это мир тоталитарной идеологии и административной экономической системы. Ведь всякий, кто прорвался к власти, накладывает лапу на страну в целом, а народ считает, будто так оно и должно быть. Наверное, со всей этой напастью можно справиться, но задача сия чрезвычайно трудна. Несопоставимо более трудна, чем даже в Польше, Эстонии или Болгарии.

В своей новой книге «Собственность и свобода» Пайпс приводит ряд примеров того, как на Западе монархи жесточайшим образом нарушали права

собственности [190, с.151]. Казалось бы, похоже на Россию? Но автор не делает суровых выводов. Для него это, скорее, исключения из правил.

Предложенный Пайпсом подход оказался популярен и в России. Об этом свидетельствует, например, появление книги Александра Ахиезера, Игоря Клямкина и Игоря Яковенко «История России: конец или новое начало?». Говоря о возможности построения в сегодняшней России современной правовой государственности либерально-демократического типа, подконтрольной гражданскому обществу, авторы отмечают, что это означает ориентацию на обретение и закрепление новой цивилизационной идентичности [11, с. 696]. Казалось бы, перед страной ставится невероятно трудная задача. Задача, которую вообще редко удавалось кому-либо решить в истории человечества. Но дальше авторы несколько уточняют свою постановку вопроса: «Трудности реализации либерально-демократического проекта в России сегодня обусловлены уже не столько ее культурно-типологическими отличиями от Запада, как это было в начале XX века, сколько стадийным отставанием от него при принципиальности сохранившихся отличий» [11, с. 699].

Иначе говоря, качественный скачок уже произошел, «догосударственная культура крестьянской России, питавшая прежние проекты самобытного «особого пути», перемолота коммунистической индустриализацией и урбанизацией» [11, с. 694]. Основную часть пути, ведущего нас к новой либерально-демократической жизни, мы проделали под руководством коммунистических вождей.

Третью группу интеллектуальных подходов назовем конвергенционной.

Сторонники конвергенции с оптимизмом смотрят на Россию и даже восхищаются многими нашими достижениями. Как правило – достижениями в сфере культуры. Они полагают, что нет никакой «китайской стены» между Западом и Востоком, а потому мы сможем успешно преодолеть наше тоталитарное наследие. Это вообще не самая сложная задача. Главное, чтобы при движении в сторону рынка и демократии Россия не растеряла, а, по возможности, даже приумножила свое богатейшее духовное наследие, т.е. обеспечила синтез всего лучшего в культурах Востока и Запада.

Представителем конвергенционного подхода является самый «высокопоставленный» западный специалист по России – директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон – автор классического труда «Икона и топор», вышедшего еще в 1966 г. В этой книге тщательно проанализировано, каким образом проникновение европейской культуры постепенно меняло Россию. Причем, в отличие от Ричарда Пайпса, Джеймс Биллингтон видит Запад более

сложным и разноликим. Чрезвычайно интересны, например, параллели, которые этот автор проводит между судьбами России и Испании – двумя окраинными европейскими странами с трудной судьбой [18, с. 100–103].

А в своей последней книге «Россия в поисках себя» Биллингтон пришел к выводу, что в России положительная самоидентификация будет возможна лишь в том случае, если русские окажутся способны гармонически сочетать западные политические и экономические институты с восстановлением религиозных и моральных институтов своей собственной культуры. «Борьба за будущее России идет не между Востоком и Западом в легендарной русской душе, а между двумя способами синтеза элементов Востока и Запада в формирующемся политическом организме». Следуя такой логике, Биллингтон, естественно, считает российских реформаторов наивными экономическими детерминистами, не понимавшими значения духовной сферы для успешного осуществления преобразований [19, с. 11, 62].

Наконец, четвертую группу концепций назовем модернизационной.

Модернизация означает, что мы, как и Европа, развиваемся по сходному сценарию, хотя, естественно, у каждой из стран (и у России, и у Франции, и у Португалии, и у всех остальных) есть масса особенностей. Мы не копируем друг друга и тем более не поем под чужую дудку. Но и обойти единую логику развития никак не можем. Преобразования последнего времени, в основном, в эту логику укладывались. Они были трудными и даже во многом жестокими, как трудны и жестоки были преобразования, случившиеся ранее во многих ныне вполне благополучных странах.

Идеального синтеза лучших черт каждой культуры не получится, поскольку, приобретая одно, мы всегда теряем что-то другое. Не может ведь мудрый старец сохранить силу юноши, а сад, полный осенних плодов, не будет радовать глаз молодой зеленью. Так и модернизированное общество вынужденно расстается с чем-то, существовавшим ранее. Порой это вызывает радость, порой – грусть. И всегда ставит перед нами главную проблему современности: мы должны вырабатывать в себе способность к адаптации.

Среди наиболее известных сторонников данного подхода следует, в первую очередь, выделить автора российской экономической реформы Егора Гайдара.

В своей относительно ранней работе «Государство и эволюция» он, почти как Пайпс, констатирует: «Отсутствие традиции глубокой легитимности собственности – вот что трагически отличало Россию от Европы» [43, с. 61]. Но в более позднем фундаментальном исследовании «Долгое время» Гайдар

уже рисует более сложную картину, показывая, что до XIII века Россия шла в общем потоке европейского развития. А в централизованное аграрное государство превратилась позднее. Из-за этого витка происходит запаздывание: Россия вступает в процесс современного экономического роста на два поколения позже, чем Франция и Германия, на поколение позже, чем Италия [47, с. 269, 278]. И несмотря на это, добивается определенных успехов.

Еще более явно и основательно данная позиция представлена в фундаментальной двухтомной «Социальной истории России» Бориса Миронова, который считает, что «...в исторической перспективе Россия развивалась по тем же направлениям, что и Запад, только с опозданием. Другими словами, дореволюционная Россия в каждый момент своей истории отличалась от западноевропейских стран, но двигалась по той же орбите, что и они, и поэтому в каждый момент была похожа на то, чем они были прежде» [162, с. 299].

Шведский экономист Андерс Ослунд в одной из своих книг целый раздел посвятил аналогиям из области экономической истории, которые представляют интерес для России, поскольку она сталкивается с проблемами, похожими на те, что ранее стояли перед другими странами. Затем Ослунд сделал вывод, что русские слишком много внимания уделяют собственной истории, полагая, будто их страна уникальна и может игнорировать опыт других стран. Скорее, история восточноевропейских государств в период между мировыми войнами может научить тому, что сегодня стоит и чего не стоит делать [185, с. 43–50].

Евгений Ясин в одной из своих работ специально проанализировал российские ценности, сопоставил их с ценностями в других странах мира, а также взглянул на то, есть ли у нас какие-либо изменения в данной сфере. Его вывод состоит в том, что «в российской системе ценностей происходят позитивные изменения и для такого малоподвижного объекта – очень быстро. Хотя, может быть, и медленнее, чем хотелось бы» [310, с. 59]. Иначе говоря, Россия модернизируется, меняется в том же направлении, в каком уже давно двигаются многие страны.

Наконец, следует отметить, что и автор этих строк придерживается такого же взгляда на модернизацию, о чем подробнее можно посмотреть в двухтомнике Д. Травин, О. Маргания «Европейская модернизация» [255, 256]². Именно в свете данного подхода написана предлагаемая сейчас читателю книга³.

² О механизмах развития обществ см. также мои статьи «Реформы и реформации» [253] и «Почем история для народа?» [259, с. 390–411].

³ Естественно, данная классификация не охватывает все возможные взгляды на проблему. Она группирует лишь наиболее распространенные. В нее не вписывается, например, глубоко песси-

Общий путь

Россия проходит долгий и трудный путь к рыночной экономике, демократии, открытости. Мы попытались двинуться по этому пути более 200 лет назад в царствование императора Александра I. Сделали это, правда, не слишком удачно. Но полвека спустя, при правлении царя-освободителя Александра II, добились ликвидации крепостного права и коренного преобразования аграрной экономики.

В дальнейшем у России были решительные прорывы вперед и долговременные отступления. Однако примерно в таком же ключе развивались многие европейские страны. Например, Франции на пути модернизации пришлось пройти через три крупных революции, через две авторитарных империи, через режимы Директории и Июльской монархии, отличавшиеся высоким уровнем коррупции. Трудный российский путь сквозь революции и авторитарные режимы во многом напоминает французский. Хотя, естественно, с поправкой на то, что преобразования у нас начались значительно позже, чем во Франции.

В Германии долгое время доминировали имперские начала, и революции оказались не столь разрушительны, как во Франции и в России. Однако нашу страну с Германией сближает, увы, политика массовых репрессий 30–40-х гг. Это – страшная, жестокая страница в истории обоих народов. Сталинизм, как и гитлеризм, принес немало бедствий людям. Но ГУЛАГ не был специфическим порождением нашей истории, как полагают исследователи с пессимистическим взглядом на Россию. Он, как и нацистские концлагеря, оказался жуткой реакцией на протекание некоторых модернизационных процессов. Россия после 1956 г. медленно и мучительно преодолевает наследие прошлого и в этом своем движении следует (хотя и не слишком последовательно) за Германией, которая начала денацификацию после Второй мировой войны.

Австро-Венгрии и Османской империи суждено было прекратить свое существование после Первой мировой войны. Распад СССР, совершившийся в 1991 г., во многом повторил то, что у наших соседей произошло значительно раньше. Наверное, хорошо было бы каким-то волшебным образом устранить причины, заставляющие народы демонтировать свои старые империи. Наверное, хорошо было бы жить исключительно в любви и дружбе без всяких

мистическая точка зрения историка Дины Хапаевой, согласно которой после Аушвица и ГУЛАГа весь мир находится в глубоком интеллектуальном кризисе, причем России труднее, нежели другим европейским странам, сопротивляться ему [273].

границ. Но, увы, так не получается. И у нас не получается, и у соседей. Распад империй является такой же характерной чертой европейской модернизации, как революции, авторитарные режимы, коррупция. Все это встречается в том или ином виде на пути к рынку, демократии, открытости.

Приняв во внимание общность пути модернизации, следует, правда, сразу подчеркнуть, что автор этих строк далек от мысли проводить примитивные аналогии между развитием России и развитием других европейских стран. В чем-то мы напоминаем наших западных соседей, а в чем-то с ними заметно расходимся. У каждого имеется свой конкретный исторический путь, и сближает нас лишь общее направление движения, тогда как отдельные тропки, повороты и завалы на дороге у каждого оказываются свои [подробнее об этом см. 255, гл. 1].

У нашей страны оказалось на пути довольно много завалов и неожиданных поворотов. Однако, справедливости ради, следует заметить, что в некоторых нелегких случаях Россия продемонстрировала твердость и зрелость, несмотря на всяческие авторитарные соблазны.

Так, например, сразу после распада СССР велика была опасность втянуться в серию международных конфликтов на постсоветском пространстве. Тем более что в большинстве образовавшихся независимых государств известную долю населения составляют русские, компактно проживающие на больших (и порой примыкающих непосредственно к России) территориях. В общей сложности «за границами России тогда оказалось больше 20 млн россиян, никогда не предполагавших, что они станут чужими там, где прожили многие годы» [49, с. 126].

В Югославии после распада этого государства на подобном фоне возникла целая серия острых и кровопролитных братоубийственных войн. Серьезные конфликты имели место при распаде СССР в Закавказье, Молдове, Таджикистане.

Однако у нас в России в 1991–1992 гг., к счастью, не произошло ничего подобного. Был ли такой результат предопределен? Ни в коей мере. Пресс-секретарь Ельцина Павел Вошанов 26 августа 1991 г. заявил о возможности пересмотра границ России и тех республик, которые не подпишут союзный договор. Газеты даже начали обсуждать вопрос о возможности обмена ядерными ударами между Россией и Украиной. Однако здравый смысл возобладал. Причем как в верхах, так и в низах. Политическое руководство России не захотело обменивать кровь на земли, а широкие народные массы не проявили ни агрессивности, ни ксенофобии.

Позднее, к сожалению, возникли войны на Кавказе, однако они были связаны, в первую очередь, с действиями правящих элит России, Грузии, Чечни, Южной Осетии, решавших во многом свои «внутренние» вопросы с помощью стимулирования внешней агрессии. Несмотря на трагизм этих событий, кавказские войны не перечеркивают большой позитивной роли мирного демонтажа Советского Союза.

Еще один важный позитивный опыт нашей новейшей истории — это сравнительно мирный переход от экономики советского типа к рынку. Для миллионов россиян реформы стали тяжелейшим испытанием. Многим приходилось менять работу, специальность, образ жизни. Многим приходилось на долгое время затягивать пояса. Однако эти трудности не послужили толчком к социальным битвам, к массовым погромам, к забастовкам, парализующим жизнь страны. Граждане России учились жить по-новому, учились работать при рынке, учились адаптироваться к постоянным переменам. Полагаю, что этот «тихий подвиг» имеет не меньшее значение в истории страны, чем громкие военные победы над агрессорами. Дети и внуки людей, трансформировавших страну в 90-е гг., смогут по праву гордиться тем, как прожили нелегкие времена их отцы и деды.

Весьма характерна в этом смысле оценка ведущего российского реформатора Егора Гайдара — человека, которому лично пришлось бы в 1992 г. «расхлебывать кашу» в случае возникновения кровопролитных смут. «Российское общество оказалось более зрелым, чем многие полагали. Повышение цен, последовавшее за их либерализацией, мало кому понравилось. Однако люди, понимавшие, что угроза голода реальна, отнеслись к этому без восторга, но с пониманием. Массовых проявлений протеста, тем более — насильственных, на протяжении первых месяцев после либерализации цен не было» [49, с. 137].

В общем, можно сказать, что самые главные трудности трансформации мы преодолели с честью. Модернизационный подход к анализу российской истории основывается на том, что наша страна сможет преодолеть и те трудности, которые пока еще остаются на пути к рынку, демократии и открытости. Как, когда и с какими издержками — предсказать невозможно. Но автор этой книги полагает, что сделанное ранее французами, немцами, австрийцами, венграми, поляками, чехами и многими другими народами вполне по силам гражданам России. Именно с данной позиции анализируются здесь успехи и неудачи эпохи 1985–1999 гг.

ЧАСТЬ 1. ПРЕДЫСТОРИЯ

Глава 1

Один день Дениса Ивановича¹

Повседневная жизнь советского человека

Реформы, проведенные в нашей стране в 80–90-х гг., сильно изменили повседневную жизнь человека. Сегодня порой даже трудно представить себе, как отличается мир 2000-х гг. от мира дореформенного. Мы иначе работаем, иначе отдыхаем, иначе передвигаемся по городу и миру, иначе приобретаем товары и в общем-то даже иначе мыслим. Многие моменты сегодняшней жизни трудно понять вне сравнения с тем, откуда мы вышли. Попробуем же в общих чертах реконструировать один день советского человека начала 80-х гг.²

¹ Первого Дениса Ивановича придумал Михаил Восленский — автор знаменитой «Номенклатуры» [41, с. 533–560]. В ту пору, когда писалась эта книга, жизнь рядового советского человека была хорошо известна каждому, а вот жизнь высокопоставленного работника нуждалась в описании. Однако сегодня, через много лет после гибели советской системы, нуждается в описании как раз таки быт простолюдина. Поэтому наш Денис Иванович по сравнению с героем Восленского резко потерял в социальном статусе.

² Описание дня Дениса Ивановича, естественно, придумано автором на основе собственных воспоминаний о той эпохе, а также бесед с друзьями, коллегами, родственниками, но в сносках приводятся ссылки на некоторые публикации с фактами и комментариями аналитиков.

Как начинается утро

Денис Иванович проснулся утром в маленькой двухкомнатной квартирке, принадлежавшей его родителям. Впрочем, слово «принадлежавшей» вряд ли можно употребить применительно к жилью советской эпохи. Квартиры в СССР были государственными. Граждане не могли стать их собственниками, не могли передавать их по наследству. Они лишь прописывались (регистрались) властями на той жилплощади, которая бесплатно предоставлялась государством.

В этой квартирке были прописаны отец и мать Дениса, он сам с женой и двое его детей. Малыши подрастали, и с каждым годом теснота ощущалась все больше. Однако найти выход из положения Денис Иванович не мог. Купли-продажи жилья в СССР не существовало, поскольку не существовало права собственности. Для улучшения условий требовалось, как говорилось тогда, «встать на очередь».

Они стояли в этой очереди уже несколько лет, благо число квадратных метров на человека у них было меньше установленной государством нормы³. Однако дефицит жилья оказался столь силен, что получить новую квартиру в обозримой перспективе Денис даже не надеялся. «Скорее, родители помрут и освободят вторую комнату, чем очередь дойдет до нас, — с грустью подумал он. — Однако к тому времени вырастут и женятся дети, появятся внуки. От тесноты, видимо, мы не избавимся никогда».

Денис знал, что очередь порой можно было обойти. Например, если ты принадлежишь к партийно-хозяйственной номенклатуре, т.е. к начальству, управляющему страной, городом или хотя бы заводом⁴. Или если ты — герой минувшей войны. Но ни у самого Дениса, ни у его отца никаких особых заслуг, званий и должностей не было. А потому бесплатность жилья, о которой так любили писать в советских газетах, оборачивалась его недоступностью.

³ «Москва перенаселена, и скученность ужасная, и длиннейшие списки очередников, куда заносят лишь тех, у кого жилплощадь меньше 5 кв. метров на человека» [41, с. 311].

⁴ «Дома для номенклатуры воздвигает специальное строительно-монтажное управление. Дома эти — не типовые скоростройки, которые стали сооружаться при Хрущеве и получили в народе выразительное название “хрущобы”. Это солидные и изящные строения с мягко скользящими бесшумными лифтами, с удобными лестницами и просторными квартирами. Расположены комплексы этих домов на Кутузовском проспекте, в районе Кунцева или Новых Черемушек. Стоят такие дома и поодиночке, вкрапленные среди других зданий в центральных, но тихих переулках столицы: например, знаменитый дом на улице Грановского напротив кремлевской столовой или дом на улице Станиславского» [41, с. 309].

Кстати, о газетах. Денис взял свежий номер «Правды», которую он обязан был выписывать как член коммунистической партии. Прессу доставляли рано утром, к завтраку. Почта работала хорошо, стабильно. Однако читать было практически нечего. Тоненькая газетка из двух-трех листов наполнялась преимущественно государственной пропагандой. «В “Правде” нет известий, а в “Известиях” нет правды», – шутили друзья Дениса Ивановича.

На случай, если какие-то непоседливые журналисты захотели бы, помимо пропаганды, дать конкретные информативные материалы, причем расходящиеся по идейной направленности с генеральной линией партии, существовала цензура, контролирующая содержание газет, журналов и телевизионных передач. Все «лишнее» без сожаления вычеркивалось «ответственными работниками» из статей и вырезалось из кинопленок⁵.

Получить альтернативное мнение и более широкую информацию можно было, лишь послушав на коротковолновом приемнике зарубежные радиостанции «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна», Би-би-си. «Есть обычай на Руси ночью слушать Би-би-си», – такой была еще одна распространенная шутка. Впрочем, разобрать, что говорили эти «голоса», Денису Ивановичу удавалось далеко не всегда, поскольку советская власть использовала специальные «глушилки», которые создавали шум на соответствующей волне.

Просмотр газеты занял минут пять – больше не требовалось. Жена за это время даже не успела приготовить завтрак. Чтобы скоротать время, Денис стал помогать малышам собираться в школу. На детях была строго обязательная, форменная одежда, унылость которой скрашивали лишь ярко-красные

⁵ Профессор Борис Фирсов, возглавлявший в первой половине 60-х гг. ленинградское телевидение, вспоминал о том, как во время острой, дискуссионной передачи «Литературный вторник» ему позвонил из Москвы председатель комитета по телевидению и радиовещанию Н. Месяцев. Фирсов пишет: «...он спросил меня, что я думаю о передаче. Мой ответ был скорее одобрительным. И тем не менее, он предложил отключить передачу от Москвы, не прекращая трансляции в Ленинграде» [269, с. 439]. Фирсов отказался это делать и был вскоре снят с работы. Понятно, что при таком подходе властей практически в ста процентах случаев сами руководители СМИ цензурировали деятельность подчиненных, а потому прямых конфликтов начальников с журналистами фиксировалось не так уж много: все понимали заранее, что можно, а что нельзя.

Тележурналист Владимир Мукусев вспоминал, как даже в начале перестройки, когда он делал телевизионный мост «СССР – США», ему приходилось сталкиваться с дозированием информации: «Соединенные Штаты смотрели этот телемост в прямом эфире... В СССР телемост шел в записи, заново смонтированный после цензурной правки. Мне как режиссеру этой программы принесли стопку бумаг с расшифровкой отснятого материала. Синим карандашом было подчеркнуто то, что я обязан был вырезать. Кто был цензором телемостов, я не знаю до сих пор» [171, с. 56].

и столь же обязательные пионерские галстуки. Пионерами становились все, за исключением отъявленных хулиганов (да и тех рано или поздно протаскивали в ряды «юных ленинцев»)⁶.

Никакой убежденности в верности коммунистическому пути не было ни у самого Дениса, ни у его детей, но демонстрация преданности властям стала для старых и малых своеобразным ритуалом. А кроме того, все понимали, что, отказываясь от такой демонстрации, можно осложнить себе жизнь. Например, ребенка не примут в хорошую школу и тем более в хороший университет или институт. Впрочем, размышлять об этом у Дениса Ивановича уже не было времени. Надо было завтракать и бежать на работу.

Завтрак, как всегда, оказался сытный, но не отличающийся разнообразием. Ведь импортных продуктов в холодильнике — за небольшим исключением — никогда не водилось⁷. Советские импортеры могли приобретать товары практически лишь в других социалистических странах, да и то в малых количествах. Свежие овощи шли из Болгарии, консервы — из Венгрии, лекарства — из Польши. Мебель, которой была обставлена их квартира, изготовили в Чехословакии. Но за всю свою жизнь Денис мог вспомнить лишь несколько случаев, когда держал в руках итальянский, французский или шведский товар.

Одежда, которую он натянул на себя перед выходом на работу, была вся отечественная. Друзья, отоваривавшиеся у фарцовщиков импортными вещами, полученными от моряков, плававших за границу, часто посмеивались над неприхотливостью Дениса и над его мешковатым видом. Однако к спекулянтам ходить он побаивался. Проблема состояла не только в чрезвычайно высоких ценах на заморские диковинки⁸. Страшнее материальных потерь оказывались

⁶ «Принимали нас в пионеры почти всем классом, было нам по девять лет, и согласия у нас никто не спрашивал. А просто объявили, что такого-то числа будет прием в пионеры и примут самых достойных. В назначенный день нас повели в Музей Революции, благо он был за углом, на улице Горького. Выстроили в одном из залов, торжественно внесли знамя, и каждый из нас должен был произнести клятву перед знаменем» [25, с. 89].

⁷ Один крупный российский менеджер вспоминал, что лишь в конце 80-х гг. он впервые услышал, что существует такой популярный фрукт — киви. А ведь этот человек в советское время был очень образованным представителем интеллигенции [280, с. 186].

⁸ Президент РФ Дмитрий Медведев вспоминал о временах своего детства: «И вот там (в Краснодарском крае — Д. Т.) я впервые услышал про “Райфлы”, “Ливайсы” и про то, сколько это стоит. В Краснодаре цены были совсем другие, чем в Питере или Москве. Там уже в начале 70-х джинсы стоили 150–200 рублей... Для меня это вообще были какие-то фантастические деньги, как и для моей семьи, потому что отец тогда получал 300–350 рублей, а мать или не работала, или, когда работала, получала какие-то крохи» [230а. с. 149–150].

моральные издержки. Хорошо запомнился случай, когда на партийном собрании дело чуть не дошло до исключения из КПСС коллеги, пойманного милиционерами при покупке джинсов на черном рынке. И дело было даже не только в нарушении закона. Считалось, что коммунист не имеет права соблазняться такими проявлениями буржуазной культуры, как модные импортные вещи. Сколько гадостей тогда наговорили про коллегу на партсобрании! Он потом с инфарктом слег.

Кроме фарцовщиков, существовали еще маклеры, помогавшие (за соответствующее вознаграждение) разным людям обмениваться услугами или приобретать эти услуги за деньги⁹. Порой в роли такого рода маклеров могли выступать государственные служащие, распорядившиеся каким-нибудь товаром, не имевшимся в свободной продаже. Делали они это не столько ради денег, сколько ради знакомств с другими такими же, как они, влиятельными лицами. Например, тот, кто работал директором рыбного магазина, мог обеспечивать нужных ему людей дефицитными продуктами по низким государственным ценам¹⁰. Но среди его знакомых не было деканов престижных

⁹ ДИССИДЕНТ И «ОТСИДЕНТ» Валерий Ронкин вынужден был в 1976 г., вернувшись из ссылки, обменять свою ленинградскую квартиру на жилплощадь в городе Луге Ленинградской области, поскольку ему запрещалось как «опасному элементу» жить в «столицах» и в населенных пунктах, расположенных на расстоянии меньше чем сто километров от них. Обмен потребовал доплаты. «Но платить всю требуемую сумму мы боялись – Вовка (сынишка – Д.Т.) был маленький, с яслями надо было ждать очереди, иногда пару лет, и, следовательно, Иринка (жена – Д.Т.) не могла бы устроиться на работу. В этих условиях нужно было иметь какой-то запас. Все это я честно поведал обменщику. “Дайте еще сто рублей, и я устрою вашего ребенка в ясли”. Сто рублей мы ему дали, и Вовка получил место в яслях» [216, с. 376–377].

¹⁰ Вот как описывал увиденное им в одном из крупных московских продовольственных магазинов ведущий обозреватель «Литературной газеты» Анатолий Рубинов: «В кабинет к директору знаменитого магазина попасть оказалось, однако, не так просто. Не обращая внимания на ожидающих, в тесную приемную входили ярко одетые люди... Известные личности весело прошмыгивали за дверь, из кабинета доносилось потом оживление, которое возникает, когда встречаются радующиеся друзья. Потом динамик звал Таню или Маню. Маня или Таня вбегали в хорошо накрахмаленном халате и тут же выходили с посетителями, беседуя тоже по-свойски, как любящие друг друга родственники. Опытные посетители объясняли: пошли в подвал – гастрономический или кондитерский» [218, с. 124].

А что же тем временем происходило в кабинете директора? Об этом журналист узнал, когда сам туда пошел и пронаблюдал визит очередного просителя: «Гость внятными шепотком просил рыбки красной, какой-нибудь икорки, конфеток попримечнее...» [218, с. 125].

Но почему же директор магазина удовлетворял просьбы посетителей? Да потому, что они, в свою очередь, могли его самого или кого-то из его знакомых чем-нибудь ублажить. В присутствии журналиста директор поговорил по телефону с известным кинодеятелем, а затем позвонил

факультетов университета. А ведь сыну директора требовалось срочно стать студентом, поскольку, в противном случае, его забрали бы в армию на два года¹¹. В таких ситуациях маклер через целую цепочку своих личных связей сводил директора с деканом, и студенческое место обменивалось на регулярные поставки рыбы к столу ученого мужа.

Если бы Денису Ивановичу удалось вклиниться в подобную цепочку обмена услугами, он, наверное, смог бы приодеться или даже поменять свою квартиру на другую – большей площади. Но, увы, ни он, ни его жена не «сидели» ни на каком дефиците и не представляли для маклеров никакого интереса. Размышляя об этих вещах, Денис вышел на улицу и отправился на работу. Своей машины у него не было. Хотя с тех пор, как Советский Союз по итальянским технологиям построил завод в Тольятти, легковой автомобиль стал все чаще входить в семью простых граждан, подобное удовольствие по-прежнему оставалось острodefицитным. Иномарок не было вообще. Лишь очень богатые и регулярно ездящие за границу люди вроде известного артиста Владимира Высоцкого могли привезти себе «тачку»¹². Государство же торговало лишь «Волгами»,

кому-то другому и предложил билеты на модный в те годы и почти недоступный для простых граждан фильм «Крестный отец» [218, с. 125].

¹¹ Уже в то время многие молодые люди не хотели служить в армии, где царили дедовщина и открытое издевательство. Рассказывали множество историй об армейских нравах. Например, такую – привезенную с военных сборов будущим журналистом Игорем Свиначенко:

«Помню, был у нас во взводе здоровенный курсант по фамилии Автократов, – с филфака. Так в день на него тратилось пять-шесть пар сапог, а ходил он все равно в кроссовках. Происходило это так. Шагает взвод куда-нибудь по своим делам, а навстречу офицер.

– Стоять! А ну ты, который в кроссовках, бегом ко мне!

Автократов подбегает и пытается доложить.

– Молчать! – орет офицер. – Кто старший? Немедленно послать кого-нибудь бегом за сапогами для этого клоуна!

Комвзвода пытается что-то объяснить, но офицер ничего слушать не желает.

Приносят сапоги. Автократов пытается их обуть, но икры у него такие толстые, что в голенища не лезут. Офицер достает ножик и распарывает казенную кирзу. Автократов обувает наконец эти опорки, на которые напозапят распоротые голенища. Вид не очень уставной.

– Гм... Обувай обратно кроссовки. А что же ты сразу не сказал? Только обмундирование испортили» [120, с. 30–31].

¹² «Высоцкий, заработав во время гастролей в Америке и Канаде приличную сумму, покупает себе новый “шоколадный” “Мерседес”. Это вторая машина подобной марки у Высоцкого, до этого он ездил на “Волге”, “Жигулях”, “БМВ”. Но с тех пор, как в народе пошли разговоры о многочисленных “Мерседесах” в коллекции Леонида Брежнева, Высоцкий тоже решает не отставать от моды» [210, с. 258]. Как видим, мода на столь необычный товар задавалась не просто богатыми людьми, а самим генеральным секретарем ЦК КПСС.

«Жигулями», «Москвичами» и «Запорожцами». Для их приобретения надо было, как и в случае с жильем, выстаивать долгую очередь. Причем машины не распределялись бесплатно, а, напротив, продавались по ценам, существенно превышающим издержки производства. Поэтому ни сам Денис Иванович, ни его друзья своих автомобилей не имели. Во всем окружении нашего героя нашлась бы, возможно, лишь пара дальних знакомых, обладавших подобной роскошью.

В этой ситуации имелись определенные преимущества. Советский город практически не знал, что такое дорожная пробка. Всегда можно было сравнительно точно рассчитать, как быстро ты доберешься до нужного места. Однако, если человек не был достаточно богат, чтобы брать такси (весьма дорогое в сравнении со средней зарплатой), поездка в часы пик становилась сплошным мучением. «Маршруток» практически не существовало. Весь общественный транспорт был унифицирован. Для каждого его вида устанавливался единый, невысокий тариф.

Денис с разбега впихнул свое тело на заднюю площадку автобуса. Сила и здоровье позволили ему это сделать, но несколько хрупких женщин так и остались стоять на остановке, надеясь, что со следующим автобусом им повезет больше. Впрочем, и нашему герою вскоре пришлось не сладко. На крутом повороте «пол-автобуса» бросило на него так, что перехватило дыхание. Денис подумал, что с удовольствием платил бы в три раза больше за транспорт, в котором людей было бы хоть в два раза меньше, но государство подобного выбора ему не предоставляло. Счастье еще, что ехать было не очень долго: в те годы многие люди получали от государства квартиры неподалеку от своих предприятий.

Рабочий день

Но вот, наконец, Денис Иванович добрался до своей работы. Главное было вовремя успеть пройти через проходную, чтобы охранники не зафиксировали опоздания. А дальше в течение всего рабочего дня человек мог не перетруждаться. Зарплата нашего героя практически никак не была связана ни с качеством его собственного труда, ни с результатом деятельности предприятия в целом. Как бы он ни вольтанил, как бы часто ни прерывался на перекуры, никто не мог его ни уволить, ни наказать рублем.

Возможностью бездельничать на предприятии пользовались постоянно. Кто-то из друзей Дениса любил регулярно брать больничный под малейшим предлогом. Кто-то приходил на работу поддатый и тоскливо слонялся

по помещению без всякой пользы для производства¹³. Кто-то перекуривал чаще, чем трудился. Кто-то регулярно отпрашивался по неотложным делам — забрать ребенка из школы, навестить больного, встать в очередь за дефицитом (и заодно приобрести его для начальника)¹⁴. Раз в неделю к ним приходил лектор из общества «Знание», занимающегося коммунистической политической пропагандой, и тогда они на целый час абсолютно официально прерывали работу, чтобы «обогащаться знаниями».

Некоторые знакомые Дениса на предприятии сидели на «сдельщине» (сдельной оплате труда). Чем больше они сдавали изготовленной продукции, тем больше должны были им заплатить за труд. Однако даже сдельщики не стремились перетруждаться, не стремились продемонстрировать свою способность перевыполнять установленные нормы выработки, поскольку много заплатить предприятие то ли не могло, то ли не хотело. Если начальство видело, что работник слишком легко справляется с заданием, нормы выработки увеличивались. И бедолаге приходилось корячиться больше за те же самые деньги, что и вчера¹⁵.

Что же касается самого Дениса Ивановича, то он имел фиксированный оклад, и даже премия его не зависела ни от каких обстоятельств. Получая расчетный листок, он уже много лет обнаруживал, что специально вознаграждается за экономию электроэнергии, но каким образом ему удавалось обеспечивать эту экономию, оставалось загадкой. «Они делают вид, что нам

¹³ Из воспоминаний журналиста Игоря Свиначенко: «Жил я тогда, как и заметная часть советского народа, по такой схеме: с утра на работу, в 11.00 опохмелка, далее трудишься, а в 18.00 — в магазин, и вперед... Потребление шло так часов до двух-трех ночи. С походами за водкой к таксистам и в ресторан, — ларьков же не было круглосуточных» [120, с. 79].

¹⁴ Вот весьма характерная картина очереди середины 70-х гг. Она подана в юмористическом ключе, но люди того времени смеялись над подобным юмором именно потому, что он отражал реалии советской жизни, хотя порой в несколько гипертрофированном виде: «Стою в очереди, читаю журнал. На моей руке чернильный номер — 1358 (то есть впереди стоит 1357 человек — Д.Т.). Эх, думаю, журнала мне будет маловато. Надо было Большую Советскую энциклопедию с собой взять, томов восемнадцать. Девушк, чо дают, подлетает ко мне всклокоченный парень. Джинсы, сквозь зубы цежу я. Луи? Милтонс. Отрезные? Прямые. Халтура-а-а, разочарованно тянет парень, но, тем не менее, тоже встает в очередь» [205, с. 111].

¹⁵ А вот как вспоминает журналист Геннадий Красухин свою трудовую молодость на заводе. «Мне обычно выписывали по 10 нарядов в месяц. Более опытным — по 15–20. Но и я, и бывалые радиомонтажники не спешили закрывать (подписывать у мастера) все наряды. Откладывали незакрытыми на следующий месяц. А закроешь все — и не миновать тебе урезывания суммы: специальный отдел на заводе следил за твоим заработком. Много заработал в этом месяце — в следующем норма оплаты будет снижена!» [125, с. 166].

платят, — шутили друзья, намекая на властей предержавших, — мы делаем вид, что работаем». Сколько при этом зарабатывали сами власти предержавшие, Денис толком не знал. Догадывался, что побольше, чем он, но размышлял на эту тему крайне редко. Демонстративной роскоши в СССР не существовало. Пожалуй, единственное, что заметно отличало начальство от рядовых граждан, — это служебный автомобиль с шофером, предоставлявшийся даже не очень большим «шишкам», поскольку сами они своих машин не имели (за исключением таких «фанатов» вождения, как Брежнев), да и не рвались лично крутить баранку¹⁶. Но никто не видел особняков номенклатуры, а по телевизору, естественно, не показывали никаких фильмов о «хозяевах жизни» с Рублевского шоссе под Москвой. Своих личных вилл они не имели. Пользовались государственными дачами, которые, правда, сохранялись за ними фактически на протяжении всей жизни, поскольку послушного работника из рядов номенклатуры уже не исключали¹⁷.

Время от времени народу показывали партийных лидеров, стоящих на трибуне Мавзолея или посещающих какой-нибудь завод, однако их старомодная неброская одежда никак не навевала мысли о социальном неравенстве¹⁸. Поэтому Денис Иванович был озабочен не сопоставлением своих доходов с доходами начальства, а тем, какую работу ему лично приходится делать

¹⁶ Журналист Игорь Свиноренко вспоминает об одном своем знакомом, который «...как раз в 84-м вступил в партию и немедленно пошел на заметное повышение. Его тут же стал возить шофер на казенной “Волге”, в том числе и на обкомовскую промтоварную базу за дешевыми импортными шмотками» [120, с. 100].

¹⁷ «Есть ли у завсектором (ЦК КПСС — Д.Т.) собственная дача? Иметь ее не принято, так же как частную автомашину. Формального запрета нет, но это рассматривается как вольнодумство, как неуверенность в своем номенклатурном будущем. Поэтому дачу завсектором приобретет, но на имя родителей, а автомашину запишет на взрослых детей или на брата» [41, с. 315–316].

¹⁸ Вот какую информацию о своих доходах дал в мемуарах генерал Юрий Чурбанов — зять Леонида Ильича Брежнева, занимавший во времена правления тестя пост заместителя министра внутренних дел: «Должностной оклад заместителя министра внутренних дел, я уж не говорю — первого заместителя министра — порядка 550 рублей. Выплата за генеральское звание — 120–130 рублей. Плюс — выслуга лет. На момент увольнения у меня выслуга составляла 29 с хвостиком, то есть я расписывался в ведомости за 1100 рублей. Нам с женой, которая тоже работала и имела оклад 250 рублей, вполне хватало. Кроме того, как член коллегии я имел талоны на питание» [284, с. 54]. Оклад жены примерно соответствовал средней по стране зарплате, так что информация Чурбанова дает неплохое представление о соотношении доходов рядовых граждан и высокопоставленных руководителей. По оценке Восленского, «завсектором ЦК получает фактически 1154 рубля в месяц — почти в пять раз больше, чем среднестатистический рабочий или служащий» [41, с. 283].

за зарплату. Он знал, что не переломится от возложенных на него скромных обязанностей, и такое положение дел вполне устраивало нашего героя.

Кстати, если бы он вдруг ушел в длительный запой и в конце концов оказался уволен, нетрудно было найти такую же работу на соседнем предприятии. У проходной любого завода страны всегда висело объявление с длинным списком требующихся ему работников различных специальностей. Дефицит рабочей силы был столь же острым, как дефицит жилья, автомобилей и многих других товаров. Особенно сильно, как это ни парадоксально, не хватало тружеников низкой квалификации. Поэтому осенью Дениса часто вообще снимали с рабочего места и отправляли перебирать гнилой картофель на овощебазу, где добровольно вообще никто не хотел вкалывать¹⁹. Кстати, в зарплате наш герой не терял даже при переборке картофеля, хотя, казалось бы, для своего предприятия он в тот момент вообще ничего не делал.

Заметим попутно, что когда Денис был студентом, то его в сентябре на целый месяц снимали с занятий и отправляли собирать картошку в деревню, поскольку и там не хватало работников. Или, точнее, работники-то имелись, но трудно было найти тех, которые еще не спились²⁰.

Впрочем, и в городе было много спившихся, совершенно деградировавших людей. Однако тех, кто баловался бы наркотиками, Денис Иванович никогда не встречал. Слышал, что такие существуют, но в его окружении наркоманов не имелось. Даже тогда, когда он был студентом и жил в студенческой общаге, где нравы царили чрезвычайно вольные.

Вспоминая о своей студенческой молодости, Денис Иванович вяло «отбарабил» полдня на рабочем месте, и вот настал час обеда. Впрочем, целый час ему обедать никогда не доводилось. Минут сорок он вынужден был проводить

¹⁹ О том, как выглядели овощебазы к середине 80-х гг., вспоминает мэр Москвы Юрий Лужков, который тогда начал заведовать этим хозяйством: «Склады превратились в склепы, содержимое которых не хранилось, а уничтожалось. Гниющие овощи затем развозились по государственными магазинам, где покупатели могли лишь возмущаться, глядя на почерневшую морковь, вялую зелень и гнилую картошку. Продавцы магазинов, торгуя гнилыми овощами, часто повторяли одно и то же: “Не нравится – не ешьте”» [280, с. 71–72].

²⁰ «Была мокрая, поздняя осень, и хозяйство, взявшее на себя морковную специализацию, явно не справлялось с уборкой. На помощь прислали, естественно, горожан, в данном случае сотрудников одного из научно-исследовательских институтов. Доценты и кандидаты с остервенением вычарапывали, выковыривали из земли ножичками и вилочками морковки...» [145, с. 293–294]. Присылать ученых и студентов на уборку оказывалось проще всего, поскольку они были наиболее очевидными «бездельниками», т.е. их не требовалось отрывать от станка, на котором даже в период уборки урожая должна была производиться важная продукция.

в огромной очереди, начинавшейся еще перед дверями заводской столовой. Кормили там сытно, дешево, но невкусно. Выбор блюд был небольшим. Да и к тому времени, когда очередь подходила к окну раздачи еды, самое вкусное уже заканчивалось. Денис Иванович выбирал из того, что имелось в наличии, и садился за столик, который, как правило, уже оказывался завален грязной посудой, оставшейся от тех людей, что поели раньше. Уборщицы работали столь же неторопливо, как сам Денис.

Прежде чем начать есть, надо было тщательно протереть алюминиевые ложку и вилку маленькой бумажкой, которая заменяла остродефицитные салфетки. В принципе, посуду в столовой мыли, но, тем не менее, после протирки на бумажке всегда оставался широкий грязно-жирный след. Ножей в столовой не было вообще, и если Денису доставался к обеду кусок мяса (чаще к тому времени, как подходила очередь, имелись лишь «тошенькие» котлеты из сделанного, как правило, на основе хлеба фарша, рыба и что-нибудь вегетарианское), он вынимал из кармана предусмотрительно заготовленный складной перочинный ножик. Тот, кто был не столь запаслив или равнодушен к правилам хорошего тона, сдирал зубами мясо прямо с большого куска.

После обеда Денис Иванович заглянул в туалет, где использовал утреннюю газету «Правда». Туалетная бумага в СССР относилась к числу самых остродефицитных товаров. И уж во всяком случае в общественных уборных ее не было никогда. Все необходимое требовалось приносить с собой²¹.

Справив нужду, наш герой неспешно отправился вновь на свое рабочее место. По дороге заметил, как над заводской оградой пролетали казенные доски, которые перекидывал некий пролетарий. С той стороны ограды их наверняка подбирал кто-то из его друзей или родственников. Денис не один заметил это

²¹ Диссидент Владимир Буковский описывает в мемуарах почти анекдотическую историю одних своих знакомых: «Однажды я неожиданно застал их в ожесточенном споре. Вся семья, включая старую бабку, спорила о Ленине. У каждого было свое представление о том, чего же хотел Ленин, во что верил и какие принципы исповедовал. Но что меня больше всего поразило — они цитировали Ленина, и каждая цитата опровергала другую. Такой эрудиции я в них не предполагал. Ленина они не любили, семья была верующая, и никогда раньше не замечал я, чтобы их интересовали взгляды Ильича. На следующий день зашел я к ним опять — и опять застал их в споре о Ленине. Что за черт, какая их муха укусила? И так недели две. Я уж стал из терпения выходить: о чем ни заговорю, их все на Ленина сносит...

Внезапно все разъяснилось анекдотическим образом. Оказалось, что за отсутствием туалетной бумаги снесли они в туалет Полное собрание сочинений Ленина. Естественно, каждый из них видел разные страницы этого собрания, с различными статьями, а иногда и разных периодов, и, конечно, они не могли прийти к единому мнению, что же он проповедовал» [25, с. 97–98].

воровство, но так же, как и прочие, он никак не прореагировал. Ему было глубоко плевать, воруют на предприятии стройматериалы или нет. Ни его зарплата, ни даже зарплата директора не зависела от масштаба хищений.

Более того, Денис Иванович даже сочувствовал вору. Он понимал, что тот готовится к дачному сезону. Надо строить сарай на своем земельном участке или, возможно, ремонтировать дом, а стройматериалов не достать. Не так давно Денис пытался купить у предприятия эти самые доски, но выяснилось, что продать их ему оно не имеет права. Воровать наш герой не решился и лишь наблюдал, как они постепенно гниют в углу заводского двора под дождем и снегом. «Пусть хоть кому-то достанутся», — подумал Денис и прошел мимо²².

После работы

«Отбарабанив» на рабочем месте еще четыре часа, наш герой совсем собрался уж было домой, да парторг напомнил ему об очередном партсобрании. Такие мероприятия проводились ежемесячно. На сей раз обсуждали Продовольственную программу, разработанную властью для преодоления все нарастающей нехватки качественных продуктов. В специально подготовленной к собранию самодельной стенной газете на большом листе бумаги были приклеены вырезки из «Правды» с основными положениями этой Программы.

Денис, как и весь зал, практически не слушал докладчика, вяло бубнившего что-то насчет того, какую заботу о народе проявляет «наш дорогой Леонид Ильич Брежнев». Партсобрание являлось ритуалом, через который все коммунисты должны были проходить, но суть которого никого не интересовала. Все понимали, что от принятия нереализуемой программы положение дел не улучшится. Денис уже знал ходившую среди его друзей шутку: теперь вместо мясной вырезки будем есть... газетную вырезку из текста Продовольственной программы.

²² Журналист Отто Лацис однажды описал, как попросил колхозных рыбаков на Дальнем Востоке продать ему кетовой икры. В поселковом магазине не было ничего, кроме хлеба, чая и сахара, а кушать очень хотелось:

«— То есть как это продать? — грозно обернулся ко мне мастер. — Как это я могу продать колхозное имущество? Вы что обо мне думаете?.. Не продам. Угостить — другое дело.

Деревянной лопаткой, которой помешивал икру, мастер опрокинул на лист пергамента розовую горку, которая только умещалась на ладони, — килограмма полтора. Через пять минут мы с попутчиками, рассевшись вокруг стола, таскали столовыми ложками икру и запивали чаем» [140, с. 322].

Сидеть на партсобрании требовалось минимум часа полтора. От нечего делать Денис Иванович стал обдумывать грядущий отпуск. Ему очень хотелось поехать за границу, где он ни разу еще не был. В СССР ни за какие деньги человек не мог просто так взять и отправиться в Европу. У граждан даже загранпаспортов на руках не было. Для путешествия требовалось специальное разрешение, которое давала комиссия районного комитета партии. Ее задача состояла в том, чтобы проверять сознательность будущих путешественников: не поддадутся ли они на буржуазную пропаганду, не станут ли изменниками родины? Однако поскольку объективных критериев для выводов о благонадежности человека в 99% случаев не имелось, проверяющие могли отказать в выезде под любым надуманным предлогом. В большинстве случаев так и получалось.

Как-то раз Денис уже пытался пройти через эту комиссию для поездки в Чехословакию. Ему задали вопросы о содержании последней речи Леонида Ильича и о том, кто возглавляет чешских коммунистов. Ответить было легко, но при рассказе о Брежневе Денис, очевидно, не выказал должной почтительности. Он не понравился комиссии, и один из ее членов задал тогда третий вопрос: «А в СССР Вы все места уже осмотрели?» Естественно, выяснилось, что не все. «Ну вот попутешествуйте пока в нашей стране, а потом уж проситесь за рубеж»²³.

После этого Денис Иванович вступил в партию, чтобы не думали, будто он несознательный. Особых привилегий это ему не дало. Ведь в КПСС состояло 18 млн человек, и на такую массу народа никаких дефицитных благ не хватило бы. Значительная часть членов партии (особенно из числа интеллигенции) становилась коммунистами просто потому, что иначе не могла бы заниматься любимым делом и уж точно не могла бы продвинуться выше определенной ступеньки по служебной лестнице в своей специальности²⁴.

²³ Журналист Геннадий Красухин вспоминает, как в 1972 г. собирался поехать с женой в ГДР в составе туристической группы Союза писателей: «Старые большевики — члены выездной комиссии — наотрез отказывались рекомендовать жену к поездке, хотя вместе с ней был на заседании заместитель главного редактора журнала “Пионер” (потом редактор легендарной “Учительской газеты”) Владимир Федорович Матвеев. “Работает она у нас, — объяснял комиссии Матвеев, — деньги получает по договору. Вот и договор”, — показывает. “Но это же нештатная работа!” — устанавливают старики. “Полуштатная”, — поправляет Матвеев. “Все равно. Она не работает в штате, — говорит комиссия. — Рекомендовать к поездке не можем”» [125, с. 457–458].

²⁴ Очень откровенно рассказывает об этом известный тележурналист Владимир Мукусев: «Я вступил в партию из карьерных (именно карьерных, а не карьеристских!) соображений. И сегодня глупо это скрывать. Тогда действовала система, при которой нельзя было занять следующую

Денис Иванович не рассчитывал на карьеру, но зато мог, став коммунистом, надеяться на снисходительность комиссии. Конечно, его не отпустили бы в Италию или во Францию — в капиталистические страны вообще проникать лишь очень узкий круг желающих, — но с Чехословакией или Польшей, как знал Денис по опыту друзей, особых проблем теперь не должно было возникнуть.

Съездить за рубеж ему хотелось не только для того, чтобы посмотреть мир, но и ради приличных товаров, которые можно было оттуда привезти. Появлялась возможность разжиться, например, джинсами, не прибегая к услугам фарцовщика. Жена очень просила обеспечить ее колготками²⁵. Детям же можно было привезти необычные игрушки. Денису Ивановичу приходилось слышать о том, какие удивительные конструкторы делают для малышей в других странах, и о том, как не похожи забавные зарубежные зверюшки на нашу привычную мягкую игрушку²⁶. Однако видеть своими глазами ничего из этого пока не доводилось. Кроме того, поездка в Прагу давала возможность пополнить домашнюю библиотеку. Друзья рассказали ему о магазине, который так и назывался — «Советская книга». Там можно было легко приобрести все новинки художественной литературы, изданной в Москве и Ленинграде, тогда как в самих этих городах даже классика, не говоря уж о модных писателях, оказывалась для рядового покупателя практически недоступна. Дефицит.

Советские магазины были буквально завалены теми книгами, которые власть считала нужным издавать: от сочинений Маркса, Энгельса, Ленина

ступеньку в иерархической лестнице, не будучи членом партии. Что это означало для меня? Возможность работать еще больше... Например, разве смог бы я... поехать в Афганистан, если бы не был членом партии? Конечно, нет. Кстати, такая ситуация была не только у нас в редакции — везде» [171, с. 136].

²⁵ Те, кто имел возможность часто выбираться за рубеж, неплохо знали, где, что и как следует приобретать с наибольшей выгодой. «В Югославии дешевый мохер, в Болгарии можно купить замшевую куртку, в ГДР следует покупать обувь “Саламандер”... А в Венгрии лучше всего купить “феррарку” — шерстяную кофточку, на которой написано “Феррара”, “Стар”, “Лорд”, но все равно она называлась “феррарка”» [219, с. 234].

²⁶ Когда известный советский танцовщик Рудольф Нуреев впервые оказался в Париже, значительную часть заработанных на гастролях денег «он потратил в роскошном магазине игрушек “Ле Нэн Блэ” (“Голубой гном”) на улице Сент-Оноре. Там он играл с самым дорогим электрическим поездом, который в конце концов и купил. Соловьев (другой ведущий солист балета Кировского театра — Д.Т.) радовался этому приобретению не меньше Рудольфа; оба сидели почти всю ночь, глядя, как поезд бежит вверх, вниз, поворачивает по игрушечной колее, которую они разложили на полу в своем номере» [239, с. 156].

и Брежнева до тоненьких агитационных брошюр и книг авторов, занимавших высокие посты в Союзе писателей. Тиражи печатной продукции не имели никакой связи со спросом на нее. Поэтому регулярно магазины вынуждены были уничтожать тонны книг, альбомов, плакатов, продать которые не было никакой возможности²⁷.

Однако если вдруг на прилавке появлялся томик Анны Ахматовой или интригующего английского детектива, за ним мгновенно выстраивалась километровая очередь, причем последним никогда не хватало. Сложилось даже такое выражение «выбросить на прилавок» — товар появлялся внезапно и расхватывался мгновенно, так что фраза «лежать на прилавке» прижиться никак не могла²⁸. А вот в Праге многое, бывшее у нас дефицитом, в магазинах именно лежало и своим изобилием манило советских туристов.

Теоретически невозможность приобрести книгу в магазине можно было восполнить с помощью библиотеки. Денис Иванович часто слышал, как советская пропаганда расписывает возможности, созданные государством для чтения всех граждан, в том числе тех, которые не могут себе позволить покупать книги по причине нехватки денег или же потому, что живут в отдаленных районах страны.

В значительной степени красивые слова о распространенности массовых библиотек действительно отражали реальность. Их было много, и книги поступали туда в огромном количестве. В детстве, когда Денис лишь начинал свое знакомство с классикой, он без труда находил на библиотечных полках произведения Пушкина, Толстого, Шекспира, Бальзака. Не встречал никаких трудностей и тот, кто любил читать официальных советских авторов — секретарей Союза писателей, лауреатов Ленинских и Государственных премий.

²⁷ Вот, например, история, относящаяся к 1974 г. «Московский книжный магазин № 170 за одну расчистку складов уничтожил 153 189 изделий, главным образом нарядно напечатанных на добротной, чуть ли не атласной бумаге цветных плакатов. Например, плакат “Поднимай стекло в таре подъемником”» [218, с. 174]. Сегодня, наверно, даже трудно представить себе, зачем вообще потребовался такой плакат и кто его должен был читать.

²⁸ Естественно, это касалось не только книг, но и всякого товара, который нельзя было купить свободно. Порой его «выбрасывали» даже не на прилавок, а где-то посреди улицы. Вот, например, воспоминания журналиста Анатолия Рубинова о проблемах, возникших в Москве со стиральным порошком: «Помню, как у станции метро “Коломенская” остановился грузовик и с него сверху вниз стали продавать пестрые коробки так, как продают сейчас яблоки на осенней ярмарке... Брели по десять коробок, по двадцать. Вагоны метро от “Коломенской” до “Сокола” запахло “Лотосом”, лиц многих пассажиров было не видно — их заслоняли красивые коробки» [217, с. 17].

Однако, как только наш герой захотел почитать писателей «неофициальных» — Пастернака, Цветаеву, Булгакова — так сразу возникли сложности. Возникли они и при попытке найти доступ к лучшим зарубежным детективам, к книгам мастеров западной фантастики, к новейшим переводам культовых латиноамериканских писателей. Они регулярно поступали в библиотеки, они не были запрещены, они не считались опасными для советского режима. Однако тиражи этих книг в сравнении с имевшимся на них спросом были столь ничтожны, что каждый раз Денис получал от библиотекаря отказ: все на руках у читателей, когда появятся — не знаем²⁹. Таким образом получалось, что единственный способ найти книгу без нервозности — приобрести ее за границей. От размышлений о будущих поездках Денис перешел к воспоминаниям. В ожидании заграничной поездки он неплохо поездил по СССР. Путевки были недороги. Даже отдых на Байкале почти уложился в его не столь уж значительные отпускные. А ведь дотуда сколько на самолете надо лететь! Сравнительно дешевый транспорт позволял советским гражданам спокойно путешествовать по стране. Правда, жить во время таких поездок зачастую приходилось не в отелях, а на туристических базах в многочисленных номерах без всяких удобств. Отдых в хорошей гостинице представлял собой дефицит, как и многое другое из услуг советского сервиса.

Дефицитом могли стать также железнодорожные или авиабилеты. Как правило, это происходило летом, т.е. в период массовых отпусков, когда все снимались со своих насиженных мест и отправлялись отдыхать. Особенно трудно было вернуться с юга в крупные города в последние дни августа, когда профессора и учителя торопились на работу, а школьники со студентами — на учебу.

Даже Денису, несмотря на его боязнь иметь дело с фарцовщиками, приходилось порой приобретать место в поезде нелегально. Проводник, например, мог провезти безбилетного пассажира, положив полученные от него деньги себе в карман. Естественно, в таких путешествиях всегда имелся большой риск, поскольку контролер запросто имел право снять безбилетника с поезда,

²⁹ Специалисты разъясняют, что происходило в недрах библиотек, куда читатель не имел доступа. «В лучшем случае библиотекарь выстраивает из претендентов на них (на книги — Д.Т.) многомесячную очередь, а чаще всего эти книги оказываются в закрытой части фонда, которая составляет в библиотеках разных регионов от 30 до 70 процентов всего абонемента. Эти книги либо вообще не доходят до читателя, либо же выдаются особо доверенным, знакомым. Ясно, что такая выдача ничего общего с “обслуживанием читателей” не имеет — это неформальный канал получения книг. Сплочение группы “своих”. Присваиваемый закрытый фонд как бы становится заменой домашнего книжного собрания библиотекаря, его друзей» [68, с. 15].

причем никто отданную проводнику сумму возвращать не стал бы. Оставалось надеяться на «честность» проводника, т.е. на то, что он делится полученными от «зайцев» деньгами с бригадиром и с проверяющими работниками³⁰.

За размышлениями партсобрание наконец-то подошло к концу. Денис отправился домой. На улице уже стемнело, причем от тусклого, скупого фонарного света город казался еще более мрачным. Нельзя сказать, что власти его не освещали. Электроэнергия в СССР была дешевой, и на фонари никто не скупился. Однако отсутствие частных кафе, магазинов, ресторанов, банков, отсутствие конкуренции, отсутствие стремления привлечь клиента оборачивались отсутствием яркой, светящейся рекламы, которая, как знал Денис из западных кинофильмов, придает особый облик мегаполисам Европы и Америки. Кроме того, на улицах советского города света было меньше еще и по причине меньшего числа машин, разгоняющих мрак своими фарами. В Москве и Ленинграде не имелось практически никакой подсветки памятников и крупных, значимых зданий.

Гулять вечером по такому городу Денис не любил. Причем вовсе не потому, что это было опасно. Уличную преступность власти, в основном, держали под контролем. Однако во время прогулки некуда было зайти выпить кофе, поболтать с друзьями. Кофейен практически не существовало вообще³¹, а у входа в ресторан часто можно было обнаружить очередь из людей, ждавших, когда освободится хоть одно место за столиком. Порой швейцару просто давали взятку за то, чтобы он пустил внутрь с холодной, мокрой от дождя улицы. Правда, цены в ресторанах были невысокими, и, если посчастливилось попасть внутрь, удавалось наесться и напиться вволю. Впрочем, напивались, как правило, в пивных барах, куда попасть было легче и где мужики оттягивались после нудного рабочего дня.

³⁰ Вот зарисовка из лета 1978 г. «В Ленинграде опять проблема – билетов на Москву нет. Пока, заняв очередь, я раздумываю, что делать, появляется парень (поездной электрик) и предлагает желающим поездку без билета: “Деньги – мне”. Несколько человек собираются вокруг него. Я раздумываю – снять меня с поезда за безбилетный проезд проще простого, но все-таки решаю рискнуть и подхожу к электрику. От очереди отделяются еще три парня, и мы всей толпой шествуем к поезду. Там нас распахивают по вагонам, вместе со мной в купе для проводников оказываются и молодые парни... В вагон зашли контролеры, заглянули в проводническое купе, посмотрели на нас, о чем-то поговорили с проводником и ушли» [216, с. 387].

³¹ В самой известной ленинградской кофейне при ресторане «Москва» (носившей неформальное прозвище «Сайгон») собиралась городская богема. Любопытно, что посидеть в этом кафе было в принципе невозможно, поскольку там имелись лишь стоячие места. Общение и потребление кофе происходило стоя. Естественно, подобный «отдых» люди выбирали не от хорошей жизни, а потому, что фактически не существовало иной возможности встретаться.

Однако таких грязных забегаловок с тараканами и лужицами пролитого пива Денис Иванович не любил, а потому после работы всегда стремился поскорее попасть домой. Примерно так же вело себя подавляющее большинство советских граждан. Вечернее общение вне стен родной квартиры было, в основном, уделом пьяниц, встречавшихся у пивного ларька или распивавших бутылку дешевого вина прямо на улице, а также в подъездах домов. Приличной публике подобало сидеть дома или же ходить в театр, кино, филармонию.

Вечер трудного дня

В этот вечер Денис Иванович устремился к дому. Там его встретила жена, успевшая после работы отстоять несколько длинных очередей в магазине и купить к ужину свежих продуктов. Особенно порадовал знаменитый индийский чай со слонем на этикетке. Обычно достать его не удавалось и пить приходилось грузинский или краснодарский, где вместе с листками чая, почти не дававшими аромата, были намешаны палки, представлявшие, по всей видимости, кусочки веточек. Значительную часть своих сил жена Дениса Ивановича растрчивала на то, чтобы тем или иным образом доставать нужные семье товары. Без модной одежды или без книг можно было обходиться, но как обойтись, например, без нормального чая?³²

Впрочем, оказалось, что жена не купила чай в магазине, а приобрела вместе с продуктовым набором, распространяемым у нее на работе. Трудилась она на оборонном предприятии, где людей старались снабжать дефицитом, минуя обычные магазины. В СССР была распространена практика специальных распределителей продуктов, с помощью которых при всеобщем дефиците власть умудрялась подкармливать те слои населения, которые считала особо важными.

Самые лучшие распределители, конечно, были у самих представителей власти. Наиболее известный находился в Москве на улице Грановского³³ — там отоваривались работники высшего аппарата партии и государства. Примерно

³² Певец и композитор Андрей Макаревич рассказывает, как однажды в молодости сделал ремень для своей гитары из ремня от отцовского протеза: «...очень уж мне нравилась эта кожа, ничего подобного нигде нельзя было взять. Я вообще не устаю удивляться, как же быстро человек привыкает к хорошему — ведь ничего нельзя было купить, кроме товаров, необходимых для кое-какого поддержания жизни на биологическом уровне. Все остальное можно было только — достать. Или — нельзя достать. Чаше второе» [150, с. 51].

³³ При столовой ЦК КПСС на улице Грановского имелся буфет, который, по существу, являлся хорошо оборудованным продовольственным магазином [41, с. 305].

такого же рода распределители имелись и в других городах для местного партийного начальства. Что же касается предприятий, то и там все наиболее дефицитное доставалось начальству, а также работникам снабжения и столовых, которые, по примеру директоров магазинов, могли тем или иным образом обменивать доступный им дефицит на другие престижные блага³⁴. Впрочем, и рядовым труженикам кое-что временами перепало: «оборонщикам» побольше, а врачам, учителям, библиотекарям — совсем крохи.

Тем не менее, если эти люди жили в Москве и Ленинграде, положение с продуктами оказывалось еще сравнительно сносным. В конце 70-х — начале 80-х гг. оно постепенно ухудшалось, однако основные продукты питания тем или иным путем все же можно было приобрести³⁵.

Гораздо труднее жилось обитателям «глубинки», где магазины зачастую просто пустовали и никаких спецраспределителей не имелось вообще³⁶. Выход

³⁴ По своему образу жизни, работники, контролировавшие дефицит, приближались к элите общества, даже если это были простые продавщицы — хамоватые и необразованные. «Сидеть на дефиците» было престижнее, чем стать профессором или руководителем средней руки. Вот, например, зарисовка на этот счет, сделанная журналистом Анатолием Рубиновым: «На лучших местах в самых престижных домах творческой интеллигенции — в Центральном Доме литераторов, в Центральном Доме работников искусств, в Центральном Доме кино — всегда в центре, всегда на самом виду сидят прикинувшиеся благородными колбасницы, галантерейщицы, обувщицы, ювелирши, молочницы — конечно, не из тех, кто разносит молоко по домам, а из тех, кто торгует редким в ту пору швейцарским сыром со слезой. Сила их — в дефиците. Чем меньше в магазинах колбасы и галантереи, обуви и сыра, тем выше их могущество» [219, с. 231].

³⁵ Как ухудшалось положение в Москве, описывает Анатолий Рубинов. «Например, на Кутузовском проспекте был магазин “Вологодское масло”. Задумывали его как магазин, в котором будет продаваться лучшее на свете вологодское масло, которое, по слухам, мажет на хлеб вся заграница. Возможно, заграница и мажет. Но сначала масло пропало в Вологде (сначала вологодское, а потом и всякое другое), а потом вологодское масло исчезло в “Вологодском масле”, а вскоре и всякое другое. Дирекции магазина пришлось переделывать вывеску. Оттого что публика смеялась и писала в книгу жалоб: “Да какое же это “Вологодское масло”, когда кругом один маргарин, да и тот “Солнечный”» [219, с. 250].

³⁶ Вот какую картину обнаружил в 1979 г. заместитель министра внутренних дел СССР Юрий Чурбанов, когда заехал в маленький, рядовой магазинчик в узбекском городке Газли: «И что же мы видим? Мяса нет, продуктов раз-два и обчелся, даже сигарет, я помню, не было, только махорка, это сейчас махорка стала мечтой курильщиков (написано в самом конце перестройки — Д.Т.), а по тем временам отсутствие сигарет в магазине — уже ЧП. Спрашиваю у девушки-продавца: “Почему же даже сигарет нет?” Она отвечает: “Что привезут с базы, то и продаем”. Тем временем к магазину стали стекаться местные жители, собралась толпа порядка 150–200 человек. Поздоровавшись, спрашиваю, как они тут живут, какие у них есть вопросы. И тут одна женщина, по характеру, видно, бойкая особа, говорит: “Товарищ генерал, вас здесь обманывают, пускают пыль в глаза, с продуктами у нас плохо, мяса мы не видим, на рынке оно стоит дорого,

из положения нашли в так называемых «колбасных электричках». Несколько человек, работавших вместе, сговаривались и посылали гонца в крупный город с относительно приличным снабжением. Тот с утра садился в электричку, за несколько часов добирался до цели, шел в магазин и закупал колбасу (а также иные продукты, которые удавалось достать) на всех своих коллег разом. Те в это время за него работали. К вечеру гонец возвращался домой и наделял посланных его людей приобретенными дефицитами³⁷.

Кто-то из остряков даже сочинил на эту тему анекдот в виде загадки:

– Что такое: длинное, зеленое, пахнет колбасой?

– Электричка.

Денису, к счастью, не приходилось кормить семью столь замысловатым способом, поскольку он жил в крупном городе. К ужину незамысловатый набор продуктов благодаря усилиям жены всегда имелся.

Ужинать сели перед телевизором. В этот вечер показывали очередную серию фильма про разведчика Штирлица, и практически весь город замер перед экранами. Посмотреть кино на видео было невозможно по причине полного отсутствия такового. Поэтому Денис Иванович, как и большинство

молока тоже нет» [284, с. 8]. Заметки высокопоставленного чиновника, зятя генерального секретаря ЦК КПСС, особенно ценны, поскольку у него никак не имелось оснований очернять эпоху Брежнева. Судя по всему, он действительно видел в Газли эту убогую картину, весьма характерную для маленького советского городка рубежа 70–80-х гг.

А вот что написал в 1981 г. крупнейший специалист по сельскому хозяйству Геннадий Лисичкин о перспективах сельской жизни: «Итак, принимая решение поехать на работу в деревню или просто оставаясь там жить, надо прежде всего отдавать себе отчет в том, что какие бы деньги вы здесь ни зарабатывали, кормиться из магазина будет просто невозможно. В лучшем случае там можно покупать хлеб, соль, сахар, кое-что из круп. Но так и до язвы желудка можно дожить, если не вложить свою долю в подъем сельского хозяйства» [145, с. 272–273].

Вот характерный анекдот того времени:

– Как у вас в Тамбове с мясом?

– С мясом-то хорошо... Вот без мяса плохо!

³⁷ Сколько мяса вывозилось из Москвы этими несчастными гонцами, вынужденными мотаться за тридевять земель, чтобы накормить семью, посчитали уже в период перестройки. Вот что написал в своих мемуарах экономист Г. Попов, ставший в конце 80-х гг. председателем Моссовета: «По данным статистики, москвич съедал за один год 148 кг мяса. Немыслимое количество. По нашим подсчетам, он больше ста килограммов не ел. Значит, по меньшей мере треть мяса, которое в Москву поступало, развозилось потом по окружающим областям» [203, с. 96–97].

А вот любопытное свидетельство женщины, которая жила в Полтаве в середине 80-х гг.: «Как-то раз, взглянув на витрины, заваленные большими говяжьими ушами и хвостами, я спросила у продавца: “А кто съел то, что посредине?” Опасливо оглядываясь по сторонам, он поднял указательный палец вверх: “Москва”» [82, с. 96].

советских граждан, всегда внимательно следил за программкой. Любимого фильма можно было ждать месяцами или даже годами. А потому, когда его, наконец, демонстрировали телезрителям, люди стремились отложить всякие прочие дела.

Вообще же программа была довольно скудной. Смотреть можно было всего лишь три канала — два московских и один местный — да и то не целый день. Большую роль в эфире играла партийная пропаганда, подаваемая в той или иной форме. Немало было всяких передач, почти не имеющих зрителей, но демонстрируемых по каким-то мало понятным государственным причинам. Рейтингов популярности никто не считал. Различного рода телевизионных шоу не существовало вообще. Зато не было и жалоб граждан на подрыв морали и нравственности. Все сомнительное вообще не допускалось, а из зарубежных фильмов бдительные цензоры просто вырезали любые сцены с намеком на секс и с демонстрацией обнаженного тела.

Тем не менее, почти каждый художественный фильм становился событием, своеобразной отдушиной. Событием становился и показ спортивных состязаний. Мужчины внимательно следили за футболом или хоккеем. Женщины прикипали к экрану при трансляции фигурного катания. Однако показывали, в основном, лишь соревнования с участием советских спортсменов. Проследить, скажем, за чемпионатом Италии по футболу наш зритель не имел никакой возможности.

В этот вечер семья с удовольствием наблюдала за очередными приключениями штандартенфюрера Штирлица и стала обсуждать планы на завтра. Наступал выходной. Можно было съездить за город, погулять на природе. Пригородный лес был сравнительно чистым, промышленность еще не научилась производить большое число различных видов бумажной и полиэтиленовой упаковки, способной загадить все вокруг. На природу выезжали с бутербродами, с термосом. Порой с бутылочкой водки, но ее, опустевшую, стремились увезти обратно, чтобы сдать в приемный пункт за деньги.

В лес очень хотелось, но, поскольку своей машины у Дениса Ивановича не было, такой выезд семья позволяла себе не часто. Трястись в переполненной электричке было тяжело. Поэтому вместо прогулки решили сходить в кино, благо неподалеку от дома демонстрировали новый французский фильм.

Зарубежное кино было отдушиной и в то же время душевной болью для Дениса. Он любил смотреть на красивые парижские бульвары, на обилие ярких автомобилей, пронсящих по улицам французских, немецких, итальянских или американских городов. Он восхищался просторными квартирами,

в которых обитали герои фильмов. Он мысленно покупал товары, которые в изобилии лежали на прилавках запечатленных на пленке магазинов. Он мечтал когда-нибудь завалить ими жену, детей, старых родителей, всю жизнь проживших в бедности.

Сидя в кино, Денис Иванович непроизвольно сравнивал унылый советский быт с ярким зарубежным. И точно так же сравнивали вместе с ним десятки миллионов зрителей разных возрастов. Ведь кинотеатры в СССР были главной общедоступной формой отдыха. Они имелись повсюду – в больших городах и в крохотных поселках. Их стремились строить чуть ли не в каждом новом микрорайоне. Огромные залы вмещали в себя сотни людей. По сути дела, каждый новый импортный фильм становился событием. Впечатления о нем оседали в сознании всего советского общества – или, по крайней мере, той его немалой части, которая хотела тем или иным образом развлекаться.

Когда-то широкое распространение кино задумывалось в качестве инструмента коммунистической пропаганды. И долгое время советские фильмы выполняли возложенную на них функцию. Среди тех картин, которые смотрели в молодости родители Дениса, не было ничего «крамольного». Однако как только в 70-е гг. на экран стали выходить западные триллеры, мелодрамы и комедии, отражающие жизнь общества потребления, пропаганда обернулась контрпропагандой. Люди видели, что можно жить совсем не так, как живут они в СССР, и новые, неожиданные мысли надолго застревают в мозгах, уже не восприимчивых к официальной коммунистической идеологии.

Лежа в своей кровати, Денис Иванович вспоминал последний просмотренный им фильм с Жан-Полем Бельмондо и размышлял о том, в какой унылой стране довелось ему жить. Денис не был инакомыслящим. Он долго гнал от себя всякие сомнения. Он вообще не лез в политику. Он просто хотел ярких красок в жизни. Но в этот вечер наш герой вдруг понял, что яркие краски несовместимы со всем тем, что окружает его с детства. И засыпая, он невольно подумал: «Как было бы хорошо, если б хоть что-то у нас изменилось».

Глава 2

Хотели как лучше...

Что такое советская экономика

Каким же образом формировался тот мир — странный и сильно непохожий на наш сегодняшний, — пример которого был дан в предыдущей главе? Для того чтобы разобраться в этом, следует проанализировать устройство советской экономической и политической системы. Ведь и характер работы на предприятиях, и дефицитность многих товаров, и специфика образа жизни определялись не случайностями, а самым порядком вещей того времени.

Как-то раз, в августе 1993 г., т.е. уже в пореформенное время, премьер-министр России Виктор Черномырдин произнес по одному частному вопросу (если быть точным, то по вопросу проведения денежной реформы) фразу, ставшую сразу же чрезвычайно широко известной: «Хотели как лучше, а получилось как всегда» [50, с. 166–167]. Черномырдина потом цитировали тысячи раз. Подобную «популярность» можно, наверное, объяснить лишь тем, что фраза затронула самую тонкую струну общественного сознания. Виктор Степанович, как истинный «гений русской словесности», отразил наболевшее, тысячи раз пережитое и поистине выстраданное, т.е. именно то, что каждый из нас чувствовал, но так и не высказал в столь лаконичной и простонародной форме, в какой это удалось сделать Черномырдину. Ведь граждане нашей страны хорошо помнили, как намерение властей обеспечить народу лучшую жизнь многократно еще во времена существования СССР приводило к совершенно одинаковым, крайне негативным последствиям. Чем светлее были надежды, чем щедрее обещания и чем красочнее слова, тем хуже и нелепее получалось все на практике.

Основатели советского государства исходили из представления о том, что рыночная, капиталистическая экономика устроена нерационально. Она стра-

дает от стихийности и конкурентной борьбы. С одной стороны, многие люди из-за превратностей производственного процесса не имеют достойной работы и, следовательно, приличных средств к существованию. С другой же стороны, кризисы перепроизводства товаров приводят к неразумной растрате обществом ценных ресурсов. Капиталистическую стихийность в советском государстве стремились заменить планомерной организацией экономики и ведением всего народного хозяйства из единого центра. Считалось, что планирование позволит научно организовать процесс труда, избавиться от потерь и в каждом конкретном случае принимать наиболее рациональные решения¹.

Идея о том, что необходимо каким-то образом преодолеть недостатки капитализма, не была специфически советской. Во многих странах мира социалисты в XX веке намеревались усилить планомерный характер ведения хозяйства. Тем не менее, в Северной Америке и Западной Европе преобразования осуществлялись в ограниченном масштабе. Они не подвергали радикальной ломке всю рыночную систему. Какая-то часть экономики национализировалась. Какую-то часть валового продукта перераспределяли через бюджет, поддерживая социальную сферу. Какие-то государственные органы занимались составлением индикативных (необязательных к исполнению) планов развития.

Но в СССР, а также в некоторых странах Центральной и Восточной Европы, дело не ограничивалось «косметическим ремонтом капитализма». Новая хозяйственная система выстраивалась практически целиком с нуля. Многим людям она представлялась вполне логичной и внутренне непротиворечивой. Ее различные элементы тесно увязывались друг с другом. Создавалась иллюзия того, что «вождями» все продумано и просчитано. Кроме того, строители советской экономики постоянно ссылались на авторитет крупнейшего мыслителя XIX столетия Карла Маркса, заложившего основы научного социализма. И хотя на самом деле в трудах Маркса нет описания той хозяйственной схемы, которую на практике воплотили в СССР, мало кто из советских граждан способен был проверить, действительно ли этот немецкий философ

¹ Вот что писал об этом главный учебник политической экономии 70-х гг.: «Экономические кризисы свидетельствуют об ограниченном и преходящем характере капиталистического способа производства. Они наглядно показывают хищническое отношение капитализма к общественному богатству, к производительным силам общества. Во время кризисов происходит массовое уничтожение материальных ценностей, созданных общественным трудом. Производственные мощности остаются незагруженными, оборудование устаревает и портится... Общественные производительные силы настойчиво требуют общественного регулирования и контроля» [220, с. 350–351].

и экономист советовал создать именно тот строй, который утвердили у нас Ленин и Сталин.

Итак, каковы же основные элементы советской экономики?

Как была устроена советская экономика²

Первым и самым главным элементом экономики советского типа (как было принято говорить в кругах зарубежных исследователей, поскольку по нашему стандарту в большей или меньшей степени выстраивались хозяйственные системы ряда зарубежных стран) являлся полный отказ от частной собственности и частного предпринимательства.

Все заводы и фабрики были после революции 1917 года национализированы, все средства производства перешли государству³. На рубеже 20–30-х гг. XX века крестьян загнали в колхозы, формально считавшиеся кооперативным хозяйством, но на деле подчинявшиеся диктату государства точно так же, как все остальные предприятия. Отдельным гражданам могли принадлежать потребительские товары (говорилось, что они находятся в личной собственности⁴), но никакое ведение частного бизнеса не допускалось в принципе. Советский человек мог выбирать, в каком государственном предприятии или учреждении ему работать, но заводить собственное дело он не имел права.

Теневая (или, как чаще говорили, подпольная) экономика, естественно, на практике существовала, но являлась делом уголовно наказуемым. Как за обмен валюты, так и за открытие нелегальной мастерской гражданин СССР мог отправиться в тюрьму или даже быть приговорен к так называемой «высшей мере наказания». В частности, широко известным стало дело валютчиков Я. Рокотова и В. Файбишенко, которые за свой бизнес — по нашим сегодняшним меркам, совершенно невинный — оказались расстреляны в «либеральную» эпоху Хрущева. Государство не терпело никакой конкуренции со стороны частника.

² Тем, кто хочет ознакомиться с более развернутым анализом советской экономики, рекомендую прочесть первые две главы книги замечательного шведского ученого Андерса Ослунда «Строительство капитализма» [187, с. 48–120].

³ «Характер социалистических производственных отношений определяется господством общественной, прежде всего общенародной, собственности на средства производства», — отмечалось в учебнике политической экономии [221, с. 67].

⁴ «Личная собственность принципиально отличается от частной собственности. Это отличие состоит прежде всего в том, что частная собственность создает возможность эксплуатации чужого труда и обогащения отдельных лиц. Личная собственность предназначена для личного потребления работника и членов его семьи» [221, с. 78].

Единственным исключением из общего экономического правила стали небольшие личные сады и огороды (подсобные участки, как принято было говорить в то время), продукцию которых сельский житель мог производить на продажу. В городах существовали «колхозные рынки», на которых картошка, сметана, фрукты, цветы и банные мочалки продавались по ценам, определявшимся соотношением спроса и предложения. Впрочем, позволить себе регулярно отовариваться на этих, довольно дорогих рынках могли лишь немногие. Большинство же потребителей или не заходили туда вообще, или покупали отдельные товары к праздникам.

Вторым элементом советской хозяйственной системы стало плановое, централизованное хозяйствование на всех государственных предприятиях.

Чрезвычайно популярным среди советских экономистов было ленинское высказывание о том, что при социализме все хозяйство страны представляет собой нечто вроде единой фабрики. Любой директор, любой высокопоставленный руководитель не обладал правом самостоятельной деятельности. Он подчинялся другому руководителю, а тот – третьему. И так до самого верха. Фактически всей экономикой страны управляло правительство (Совет министров СССР), хотя в политическом смысле и оно подчинялось партийному руководству во главе с Политбюро и генеральным секретарем (генсеком) Центральным комитетом Коммунистической партии Советского Союза (КПСС).

Раз в пять лет собирался съезд КПСС. Помимо решения прочих вопросов, он утверждал основные направления развития экономики всей страны на следующую пятилетку. Направления эти не были ни рекомендацией для директоров предприятий, ни информацией для лиц, интересующихся намерениями властей (как принято в некоторых странах с рыночной экономикой). Это был жесткий приказ для всех работников народного хозяйства. Поэтому планирование у нас иногда называлось директивным, т.е. основанным на не подлежащих сомнениям начальственных директивах⁵. Съезд КПСС формулировал данные директивы лишь в самой общей форме, но государство имело огромный аппарат чиновников, который разрабатывал план-приказ в деталях с обилием цифр и частных заданий для каждого конкретного предприятия.

⁵ «Характер социалистических производственных отношений определяется господством общественной, прежде всего общенародной, собственности на средства производства», — отмечалось в учебнике политической экономии [221, с. 67].

Главным управленческим органом, занимающимся этой деятельностью, был Государственный плановый комитет Совета министров СССР (Госплан). Считалось, что работает он на строго научной основе и хорошо знает все, происходящее в народном хозяйстве⁶. Однако анекдоты, широко распространенные в советское время и высмеивающие властителей страны, не обошли стороной даже таинственную деятельность Госплана. Весьма характерный анекдот из этой области выглядел следующим образом:

В один из крупных советских праздников на Красной площади Москвы проходит военный парад. Двигутся колонны танков, мощные тягачи везут ракеты, стройными рядами идут пехотинцы и моряки. На трибуне мавзолея Ленина руководители страны принимают парад и приветственно машут руками защитникам родины. Подразделения шагают друг за другом, но вот, наконец, торжественное действо подходит к концу. Генеральный секретарь уже собирается покинуть трибуну, но тут вдруг на площади появляется новая колонна — немолодые мужчины в серых плащах и серых шляпах, с весьма заметными животиками и с полным отсутствием строевой выправки. Генсек удивлен, он не понимает, в чем дело, и обращается к министру обороны:

— Это твои бойцы?

— Никак нет. Впервые вижу.

— А может, это твои милиционеры? — спрашивает партийный лидер у министра внутренних дел.

— Никак нет.

— Значит, твои? — оборачивается генсек к председателю Комитета государственной безопасности. — Они ведь часто в штатском ходят.

— У моих сотрудников выправка и под плащами заметна.

И тут властелина страны тихонечко трогает за плечо глава правительства:

— Это мой контингент — экономисты из Госплана. Они обладают страшной разрушительной силой.

Откуда взялась такая сила, обращенная на свой же народ и на свою же экономику, мы разберем чуть позже. А пока продолжим описание системы.

Директивы для экономики, разработанные в Госплане, конкретизировались для каждой отдельной отрасли в отраслевых министерствах. Именно они контролировали деятельность каждого конкретного предприятия страны,

⁶ «Личная собственность принципиально отличается от частной собственности. Это отличие состоит прежде всего в том, что частная собственность создает возможность эксплуатации чужого труда и обогащения отдельных лиц. Личная собственность предназначена для личного потребления работника и членов его семьи» [221, с. 78].

именно они спускали им планы и проверяли их выполнение. Понятно, что при такого рода работе многочисленные советские чиновники не могли уместиться в три-четыре хозяйственных министерства, как это принято в рыночных государствах (финансов, экономики, промышленности, внешней торговли). В 70-х гг. в СССР насчитывалось порядка 60 министерств, руководимых из союзного центра, а кроме того, имелись еще республиканские (менее значимые), находившиеся в Киеве, Таллинне, Ереване, Алма-Ате и т.д.

Были, например, отдельные министерства авиационной промышленности, машиностроения для животноводства и кормопроизводства, транспортного строительства, геологии, заготовок и т.д. Существовали таинственные структуры с названиями, понятными лишь особо посвященным лицам, — министерства общего машиностроения и среднего машиностроения. Под этими ничего не выражающими терминами крылись наши ядерная и ракетная индустрии. Наверное, чиновники хотели запутать наивных иностранных шпионов.

Раз в пять лет, после завершения очередного партийного съезда, формирования правительства и назначения министров, ведущие советские газеты выходили с портретами назначенцев, занимавшими целый разворот большого формата. Шесть десятков почти одинаковых лиц матерых товаропроизводителей (как назвал подобных хозяйственников один современный публицист) глядели на читателя и создавали у него впечатление мощи и необъятности советской экономики. А ведь это были еще далеко не все руководители центрального звена!

Министерства, в свою очередь, подразделялись на структуры, назвавшиеся в просторечии главками. В такие главки, например, объединялись отдельные отрасли министерства пищевой промышленности — сахарная, кондитерская, мукомольная, масложировая, хлебопекарная и т.д. В итоге директор небольшой провинциальной макаронной фабрики не имел прямого выхода на министра: между ними располагалось опосредующее звено управления.

В СССР считалось, что планы, спускаемые на предприятия сверху через всю эту сложную иерархическую систему, представляют собой результат серьезной, продуманной, чуть ли не научно-исследовательской работы. Студентов в советских институтах и университетах на лекциях по политической экономии учили, что, подчиняясь приказам из центра, наши предприятия оптимизируют свою деятельность, то есть производят именно то и именно в таком количестве, как нужно обществу.

Конечно, признавалось, что избыток у нас в стране пока еще нет, но связано это не с отсутствием рыночной экономики, а с наследием разрушительной

войны 1941–1945 гг., с ошибками отдельных недобросовестных руководителей, с недостаточной сознательностью части трудящихся и т.д. Советские историки любили проводить сравнения достигнутого к 70–80-м гг. уровня экономического развития с 1913 г. (последним перед войной 1914–1918 гг.) и «доказывать» тем самым, что наше народное хозяйство сильно продвинулось вперед в сравнении с эпохой господства рынка и частной собственности. Что же касается сравнений с Европой и Северной Америкой второй половины XX века, то они советскими идеологическими работниками проводились, как правило, по очень узкому набору показателей — выплавка стали, добыча угля, производство тракторов, — но не по обеспеченности населения потребительскими товарами, не по среднему метражу квартир, не по ассортименту продуктовых магазинов.

Насколько оптимальным было производство в советской экономической системе, мы еще разберемся, а пока продолжим рассказывать о ее сути.

Третьим основополагающим элементом этой системы являлось так называемое материально-техническое снабжение предприятий. Его необходимость строго вытекала из принципа директивного планирования. Если предприятия не имели права самостоятельно решать, что и как им производить, если экономический центр страны спускал директорам обязательные плановые задания, то, значит, именно он должен был отвечать за снабжение. То есть за обеспеченность производства машинами и оборудованием, транспортом, сырьем, материалами, топливом, комплектующими и всем прочим, что необходимо для нормального функционирования системы вплоть до кроваток для детского садика, в который отправляют своих любимых чад работницы, прежде чем встать к станку на заводе. Директор предприятия не должен был ничего покупать на открытом рынке, торгуясь с производителями и выбирая понравившийся ему товар. Он формулировал заявки на металл, древесину, бензин и все такое прочее, а затем отправлял их в экономический центр, куда стекалась с предприятий-производителей подробная информация о том, что в данный момент имеется в наличии у страны⁷.

И впрямь, разве сможет работать система, если московские чиновники определяют, что производить, но не гарантируют снабжения? Разве сможет

⁷ «Опираясь на выявленную потребность, органы снабжения и сбыта размещают с учетом специализации предприятий заказы на производство и поставку сырья, материалов и оборудования... организуют ритмичное и бесперебойное обеспечение потребителей, добиваясь минимальных издержек обращения и совокупных запасов» [302, с. 414–415].

работать система, если директоров обкладывают обязательствами производить то-то и то-то, но не обеспечивают тем-то и тем-то? Разве справедливо требовать от предприятий неукоснительного следования центральным директивам, но вынуждать при этом самим шастать по рынку в поисках сырья и материалов? Нет, конечно. Жесткость приказов должна сопровождаться жесткостью гарантий. Твое дело, директор, — говорит ему Москва, — изготовить заданное из того, что мы тебе дадим. А обо всем остальном позаботятся те, кто поставил тебя на руководящий пост.

И вот в Москве наряду с Госпланом образуется другой орган — Госснаб, или, точнее, Государственный комитет Совета министров СССР по материально-техническому снабжению. Именно он аккумулирует заявки предприятий на сырье, материалы, топливо. Именно он распределяет имеющиеся у страны ресурсы между потребителями.

У Госснаба имелись центральные специализированные (по отдельным продуктам) и территориальные органы, поскольку, естественно, из одной конторы невозможно было осуществлять обеспечение ресурсами заводов, фабрик истроек по всей огромной стране. Таким образом, точно так же, как при построении системы директивного планирования, выстраивалась жесткая иерархическая вертикаль, в самом низу которой находился директор конкретного предприятия, так и при построении системы материально-технического снабжения формировалась своеобразная вертикаль власти. Производитель продукции не выносил ее на рынок, не занимался маркетингом, не рекламировал свой товар в надежде привлечь как можно больше покупателей. Подобная деятельность оказывалась в советской хозяйственной практике абсолютно бессмысленной.

Пожалуй, лишь два рекламных слогана действительно были широко распространены в нашей стране до начала горбачевской перестройки: «Храните деньги в сберегательной кассе» и «Не позволяйте детям играть со спичками». Во всем остальном директора предприятий полностью полагались на государственную систему снабжения и сбыта. Она тем или иным образом поглощала всякий созданный ими товар без применения тяжких усилий, характерных для конкурентной рыночной экономики. Тем более что реализация продукции практически никак не зависела от цен, которые формировали особый круг проблем доперестроечной хозяйственной системы.

Четвертым важнейшим элементом экономики советского типа являлось государственное директивное планирование ценообразования. То, сколько денег

приходилось предприятиям и отдельным гражданам платить за товары, ни в коей мере не определялось соотношением спроса и предложения. И это неудивительно. Повышение и понижение цен в зависимости от изменения конъюнктуры не имело никакого смысла в директивной системе управления предприятиями.

Ведь в рыночных условиях, где действительно происходят колебания цен, эти движения служат индикаторами для развития производства. Удорожание колбасы, домов или туристических путевок дает сигнал бизнесу о необходимости подналечь на производство именно данного вида продукции, тогда как падение цены показывает, что общество не сильно нуждается в этом виде товара (или, по крайней мере, в столь большом его количестве). Но в экономике советского типа решения о том, что и в каком количестве производить, принимаются хозяйственным центром на основе совершенно иных, не рыночных обоснований. Считается, как уже говорилось выше, что научно обоснованный план может точнее определить параметры производства, чем рыночная стихия⁸.

Увеличение производства колбасы, домов и туристических объектов происходит по решению органов власти, а не в соответствии с видением отдельных хозяйственных руководителей. И сворачивание выпуска той или иной продукции, если вдруг таковое понадобится, не находится в компетенции директоров предприятий. Так зачем же тогда допускать колебания цен? Зачем вынуждать людей платить за некоторые виды продукции более высокую цену, чем та, которая определяется издержками производства плюс разумная прибыль? Зачем постоянно пересматривать ценники, коли все равно сигналом для производителя они не являются?

Словом, вся система ценообразования в Советском Союзе при таком подходе становилась элементом широкомасштабной директивной деятельности. Как в отмеченных уже выше случаях с планированием и снабжением, во главе процесса ценообразования стоял специальный орган власти — Госкомцен, т.е. Государственный комитет цен Совета министров СССР. Он определял, сколько должна стоить та или иная продукция. Он же мог при наличии некоей государственной необходимости сделать товар более дорогим или более дешевым. В некоторых случаях даже настолько дешевым, что цена не окупала издержек производства.

⁸ «Цена стала стабильной и вместе с тем управляемой. Социалистическое общество активно использует ценообразование для решения социально-экономических задач коммунистического строительства» [221, с. 326].

Фактически ценообразование становилось в Советском Союзе не столько экономическим процессом, стимулирующим производство и определяющим структуру экономики, сколько процессом социальным, т.е. облегчающим существование даже самых малообеспеченных граждан. Ведь искусственно заниженные цены устанавливались на основные виды продуктов питания (особенно на хлеб). Заниженными были жилищно-коммунальные и транспортные тарифы. А квартиры вообще предоставлялись очередникам бесплатно.

Плановое производство в сочетании с отсутствием рынка и жесткими, директивными, не реагирующими на конъюнктуру ценами определяли пятый важнейший элемент советской экономики — недопущение конкуренции между предприятиями и всех ее возможных последствий: банкротств, массовых увольнений, безработицы.

Отсутствие конкуренции автоматически вытекало уже из того факта, что Госснаб каждому товару в обязательном порядке находил потребителя, и, следовательно, интересы предприятий, производивших однотипную продукцию, не пересекались. Но кроме защиты предприятий в целом, советское государство гарантировало еще и трудоустройство каждому конкретному человеку, при этом требуя, правда, от него обязательного труда на одном из официально утвержденных рабочих мест. Считалось, что научно обоснованное государственное планирование способно оптимальным образом оценивать потребность экономики в тех или иных видах труда, т.е. создавать рабочие места вне зависимости от текущей экономической конъюнктуры.

Поскольку произведенную в соответствии с планом продукцию предприятий государство в обязательном порядке принимало и оплачивало, вопрос о банкротстве и о закрытии производства не мог возникнуть по определению. Если вдруг выпускалось что-то не очень нужное (по мнению чиновников из Госплана или министерства), то на очередной плановый период предприятию просто давались иные, скорректированные задания. И вновь продукция в обязательном порядке принималась государством, а следовательно, оплачивалась из государственных средств. Существующие предприятия вообще не ликвидировались по причинам экономического свойства, и люди, работающие на них, не теряли свои места. В исключительных случаях, если государству вдруг требовалось по какой-то нестандартной причине закрыть завод (например, высвобождая место под новое строительство), оно обязательно трудоустроивало его работников.

Естественно, существование подобной системы не означало, что всякий желающий мог получить место и заработок по своему вкусу — кто-то отдавал

себя родине на посту министра, а кто-то в качестве дворника. Но при этом в СССР не существовало вообще такого статуса, как «безработный». Человек, уволившийся с какого-то одного предприятия, должен был обязательно выбирать себе место на другом. Тот, кто этого не сделал в течение определенного промежутка времени, считался тунеядцем и мог быть подвергнут уголовному наказанию.

Именно так поступили, в частности, с будущим лауреатом Нобелевской премии по литературе поэтом Иосифом Бродским. То, что он занимался творчеством и писал стихи, суд не считал общественно полезным трудом [60, с. 188–189]. Советские писатели для того, чтобы не считаться тунеядцами, должны были обязательно состоять в творческом союзе. Каждый, кто творил, не имея официальной регистрации в нем, за полноправного члена общества вообще не принимался.

Но возникает в этом месте вопрос: каким же образом советские предприятия могли оплачивать труд такого большого числа работников вне зависимости от того, нужны они производству или нет? Каким образом удавалось предприятиям поглощать всю ту массу людей, которая в рыночных условиях составляет большую или меньшую по размеру армию безработных?

Для решения данной задачи существовал механизм, который можно считать шестым важнейшим элементом советской экономики — централизованное планирование и обеспечение фонда оплаты труда.

На каждом советском предприятии отнюдь не его руководители решали, сколько и кому можно заплатить денег. Там, где выпускалась очень нужная потребителям, остродефицитная продукция, работники не имели возможности получить больше, чем на заводах и фабриках, производящих такое барахло, на которое вряд ли вообще способен был положить глаз простой советский человек, отнюдь не избалованный товарным изобилием.

Зарботки определялись размером должностного оклада служащих и величиной тарифной ставки для рабочих. И оклады, и ставки, и нормы выработки рассчитывались централизованно. Конечно, они не были совершенно одинаковыми по всей стране и по всем отраслям. Более того, централизованно осуществлявшаяся дифференциация зарботков считалась важнейшим преимуществом социализма над рыночным хозяйством. Ведь советская власть, устанавливая в определенных случаях сравнительно высокие оклады и ставки, могла стимулировать приход лучших работников на те предприятия, которые она считала важнейшими.

Так, например, весьма неплохо зарабатывали люди, связавшие свою жизнь с военно-промышленным комплексом, поскольку для советских вождей не было ничего важнее укрепления обороноспособности страны. Специальные надбавки выплачивались тем, кто соглашался трудиться на Крайнем Севере. Ведь иным способом невозможно было заманить туда работников. А вот на предприятиях легкой или пищевой промышленности и в некоторых видах сервиса государство обеспечивало советским гражданам довольно низкий уровень жизни.

Но в любом случае без зарплаты люди не сидели. Хорошо или плохо работало предприятие — спланированный государством фонд заработной платы⁹ у него имелся всегда. Директорам никогда не приходилось говорить своим работникам: давайте затянем потуже пояса на время кризиса, поскольку сейчас у нас нет денег. В то же время директорам не приходилось и поощрять своих подчиненных по-настоящему высокими выплатами в тех случаях, когда предприятие добивалось крупных производственных успехов.

Точнее, надо заметить, что премии в дополнение к окладам и тарифу постоянно выплачивались. Но эти премии тоже регулировались централизованно, а потому невелики оказывались возможности хозяйственных руководителей советских предприятий по поощрению самых лучших, самых нужных им работников.

Впрочем, советская экономическая теория не считала подобное положение дел таким уж большим злом, как не считала она злом отсутствие конкуренции и частного предпринимательства. Предполагалось, что, помимо материальных стимулов к труду, у советских граждан есть еще и моральные, заставляющие их бескорыстно трудиться ради общего блага. В советской пропаганде много говорилось о так называемом социалистическом соревновании, в котором различные трудовые коллективы должны были стремиться обгонять друг друга по производственным показателям. Победитель соревнования получал почетную грамоту, а иногда — правительственную награду. Его портрет вывешивался на доску почета предприятия, а порой даже — района или города. Считалось, что почет и уважение общества предпочтительнее высоких заработков.

Однако, возвращаясь к проблеме материального стимулирования, необходимо поставить вопрос о том, каким же образом советское государство

⁹ «Фонд заработной платы, — гласит экономическая энциклопедия 70-х гг., — один из основных плановых показателей по труду, утверждается Госпланом СССР по республикам, отраслям народного хозяйства, министерствам и ведомствам» [178, с. 310].

умудрялось гарантировать фонд оплаты труда всем многочисленным предприятиям страны вне зависимости от того, приносили ли они доход или же вынуждены были «висеть грузом» на бюджете.

Здесь мы должны перейти к рассмотрению седьмого, важнейшего, элемента экономики советского типа — изъятию у предприятий так называемого свободного остатка прибыли.

В рыночном хозяйстве как фирмы, так и отдельные граждане рассчитываются с государством, уплачивая в бюджет определенные налоги. Заранее зафиксировано, какую часть заработанного ты можешь оставить себе, а какой — необходимо поделиться с обществом. Налоговые системы могут выстраиваться по-разному, но этот главный принцип при рынке соблюдается всегда. Никакой государственный чиновник, никакой орган власти не имеют право сказать преуспевающей фирме: раз вы получили большую прибыль, то все в бюджет и отдайте, тогда как с «нищих» мы ничего брать не будем.

Однако в СССР дело было поставлено принципиально иным образом. Ведь если не существует частной собственности, если каждое предприятие представляет собой лишь часть «единой всенародной фабрики», то с какой стати государство должно оставлять больше денег одним ее «цехам» и меньше — другим? Не правильнее ли будет перераспределять прибыль через госбюджет с тем, чтобы советская власть могла формировать финансовые потоки в зависимости от поставленных ею целей развития страны? Например, забирать заработанное у изготовителей весьма популярного по тем временам легкового автомобиля «Жигули» и направлять на производство бронетранспортеров для советской армии?

Примерно так, по всей видимости, рассуждали руководители, выстраивавшие в СССР нерыночную экономическую систему. Поэтому советская власть централизовала максимум финансовых ресурсов предприятий, изымая львиную долю прибыли у одних и направляя собранные таким образом деньги другим¹⁰. Особенно активно перекачивались в последние предперестроечные годы доходы, которые страна получала от продажи на мировом рынке сибирской нефти.

¹⁰ «На ряде предприятий в силу их сравнительно высокой доходности объем прибыли превышает потребности в средствах, необходимых для установленных платежей в бюджет, на капитальные вложения, образование фондов поощрения и другие планируемые расходы. Образовавшийся в связи с этим излишек называется свободным остатком прибыли, который изымается в государственный бюджет» [221, с. 334].

Ну и наконец последний, восьмой элемент советской экономической системы — монополия внешней торговли.

Из всего вышесказанного следует, что если предприятие не является самостоятельным внутри страны, если оно не принимает решение о том, что и как производить, если централизованно снабжается сырьем, материалами, оборудованием, если оно не устанавливает цены на производимые товары и не определяет размер материального вознаграждения, которое выплачивает работникам, то, естественно, оно не может самостоятельно выходить на внешний рынок. Предприятие не имеет права свободно зарабатывать деньги, экспортируя свою продукцию, и не имеет денег, чтобы свободно снабжать себя посредством импорта.

Выход на внешний рынок монополизировало государство. Только через специальные государственные внешнеторговые организации советские предприятия могли экспортировать свою продукцию. При этом валютные поступления концентрировались в руках государства, которое определяло, на что их можно потратить — купить оборудование для того или иного завода, либо зерно для выпечки хлеба, либо еще что-то. Приобретение модной одежды или кинофильмов также находилось не в ведении торговли и прокатчиков, а в ведении государственных чиновников. Считалось, что централизованное, плановое использование валюты позволит расходовать ее эффективнее.

Как советская экономика работала на самом деле

К сожалению, постепенно выяснилось, что советская экономика не может работать по описанной выше схеме. На практике получился совершенно иной механизм. И хотя это не нашло своего отражения в учебниках, которые вплоть до конца 80-х гг. однообразно твердили примерно одно и то же, руководители страны, директора предприятий и наиболее квалифицированные ученые-экономисты понимали, что в СССР нарастают серьезные проблемы.

Посмотрим для начала, каким образом на деле складывалась ситуация с планированием экономики. Довольно быстро выяснилось, что советские плановые органы не обладают достаточной информацией о том, какие процессы происходят на предприятиях, какой объем продукции они реально способны выпустить. Тем более не был способен центр контролировать качество продукции, ее следование новейшим тенденциям моды, а также обновление ассортимента в соответствии с последними требованиями науки и техники. Жизнь предприятий постоянно осложнялась массой непредвиденных обстоятельств,

и никакое научно обоснованное планирование не обладало возможностью эти обстоятельства учесть.

Поставщики сырья, материалов, оборудования могли не доставить положенного в срок, и уже это срывало намерения руководства. Пожары, аварии, заторы на транспорте и тому подобные казусы еще больше осложняли ситуацию. А самое главное — не могло быть никакой уверенности в функционировании, как тогда говорили, человеческого фактора. Работяги уходили в запой, неопытные руководители принимали ошибочные решения, внешние обстоятельства приводили к отвлечению людей на сторонние работы (например, на уборку картошки). Когда план не выполнялся, у директоров всегда имелось в свое оправдание множество ссылок на совершенно объективные обстоятельства. Ни министерства, ни Госплан, ни ЦК КПСС не способны были определить, действительно ли эти обстоятельства совершенно объективны или же руководство предприятия могло бы, проявив инициативу, решить тем или иным способом возникшие проблемы.

В рыночной экономике стремление побольше заработать, получить прибыль стимулирует менеджмент эту инициативу проявлять, но в советской хозяйственной системе действовали, скорее, не стимулы, а антистимулы. Находчивый директор мог претендовать на орден или на повышение по службе, но одновременно ему приходилось думать и о том, что, заставляя предприятие работать на пределе возможностей, он рискует рано или поздно «надорваться», т.е. взять на себя столь высокие обязательства, которые уже не удастся выполнить. И тогда вместо поощрений последуют наказания. Поэтому директора оказывались заинтересованы всячески скрывать от начальства свои возможности и проявлять инициативу лишь в самых крайних случаях.

В итоге вышло так, что никакого научного планирования в СССР не получилось. Все заявления о научности оставались лишь на страницах оторванных от жизни учебников политической экономии. На деле же установился принцип планирования «от достигнутого». Если не вдаваться в частности, выглядел он следующим образом. К тому, что предприятие сделало за минувший год, прибавлялось несколько процентов. Это и становилось заданием на год очередной.

О «научности» подобного метода рассказывали всякие забавные байки, которые, впрочем, имели самое непосредственное отношение к действительности. Однажды в Грузии в одном из районов, где не растут цитрусовые, местные власти отобрали у спекулянтов 20 тонн мандаринов, привезенных откуда-то

из-под Гагры. Конфискованное было продано государству. В итоге в сводке о выполнении этим районом годового плана социально-экономического развития появилась запись: «Мандарины. План (в тоннах) – 0, продано государству – 20, процент выполнения – 100». На следующий год району был спущен план – 23 тонны [248, с. 24]. Ведь плановые органы не вникали в детали и не интересовались тем, что даже при самом жестком и «научно обоснованном» планировании мандарины не станут расти там, где для них не имеется подходящих климатических условий.

Несмотря на нелепости, планирование «от достигнутого» охватило всю экономику, но принципиально важным при этом оставался вопрос о том, как определять процент, накидываемый к достигнутому уровню. Должен ли он быть высоким или низким? Ведь сами предприятия, как выяснилось, добровольно не раскрывали плановикам свои возможности и даже стремились ввести их в заблуждение.

У экономического центра на это имелось теоретически два возможных ответа. Первый – требовать от директоров невозможного под страхом жесточайшего наказания – увольнения, тюремного заключения, расстрела. Второй – идти с директорами на компромиссные соглашения, обеспечивая темпы экономического роста, приемлемые как для «верхов», так и для «низов».

Первый подход использовался в сталинские годы. Прекрасное описание сложившейся в то время административной системы дал экономист Гавриил Попов [202, с. 5–35]. Однако подобная система могла относительно эффективно срабатывать лишь на протяжении короткого времени. При длительном использовании жестких методов наиболее квалифицированные хозяйственные руководители оказывались бы «выбиты», на их место пришли бы неопытные, и система в целом стала бы работать лишь хуже.

В данной связи любопытно провести сравнение с положением дел в армии. Как известно, в первые месяцы Великой Отечественной войны СССР понес сильные потери, и Сталин был вынужден вернуть в армию ряд офицеров и генералов, арестованных в конце 30-х гг., для того, чтобы обеспечить достаточный уровень квалификации командования.

Примерно то же самое в конце концов произошло и в экономике. Возникло осознание неэффективности репрессий, которые в стратегическом плане лишь ослабляли страну. А после смерти Сталина у руководителей всех звеньев возобладало еще и желание обезопасить себя от преследований. В итоге советская экономическая система постепенно перешла к использованию второго

подхода, и к 70–80-м гг. он уже полностью утвердился. Исследователи данных процессов [подробнее см. 174, с. 11–12] стали постепенно говорить о том, что у нас существует не плановая экономика (и даже не командная, как называли систему, сложившуюся при Сталине), а, скорее, экономика согласований, экономика торга. Некоторые ученые даже использовали такие понятия, как бюрократический рынок и иерархические торги. Наиболее подробный, развернутый анализ иерархических торгов дал в своих книгах Егор Гайдар [42, с. 35–45; 43, с. 123–127; 136].

Вот любопытный пример торга, происходившего на самом верхнем уровне. Как-то раз в начале 80-х гг. премьер-министр потребовал от министра металлургической промышленности, чтобы Советский Союз начал производство нового сорта тонкой листовой стали. Это было указание сверху, указание партии, записанное в директивах по пятилетнему плану. Министр, не колеблясь, сказал: «Нет». Но затем добавил: «Если вы не дадите нам средств на строительство новых заводов и фабрик, мы этого не сделаем». При Сталине такого министра, наверное, расстреляли бы. При Хрущеве, возможно, уволили бы. А на закате брежневской эры с ним не случилось вообще ничего плохого [280, с. 40].

В дополнение к сказанному надо заметить и еще одну важную вещь. Если в эпоху сравнительно примитивной экономики репрессивный подход мог приносить некоторые плоды, то в эпоху господства общества потребления он не способен был сработать в принципе¹¹. В частности, государство в какой-то степени обладает возможностью контролировать темпы строительства плотины, прокладки железных дорог и даже выпуска танков. Но нельзя принудительно заставить директора выпустить новую, более «навороченную» модель мобильного телефона, усовершенствовать программное обеспечение компьютеров или заполнить прилавки магазинов всем тем, что хочет приобрести требовательный покупатель в XXI веке. Даже на закате сталинизма обнаруживалось, что административная система не способна, к примеру, обеспечить использо-

¹¹ В примитивных экономиках сочетание централизованного планирования с репрессиями иногда доходит до трагикомических форм. Одна итальянская журналистка, побывавшая в Северном Вьетнаме в 1969 г., рассказала, что там всем гражданам, включая проживавших в отелях иностранцев, приказывали «мочиться отдельно, испражняться отдельно». «Эта система позволяла министерству сельского хозяйства собирать человеческие экскременты, не тронутые мочой, и затем превращать их в удобрения. За соблюдением системы следили власти. За людьми следили во время мочеиспускания и испражнения» [265, с. 135]. Не знаю, помог ли ударный труд по сборанию экскрементов строительству социализма во Вьетнаме, но вполне очевидно, что, скажем, для развития высоких технологий подобные методы не вполне подходят.

вание новейших методов выплавки стали [202, с. 19–22]. А уж с современной наукой, в некоторых областях которой уровень достижений принципиально меняется каждые пять-десять лет, она тем более эффективно сосуществовать не могла бы.

Впрочем, экономика согласований тоже не могла ответить на вызовы со стороны общества потребления. В сравнении со сталинской экономикой она обеспечивала «выживание» хозяйственных руководителей (и этим их вполне устраивала), но все равно не создавала стимулов для постоянного обновления производства. Серьезные технические новшества в СССР, как правило, появлялись лишь в оборонной промышленности, которая была устроена не совсем так, как остальные отрасли. В «оборонке», как правило, имелись конкурирующие друг с другом КБ (конструкторские бюро). И хотя конкуренция эта была не рыночной, представители власти имели возможность выбрать наилучшую модель из предложенных.

В основном же, экономика согласований приводила к тому, что производственные планы, которые по задумке теоретиков должны были быть жесткими и директивными, на самом деле постоянно корректировались задним числом к взаимному удовлетворению и директоров, и их министерского начальства. У хозяйственников возникло даже такое понятие — движение декабристов. Оно не имело никакого отношения к бунту против системы, но самым непосредственным образом было связано с последним месяцем года, когда происходили корректировки. План подправлялся в силу разного рода «объективных» обстоятельств, и вот вдруг оказывалось, что предприятие, только что откровенно не справлявшееся с заданиями, теперь формально находится в числе успешно функционирующих.

Плановые органы с пониманием относились к проблемам предприятий и шли им на уступки, если директора, в свою очередь, готовы были расширяться в лепешку ради московского начальства в тех случаях, когда начальству это было очень нужно. А такие случаи часто возникали.

Например, сплошь и рядом важнее аккуратного выполнения плана было достижение определенного результата к праздникам. Высшее руководство страны любило такие «подарки» и принимало их за свидетельство эффективности экономики. Потом предприятие полгода могло исправлять недоделки, но к важной дате требовалось отрапортовать начальству. Отличившихся обычно поощряли.

Однажды знаменитый маршал авиации Неделин из всех сил стремился запустить новую ракету к годовщине Октября. Чтобы успеть, он плюнул

на технику безопасности и энергично подгонял работников. В итоге ракета вспыхнула, погубив множество невинных людей. От самого маршала осталась лишь Золотая звезда Героя. Хоронить, увы, было нечего [168, с. 104–105].

Естественно, в иерархическом торге не было идиллических отношений. Начальство стремилось настоять на том, чтобы подчиненные работали лучше. За хорошую работу директора могли повысить, а за плохую – влечь партийный выговор. Могли при необходимости поощрить дополнительными ресурсами. Подчиненные же приbedнялись, как умели, зная, что начальство все равно не разберется в деталях их положения, а потому предпочтет договориться по-хорошему, дабы не ставить под угрозу выполнение плана в целом [42, с. 44–45].

По сути дела, такой же торг шел и на низшем уровне иерархии. Директор торговался с начальником цеха, тот – с бригадиром, а бригадир – с рабочим. Разница состояла лишь в том, что высшее, московское начальство должно было закрывать глаза на невыполнение планов, а заводское – на то, что рабочий пришел «с бодуна» и вместо демонстрации своего стремления к коммунистическому труду ползает по цеху, как «беременный таракан», прикладываясь каждые четверть часа к автомату с газированной водой.

И это еще в лучшем случае. Поскольку в худшем приходилось мириться с воровством. О том, как работали в некоторых секторах советской экономики, лучше всего свидетельствует ситуация, возникшая у одного российского бизнесмена уже в пореформенные 90-е гг. Завел он себе молочное хозяйство, в котором доярки, воспитанные еще при советской власти, естественно, воровали молоко. Бизнесмен даже не пытался отучить их воровать и готов был терпеть сравнительно малые убытки, возникающие по сей причине. Просил только, чтоб доярки крали в открытую, а не разбавляли молоко водой, поскольку полученную вследствие данной операции жидкость не принимали на молокозавод и это приводило уже к убыткам поистине колоссальным. Но перевоспитать тружениц советского сельского хозяйства так и не удалось [120, с. 156].

Увольнять расслабившегося или вороватого работника оказывалось в СССР столь же бессмысленно, как репрессировать не справившегося с планом директора. Рано или поздно на его место придет тот, кто еще хуже. Поэтому лучше уж договариваться по-хорошему. Хороший бригадир закрывает глаза на сегодняшнее похмелье, зато если в конце месяца потребуется поднажать, чтоб все же выполнить план (это называлось штурмовщиной), «мужики» его не подведут.

Ленинградский социолог Андрей Алексеев как-то раз поставил на самом себе потрясающий эксперимент. Он покинул научный институт и отправился на несколько лет трудиться рабочим для того, чтобы изучить, как строятся реальные отношения в производственной системе. Выяснилось, что они вовсе не плановые и не научно обоснованные. Установленные свыше правила рабочие делят на две категории: «это — х-ня!», а «это — не х-ня!» [5, с. 143]. На первое плюют, а второе принимают во внимание. И начальство вынуждено с таким подходом считаться, поскольку, в противном случае, вообще ничего работать на заводе не будет.

Могли ли мы делать продукции больше и лучше? Никто в такой системе «научного планирования» этого не знал. Да к тому же в ряде случаев «больше» отнюдь не значило «лучше». Как ни парадоксально, больше продукции можно было изготовить не путем расширения производства, а посредством удорожания изделий. Допустим, план предприятия включает выпуск продукции на 1000 рублей. Выполнить его можно, изготовив тысячу изделий по рублю каждое. А можно поступить по-другому — использовать дорогие материалы и благодаря этому довести цену изделия до двух рублей. Тогда для выполнения плана потребуется выпустить не тысячу штук, а только пятьсот, что несомненно легче.

Как возможна подобная чушь? В рыночном хозяйстве действительно невозможна, поскольку если какой-то директор-умник вдруг сознательно удорожит свою продукцию без улучшения ее качества, то мигом проиграет в конкурентной борьбе. Ведь он ничего не сможет продать. Однако в советской экономике директор был заинтересован не в сбыте, а в выполнении плана. И коли он сумел в бюрократическом торге решить вопрос об установлении более высокой цены на свои изделия, коли сумел обосновать необходимость использования дорогих материалов (допустим, заявив начальству, что они качественнее, или просто констатировав, что дешевых нет в наличии), то все остальное его могло уже не волновать.

Проблемы возникали даже в том случае, если плановая система усиленно сопротивлялась росту цен. Ведь в рыночной экономике конкуренция стимулирует предприятия бороться за снижение издержек. А в плановой — такого стимула нет. Допустим, появляется вдруг наивный директор, который, руководствуясь заботой о покупателе, вдруг снижает цену изделия с рубля до 50 копеек. В этом случае он оказывается вынужден либо увеличивать объем производства, чтобы выполнить старый план на 1000 рублей, либо маяться в бюрократическом торге, согласовывая с начальством снижение размера планового задания.

В итоге наивных не оказывалось. Никто в советской экономике не стремился экономить металл, цемент или древесину. Свидетельства этого можно получить еще и сегодня. Например, каждый, кому доводилось выносить на помойку старый, безумно тяжелый холодильник «Орск», а на его место затаскивать новый, импортный, «на своем горбу» узнал, чем отличается советская экономика от рыночной. Такая же история и с велосипедами. Мало того, что старый советский был не слишком удобен в использовании, поскольку тяжеловесностью своей затруднял быструю езду, так он еще «хоронил в себе» большой объем дефицитного металла, чем существенно удорожал продукцию для покупателя.

Кстати, вся эта история с искусственным удорожанием продукции, которое оказывается выгодно предприятию, показывает, что некоторые успехи советской экономики были не реальными, а чисто статистическими. То есть они определялись хитростями расчета. Представим себе на минутку, что мы измеряем результаты прыгунов в длину с помощью резинового метра [32, с. 28]. Один спортсмен прыгнул дальше другого, но, растянув в нужный момент измеритель, пристрастный судья выровнял их достижения. А может, поднапрягшись в растяжении резинки, даже «показал», что у того, кто прыгнул дальше, результат хуже, чем у отстающего. Примерно так же мы сравнивали достижения Советского Союза с достижениями тех стран, в которых существует рыночное хозяйство.

Когда зарубежные фирмы боролись за снижение издержек, чтобы не проиграть в конкурентной борьбе, наши предприятия издержки умышленно накручивали. В результате больше становилась стоимость этих «накрученных» товаров, а соответственно, и стоимость всех произведенных в стране промышленных изделий.

Так дело шло год за годом. Со временем, согласно статистическим показателям, оказывалось, что в СССР быстро растут объемы производства и мы догоняем развитые страны мира. Но «догоняли» мы их за счет того, что холодильники и велосипеды весом своим напоминали танки и бронетранспортеры. Как только рынок пришел в Россию и наши предприятия стали бороться за потребителя, ситуация изменилась.

Ресурсы стали экономить, что, кстати, в значительной степени объясняет быстрые темпы спада в 90-е гг. Спад этот вызывался не только снижением производства холодильников и велосипедов, но и тем, что их стали делать по современным, экономным западным технологиям, а «резиновый метр» наконец-то сдали в утиль.

Как возникала экономика дефицита

Однако главной проблемой советской экономики было все же не планирование и не завышение издержек производства, а обеспечение товарами. Если продукт – пусть не слишком удобный в использовании – удавалось приобрести, это было огромной удачей. Ведь дефицит в большей или меньшей степени пронизывал всю хозяйственную систему. Существовала нехватка не только продуктов потребления (что представлялось очевидным каждому), но также сырья, материалов, оборудования, о чем были информированы, в основном, лишь хозяйственники.

Причины дефицита становятся понятны в свете всего вышесказанного. Ведь рыночные стимулы к удовлетворению потребителя не работали из-за того, что власть сознательно устранила рынок ради директивных планов. Но планирующие органы, как выяснилось, не имели информации ни о том, сколько страна может производить, ни о том, сколько и каких конкретно товаров она хочет потреблять. В итоге ничто не заставляло производителя думать о потребителе: ни собственный интерес, ни грозный окрик начальства.

В экономике согласований к взаимному удовлетворению приходили министры, директора, бригадиры, рабочие – словом, все, кроме потребителя. Точнее, как только эти рабочие, бригадиры, директора и министры становились потребителями, так сразу они сталкивались с обратной стороной своих согласований и вынуждены были хитрить, ловчить, изворачиваться ради добычи нужного им товара. Высокопоставленным лицам это удавалось легче, простым гражданам – тяжелее. Но с дефицитом так или иначе сталкивались все.

Один госплановский чиновник как-то раз с цинизмом, свойственным такого рода людям, заметил, что хозяйственник всегда должен пребывать в страхе получить инфаркт из-за гнева вышестоящего начальства. Если же со стороны начальства давления нет, должна быть угроза инфаркта с какой-то иной стороны [174, с. 15]. В советской системе директора частенько получали инфаркты по самым разным причинам, но только не потому, что игнорировали предпочтения потребителя. В итоге дефицит охватывал экономику снизу доверху.

Конечно, не замечать этого было нельзя. Сторонники советской экономики должны были как-то реагировать на проблему дефицита. Обычно реакция оказывалась очень простой: налицо временные трудности, т.е. дефицит рассосется по мере того, как мы будем совершенствовать систему планирования, оснащая ее компьютерами (точнее, не компьютерами, а ЭВМ – электронно-вычислительными машинами, как было принято говорить в СССР).

Иногда аналитики советской эпохи, когда набирались смелости, тайком между собой поговаривали о такой важной причине устойчивости дефицита, как личная заинтересованность бюрократии в его сохранении. Ведь если на основе нехватки того или иного вида ресурсов возникал бюрократический торг, ответственные работники, имевшие возможность дать кому-то чуть больше, а кому-то чуть меньше, в накладе не оставались. Люди, которым они оказали услугу, затем, в свою очередь, оказывали услугу им.

Это прекрасно было известно всем высокопоставленным руководителям страны. Горбачев как-то в позднем интервью (уже после своей отставки) дал весьма импульсивную, но очень точную характеристику системы, в которой «все привыкли делить: генсек делит, премьер делит, замы делят, Госплан делит, и клерк, сидящий на строчке в Госплане, который делит металл какой-то там, тоже делит. И все живут» [240, с. 206].

На самом деле, увы, проблема была значительно более сложной. Она состояла не только в коррупции и отсутствии вычислительных мощностей. Советская экономика не просто допускала дефицит, но сама же его порождала. Нехватка продукции оказывалась неотделима от системы планового распределения. Иначе говоря, если в рыночном хозяйстве при многих его очевидных минусах система работает на ликвидацию любого случайно возникшего дефицита, то в советской экономике даже случайно возникшая сбалансированность вскоре исчезает, уступая дорогу всепобеждающему дефициту.

В социалистической Венгрии по этому поводу даже сложили анекдот. Попадает капиталист в ад. Ему предлагают выбрать между адом капиталистическим и социалистическим. Он выбирает последний. Святой Петр удивляется: с чего бы это капиталист захотел в социализм? Тогда старый грешник объясняет: «Если там отыщется котел, в котором меня должны варить, то не будет воды. Если появится вода, не будет дров. А если все-таки и они найдутся, куда-нибудь запропаستится дежурный черт, который разжигает костер» [115, с. 57].

Почему так все складывается? Да потому, что предприятия имеют слишком легкий доступ к деньгам, но слишком трудный доступ к ресурсам.

Допустим, некая мебельная фабрика составляет заявку в снабженческие органы на получение тех ресурсов, которые ей понадобятся для выполнения плана, т.е. для производства спального гарнитура. Понадобятся древесина, ткани, клей и т.д. Руководство фабрики знает, что ресурсы у нас дефицитны и что для спокойной жизни лучше всего иметь достаточный запас всего необходимого. Поэтому и заявка составляется с запасом.

Как говорится, запас карман не тянет. И «древесный», и «металлический», и «цементный». Например, в 1981 г. предприятия министерства нефтяной промышленности сберегли цемента в 43 (!) раза больше, чем требовалось по плану [27, с. 69]. Конечно, за такие запасы приходится дороже платить, однако деньги для советского предприятия – не проблема. Деньги государство в той или иной форме ему все равно даст, не пустит по миру с протянутой рукой. А вот ресурсы может и не дать. Деньги нетрудно «напечатать», а вот дефицитную древесину, цемент или ткани так просто не произведешь.

Кстати, запасы, если вдруг самим не понадобятся, потом можно обменять у другого предприятия на что-нибудь остро необходимое. Бюрократический рынок проявлялся в советской экономике не только в торгах с начальством (по вертикали), но и в торгах с соседом (по горизонтали).

Кстати, в некоторых случаях это были даже торги не между государственными предприятиями, а между ними, с одной стороны, и так называемыми «цеховиками», с другой [113, с. 112]. Представители нелегальных, подпольных «цехов» могли дать директорам то, что в принципе оказывалось недоступно при использовании одних лишь легальных контактов. В общем, от заявок, составленных с запасом, предприятиям образовывалась большая выгода.

Но как реагировали на это в экономическом центре? Собрав заявки и сравнив их с имеющимися в наличии ресурсами, Госнаб обнаруживал, что у государства многого не хватает. Поэтому чиновники были вынуждены урезать запросы директоров. Понятно, что здесь тоже существовал бюрократический торг – кому-то давали все, а для кого-то не находилось даже самого необходимого, – однако в целом советскому директорскому корпусу приходилось мириться с дефицитом.

Бороться с ним хозяйственники могли лишь одним способом – еще больше завышая свои заявки, т.е. сразу ориентируясь на то, что чиновники, распределяющие ресурсы, всего требуемого им не дадут. Добиваясь отдельных успехов в этой борьбе с плановой системой, предприятия забивали склады запасами, а затем вновь требовали все большего и большего объема ресурсов.

В итоге экономика производила продукции столько, сколько при рыночном хозяйстве просто не потребовалось бы. Но ее все равно не хватало.

Эта система подверглась специальному анализу ученых, способных непредвзято взглянуть на вещи. И вот выдающийся венгерский экономист Янош Корнай пришел к неутешительному выводу: «Дефицит создает порочный круг: чем выше истинный дефицит, тем более он дает повод потребителю повторять свои заказы и увеличивать их объем и в то же время

сигнализировать о наличии дефицита, повышая тем самым фиктивный спрос. А чем выше фиктивный спрос, тем больше “ощущается” каждый дефицит» [115, с. 123]¹².

Более того, Корнаи обнаружил еще одну причину образования дефицита. «Руководитель – будь то начальник цеха или директор производственного предприятия, больницы, школы – идентифицирует себя с кругом своих обязанностей. Он убежден, что деятельность вверенного ему подразделения важна, и значит, обосновано его максимальное расширение. Подразделение должно расти, увеличиваться. Его руководителя гнетут производственные проблемы, и он верит, что в их решении, хотя бы частично, смогут помочь капиталовложения» [115, с. 211]. И вновь начинается безумная гонка за ресурсами: теперь уже не про запас, а для строительства новых зданий, приобретения новых станков, приема на службу новых работников. Если в бюрократическом торге удалось убедить начальство выделить деньги на капиталовложения, никто не думает уже о том, помогут ли эти средства действительно улучшить снабжение населения товарами.

Заметим, кстати, чуть забегая вперед, что большое падение производства, имевшее место при переходе к рыночной экономике в 90-х гг., помимо всего прочего, объясняется исчезновением искусственно раздутого спроса. То есть падение производства на деле было не столь страшным, как представлялось при анализе статистических данных, поскольку ту часть продукции, которая без толку лежала на складах, на самом деле не нужно было производить.

С продуктами потребления, которые граждане покупали в розничной торговле, дело обстояло, естественно, не совсем тем же образом, как с производственными ресурсами. Объем денег, имеющихся в кошельках советских граждан, был ограничен, да и размер квартир, в которых складывали приобретенные с большим трудом дефицитные блага, тоже уступал размерам заводских складов. Поэтому население не могло запастись мебелью или бытовой техникой так же, как запасались ресурсами предприятия. Однако недостатки советской экономики влияли в равной степени на сферу средств производства и предметов потребления. Ведь в бесплодных попытках удовлетворить спрос

¹² В своих мемуарах Корнаи вспоминает, как ему довелось спорить на эту тему с одним из наиболее известных советских экономистов В.Р. Хачатуровым. Весьма характерно, что этот профессор, наряду с сотнями своих коллег, полагал, что «проявления дефицита были связаны с ошибками в планировании. Надо поднять стандарты планирования – и проблема будет решена» [117, с. 266]. Неудивительно, что советские ученые старой школы при таком подходе не готовы были воспринять необходимость радикальных экономических реформ

предприятий на ресурсы государство оставляло все меньше сил для наполнения потребительского рынка.

Более того, поскольку советская власть пыталась повисить благосостояние граждан, с одной стороны, увеличивая денежные доходы, а с другой — сдерживая цены на многие предметы первой необходимости, ситуация, характерная для производственной сферы, переносилась в потребительскую. Например, еще с 60-х гг. (при Хрущеве, который всерьез озаботился проблемой благосостояния) в нашей стране, являвшейся даже в XIX веке крупнейшим европейским экспортером зерна, вдруг выявилась нехватка собственного хлеба. И это неудивительно, поскольку граждане хоть и не сушили сухари на черный день, но запасались хлебом для корма скота. Делали они это как потому, что на хлеб поддерживались слишком низкие цены, так и потому, что других кормов фактически не имелось.

В итоге СССР вынужден был импортировать зерно вплоть до начала экономических реформ 90-х гг. А сейчас, при рыночной экономике, Россия вновь, как в далеком прошлом, продает свой хлеб за рубеж, не испытывая его нехватки для собственного потребления.

Еще более ярко, чем в случае с хлебом, проблема дефицита выявилась в 70—80-х гг., когда денежные доходы населения заметно возросли и люди действительно стали «забывать склады» товарами. Вот, например, заметки журналиста Анатолия Рубинова, сделанные в 1984 г., т.е. еще до начала горбачевской перестройки: «Уже кончился мыльный дефицит, не стало больше дефицита постельного белья. Иные запасливые люди не знают, что делать с коробками стирального порошка, которого они напасли на десять лет. В универсамах вывешивают плакаты о “широкой продаже” наволочек и простыней — однако поздно: в наших платяных шкафах такое множество комплектов для кровати, что они не продырявятся и через пятнадцать лет» [218, с. 143]¹³.

Несостоявшаяся косыгинская реформа

Еще задолго до начала перестройки в СССР попытались реформировать эту систему. Ни отказываться от государственной собственности, ни демонтировать административную иерархию никто не пытался, однако решено

¹³ Реальная работа советской экономики находила отражение в художественных произведениях той эпохи. Например, в романе Ильи Штемлера «Универмаг», где многие неформально складывавшиеся отношения показаны просто и доходчиво [293].

было, что предприятиям следует предоставить некоторые стимулы. Следует заинтересовать их в более эффективной работе. Следует сделать так, чтобы некоторая часть прибыли оставалась в их распоряжении и использовалась для поощрения работников и для развития производства.

Реформу начали проводить в середине 60-х гг. Она получила неофициальное наименование косыгинской в честь Алексея Николаевича Косыгина, который в то время был главой советского правительства.

Об этой реформе с тех пор сложились мифы. Впрочем, связано мифотворчество было не столько с ее содержанием, сколько с личностью реформатора и с тем, какое положение он занимал в советском руководстве. С Брежневым у Косыгина отношения не сложились. Генсек — жизнелюб и циник — не слишком жаловал хмурого, сосредоточенного, педантичного премьера. Полагают, что Брежнев и на косыгинскую реформу смотрел, как на непонятное излишество, которое лишь усложняет жизнь и мешает спокойному, естественному ходу событий.

Однако так вышло, что генсек — к концу жизни немощный и совершенно комичный — стал в СССР фигурой анекдотической и нисколько не уважаемой. Именно с ним ассоциировались все беды страны — прежде всего дефицит товаров. Неудивительно, что Косыгин — полная противоположность Брежнева — в этой ситуации автоматически начинал привлекать к себе внимание. А то, что премьер был автором некой, не слишком понятной реформы, еще больше повышало уважение к нему. Те, кто не жаловал Брежнева, но при этом уважал советскую систему, нашли своего героя и сформировали миф, будто косыгинская реформа могла каким-то образом исправить недостатки советской экономики без применения рынка и объективно связанных с ним трудностей.

Увы, факты из жизни Косыгина не подтверждают представлений о его способности что-либо качественным образом изменить. Премьер совершенно однозначно придерживался принципов советской экономической системы. Со свойственным ему здравым смыслом он, с одной стороны, понимал, что нельзя с милицией гоняться за каждой бабкой, которая связала носки на продажу, но, с другой стороны, все же уверял, что «выходить из тяжелейших кризисов нам позволяло плановое хозяйство, и, видимо, в ближайшее время никто ничего лучшего не придумает. Нашу экономическую систему надо серьезно лечить, — полагал Косыгин, — но она есть и останется основной» [267, с. 118].

Он был чисто советским хозяйственником и в рамках возможностей советской системы активно изыскивал резервы для развития. Так, в частности,

именно ему мы во многом обязаны развитием нефтегазового промысла в Сибири, с которого и по сей день кормимся [168, с. 378].

Косыгин держал в голове кучу цифр, лично следил за решением всяких мелких вопросов и не терпел подчиненных, которые строили свою работу по-другому. Сохранились уникальные записные книжки советского премьера. В них он фиксировал для памяти даже цены на мясо, импортируемое Советским Союзом. Сравнивал, например, сколько стоит австралийская и новозеландская баранина, почему на мировом рынке говядина из Уругвая. Видимо, без главы правительства в советской экономике не решался даже мясной вопрос [7, с. 286].

Алексей Косыгин

А вот воспоминание его дочери. Однажды Косыгин лично заехал в московский магазин, торгующий фарфором, и обнаружил, что посуду там продают слишком дорого. Ведь он все цены держал в голове и знал, почему государство приказало продавать данный вид продукции [267, с. 182]. Таким образом, премьер-министр огромной страны лично навел порядок в маленьком магазине.

Однако, как уже говорилось выше, у административного центра не было никакой возможности получать действительно адекватную информацию об экономике. И в той мере, в какой советские руководители пытались подменить собой рынок, они терпели катастрофические неудачи. Вот яркий пример из жизни Косыгина.

Японцы должны были построить у нас в Сибири бумажный комбинат. Косыгин, любящий влезать в детали, заинтересовался железной сеткой, через которую прокатывается сырая древесная масса. Решил сэкономить государству деньги и потребовал, чтобы такую мелочь, как сетка, мы сделали сами, не платя японцам валюту. Естественно, возражать премьеру никто из подчиненных не осмелился. В итоге наша сетка оказалась дрянной. Бумага на выходе рвалась, получалась дырчатой. Комбинат остановили. Миллионы оказались потрачены впустую ради грошовой экономии, которую инициировал старательный премьер-трудоголик с чрезвычайно узким видением проблем [125, с. 330–331].

Что же вышло на деле из косыгинской реформы? Скорее всего, некоторый стимул развитию хозяйства она дала, поскольку во второй половине 60-х гг.

советская экономика развивалась довольно быстрыми темпами. Правда, некоторые экономисты считают это лишь статистической иллюзией [168, с. 381].

Впрочем, был тогда рост или нет, не так уж и важно, поскольку вскоре степень самостоятельности предприятий вновь уменьшилась. А кроме того, стимулы стали в отсутствие рыночной конкуренции приносить далеко не только позитивные результаты. В частности, при фиксированных государством ценах предприятие, стремящееся хорошенько подзаработать, стремилось производить не то, что нужно потребителю, а то, что подороже. Дефицитные же товары, если их в административном порядке не делают выгодными, так и остаются дефицитными.

Более того, поскольку люди в условиях реформы стали несколько лучше зарабатывать, а дефициты не рассосались, отоваривать имеющиеся в карманах деньги становилось даже труднее. Денег больше, но объем товаров не увеличился, а значит, экономика дефицита лишь прогрессирует [307, с. 98–100].

Судя по всему, Косыгин намеревался решить проблему дефицита чисто административными мерами, строя новые заводы по производству предметов потребления [7, с. 200]. Как показал Корнаи, это все равно не решило бы проблемы, поскольку при легком доступе к деньгам дефицит активно работает на свое расширение. Но советский премьер об этом не догадывался и надеялся повысить благосостояние людей, не допуская никакого капитализма.

В принципе, с углубляющимся дефицитом можно было бороться, развивая реформу в сторону рынка. Однако такой динамики страшно боялся сам Косыгин. В том числе потому, что понимал: оставшиеся бесконтрольными директора предприятий все разворуют¹⁴ [168, с. 377]. А о том, чтобы бороться с воровством при помощи перехода к частной собственности, т.е. посредством формирования хозяина, контролирующего работу своего завода, советскому руководителю середины 60-х гг. и помыслить было страшно.

Словом, вперед Косыгин идти не мог. При этом оставлять реформирование на полдороги было нереалистично. Половинчатые реформы могли формально дать хорошие показатели, но на деле лишь осложнить жизнь людей, гоняющихся в поте лица за отсутствующими на прилавках товарами. Поэтому партийное руководство страны активность реформатора придавило. И вот уже Косыгин приватно констатирует в беседе в чехословацком

¹⁴ В 80-х гг. при Горбачеве этот процесс действительно пошел и получил название «номенклатурная приватизация».

премьером Любомиром Штроугалом: «Ничего не осталось. Все рухнуло. Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят» [7, с. 220].

В итоге Косыгину приходилось руководить советской экономикой и распределять дефицитные ресурсы, используя все те инструменты бюрократического торга, от которых реформа, по идее, должна была нас увести. Вот весьма характерный пример того, как действовал Алексей Николаевич и как действовали сотни и тысячи его подчиненных на нижних уровнях управления экономикой.

Однажды в начале 1968 г. Косыгин приехал в Западную Сибирь, чтобы лично посмотреть, как идет процесс нефтяных разработок, которому он уделял огромное внимание. Встречал его директор Усть-Балыкской конторы бурения Александр Филимонов. «Впереди – овраг. Филимонов берет Косыгина под ручку, чтобы тот ненароком не поскользнулся (в ботинках все-таки, не в унтах), и думает: “Ну где же фотографии? Единственный раз в жизни под руку с премьер-министром!” А вслух говорит: “Нам бы побольше таких вот бульдозеров ДЭТ-250, они очень хорошо зарекомендовали себя в наших болотах”. Косыгин отвечает, что их производится всего 50 штук в год, но обещает помочь. Потом Филимонов просит помочь с мебелью, желательно импортной. Косыгин говорит: “Дайте миллион тонн нефти, мы ее продадим и купим вам мебель”. Так и “сторговались”» [260, с. 247].

Так и делил Алексей Николаевич бульдозеры с мебелью, предоставляя несколько больше дефицитных благ тем, кто имел доступ к его «ручке», и несколько меньше тем, кто не имел. Преобразованиями же после 1968 г. он практически не занимался. Кстати, надо заметить, что, ко всему прочему, косыгинская реформа притормозилась еще и по политическим мотивам. В Чехословакии в 1968 г. похожие экономические процессы привели к Пражской весне, к намерению политической либерализации. Такого поворота событий не желали все советские лидеры, включая Косыгина. А потому от греха подальше следовало, как представлялось кремлевской верхушке, отказаться от всяких реформаторских экспериментов.

И от них действительно отказались. Практически на двадцать лет. Вплоть до начала горбачевской перестройки.

Глава 3

Разруха в клозетах и в головах

Советский менталитет и экономические реформы

Великий писатель Михаил Афанасьевич Булгаков устами профессора Филиппа Филипповича Преображенского — героя повести «Собачье сердце» — сформулировал постулат, во многом определяющий суть проблем советского общества: «Разруха не в клозетах, а в головах» [26, с. 145]. Разбирая устройство административной экономики, мы, условно говоря, вели речь о «клозетах». Теперь же пришло время покопаться и «в головах».

Сформулируем данную проблему более обстоятельно. В предыдущей главе мы вели речь о рациональных вещах, определявших жизнь советского общества. Проще говоря, о том, насколько удобно или неудобно, выгодно или невыгодно, разумно или неразумно, были организованы в нем жизнь и работа. Однако доволен ли человек своим существованием в некой социальной системе, зависит не только от рациональных оценок, совершаемых мозгом, но и от иррациональных порывов, идущих от сердца. Тяжелая жизнь в некоторых случаях может восприниматься людьми оптимистически, т.е. с надеждой на лучшее, а хорошая, сытая, благоустроенная — вызывать отвращение и настаивать на революции, на смену всех социальных норм.

Для того чтобы понять, почему в определенный момент времени в СССР вдруг начались преобразования и как именно они проходили, обязательно надо «пощупать» иррациональное. Надо постараться осмыслить то, какими глазами видели советские граждане свой мир. Ведь их взгляд сильно отличался от того, каким автор этих строк описывал экономические процессы в предыдущих главах. И это при том, что факты, на которые мы все тогда глядели, были одинаковыми. Люди 60-х, 70-х, 80-х гг. знали о серьезных проблемах советской экономики, но делать из увиденного могли в разные времена совершенно различные выводы. Все зависело от интерпретаций.

Лишь бы не было войны

Советский человек был явлением чрезвычайно сложным. Самый яркий его «портрет» оставил нам писатель и философ Александр Зиновьев. Он вообще вел речь об особом типе выращенного в нашей стране существа – «гомо советикус». Проще говоря, гомосос.

«Гомосос не есть деградация. Наоборот, он есть высший продукт цивилизации. Это – сверхчеловек. Он универсален. Если нужно, он способен на любую пакость. Если можно, он способен на любую добродетель. Нет тайн, для которых он не нашел бы объяснения. Нет проблем, для которых он не нашел бы решения. Он наивен и прост. Он пуст. И он всеведущ и всеущ. Он преисполнен мудрости. Он есть частичка мироздания, несущая в себе все мироздание. Он готов на все и ко всему. Он готов даже к лучшему. Он ждет его, хотя не верит в него. Он надеется на худшее. Он есть Ничто, т.е. Всё. Он есть Бог, прикидывающийся Дьяволом. Он есть Дьявол, прикидывающийся Богом. Он есть в каждом человеке» [95, с. 312–313].

Зиновьев писал зло, остроумно, иронично. Каждую фразу из процитированного выше куска его книги можно долго интерпретировать. Но мы сейчас остановимся лишь на одном из срезов – на том, как советский человек «готовится к лучшему» и «надеется на худшее». То есть мы остановимся на его способности к восприятию перемен.

В советское время проводилось не слишком много социологических опросов. А к результатам тех, которые все же проводились, следует относиться осторожно с учетом того, что в условиях существования официальной идеологии и репрессивной машины, подавляющей любые отклонения от генеральной линии КПСС, респонденты могли побаиваться открыто высказывать свое мнение интервьюеру. Однако все же в значительной степени мы можем по работам социологов судить о том, как воспринимался мир советским обществом, и о том, насколько простой человек соглашался с таким миром.

В мае 1960 г. социологи пытались получить у граждан ответ на вопрос: удастся ли предотвратить новую войну? Вот какой ответ на него дала жительница города Жлобин Анелия Б. (фамилия респондента авторами исследования, естественно, не называется) – пенсионерка 87 лет: «Я готова есть шелупайку от картошки и сухой хлеб с солью и с водой, только чтобы не было войны». Рассказывая социологам о себе, Анелия сообщила, что во время Великой Отечественной фашисты угнали ее в Пинские болота и уничтожили

дом, в котором она жила. Женщина едва осталась жива. А старший сын Анелии погиб в 1941 г. [65, с. 75, 81].

Тяжелая судьба и трудности, через которые пришлось пройти, оставили неизгладимый след в душе этой женщины и миллионов других советских граждан, переживших войну. На фоне того, что было в первой половине 40-х гг., любые другие трудности стали казаться им не столь уж значительными. Понятно, что и они хотели жить лучше, благоустроеннее, хотели иметь больше недорогих и качественных товаров. Но при выборе между безопасностью страны и повышением благосостояния люди Великой Отечественной готовы были сделать выбор в пользу первого. «Лишь бы не было войны», — твердили миллионы бабушек, сидящих на лавочках у подъездов. И это их мнение во многом определяло позицию общества, в котором даже молодежь не понаслышке знала о гитлеровской агрессии.

Любой мысли о серьезных реформах, трансформирующих все общество, трудно было зародиться в такой духовной атмосфере. Проблемы дефицита, низкого качества товаров, уравниловки в доходах измерялись на «военных весах». Бесспорно, отдельные, наиболее образованные граждане размышляли о преобразованиях, однако то, что волновало их, не могло тогда стать настоящей «болью» для всей страны. Трудно было даже поставить вопрос о сокращении роли государства в экономике, поскольку лишь это самое государство могло защитить в случае возникновения новой агрессии.

Вот слова Екатерины Ильиничны К. (псаломщицы церкви, 73-х лет, проживавшей в Псковской области) из вышеприведенного социологического опроса: «Я одинокая женщина и то топор под кроватью держу, кто соберется обидеть. А государству и подавно надо иметь, чем защитить народ. Тогда и не полезут — побоятся». Во время войны эта женщина жила в Старой Руссе. По ее словам, фашисты бомбежками снесли город начисто. Оставшись без крова, Екатерина Ильинична жила под открытым небом в окопах год и восемь месяцев. Питалась чем попало, не мылась и даже не раздевалась, зимой замерзала [65, с. 78–79]. Люди, пережившие такое, готовы были не поскупились на «топор» для своего государства.

Характерно, что во многих ответах респондентов на вопросы социологов в качестве потенциального агрессора рассматривается капитализм в целом. Нацистская Германия для советских граждан 1960 г. является не противником капиталистической демократии, а, скорее, ее типичным порождением. Несмотря на то, что Соединенные Штаты, Англия и Франция во время Второй мировой войны воевали против нацизма, а в некоторых других западных странах

имелось мощное движение сопротивления, наши люди, похоже, считали все это исторической случайностью, а потому накопившаяся к фашизму ненависть полностью переносилась на систему в целом и, в первую очередь, на ФРГ и США. Послевоенная Западная Германия выглядит в глазах советских граждан чуть ли не преемником гитлеровской. Чрезвычайно сильна ненависть к немцам как к народу.

Автор этих строк помнит, как в детстве (где-то на рубеже 60–70-х гг.) услышал от одной пожилой женщины очень жесткие слова о немцах. Когда я попытался заметить, что не все они нацисты, старушка жестко ответила: «Все».

Было ли это случайностью? Вот еще одно мнение из социологического опроса 1960 г. Говорит А., рабочая-вязальщица 54-х лет из города Великие Луки, в прошлом партизанка, лишившаяся своего дома, который сожгли немецкие войска: «...главного гитлеровского выродка Аденауэра задушила бы своими руками. Как только земля его держит!» [65, с. 79].

На самом деле именно за годы правления в ФРГ канцлера Конрада Аденауэра нацизм был фактически искоренен, Западная Германия превратилась из авторитарного государства, каким она была долгое время (с коротким промежутком времен Веймарской республики), в типичную демократическую страну. Однако советские граждане этого не знали и знать не слишком хотели.

Впрочем, для нас сейчас не так уж важно, насколько адекватными были представления советских людей о Западе. Не так уж важно, насколько они проистекали из трагической памяти о прошлом, а насколько — из официальной коммунистической пропаганды и крайне поверхностного знания политико-экономических реалий. Важнее то, что любые реформы, способные принести на советскую землю какие-то элементы западного опыта — рынок, демократию, открытость миру, — в те годы и при таком менталитете были обречены. Минувшая война очень жестко противопоставила две социальные системы: социализм защищал советских людей, тогда как капитализм наступал на них. Победа СССР продемонстрировала преимущества социализма, и военное поколение в целом вряд ли готово было отказаться от этой уже сложившейся и чрезвычайно удобной картины мира.

Конечно, данные одного социологического исследования не слишком полно говорят о взглядах советских людей 1960 г., однако описавший его в своей книге Борис Грушин отметил важную особенность. Если обычно при ответах на вопросы социологов многие граждане демонстрируют незнание предложенной им темы или отсутствие интереса к ней, то в данном случае имела место практически поголовная включенность респондентов в обсуждаемую

тематику [65, с. 90]. Иными словами, тема волновала всех, и каждый имел по ней вполне сложившееся мнение. Проблема войны кровью прошла через сердца советских людей, а потому значила для них чрезвычайно много.

Лишь в дальнейшем, по мере того как естественным образом менялись поколения, стали меняться и взгляды общества. Это не значит, что советские люди начали с меньшим почтением относиться к памяти о Великой Отечественной войне. В последние годы мы видим по многим признакам, что события 1941–1945 гг. занимают большое место в народной памяти. Однако если раньше они представляли собой личный опыт, пропитанный кровью, то позднее стали просто одним из важнейших символов. А то, что живет в символическом поле, вполне может сочетаться с практическими действиями по преобразованию жизни.

Память о войне стала у людей сочетаться с потребностью лучше питаться (не хлебом и шелупайкой), лучше отдыхать, иметь нормальное жилье и различные предметы бытовой техники. Сформировалось представление о том, что материальные блага в обществе распределены неправильно и что высокопоставленные номенклатурные руководители имеют гораздо больше возможностей для нормального существования и для обеспечения карьеры своих детей, чем простые советские граждане. Армия, несмотря на память о войне, постепенно стала становиться объектом для ироничной критики. Получил широкое распространение, например, такой анекдот:

- Может ли сын генерала стать маршалом?
- Нет, не может. Ведь у маршала есть собственный сын [197, с. 57].

В общем, в новых поколениях растворился страх, и люди перестали демонстрировать полную готовность все отдать государству для защиты родины. В глазах новых поколений вопрос об осуществлении экономических преобразований стал выглядеть более актуальным, нежели у тех, кто сражался с гитлеровцами.

Хочу быть председателем Всемирной Коммунистической Республики

Разрыв, который был внесен в жизнь советского народа войной, оказался, по всей видимости, важнейшей, хотя далеко не единственной причиной различного отношения поколений к проблеме реформ. Большое значение имело восприятие коммунистических ценностей и сохранение надежд на то, что социализм в каком-либо трансформированном виде сможет продемонстрировать свое превосходство над капитализмом. Развенчание Никитой Хрущевым «культы личности Сталина» на XX съезде КПСС в 1956 г. создало представление о том, что в деле строительства коммунистического общества открываются новые

перспективы и что можно уже сейчас построить социализм с человеческим лицом (хотя сам этот термин появился позже в связи с совершенно иными обстоятельствами). Не только военное поколение, но и поколение шестидесятников, толком не знавших войны, оказалось всерьез увлечено этой перспективой.

Трудно оценить сегодня, насколько глубоко идея коммунистического строительства захватывала людей в 60-е гг. Причем дело не только в скудости социологических данных того времени. Трудно себе представить, что граждане СССР вообще могли продемонстрировать тем или иным образом несогласие с официальной идеологией, даже если в душе не разделяли коммунистических убеждений. И все же думается, что в том пафосе, который явственно ощущается у респондентов, было много честного и искреннего.

Вот, например, что написал социологам некий электрослесарь из Луганской области в ходе опроса советской молодежи, проведенного в январе-марте 1961 г.: «Победа близка! Уже в этом году мы фактически наступили на пятки США в производстве стали... Хочу быть председателем Всемирной Коммунистической Республики. Председатель — это, конечно, шутка. Главное же — Всемирная Коммунистическая Республика, которая откроет человечеству эру счастья и невиданных возможностей» [65, с. 220].

Наверное, немногие советские граждане были столь же восторженны, как этот луганский электрослесарь, но если большинство хоть в какой-то степени разделяло его представления о том, что мы в экономическом отношении догоняем США, ни о каком заимствовании западного хозяйственного опыта, ни о каком рыночном реформировании общества говорить было невозможно. Советские люди продолжали надеяться на то, что рано или поздно тем или иным путем удастся добиться всеобщего материального благополучия без таких рыночных элементов, как конкуренция, безработица, эксплуатация и т.д.

Со временем коммунистические иллюзии начали отмирать. Взгляд советских людей на социализм становился более трезвым и печальным, тогда как представления о капитализме, напротив, у многих оказывались несколько идеалистическими, приукрашенными. В этой новой ситуации, складывавшейся в 70–80-х гг. по мере формирования нового поколения, не затронутого иллюзиями XX съезда, стало возможно формирование рыночного менталитета. Однако в 60-х гг. до осознания необходимости радикальных реформ было еще далеко. То, что приходило к нам с Запада, позитивно воспринималось лишь меньшинством общества, тогда как большая часть советских граждан рассматривала заграничные культурные и экономические веяния в качестве очевидного недостатка. Так, например, в ходе уже упомянутого выше опроса советской

молодежи подражание западной моде и стилижничество заняли второе место среди отмечаемых респондентами недостатков (16,6%) после пьянства — «греха», вполне традиционного для нашей страны и мало зависящего от характера эпохи [65, с. 180].

Вообще следует заметить, что отношение к западным государствам в советское время было довольно сложным и двойственным.

С одной стороны, существовало четкое представление об их враждебности, о том, что капитализм вынашивает в отношении СССР агрессивные намерения. Наиболее агрессивной и враждебной страной считалась ФРГ (что неудивительно, поскольку память о минувшей войне еще жила в сознании советских граждан), а на втором месте уже находились США (несмотря на то, что во Второй мировой мы были союзниками).

Но с другой стороны, представления о враждебности западного мира уже начинали размываться. В душах граждан СССР медленно вызревало чувство, что капиталистические страны могут быть нам чем-то интересны, что они не просто некое прошлое, которое мы «проехали» на пути к коммунистической цели, но и настоящее — оригинальное, манящее и качественно отличающееся от того настоящего, которое со всех сторон окружало советского человека.

Выявить этот зарождающийся интерес к капиталистическим странам было не так-то просто, поскольку при прямо поставленных вопросах респонденты демонстрировали вполне ортодоксальные взгляды. Однако социологи при осуществлении одного из исследований в 1968 г. нестандартно сформулировали вопрос и получили интересный результат. Они спросили, в каких пяти зарубежных странах хотел бы побывать человек, если бы такая возможность была предоставлена ему бесплатно. По итогам опроса в пятерке лидеров оказались три капиталистические страны (Франция, США, Италия) наряду лишь с двумя социалистическими (Чехословакия и Германская Демократическая республика). Лидировала, правда, Чехословакия, однако следует принять во внимание тот факт, что в то время она приковывала к себе особый интерес благодаря проходившим там реформаторским процессам [67, с. 794].

Наличие США как в списке стран-врагов, так и в списке государств, вызывающих особый интерес, явно говорит нам о том, что не все было однозначно в представлениях советских граждан о мире. Да и Франция с Италией, скорее всего, привлекали наших людей не столько памятниками старины (их, как показывает сегодняшний туризм, с интересом изучают лишь немногие), сколько магазинами, отелями, ресторанами и прочими атрибутами активно формировавшегося на Западе в те годы общества потребления.

Отметим и еще один любопытный пример двойственности представлений советских граждан о мире. На этот раз двойственности, связанной с миром не внешним, а внутренним. Выше уже говорилось о приверженности молодых людей коммунистическим ценностям. Однако когда социологи в марте-апреле 1966 г. спросили юных советских граждан о том, какую роль в осуществлении их жизненных планов играет комсомол, 53,8% ответили, что никакую, а еще 17,8% затруднились с ответом. По сути дела, немногим более четверти опрошенных полагали, что комсомол в их жизни действительно значим [66, с. 80]. Таким образом, коммунистические ценности продолжали привлекать, но опыт участия в работе Коммунистического союза молодежи оказывался негативным. Неудивительно, что со временем даже из числа комсомольских активистов стали выходить люди, интересующиеся не коммунистической идеологией, а конкретной рыночной практикой.

Двухпроцентный автомобилизм

И наконец, надо сказать еще об одном важном факторе, определявшем в 60–70-х гг. представления советских граждан о необходимости и возможности радикальных экономических преобразований. Речь здесь идет об уровне материальной обеспеченности.

Социологический опрос, проведенный в августе-сентябре 1960 г., выявил, что 52,8% респондентов считают жилищную проблему главной из всех экономических проблем. В то же время недостатки бытового обслуживания всерьез волновали лишь 10,2% опрошенных [65, с. 128].

И впрямь, на рубеже 50–60-х гг. в Советском Союзе лишь начинало разворачиваться массовое жилищное строительство. До этого на протяжении десятилетий люди ютились в коммунальных квартирах, в бараках, в непригодных для нормального городского проживания убогих деревянных домиках. Даже сравнительно крупные советские чиновники далеко не всегда имели отдельные квартиры. А уж о наличии квартир просторных и благоустроенных можно было говорить лишь применительно к высшей и наиболее привилегированной номенклатуре.

Автор этих строк появился на свет в Ленинграде меньше чем через год после даты процитированного выше опроса. Наша семья, состоящая из шести человек, принадлежавших к различным поколениям, занимала три комнаты в небольшой коммунальной квартире, тогда как в четвертой располагался сосед, не имеющий никаких родственных связей с Травиными. И это, надо признать,

были еще сравнительно хорошие по тем временам условия. Множество ленинградцев проживало в совершенно убогих, перенаселенных коммуналках, где ютилось одновременно пять-шесть и даже больше семей¹.

Люди мечтали о любой, самой простенькой отдельной квартирке. И массовое строительство так называемых хрущевок стало откликом на эту мечту. С созданием дешевого, низкокачественного, малогабаритного жилья советская экономическая система справлялась сравнительно неплохо. Недостатки административного хозяйствования в этом деле не слишком сказывались. Дома росли как грибы, каждый год советские граждане въезжали в новые квартиры, не слишком беспокоясь о качестве мебели, расцветке обоев, возможности достать кафель для ванной или приличную импортную сантехнику. Иначе говоря, скромность запросов того времени худо-бедно удовлетворялась без использования рыночных начал, тогда как товары и услуги, которые на должном уровне способна создать лишь рыночная экономика, стали всерьез интересовать советских людей позже — после того, как несколько подросло благосостояние. Соответственно, позже, где-то к концу 70-х — началу 80-х гг., стали вызревать представления о необходимости осуществления радикальных экономических преобразований.

По данным другого опроса, осуществленного в феврале-марте 1971 г., мы можем судить о том, насколько советские люди были обеспечены различными товарами. Лишь 2,3% респондентов ответили, что у них в семье есть автомобиль. С бытовой техникой дело обстояло получше, но все же далеко не идеально: лишь 28,6% опрошенных сказали, что обладают холодильником [66, с. 324]. Естественно, в подобной ситуации люди мечтали хоть о каком-нибудь автомобиле и хоть о каком-нибудь холодильнике. Им казалось, что советская экономика, быстро наращивающая объемы производства, способна будет рано или поздно обеспечить их необходимыми товарами. О том, чтобы сравнить наш «жигуленок» с фольксвагеном или наш убогий холодильник с продукцией западных фирм, вопрос тогда не стоял. Время сравнений пришло позже, и именно тогда всерьез встал вопрос об осуществлении экономических реформ.

Плач стоит по всей Руси великой

Впрочем, когда дело дошло до реальных реформ, «устройство наших голов» продолжало всерьез влиять на протекающие в обществе процессы. Отнюдь

¹ Примерно как в знаменитой песне о детстве Владимира Высоцкого: «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная».

не все можно было объяснить рационально. Советские граждане, ставшие с декабря 1991 г. российскими гражданами, зачастую поражали исследователей и наблюдателей некоторыми своими оценками происходящего.

Как-то раз в 2002 г. социологи ФОМа пытались на фокус-группе выяснить, почему людям так нравится Владимир Путин. Одна из участниц обсуждения отметила, что при Горбачеве постоянно были проблемы с дефицитом, тогда как теперь все можно свободно купить. «Ну и два года тому назад было свободно, — удивился модератор дискуссии. — При чем тут Путин?» Последовавший на это ответ был полностью выдержан в духе «женской логики»: «Нет, ну Ельцина я органически не переношу, поэтому о нем говорить даже вообще...» [74, с. 275].

Целая эпоха жизни страны вылетела из сознания этой российской гражданки просто потому, что ей не нравился старый президент. Более того, личные симпатии и антипатии определили весьма своеобразный взгляд на иную эпоху. Причем не только у данной женщины, а у широких масс, год из года обеспечивающих Путину высокий рейтинг вне зависимости от того, каковы реальные достижения данного политика. Мы любим нового президента не потому, что он добился серьезных успехов. Напротив, мы считаем, будто он добился этих успехов, потому что просто любим его. Любим всей душой, в отличие от предшественника, которого также всей душой ненавидели. И из-за этой ненависти не признавали за ним никаких достижений.

Об иррациональности российского мышления можно складывать легенды. «Женская логика», путающая причины со следствиями, оказывается вполне характерной и для мужчин. С одинаковой небрежностью люди любого пола, возраста, рода занятий рассуждают как о серьезных политических процессах, так и о незначительных бытовых пустяках. А потому мнения, формирующиеся на основе бесед с людьми и социологических опросов оказываются весьма обманчивыми.

В последние годы брежневского Союза существовало практически всеобщее недовольство системой. Вплоть до начала перестройки зафиксировать это было трудно по причине царящих всюду страха и замкнутости, но с приходом Горбачева кухонные разговоры перекинулись в очереди, на партсобрания, на митинги и даже в средства массовой информации. Выяснилось, что перемен в той или иной мере желают все — от скромных уборщиц до высокопоставленных номенклатурщиков. Вопрос лишь — каких перемен?

Определить характер общественного мнения было трудновато. Причем отнюдь не по причине отсталости социологии. Скорее, по причине отсутствия мнения как такового. Сомнение было. Мнительность имелась. А вот мнение... Увы.

Сколько раз автору этих строк доводилось наблюдать, как интеллигентные дамы «поднимали хай» почище базарных баб, лишь только речь в разговоре заходила о болевых точках советской экономики! В равной мере это касалось вузовских семинаров, на которых я общался с 20-летними студентками, и бесед за чашкой чая, распивавшегося в обществе женщин, годящихся по возрасту мне в матери. Попытки перевести разговор в созидательное русло, как правило, разбивались о стремление аудитории ограничиться выражением эмоций. Причем дело было, скорее, не столько в отсутствии знаний, сколько в отсутствии мысли, в отсутствии желания рассуждать рационально.

По молодости лет я кипятился, стремился объяснить и убедить, но весьма часто мои намерения разбивались о скуку, быстро охватывающую людей при переходе от проблемы «Кто виноват?» к вопросу «Что делать?». Впрочем, столь же часто аудитория выслушивала аргументы лектора с интересом, хотя интерес этот относился, скорее, к необычному по тем временам «экономико-политическому шоу», нежели к характеру излагаемых «шоуменом» положений.

А вот случай, который я наблюдал со стороны. Как-то раз году так в 1988–1989 известный в Ленинграде организатор демократического процесса Петр Филиппов собрал митинг с намерением просветить народ на предмет хозяйственных реформ. Один из лучших экономистов города Михаил Дмитриев четко, квалифицированно, хотя несколько занудно, стал рассказывать с трибуны о тех преимуществах, которые предприятия получают с переходом на аренду. Толпа стала заметно скучать. И тут один яркий популист из разряда «демшизы», забравшись на ступени соседнего здания, начал вещать о том, как крут опальный Борис Николаевич и как клёво было бы, если бы мы его поддержали.

Агитация была в духе незамысловатых стихков: «Ельцин знает, что нам нужно. // Голосуй за Борю дружно» [16, с. 118]. Однако этого вполне хватило. Минут за пять аудитория Дмитриева переместилась к новому оратору, и Филиппов стал потихоньку сворачивать свое митинговое хозяйство. Нетрудно догадаться, что люди, так легко клевавшие в перестройку на сагу о великом Ельцине, лет десять спустя уже не могли без гнева произносить его имя.

Ни Филиппов, ни Дмитриев, ни Гайдар, ни скромный автор этих строк своевременно так и не разобрались с народными чаяниями. Весьма грамотные гайдаровские реформы осуществлялись вне какого бы то ни было диалога с реформируемым народом. И Гайдар, и Филиппов, и Дмитриев, и многие другие пытались разяснить, почему стране требуются столь серьезные преобразования и почему они не могут пройти безболезненно. Миф об отсутствии разяснительной работы вряд ли соответствует действительности. Но слишком уж многие

люди хотели слушать только то, что соответствовало уже сложившимся у них представлениям. Горькая правда сознанием отторгалась.

Впрочем, народ в общении с властями предпочитал не диалог, а, скорее, монолог, что прекрасно показала американский антрополог Нэнси Рис, изучавшая русские разговоры в Москве 1989–1990 гг. Вот фрагмент из ее книги.

«Например, когда говорили о нехватке продуктов (весьма популярная тема, тем более что проблема дефицита все усиливалась), я спрашивала, как вообще устроена советская система снабжения населения продовольствием, потому что мне казалось полезным попытаться вообразить себе (разумеется, весьма схематично) возможности ее улучшения. В конце концов я поняла, что моим русским собеседникам такие вопросы представлялись неуместными. Им интереснее было “нагружать” и поражать друг друга все более страшными рассказами о пустеющих полках и о том, каких трудов стоит достать что-нибудь. Наши жанры не просто расходились – они конфликтовали, и если бы мои собеседники серьезно настроились на мою “волну”, их жанр был бы попросту вытеснен из диалога; чтобы не допустить этого, они полностью игнорировали мои попытки повернуть ритуализированный разговор по-своему» [211, с. 77–78].

Обращу внимание на слово «ритуализированный». То, что человек, рационально мыслящий, принимает в словах своего собеседника за намерение обсудить ситуацию, часто является исполнением некоего ритуала, помогающего бедолаге существовать в условиях жестокого, да к тому же секуляризованного общества. Нэнси Рис увидела в кухонных разговорах не столько интеллектуальное общение, свойственное нашей любимой Великой Русской Духовности, сколько коллективные литании и lamentации (жалобы на судьбу и плачи), очищающие душу, утверждающие относительную автономию личности, помогающие противопоставить себя чистого злой и корыстной власти [211, с. 133, 199–200].

В каждой общине литания была своя. Русофилы жаловались на коварных инородцев, а русофобы – на бестолковых представителей титульной нации. Люди из низов стонали от притеснений власти, а люди из верхов – от пьянства и лени народа, которым даже бесполезно руководить.

Все были недовольны системой. Многие были озлоблены. Но мало кто хотел понять, что же с этой системой делать. И еще меньшее число людей реально понимало причины бед. Общество интенсивно снимало напряжение, создавая у себя на кухне или, скажем, в столь сближающей домохозяйек очереди (для мужика аналогом очереди был пивной ларек) своеобразный квазихрам, где можно, ощущая плечо соседа, коллективно возносить жалобы и мольбы к избавителю.

Да, к избавителю! Каждая литания или ламентация подразумевала, что явится некий мессия (он же генсек, он же президент) и разом обустроит Россию. Андропов, Горбачев, Ельцин, Путин... Каждый из них побывал в роли мессии, причем первый так и не был распят толпой по причине быстрой кончины, вызванной болезнями, а последнего пока отделяет от Голгофы золотосносный нефтегазовый поток.

Кстати, старую русскую традицию ламентации и сегодня можно наблюдать, к примеру, в переполненной электричке или в очереди на прием к бесплатному врачу. Там люди, многие из которых голосуют за Путина с «Единой Россией», плачут, стонут и клянут дьявола в лице всегда во всем виноватого Чубайса. Как Чубайс, так и Путин для них не столько реальные персонажи политики, сколько символы. Первый пришел в мир, чтоб совратить его ваучером и породить грех; второй — чтобы избавить нас от лукавого и наделить, если уж не райским блаженством, то, по крайней мере, приличной пенсией.

В поисках халявы

Нэнси Рис противопоставляет русские ламентации рациональности американских подходов, и в этом она, по всей видимости, права. Но если мы обратимся к истории модернизации западных стран, то увидим, что стремление избегать жизненных реалий было весьма свойственно, скажем, предреволюционной Франции, оказавшейся не способной разобраться в реформах Тюрго. Иррациональность отмечалась наблюдателями в качестве характерной черты немцев начала XIX столетия, еще не вкусивших толком рыночной экономики. Несмотря на отсутствие в позапрошлом веке соответствующих социологических исследований, нам известны факты антирыночного поведения австрийцев, консервировавших свою отсталость [255]. А уж представление о самом себе как о народе, просто-таки судьбой обреченном на вечные бедствия, имелось в то или иное время, пожалуй, во всех западных обществах.

Рациональность мышления и действий никогда не бывает заложена в людях изначально. Она приходит по мере того, как общество окунается в рыночную стихию, приучаясь вместо литаний и ламентаций (или, по крайней мере, наряду с ними) решать конкретные задачи улучшения своего благосостояния.

Рационализацию можно сегодня видеть даже на примере развивающегося российского общества. Например, исследования социологов Л. Кесельмана и М. Мацкевич показывают, что к началу радикальных реформ (январь 1992 г.) в Петербурге лишь 17% взрослых горожан (назовем их интерналами) полагали

самих себя ответственными за свое материальное благополучие, тогда как 63% (экстерналы) отсылали эту ответственность вовне (утешаясь, по-видимому, литаниями и ламентациями – Д.Т.). Но уже в феврале 1992 г. наметился первый важный поворот в становлении нового сознания. Пошел процесс обучения жизни, и в итоге к 2000 г. уже 32% петербуржцев стали интерналами, тогда как число экстерналов сократилось до 46,5%, а 21,5% горожан делили ответственность между собой и миром поровну. Причем среди людей моложе 40 лет процент интерналов уже превысил процент экстерналов, и это говорит о том, что со сменой поколений трансформация общества станет еще более кардинальной [105, с. 101–105].

Реформы меняли общество, но начинались-то они в ситуации массовой неготовности к рынку. Например, по данным Р. Рывкиной во время одного из исследований, проведенных в 1989 г. на крупном предприятии Новосибирска, людей попросили определить, какие формы собственности являются для них предпочтительными. За акционирование высказались лишь 4–5%. И это при том, что в рыночном хозяйстве акционерное общество является, по сути дела, единственной эффективной формой организации крупного предприятия. Характерно также то, что при этом 68% руководителей и специалистов захотели стать независимыми от вышестоящих органов. То есть ни перед акционерами, ни перед министерством не отчитывайся – делай, что хочешь. И завершает картину такой факт: 51% работников желал, несмотря на самостоятельность, получать в централизованном порядке технику и оборудование. Словом, идеал хозяйствования – халява и полная безответственность [222, с. 142–148].

Впрочем, нельзя особо сильно обвинять людей в том, что они не хотели на рубеже 80–90-х гг. частной собственности. Они просто не знали, что это такое. Лишь 20% опрошенных более или менее удовлетворительно объясняли суть данной категории. Характерно, что многие из тех, кто поддерживал частную собственность, поддерживали одновременно и сохранение социалистического строя [222, с. 246]. Словом, в головах людей царил каша, и из этой каши требовалось «сварить зерна истины».

Согласно другому исследованию Рывкиной, наши «крепкие хозяйственники» в большинстве своем и не подозревали на исходе перестройки, что рынок – это постоянный поиск покупателя. Только 12% главных специалистов и 24% руководителей указали при опросе, что им придется переходить на производство более выгодной продукции; только 2 и 6% этих «матерых товаропроизводителей», соответственно, отметили, что нужно искать покупателей для реализации сверхплановой продукции [222, с. 150–160]. Неудивительно, что при таком

уровне экономической грамотности производственной элиты понадобилось срочно найти какого-нибудь Чубайса, дабы он оказался во всем виноват.

В истории российских реформ был год, который еще до начала реальных преобразований существенным образом прочистил мозги, засоренные коммунистической идеологией. Это 1990 г. – время обсуждения программы «500 дней». Нельзя сказать, что люди стали от этого обсуждения умнее, но, во всяком случае, рыночные понятия перестали быть для них чем-то далеким и пугающим.

Люди подверглись воздействию со стороны интеллигенции, которая на короткий срок действительно стала властительницей дум [272, с. 29]. А уж интеллигенция (особенно творческая) просветила массы насчет прогрессивности Запада, роли частной собственности и рынка. К концу 1990 г. уже 55% россиян высказывали готовность пойти работать на частника, если таковое предложение к ним поступит (а противников перехода к рынку к концу 1991 г. было всего 15%). Но, что характерно, в Эстонии намерение воспользоваться гипотетической возможностью поработать на частника выказал аж 81% граждан [79, с. 70–71; 222, с. 172]. Неудивительно, что у эстонцев с 1992 г. рыночные преобразования пошли значительно быстрее и эффективнее, чем у нас. Неудивительно и то, что Эстония в конце концов получила одну из самых свободных экономик среди стран Центральной и Восточной Европы, тогда как Россия в последнее время вновь «закрепощает» своих производителей.

Впрочем, хотя Россия в данном смысле отстает от своих западных соседей, надо отметить, что наша страна не демонстрирует какого-то особо неудачного пути к рынку. Свой «момент истины», свой год широкого рыночного просвещения был у каждого государства, осуществлявшего реформы. Так, скажем, в Польше, согласно оценкам социологов, переломным в ментальном плане был период военного положения, т.е. 1981–1983 гг., когда Войцех Ярузельский предпринял первые шаги к реформированию хозяйственной системы. Расставшиеся за это время с некоторыми иллюзиями, поляки к концу десятилетия оказались лучше готовы воспринимать шокотерапию Лешека Бальцеровича [256, с. 343–344].

В поисках великого мифа

Ментальная неготовность россиян к восприятию рыночных и демократических реформ породила авторитарный характер преобразований. С одной стороны, общество не было готово самостоятельно и демократично принимать решения о трансформации системы, с другой же – оно оказалось вполне

лояльно к власти, узурпирующей его права. Вот, например, как, по оценкам социологов ФОМа, люди относились к проблеме разделения властей в 2001 г. (т.е. как раз тогда, когда Путин методично и целенаправленно начинал отвоевывать пространство у прессы, оппозиции, олигархов и губернаторов).

Менее 10% опрошенных смогли хоть сколько-нибудь адекватно объяснить, что это за штука такая – разделение властей. Зато «экзотических» комментариев было пруд пруди. Разделение властей – это когда «одни говорят одно, другие – другое», когда «хаос и нет порядка», когда «каждый тянет одеяло на себя», когда «грызутся между собой как собаки», когда «Жириновский – одно, Явлинский – другое» и даже когда «Чубайс руководит электроэнергией, а другой – нефтью» [74, с. 285–291].

Понятно, что при наличии такого подхода президенту нетрудно, скажем, сделать себе карманный парламент или превратить всякий суд исключительно в Басманный. Устранишь разделение властей – и перестанут они там грызться как собаки. Наступит авторитарная идиллия.

Впрочем, в развитии своем эта авторитарная идиллия может дать какие угодно плоды. В начале рыночных преобразований гайдаровцы много говорили о том, что они являются правительством камикадзе. Если взглянуть на события 1992 г. из дня сегодняшнего, то может показаться, будто ненависть к реформаторам всегда была массовым явлением. Однако на самом деле вырисовывается гораздо более сложная картина.

В 1992 г. продолжения рыночных реформ, несмотря на все тяготы перехода, требовали 66% россиян. В 1993 г. эта доля, согласно опросам, возросла до 77%. Напомним, что в этом же году Ельцин получил поддержку общества на апрельском референдуме: причем не только личную, но и поддержку курса. Наконец, в конце года, по итогам парламентских выборов, гайдаровский блок хотя и не получил желаемого абсолютного большинства, но сумел сформировать самую большую фракцию Думы.

А вот в 1994 г., когда Гайдар, Федоров и Илларионов ушли из правительства, доля россиян, желающих продолжения реформ, упала до 55%. Затем она оставалась примерно на данном уровне (с небольшими флуктуациями) до конца десятилетия [222, с. 256]. Что же касается гайдаровского «Демократического выбора», то он в ходе парламентской кампании 1995 г. провалился, хотя лидер партии теперь уже не отвечал за провалы государственной политики.

Получается двойной парадокс. Абсолютно не готовое к рынку общество выразило поддержку рыночным реформам, начатым, по сути дела, без его ярко выраженного желания и принесшим на первых порах чудовищные трудности.

Но позднее, когда реформаторы уже не отвечали за плохое положение дел, страна им в доверии отказала. Более того, в путинский период, когда в силу естественных причин наконец сказались успехи начатых Гайдаром преобразований, в обществе стало все больше распространяться представление о губительности всяких начинаний либерального толка. По сути дела, страна задним числом пересмотрела свои собственные взгляды начала 90-х гг.

В чем же здесь дело? Думается, в расползании реформаторского мифа — той великой иллюзии, которая поддерживала авторитарное по своей природе общество и наделяло его способностью ждать, работать, надеяться. Такого рода фантомы сами по себе, конечно, не решают социальных проблем, но они позволяют обеспечить некий фон, некий «психологический комфорт общества», о важности чего постоянно говорит, например, писатель Александр Мелихов [см., напр., 158].

Во время одного из групповых интервью, проведенных социологами после отставки Гайдара, некий рабочий (!) высказал такую мысль: «Раньше мы терпели во имя чего-то... Сейчас же у нас нет, во имя чего терпеть. Раз пришел товарищ Геращенко и швырнул несколько миллиардов не знаю кому — военно-промышленному комплексу, то теперь они будут прекрасно получать. Во имя чего же мы будем на тяжелой подземной работе терпеть?» [222, с. 33–34].

Люди, вокруг которых в 1990–1991 гг. такого рода миф начал формироваться, затем деградировали, переругались между собой и превратили святую мечту о счастье в грязь и мерзость запустения. Постепенно в народе сформировалось стереотипное представление о вечно пьяном президенте, расшвыривающем своих соратников в зависимости от того, чего желает его левая нога. Сформировалось представление о вечно грызущихся между собой демократах (или «дерьмократах?»), каждый из которых хочет лишь одного — личной власти. В какой-то момент на представление о грызне наложился еще и миф о чудовищной коррумпированности реформаторов, хотя на самом деле уровень коррупции в этой среде был ничуть не выше (а, скорее, даже ниже), чем в российской бюрократической среде в целом.

Светлый миф исчез. Авторитет, на котором держится авторитарное по своей природе общество, распался. Ненависть за утраченные идеалы вылилась не столько на врагов, сколько на недавних друзей, столь жестоко оставивших бедных, несчастных россиян наедине со своими тяготами.

Общество при этом, как показывают приведенные выше данные Кесельмана и Мацкевич, становилось все более рациональным. Но данная рациональность обратилась не столько на политическую сферу, сколько на эконо-

мическую — на область личного выживания. Многие добились здесь больших успехов, что, собственно говоря, и отразилось в непрерывном росте ВВП с 1999 по 2008 гг. Многие дали волю своему цинизму, не сдерживаемому более «этикой великого мифа». Продаваться и покупаться стало все — товар, услуга, честь, совесть, голос избирателя. А это, в свою очередь, внесло свой вклад в рост ВВП и реальных доходов населения.

Социолог Михаил Соколов обратил внимание на то, как в российском обществе формируется своеобразная «хе-хе установка» — представление о том, что все вокруг действуют исключительно в корыстных целях и главная задача «понимающего это» человека состоит в том, чтобы не дать себя одурачить, не дать попользоваться собой тем, кто срубает на нашей наивности бабки [236]. В свете такой установки реформаторы кажутся всего лишь корыстными приватизаторами, стремящимися дорваться до государственной собственности, а демократы — жадными олигархами, желающими присосаться к власти.

Рациональность возобладала, но иррациональное в человеке требовало своего. Оно не исчезло полностью, хотя несколько скукожилось в душе россиян, понимающих, что одними литаниями да ламентациями уже не проживешь. В какой-то степени это иррациональное нашло выход в легитимизации литаний с ламентациями. От 50 до 60% населения страны называют себя сегодня людьми православными [74, с. 113], а общее число обратившихся в той или иной форме к религии, естественно, еще выше. Но, помимо церкви, авторитарному обществу требуется еще и представление о социальных координатах, о том, где же мы должны находиться, если «дорога к Храму» больше не является «дорогой к демократии и рынку».

Так стал нарастать российский национализм. Общество приступило к реанимированию светлого мифа о собственном величии, коли уж с мифом о демократии, рынке и вхождении в европейский дом дело не задалось. Несчастные люди идентифицировали себя с сильным лидером и по принципу «мы — они» стали противопоставлять себя инородцам. Этой темной волной постепенно захлестнуло путинскую эпоху.

Впрочем, к обстоятельному разбору данной проблемы мы вернемся лишь во второй части книги, посвященной 2000-м гг., а пока нам надо вновь отойти от исследований менталитета и медленно, шаг за шагом пройти весь тот путь, который выпал на долю российскому обществу с 80-х гг. до настоящего времени.

Глава 4

Встреча четырех генсеков

Советский Союз в преддверии перестройки

Бывают моменты истории, концентрирующие в себе целые десятилетия. 19 сентября 1978 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев выехал на поезде из Москвы в Баку для участия в некоем рядовом мероприятии, которое давно уже никого не интересует. Но поздно вечером того же дня состав остановился в Минеральных Водах. И эта ничего не значащая церемониальная остановка, в ходе которой местный секретарь крайкома должен был засвидетельствовать почтение партийному лидеру, приобрела спустя годы буквально-таки мистическое значение.

Секретарем ставропольского крайкома КПСС был тогда Михаил Горбачев. Не пройдет и семи лет, как он сменит Брежнева на посту генсека. Впрочем, за этот короткий промежуток времени высший партийный пост побывает в руках еще двух человек — Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко. Что любопытно, оба они в тот мистический вечер присутствовали в Минводах. Глава госбезопасности отдыхал на местных курортах и не мог упустить возможности лично представить Горбачева — своего молодого протеже — хозяину страны. А верный Устиныч, как обычно, сопровождал хозяина в поездке.

По воспоминаниям Горбачева, встреча четырех генсеков — одного действующего и трех будущих — была бессодержательной [57, с. 23–25]. Брежнев, уже начавший превращаться из жизнелюба и сибарита в несчастную полуживую мумию, больше думал о своем здоровье, нежели о делах Ставропольского края. Вялый Черненко, судя по всему, не думал ни о чем. Хитрый Андропов умышленно предоставлял инициативу Горбачеву. Сам же Горбачев, наверное, с непривычки несколько робевший, так и не смог беседой расшевелить престарелого генсека.

А ведь если б в тот теплый кавказский вечер людям, медленно прогуливающимся по перрону вокзала, открылось вдруг будущее, беседа наверняка перешла бы на повышенные тона. Жизнь страны, тупо дремавшей осенью 1978 г., спустя несколько лет кардинальным образом переменялась и пошла по тому сценарию, который в полной мере не устраивал ни одного из высокопоставленных «сценаристов».

«Борьба хорошего с лучшим»

Была ли у страны альтернатива? На этот вопрос часто пытались отвечать в конце 80-х — начале 90-х гг. Но сегодня, через четверть века после того, как Горбачев начал перестройку, мы можем взглянуть на ту эпоху другими глазами.

Начнем с брежневского курса. В период переосмысления застойного режима сложилось мнение, что никакого курса в общем-то и не было. Дела шли самотеком, экономика перестала быть экономной¹, общество погружалось в бездну цинизма, а перевалившая за пенсионный рубеж верхушка уже готовилась к той «гонке на лафетах», которая началась в декабре 1980 г. со смерти Алексея Косыгина².

Согласимся, пожалуй, с мыслью об отсутствии сознательно избранного курса. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Косыгин несколько раз просился в отставку, поскольку косыгинскую экономическую реформу Брежнев, поначалу желавший некоторых усовершенствований, в конечном счете закопал [267, с. 21].

Сознательно избранному курсу трудно было бы существовать еще и потому, что лидер страны примерно с середины 70-х гг. уже был не совсем в ладах с собственным сознанием из-за настоящего букета тяжелых болезней. Об этом подробно рассказывает в своих мемуарах кремлевский врач Евгений Чазов, но два факта из этих воспоминаний особенно впечатляют.

Чазов полагает, что некая медсестра Н., которую больной Брежнев почему-то особенно сильно любил, оказывала на положение дел в стране столь сильное воздействие, что стала одной из важнейших причин развала советской системы [281, с. 117]. Скорее всего, врач все же преувеличивает роль «скромной»

¹ «Экономика должна быть экономной» — самый известный лозунг поздней брежневской эпохи. С помощью такого заклинания власть пыталась повысить эффективность производства.

² Высокопоставленные руководители уходили из жизни один за другим. Их тела торжественно везли по Москве на орудийных лафетах, откуда и пошло рожденное в народе циничное, но довольно точное выражение.

медсестры в истории, однако то, что на несчастного, плохо соображавшего Брежнева мог повлиять любой человек, имевший к нему доступ, трудно оспаривать. По свидетельству того же кремлевского врача, в конце 70-х гг. один из советников генерального секретаря мотивировал свой выход из аналитической группы тем, что «не может работать, если внешнюю политику определяет Галя Дорошина» [281, с. 88]. Эта никому не известная женщина привозила Брежневу на дачу документы из ЦК КПСС и пальцем показывала бедолаге, где следует поставить подпись. Конечно, она, строго говоря, не определяла внешнюю политику страны, однако, как ни печально это констатировать, глава ядерной сверхдержавы подписывал лишь то, на что указывал ее палец.

Пока Брежнев был здоров, подобного маразма у нас все же не было. Но, положа руку на сердце, следует признать, что качественным образом ситуация не отличалась от позднебрежневской эпохи. Леонид Ильич даже с грамотой был не совсем в ладах, а уж в теориях развития общества вообще ничего не понимал. Причем сам не стеснялся признавать свою необразованность: «все равно никто не поверит, что я читал Маркса», — заметил однажды этот верный продолжатель великого дела основоположников марксизма-ленинизма [168, с. 47, 231].

— Ты знаешь, что такое «боровая дичь»? — спросил он как-то своего спичрайтера Александра Бовина.

— Примерно...

— Давай сделаем так. Я тебе растолкую про боровую дичь, а ты мне объясни толком, что такое «конфронтация». Договорились? [20, с. 126].

То, что беззубые брежневские писания — речи, доклады и т.п. — объединялись в многочисленные тома, названные (как бы по иронии) «Ленинским курсом», лишь подчеркивало неясность видения перспектив. Но общество обладает удивительной способностью к самоорганизации, а потому часто живет совсем не той жизнью, которая «спускается» ему сверху в виде официально провозглашенной доктрины. И в этом смысле «ленинский курс» Брежнева можно считать реальной альтернативой горбачевской перестройке.

Леонид Ильич жил сам и жить давал другим. Во всяком случае тем, кто знал, как ухватить судьбу за хвост.

Помыкавшийся в войну на Малой земле, прошедший через трудности послевоенного Возрождения, с грехом пополам освоивший Целину³, а самое

³ «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» — книги мемуаров Брежнева, повествующие, соответственно, о годах Великой Отечественной (в т.ч. об обороне «Малой земли» — пятачка под Новороссийском), о послевоенном возрождении страны и об освоении целинных земель Казахстана в 50-е гг., когда мемуарист занимал пост второго (а затем и первого) секретаря ЦК республики.

главное, уцелевший в годы сталинских репрессий, Ильич-второй на дух не переносил экстремизма Ильича-первого и, тем более, Иосифа Виссарионовича. Достигнув к старости высшего государственного поста, прихлопнув в лице Никиты Сергеевича Хрущева ненавистный волюнтаризм и перехитрив прямолинейного сталиниста Александра Шелепина (известного под кличкой «железный Шурик»), Брежнев с энтузиазмом предался радостям жизни. Единственное,

Леонид Брежнев

что его по-настоящему заботило, согласно оценке весьма информированного сотрудника ЦК КПСС Карена Брутенца, так это собственное здоровье и продление жизни, а также немногие ее радости – прежде всего охота [24, с. 33].

Пока болезни его не подкосили, Брежнев был улыбчив, обаятелен, общителен. Расчувствовавшись, мог декламировать стихи. Например, Есенина. На людей не кричал, всегда готов был выслушать. Возможно, именно это сделало его партийным лидером после отставки Хрущева. Ильич располагал к себе тех, кто надеялся на коллективное руководство. Из такого миролюбивого душки никак не должен был получиться новый деспот.

В политике Ильич отдал свою душу миротворчеству, и хотя на его совести подавление Пражской весны в 1968 г., а также вторжение в Афганистан в 1979 г., следует все же признать, что генсек в целом оказался стариком незлобивым (во всяком случае, по советским меркам). Лагеря, психушки, запреты на выезд из страны были, скорее, не зовом его души, а элементами системы, которую он воспринимал как должное со свойственным всякому сибариту цинизмом. Мол, если кто нарывается, сам не живет и другим не дает, так пусть пеняет на себя.

С экономикой Брежнев расправлялся запросто, не мелочась. В дела вникать не стремился, но коли решил что-то сделать, то не экономил. Когда в ближайшем брежневском окружении созрел план строительства БАМа – огромной и чрезвычайно дорогостоящей Байкало-амурской магистрали, –

Естественно, все это за него писали специально подобранные люди. Сам Брежнев не то чтобы писать, но и читать ничего не стремился.

о принятии решения заранее не проинформировали ни премьера Косыгина, ни главу Госплана Байбакова. БАМ нужен был для укрепления границы с Китаем, а потому деньги и ресурсы уже не имели для миротворца Брежнева никакого значения.

«У Байбакова при оглашении соответствующего предложения брови буквально поползли вверх от удивления, и он, соглашаясь с большим стратегическим и экономическим значением подобного проекта, принялся возражать... Возражал и Косыгин, хотя менее резко, сказав, что все это надо еще взвесить, обдумать. Но Брежнев оборвал их и положил конец обсуждению, заявив определенно: “Нет, чего там: возьмутся военные строители, железнодорожные войска, а главное — бросим клич, призовем молодежь, комсомольцев! А средства — изыскать!” В этом же стиле обсуждался пресловутый вопрос о повороте русла северных рек, и едва не было принято постановление о начале работ» [24, с. 33].

Можно ли эффективно использовать БАМ, мы до сих пор не знаем. Зато погуляли с размахом на просторах от Байкала до Амура, денег покидали немерено.

Широта жеста была свойственна Брежневу. Аскетов он не любил. Говорят, однажды на политбюро генсек в шутку предложил скинуться на новое пальто Михаилу Андреевичу Сулову. Старое явно утратило должную чистоту, пока сей верховный идеолог страны боролся за чистоту партийных рядов [92, с. 199].

Но вот что Брежнев любил от всей души, так это дачу, охоту, красивых женщин, дорогие иномарки, сигареты, футбол и хоккей, а также азартные игры [168, с. 78, 94, 108, 232–234]. Из последних, правда, мог позволить себе лишь домино, которому отдавался с упоением на специальном пирсе в Ялте, за что «друзья и соратники» прозвали сие место «Монте-Козло» [20, с. 163].

И конечно же, он обожал всевозможные знаки отличия, компенсирующие природную нехватку воли и самоуважения. На его груди под конец жизни уже не хватало места для орденов и медалей, причем не только Советского Союза, но и всех тех стран, которые хотели выслужиться перед «старшим братом». Словом, Брежнев любил все то, что впоследствии стало атрибутами новых русских — жизнелюбов-среднячков, не претендующих на превращение в олигархов.

Возможно, в другое время и в других обстоятельствах он не прочь был бы проехаться по миру — не с познавательной целью, а так... развлекаться. Но у советских вождей, тем более столь высокого ранга, поездки для расслабления за рубеж были не приняты. В итоге отдыхал Брежнев, как и все прочие лидеры страны, в «тяжких условиях» элитной госдачи, где вынужден был ограничиваться просмотром «Альманаха кинопутешествий», фильмов о природе,

о зверюшках [9, с. 352]. Боевики, кстати, не слишком его привлекали. Добрый был дедушка, порой даже сентиментальный [168, с. 109].

Дочь генсека, Галина Леонидовна, любила бриллианты, а также артистов больших и малых императорских театров (если не на сцене, то, во всяком случае, в своей постели). Друзья и родственники Брежнева, не слишком скрываясь, покровительствовали зарождающейся советской мафии, беря за это «откат», который толком еще не знали, как употребить с пользой для дела и тела. Зять генсека Юрий Чурбанов впоследствии даже отсидел за злоупотребления. В те времена «расцветающего социализма» столь любимый сегодня «откат» оставался еще экзотическим цветком, который выращивали у себя на клумбах лишь немногие особо продвинутые номенклатурщики. Но грубой ошибкой было бы считать, будто участие чиновников в делах бизнеса появилось лишь в 90-е гг. Партноменклатура 70-х гг. активно приспосабливалась к новым правилам, при которых от нее не требовали многого, зато давали столько, сколько ей с лихвой хватало по скромным меркам закрытого общества, не познавшего еще разгула времен семибанкирщины 90-х гг.

Что же касается номенклатуры молодежной, комсомольской, то она смотрела даже дальше, нежели отцы и деды, считавшие желанной роскошью возможность свободно помыкать холуями, не опасаясь порки со стороны вождя. Комсомольцы начинали ездить по миру, обзаводиться собственным имуществом, держать фигу в кармане и готовиться к той эпохе, при которой эту фигу можно будет открыто показать вскормившей их системе. Молодая поросль соединяла «горластость, напористость и звучные декларации о “верности” партии с редким цинизмом и голым практицизмом, с безудержным карьеризмом и подхалимством», — грустно констатировали старшие товарищи [24 с. 38].

Конечно, кроме чад, домочадцев и номенклатурщиков разных мастей в советском обществе имелся еще народ. Но его Брежнев видел лишь два раза в год по большим рабоче-крестьянским праздникам⁴. Да и то лишь с трибуны мавзолея, мимо которого проходили нестройными рядами демонстранты, выразившие по приказу начальства безудержную любовь к власти. Брежнев смотрел сверху на имитацию народного обожания, и люди сливались для него в безликую толпу, над которой отдельными доминантами возвышались его же собственные портреты. Чайनिया народные оставались для генсека трудноуловимыми, а потому таким народом вполне можно было пренебречь.

⁴ В день Международной солидарности трудящихся (1 мая) и в день Великой Октябрьской Социалистической революции (7 ноября).

Впрочем, как-то раз Брежнев столкнулся со своим народом всерьез, причем в самом прямом смысле слова. Однажды, когда престарелый и еле передвигавший ноги генсек посещал завод, производящий космические корабли, на него упал помост с людьми, забравшимися туда взглянуть на явление вождя народу [168, с. 511]. Брежнев тогда выжил каким-то чудом. Отделался ободраным ухом и переломом ключицы. Но через полгода все же скончался. Возможно, полученный на заводе шок ускорил эту кончину.

Символичная получилась история. Ракеты наша экономика делать могла, но соорудить приличную деревянную площадку оказалась не способна даже к визиту партийного лидера страны.

И все же, несмотря на символичность этой истории, падение одного помоста еще не означало падения всей советской системы. Ни экономические трудности, ни афганский конфуз, ни моральное разложение коммунистической верхушки не представляли собой социальной болезни, несовместимой с жизнью.

Советская номенклатурная система функционировала и даже отличалась целостностью. Хотя возможности для продвижения вверх и обновления элиты были сильно ограничены, эпоха застоя давала шанс войти в состав номенклатуры тем, кто играл по ее правилам. Для этого уже не требовалось рисковать собственной жизнью или участвовать в репрессиях по отношению к другим. Молодые советские яппи тысячами пробивались на свет в райкомах, академических институтах, внешнеторговых организациях. Они были довольны судьбой и не сильно мучались экзистенциальными проблемами, донимавшими творческую интеллигенцию, стремившуюся почему-то жить не по лжи.

Могла ли система пережить Брежнева? Могла ли она просуществовать еще годы, а то и десятилетия, если бы судьба отпустила больше здоровья не имевшему никаких собственных взглядов тов. Черненко или если бы на смену Константину Устиновичу пришел, скажем, московский партсекретарь Виктор Гришин?

Конечно, могла, поскольку, в отличие от систем Сталина и Хрущева, в целом была сравнительно приемлемой. В 1953 г., когда решалась судьба сталинизма, вся элита чувствовала себя незащищенной, а потому готова была рискнуть, вступив в схватку с Лаврентием Берией. В 1964 г., когда решалась судьба Оттепели, элита опасалась непредсказуемых последствий хрущевских выкрутасов, а потому пошла на переворот, даже не будучи припертой к стенке.

Но в 1985 г. система не испытывала столь масштабного кризиса, как раньше. В определенном смысле можно сказать, что ее погубила «борьба хорошего

с лучшим». Естественно, если смотреть на «хорошее» и «лучшее» с точки зрения баловней брежневского застоя.

Мы ждем перемен

Что же не позволило стране продолжить двигаться вперед «ленинским курсом» с брежневской спецификой? Обычно, когда ищут объективные причины наметившегося в начале 80-х гг. поворота, называют падение мировых цен на нефть и эскалацию гонки вооружений, произошедшую в период правления администрации Рональда Рейгана — наиболее непримиримо настроенного по отношению к СССР президента США. Так, в частности, Егор Гайдар отмечает, что «при радикальном — почти 6-кратном (с ноября 1980-го по июнь 1986 года) — падении цен на основные экспортные товары страна столкнулась с острым финансовым кризисом и кризисом текущего платежного баланса» [47, с. 344].

Гайдар осуществил фундаментальный анализ этой проблемы. На основе имеющихся данных можно прийти к выводу, что нефтяной фактор действительно существенно повлиял на царящие в умах советской элиты настроения. Но с высоты наших сегодняшних знаний вряд ли можно говорить о том, что решающее значение имели только нефть и гонка вооружений. Нехватка нефтедолларов, конечно, означала снижение возможностей для подкормки народа, а следовательно, дальнейшее падение популярности вождей, и без того ставших уже героями бесчисленных анекдотов. Для демократии такое положение вещей опасно. Но было ли оно опасно для советской тоталитарной системы?

Какое-то время мы полагали, что опасность существует. Мнение это покоилось на изучении революционного прошлого страны, на страхе, вызванном русским бунтом — бессмысленным и беспощадным. Элиты ждали социального взрыва в 1992—1993 гг., когда людям, не вписавшимся в рыночные реформы, пришлось изрядно хлебнуть лиха. Элиты ждали волнений после дефолта 1998 г., когда разом обеднела практически вся страна от олигархов до одиноких стариков. Даже на волне неудач чеченской кампании, когда тысячи россиян стали жертвами бессмысленной бойни, многие ждали проявлений массового недовольства.

Однако россияне каждый раз поражали аналитиков своей терпеливостью и даже индифферентностью, переходящей в пофигизм. Оказалось, что бунт — бессмысленный и беспощадный — это явно из другой истории, более сложной и пока не до конца нами понятой. Простое падение жизненного

уровня — это еще не повод для революций. Или, во всяком случае, повод недостаточный.

Так можем ли мы, глядя сегодня на эпоху середины 80-х гг., сказать, что исключительно нехватка нефтедолларов для подкормки населения определяла наступление перестройки? Она, конечно, многое определяла. Более того, руководители партии и правительства, помнившие, как в 1962 г. в Новочеркасске люди с протестом вышли на улицы, могли в 80-е гг. ожидать чего-то подобного в Москве, причем с гораздо худшими для системы последствиями. Ведь о том, что бунтов не возникнет, они еще знать не могли. И все же экономическое обоснование являлось, скорее, дополнительным аргументом для тех, кто по совсем иным причинам стремился к осуществлению радикальных преобразований.

Примерно то же можно сказать и об обострении гонки вооружений. С одной стороны, надо отметить, что «стоимость» глобальной политики СССР более чем удвоилась между 1970 и 1982 гг. [24, с. 47]. И это при совсем плохо работающей экономике. Но с другой стороны, можно вспомнить, что для достижения стратегического паритета Сталин в свое время не устраивал никаких перестроек. Напротив, он лишь туже затягивал гайки. Вся страна могла голодать, когда собирались средства на строительство военных (и полувоенных) объектов первых пятилеток. Целые районы могли отключаться от электричества, когда энергия требовалась создателям атомной бомбы. И ничего — народ терпел.

Потерпел бы, очевидно, и в 80-е гг., если бы власть в очередной раз решила закрутить гайки ради укрепления обороноспособности страны. Конечно, в век высоких технологий подобным образом соперничать с американцами нам было уже не под силу, но четверть века назад таких тонкостей в советской элите еще никто понимать не мог. Особенность той эпохи состояла в том, что прежде всего сама элита не хотела сохранять систему. И лишь в той мере, в какой она нуждалась в оправдании своего нежелания терпеть брежневский застой, элита искала рациональных мотивов для своего ренегатства.

В конце XX века, по сути дела, повторилась история середины XIX столетия, когда, как отмечает историк Борис Миронов, «крепостная система хозяйства заходила в тупик не из-за ее малой доходности, а по причине невозможности сохранения прежнего уровня насилия... Время для отмены частновладельческого крепостного права наступило в конце 1850-х гг., когда общественное мнение склонилось к мысли о несовместимости крепостного права с духом времени» [161, с. 407–408].

Такой вот получается парадокс в конце брежневской эпохи. Экономически система вполне удовлетворяла элиту, и если была тяжелой для широких масс населения, то отнюдь не настолько, чтобы вызвать социальный взрыв. Однако экономический детерминизм при объяснении краха старого режима все же не срабатывает. Дело в том, что ментально система отторгалась практически всеми. Мы не видели в ней смысла. Мы не считали ее легитимной. И хотя разные люди ждали различных преобразований, все в равной степени готовы были отряхнуть со своих ног прах убогих кумиров того времени – престарелых маразматиков, с трудом держащихся на ногах и кое-как живущих, «под собою не чуя страны».

Коммунистическая идея медленно умирала, сохраняя свою жизненную силу, скорее, не столько среди партийной номенклатуры, сколько в рядах романтиков-шестидесятников. Старую идею мог бы заменить национализм, и Сталин попытался пойти этим путем. Но трансформировать коммунизм в национализм при жизни он не успел, а после 1956 г. все идеи отца народов оказались изрядно замараны его репутацией. К тому же вынужденная борьба с немецким национал-социализмом объективно подорвала позиции великорусских шовинистов, постоянно оказывавшихся в меньшинстве.

Как отмечает Карен Брутенц, «режим еще был в состоянии, стагнируя, держаться долго, быть может, очень долго. Однако сомнительно, чтобы пришедший на смену брежневской плеяде новый руководитель имел большую свободу маневра и смог длительное время топтаться на месте, не озаботясь судьбами страны, безнаказанно ими пренебрегать. Против системы начинали работать основные факторы развития – внутренние и внешние, краткосрочные и долгосрочные, – и на это не мог не реагировать начинавший свое «правление» руководитель» [24, с. 57].

В общем, нам всем оставалось лишь одно. Западная культура, активно проникавшая к нам в 70-е гг. сквозь железный занавес, постепенно занимала место в почти очищенных от официальной идеологии умах граждан. Рок-музыка заводила почище «Интернационала»⁵. Зарубежное кино показывало быт Парижа, Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, как он есть, т.е. без примеси советской пропаганды.

Наконец, импортные шмотки и парфюм убеждали в том, что капитализм если и загнивает⁶, то с потрясающим запахом.

⁵ Международный коммунистический гимн.

⁶ В одной из известных работ В.И. Ленина содержался тезис о загнивающем капитализме.

«Мы ждем перемен», — пел легендарный Виктор Цой. «Выезжайте за ворота и не бойтесь поворота» — вторила ему «Машина времени». А Борис Гребенщиков чертил нам контуры золотого града. И это не был конфликт отцов и детей. Как отцы, так и дети грезили о золотом граде. Уход Брежнева открывал дорогу к поискам этой таинственной обители. Как только появилась возможность «выехать» за ворота застойного царства, так сразу миллионы людей устремились к переменам.

Провал «аристократии духа»

Первым повел нас по пути перемен Андропов. Это был совсем иной человеческий тип, нежели Брежнев. Безумно любивший власть как таковую, а отнюдь не блага, с нею связанные, легендарный глава Комитета Госбезопасности стремился к переустройству СССР. Правил страной он после смерти Брежнева лишь 15 месяцев (с ноября 1982 г. по февраль 1984 г., а реально (из-за плохого здоровья) гораздо меньше. Можно сказать, почти и не правил, а потому о сути андроповского курса преобразований до сих пор ведутся ожесточенные споры.

Сочетаются ли вообще КГБ и реформы? Любопытно, что сам Андропов как-то по случаю лаконично (да еще и в стихотворной форме) ответил на вопрос о том, чем для него является госбезопасность [цит. по 20, с. 245–246]:

Известно: многим Ка Гэ Бе,
Как говорят, «не по губе».
И я работать в этот дом
Пошел, наверное б, с трудом,
Когда бы не случился впрок
Венгерский горестный урок.
Когда я начал понимать,
Что Правду должно защищать
Не только словом и пером,
Но если надо, — топором.

Посол в Будапеште в кровавом 1956 г. — он так всю жизнь и не мог преодолеть «венгерского синдрома». Если Брежнев, навоевавший по уши в Великую Отечественную, активно налегал на миротворчество, то для Андропова, отсидевшегося во время войны в тылу [160, с. 74–75], главным жизненным

шоком стали революционные действия народных масс. В Венгрии он впервые серьезно столкнулся с опасностью. И с тех пор этот «наследник идей Октября» не переносил каких бы то ни было революций. Он постоянно твердил: «Вы не представляете себе, что это такое — сотни тысяч толпы, никем не контролируемые, выходят на улицы» [160, с. 105], а потому все время контролировал и контролировал. Чтобы никто без разрешения властей на улицы не выходил.

В итоге все реформаторские порывы Андропова принимали своеобразные формы. Тем, кто жил в столицах в 1982—1984 гг., его приход к власти больше всего запомнился внезапными уличными проверками со стороны силовиков. У людей, находившихся в рабочее время в очереди за продуктами, в кино или же просто на прогулке, милиция проверяла документы, выясняя, почему данный человек «не стоит за станком». Так Андропов надеялся укрепить дисциплину труда.

Вряд ли о нем можно говорить как о бездумном деспоте или, тем более, палаче. Андропов, возглавивший КГБ в 1967 г., был мотором советских репрессий 70-х — начала 80-х гг., но, в отличие от Сталина, сторонился репрессий массовых. «Надо подходить к этому очень осторожно, — говорил он. — Арестуйте вы сто человек и сразу создадите многие сотни врагов из числа членов их семей и близких друзей. Лучше тонко изымать ключевые фигуры». При этом прагматичный Андропов приводил пример из своих наблюдений за работой сплавщиков леса в Карелии. Когда на реке возникал затор из бревен, работники осторожно выбирали ключевое бревно и ловко вытаскивали его. Затор рассасывался [157, с. 301].

Андропов был интриганом, но, в отличие от Брежнева, не столько пользовался случайно подвернувшимся моментом, сколько сам его создавал. Андропов был аскетичен, но, в отличие от Сулова, всегда строго и элегантно одет. Андропов ценил идеи, но, в отличие от того же Сулова, был не столько хранителем марксистских традиций, сколько их модификатором, для чего даже собрал вокруг себя в начале 60-х гг. мозговой штаб в составе Георгия Арбатова, Александра Бовина, Олега Богомолова, Федора Бурлацкого, Георгия Шахназарова — людей, заметных в интеллектуальной жизни страны вплоть до конца столетия.

Виктор Цой

И самое главное. Андропов использовал интригу ради идеи, а идею ради интриги, причем как то, так и другое, в конечном счете, должно было служить не телу, а делу. Тому делу, плоды которого мы, впрочем, так и не увидели.

Одной из удивительных особенностей Андропова было стремление казаться интеллектуалом. Он имел лишь «заушное» образование Высшей партшколы, не был способен к языкам и абсолютно не разбирался в экономике — том главном, что должно было лежать в основе всяких преобразований. Однако КГБ успешно создавал миф об Андропове-полиготе, читающем лекции в МГИМО, знающем новинки литературы, смягчающем давление партийных бонз на диссидентов и к тому же давно имеющем программу радикальных преобразований. Если миф о Косыгине как реформаторе складывался сам собой в силу естественных обстоятельств, то миф об Андропове как интеллектуале, судя по всему, целенаправленно ковался соответствующими специалистами.

Впрочем, когда Андропов действительно пришел к власти, мы не увидели ничего иного, кроме попытки ужесточить трудовую дисциплину карательными мерами. Нужно ли было новому генсеку принимать образ интеллектуала для того, чтобы проводить массовые облавы в надежде с помощью страха заставить людей находиться в рабочее время на рабочем месте? Неужели этот «интеллектуал» действительно полагал, что такими мерами можно поднять экономику? Или он «гонял бездельников» от отчаяния, поскольку понимал (и публично в этом признавался), что партийное руководство не знает общества, в котором живет.

Обычно считается, что Андропов со свойственной гэбисту иезуитской хитростью маскировался, втираясь в доверие к интеллигенции и к западным журналистам. Но не будем усложнять. Скорее всего, он, как всякий человек, умный от природы, но малообразованный, объективно тянулся к тем, кого называл «аристократами духа». Недаром от своих детей Юрий Владимирович требовал духовности и аристократизма, что резко контрастировало, например, с тем, как воспитывались дети Брежнева, излишней духовностью не обремененные [238, с. 90].

Андропову было скучно в кремлевском гадюшнике. Всех его обитателей он постепенно слопал, чем доказал преимущество интеллекта над присущей советской элите хитрожопостью. Однако стать своим среди «аристократов духа» новый генсек не сумел. Духа на это, может, и хватило бы, но не хватало аристократизма.

Андропов гениально просчитывал комбинации, но... не более чем на полхода. Судя по всему, он искренне боролся с коррупцией и стремился заставить лениво крутящуюся производственную машину работать как швейцарские

часы. Вряд ли при этом он был сталинистом, готовым завести эту машину с помощью массовых репрессий⁷. Но беда Андропова состояла в том, что иного способа сдвинуться с мертвой точки он себе не представлял.

Интеллектуалы, близко его знавшие, отмечали, что настоящих реформ Андропов осуществить не сумел бы. По оценке Арбатова, все его представления сводились к тому, чтобы навести порядок, укрепить дисциплину, повысить роль стимулов

Юрий Андропов

[см., напр., 9, с. 395–396]. А Бурлацкий отмечает, что «всей своей биографией, складом ума, системой ценностей он (Андропов – Д.Т.) был мало подготовлен для этой роли (реформатора – Д.Т.)» [29, с. 551].

Косвенным образом о неспособности Андропова широко взглянуть на вещи свидетельствует также его намерение ликвидировать построение СССР по национальному признаку и разделить страну на штаты, исходя из численности населения того или иного региона [39]. Этот подход напоминал в общих чертах облавы, с помощью которых «решались» экономические проблемы. Вместо того, чтобы заинтересовать народы в совместном сосуществовании, их пытались лишить всякой национальной сущности, сделать безликими винтиками огромной имперской машины. Понятно, что вследствие такой «реформы» – будь она реализована на практике – стремление к независимости резко возросло бы даже у тех, кто сегодня вполне лоялен Москве.

Есть, конечно, и иные, оптимистические оценки Андропова как реформатора [см., напр., 24, с. 52], но они, в основном, исходят от людей, мало его знавших, да к тому же обращавших внимание, скорее, на благие намерения, чем на личностные качества, позволяющие добиваться реальных изменений. Юрий Владимирович пытался экспериментировать с экономикой, но вряд ли готов был принять истинные результаты экспериментов, говоривших о необходимости радикальных рыночных преобразований.

⁷ Впрочем, столь умный и информированный человек, как секретарь ЦК Александр Яковлев, говорил: «Андропов – самая опасная фигура после Сталина. Была бы у него возможность, он восстановил бы сталинские лагеря для политических» [цит. по 160, с. 192].

Несмотря на искреннее стремление к переменам и определенный интеллектуализм, Андропов оказался дальше, чем даже Брежнев с Черненко, от той модели, к которой мы пришли в 90-е гг. Этих двоих судьба тащила за собой, и они не сильно сопротивлялись велениям времени. Но Андропов пытался судьбой управлять, а потому был несчастлив, постоянно сидел на транквилизаторах, впад в жестокую, ежедневную зависимость от них [160, с. 137]. И все же, в конечном счете, он уперся в стенку, преодолеть которую так и не смог.

Был ли он адекватен советскому обществу начала 80-х гг.? И да, и нет.

С одной стороны, Андропов делал то, к чему стремились все — трансформировал нелегитимную систему, хватая за хвост «жирных котов», вызывавших зависть и ненависть у рядового советского человека. Возможно, в этом кроется главная причина сохраняющегося и по сей день мифа об Андропове-реформаторе.

Но с другой стороны, генсек от КГБ пытался вести страну туда, куда никто идти уже не хотел. Советское общество было поголовно коррумпировано. Галина Леонидовна пробавлялась бриллиантами, а какой-нибудь там Иван Иванович тащил с завода инструмент. При этом каждый терпимо относился к своему собственному «бизнесу», глубоко презирая «бизнес» другого.

Андропов мог бы держаться у власти, устраивая время от времени показательные расправы то наверху, то внизу, но он не мог подобным образом реформировать общество. Более того, постепенно генсек, плюющийся против ветра, перестал бы быть фигурой хоть сколько-нибудь уважаемой, а его попытки легитимизировать систему привели бы к формированию у людей ощущения еще большей нелегитимности. Если брежневская система, в принципе, могла бы пережить Брежнева, то андроповская — вряд ли пережила бы своего автора при любом развитии событий. Она кормила иллюзии, но на практике мешала всем — и верхам, и низам.

Впрочем, все вышесказанное, конечно, представляет собой наши домыслы. Быстрая смерть Андропова и политический провал тех, кого можно было бы условно считать продолжателями его линии, не позволили выяснить, как дело пошло бы на практике. Но, думается, судьба Горбачева — наиболее гибкого политика из той четверки, что прогуливалась теплым осенним вечером 1978 г. по перрону в Минводах — демонстрирует нам самый естественный ход событий. Тот ход, к которому рано или поздно страна все равно бы обратилась.

Горбачев из всей четверки был ближе всего к народу. Он в какой-то мере отдавал дань той линии, что шла от Андропова, и, бесспорно, разделял его

взгляды на нелегитимность брежневской системы. Недаром Горбачев прошел через борьбу с пьянством, представлявшую собой разновидность андроповского курса на укрепление трудовой дисциплины.

Но в молодом генсеке сочетались неумеренное брежневское жизнелюбие с умеренным андроповским интеллектуализмом. И все это дополнялось принципиально новым видением мира, обретенным в сравнительно частых зарубежных поездках. Поэтому при Горбачеве страна начала медленно нащупывать дорогу к настоящим реформам, способным так трансформировать систему, чтобы придать ей и динамизм, и легитимность.

Итак, представим себе на минутку, что картина реального развития событий вдруг пронеслась бы перед глазами Брежнева, Андропова, Черненко и Горбачева поздним вечером 19 сентября 1978 г. Как каждый из них реагировал бы на внезапно открывшиеся перспективы?

Думается, что Леонид Ильич был бы наиболее спокоен. Вряд ли бы он многое понял из увиденного, но, скорее всего, обстановка обретенного элитой олигархического комфорта доставила бы ему удовольствие сродни тому, которое он получал, завалив на охоте упитанного кабанчика.

Константин Устинович с некоторым волнением стал бы изучать реакцию шефа, но, убедившись в спокойствии Брежнева, принял бы свершающееся как должное.

Юрий Владимирович оказался бы наиболее раздражен. Система, выходящая из-под контроля и развивающаяся по присущим ей законам, никак не укладывалась в его голове. Претендующий на интеллектуализм Андропов почувствовал бы себя ущемленным, как азартный игрок, проигравший принципиально важную партию. Впрочем, удовлетворение от растущей ныне политической роли органов госбезопасности, наверное, несколько смягчило бы гнев.

В настоящем шоке пребывал бы лишь Михаил Сергеевич. Уж он-то совсем не ожидал от себя ничего подобного.

Часть 2. ПЕРЕСТРОЙКА

Глава 5

Московская весна

Как начиналась перестройка

В тот год – 1985-й от рождества Христова – весна в Москве началась с одного малозаметного события. Директор Института востоковедения Академии наук СССР Евгений Максимович Примаков заехал к своему коллеге – директору Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Александру Николаевичу Яковлеву. Речь зашла о просьбе, выраженной еще одним директором – Анатолием Андреевичем Громыко, возглавлявшим тогда Институт Африки АН СССР.

Парадоксальная, на первый взгляд, просьба Громыко-младшего (нетрудно догадаться, что он был сыном всемогущего советского министра иностранных дел) не имела отношения ни к Африке, ни к востоковедению, ни к мировой экономике с международными отношениями. Речь шла о том, что член политбюро ЦК КПСС Громыко-старший хочет установить неформальный контакт с членом политбюро ЦК КПСС Михаилом Горбачевым [304, с. 459–461].

Казалось бы, что проще? Снял трубку прямой связи и установил контакт. Зачем напрягать одного академика и двух членов-корреспондентов?

Речь шла, однако, не о том, чтобы вместе отметить начало весны. Андрей Громыко был глубоко озабочен тем, кто придет на смену только что скончавшемуся генеральному секретарю ЦК Константину Черненко¹. Опытный дипломат, глава МИДа стал тщательно готовить предстоящее заседание политбюро.

Челночная дипломатия Яковлева

Получив сигнал от Примакова, Яковлев отправился к Горбачеву, с которым находился в доверительных отношениях. Двумя годами ранее Яковлев – тогда советский посол в Канаде – показывал пересекшему океан секретарю ЦК, как живет свободный мир. Александр Николаевич уже в 1983 г. делал ставку на Михаила Сергеевича, доказывая канадскому руководству, что это будущий лидер страны и его следует принимать на самом высоком уровне [304, с. 353]. Для Горбачева данная поездка и private беседы с одним из ведущих интеллектуалов советской партийной элиты значили чрезвычайно много. В частности, за одну ночь привезенное из Москвы «твердолобое» выступление секретаря ЦК было переложено на язык, доступный западной аудитории. Тем самым Яковлев показал Горбачеву свой профессионализм.

Что же касается Громыко, то именно он в свое время направлял Яковлева на дипломатическую работу, а потому хорошо знал и очень уважал своего бывшего подчиненного. Словом, в 1985 г. лучшего посредника для общения двух советских лидеров было не придумать.

Горбачев выслушал Яковлева и дал согласие на продолжение переговоров. Тот, в свою очередь, вернувшись в институт, пригласил Громыко-младшего. Посредники приступили к обсуждению вопроса по существу. Суть предложения сводилась к следующему. Престарелый, но сохранивший

¹ Из мемуаров А.Н. Яковлева, где излагается описанная история, не вполне ясно, происходили ли данные события, когда Черненко еще умирал или когда уже скончался. Андрей Грачев отмечает, что встреча Горбачева с Громыко состоялась за 20 минут до начала исторического заседания политбюро [62, с. 90]. Судя по тому, что интрига развивалась быстро, все происходило уже после кончины Константина Устиновича.

В интерпретации Валерия Болдина Горбачев сам посылал гонца к Громыко [22, с. 87]. Но если это так, получается, что Яковлев соврал, придумав всю эту сложную историю, а Примаков с Громыко-младшим его прикрыли, что маловероятно.

ясность мысли, министр иностранных дел был убежден в том, что ситуация глубокого кризиса, порожденного десятилетним правлением туго соображавшей партийной геронтократии (еще в 1975 г. Брежнев перенес инсульт, а затем инфаркт), может быть преодолена только с помощью избрания генсексом Горбачева.

Громыко не был тайным реформатором, да и сам Горбачев к марту 1985 г. еще не стал таковым. Но ситуация в Москве становилась с каждым годом все более неприличной. Министр иностранных дел, по долгу службы обязанный блюсти честь державы за рубежом, понимал это как никто другой. Начав трудиться на ниве международных отношений еще в сталинские времена и став главой МИДа аж в 1957 г., Громыко видел, что при подобном развитии событий мы можем вскоре перестать быть великой державой.

Дело сводилось не только к тому, что дряхлые вожди с трудом вставали со стула под тяжестью навешанных на их пиджаки орденов, давая всему миру повод подсмеиваться над наследниками грозного Сталина. Афганский конфликт показал: маразм советского руководства — вопрос не столько физиологический, сколько политический. Введя ограниченный контингент советских войск в Афганистан еще в 1979 г., СССР никак не мог одержать победу в боях с моджахедами. Авторитет великой державы падал. Просоветские режимы во всем мире начинали задумываться о том, что лев одряхлел и скоро сам станет жертвой хищника.

Горбачев в советском руководстве выглядел наиболее вменяемым на фоне невменяемых, а потому неглупый глава МИДа должен был склоняться к поддержке молодого секретаря ЦК. Громыко, скорее, мог ожидать от этого ставленника Андропова дальнейшего закручивания гаек, нежели демократизации, но подобное развитие событий вряд ли принципиально противоречило тому видению мира, которое имелось у Андрея Андреевича.

Дело в том, что в конце 70-х — начале 80-х гг. в политбюро сложилась неформальная группировка, включавшая самую яркую фигуру — Юрия Андропова, а также Андрея Громыко, Михаила Горбачева и министра обороны Дмитрия Устинова. Речь, конечно, не идет о том, что эта четверка интриговала против других советских лидеров. Отношения носили более сложный характер. Андропов с Устиновым были наиболее близки лично. Громыко, как правило, поддерживал их по принципиальным вопросам, хотя, естественно, в целом сохранял самостоятельность. Горбачев являлся выдвигенцем Андропова, но при этом в известной мере обязан был своими позициями Михаилу Суслову, по многим параметрам от Андропова отличавшемуся.

В 1984 г., как только Константин Черненко возглавил партию, новый генсек предложил Горбачеву вести заседания секретариата. Фактически это означало, что, согласно давней традиции, Михаил Сергеевич становился вторым лицом в партийной иерархии. Устинов энергично поддержал предложение, отвергнув возражения скептиков, а дипломатичный Громыко занял нейтральную позицию [206, с. 134–136].

Но к 1985 г. ни Андропова, ни Устинова уже не было в живых, и Громыко с Горбачевым оставались главными носителями «андроповских» (если можно так выразиться) идей. Таким образом, глава МИДа именно от Горбачева мог ожидать каких-то позитивных шагов по укреплению советской государственности.

Для себя же Громыко готовил красивое завершение славной, многолетней карьеры. В обмен на прямую и решительную поддержку Горбачева в борьбе за пост генсека он требовал «президентского поста», т.е. должности председателя президиума Верховного Совета СССР. Поскольку переворот намечался почти столь же радикальный, как в 1964 г. (когда сняли Хрущева), самое время было опять разделить функции главы партии, государства и правительства. Ведь приход к власти новой коалиции, в которой генсек — лишь первый среди равных, объективно предполагает такого рода разделение.

Итак, получив от Громыко-младшего абсолютно ясное предложение, Яковлев продолжил свою челночную дипломатию, вновь отправившись на Старую площадь. Горбачев с радостью принял неожиданную поддержку и дал понять, что согласен составить своеобразный тандем с Громыко. Яковлев передал информацию его сыну, и вскоре состоялась личная встреча двух политиков, предопределившая исход мартовского (1985 г.) пленума ЦК КПСС, избравшего Горбачева генсеком.

Теоретически у него могло быть два основных конкурента — глава московского горкома КПСС Виктор Гришин и недавний ленинградский партийный вождь (к марту 1985 г. — секретарь ЦК) Григорий Романов. Не исключено, что по принципу геронтократической преемственности мог надеяться на главный пост и 80-летний премьер Николай Тихонов — старый друг Брежнева. Но Громыко, взяв в свои руки инициативу на предшествовавшем пленуму заседании политбюро, сразу же высказался в пользу Горбачева.

Еще более убедительным был глава КГБ Виктор Чебриков, заметивший, что чекисты поручили ему поддержать именно Горбачева. А затем (для непонятливых) он еще и уточнил: «Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива — это и голос народа» [62, с. 91].

Оппозиция оказалась слаба. Тихонов был слишком стар и вял. Два «наследных принца» 70-х гг. — Романов с Гришиным — по понятным причинам находились между собой в плохих отношениях и оказались не готовы к серьезному отпору. Единственной реальной опорой Гришина до марта 1985 г. оставался Черненко, но после его кончины и провала неудачно разыгранной операции «преемник» Виктор Васильевич пребывал в полном одиночестве.

Таким образом, если кто и хотел предложить иную, нежели Горбачев, кандидатуру генсека, то моментально заткнулся. По одной из версий, Гришин даже с перепугу первым предложил избрать именно Горбачева [22, с. 83].

Вопрос решился без всяких споров. Никто не вешал о необходимости реформ. Никто не ожидал отхода от социализма. Аппаратная комбинация 1985 г. оказалась проведена в духе свержения Берии, Хрущева или группировки Молотова—Маленкова—Кагановича.

В середине 80-х гг. многим советским людям казалось, что пришедшие к власти лидеры имеют продуманную программу действий. Однако на самом деле видение перспектив у «мартовских революционеров» оказалось весьма смутным. Главным для них было ввязаться в бой, отсечь соперников и рассесться по кабинетам. А что произойдет дальше, определялось уже развитием событий.

Объегирили и подкузьмили

Описанная выше интрига не была в те дни единственной. Решение вопроса на политбюро по законам советской аппаратной борьбы еще не значило окончательной победы. Пленум теоретически мог высказаться и против Горбачева. Особенно если кто-то из проигравших лидеров готов был апеллировать к секретарям обкомов и ведущим министрам, составлявшим основную массу членов ЦК. Поэтому, помимо Громыко, должен был быть еще некий человек, обеспечивавший победу Горбачева. Человек, профессионально работавший с высшими партийными кадрами и способный убедить людей, приехавших из глубинки, в правильности той или иной позиции.

Таким человеком был Егор Лигачев. Во второй половине 80-х гг. наше привыкшее к черно-белому миру сознание противопоставляло Горбачева Лигачеву. Егор Кузьмич в глазах продвинутых интеллектуалов, не принимавших официальные сообщения из Кремля за чистую монету, стал олицетворением противника перестройки. Однако столь же правильно было бы считать, что именно он эту перестройку породил.

Лигачев значительно старше Горбачева. Первый родился в 1920 г., второй – в 1931 г. Но, по сути дела, оба принадлежали к одному поколению, которому в середине 80-х гг. довелось сменить у руля ветеранов партии. Лигачев всего на шесть лет моложе Андропова, однако в истории КПСС между ними – пропасть. Юрий Владимирович уже делал советскую политику в те годы, когда Егор Кузьмич на целых 17 лет застрял на должности первого секретаря обкома в ничем не примечательном сибирском городе Томске.

В отличие от Андропова и Горбачева, Лигачев не был прирожденным лидером. Судьба определила ему всегда оставаться на вторых ролях. Недаром даже после 1991 г., когда КПСС воссоздавалась в виде КПРФ, Егор Кузьмич, вроде бы бывший в глазах всего народа символом ортодоксальной коммунистической идеи, даже не вошел в число партийных лидеров.

Однако имелось у Лигачева иное достоинство. Он был честным служакой, любившим и умевшим пахать на своего шефа не за страх, а за совесть. Недалекий и малообразованный Егор Кузьмич, тем не менее, понимал всю глубину кризиса, в который входила страна при геронтократах, а потому еще в апреле 1983 г. (за пару лет до описываемых событий) с радостью ухватился за предложение Андропова перебраться в Москву на пост заведующего организационным отделом ЦК. Это была ключевая аппаратная должность. Лигачеву предстояло убирать старые кадры, принимать на себя всю глубину ненависти отставников и расчищать дорогу для сил, способных в перспективе обновить любимую партию.

Собственно говоря, силой этой был Горбачев, поскольку в 1983 г. уже становилось ясно, что Андропов – не жилец. Михаил Сергеевич давно обратил внимание на Егора Кузьмича, хотя в 70-х гг. они возглавляли регионы, находившиеся за тысячи километров друг от друга. В ЦК существовало очевидное для многих разделение на сибаритов, стремящихся лишь получать выгоды от занимаемой должности, и политиков, интересующихся развитием страны. Последних было меньшинство, но зато они быстро примечали друг друга.

Неудивительно, что с воцарением Андропова в ноябре 1982 г. Горбачев – протеже генсека – стал помогать тому сколачивать новую команду. Через пять

Егор Лигачев

месяцев Михаил вызвал находившегося в Москве по делам Егора, ввел в курс дела и отправил на прием к своему шефу. Буквально за два часа ничего не ожидавший Лигачев, которому вроде пора уже было готовиться к пенсии, превратился в высокопоставленного сотрудника партийного аппарата. А вскоре и в секретаря ЦК КПСС.

Лигачев и Горбачев понимали друг друга с полуслова. Не прошло и года, как первый разогнал порядка 20% секретарей обкомов, министров и руководителей разного рода ведомств, а второй завоевал любовь партийных кадров, предлагая освободившиеся места будущим «прорабам перестройки» [144, с. 57].

В феврале 1984 г. Андропов скончался. При сменившем его Черненко позиции Горбачева и Лигачева несколько ослабли, но в целом геронтократия не смогла взять реванш. А когда умер и Черненко, наступил звездный час «младореформаторов образца 1985 г.».

11 марта партийная элита съехалась на пленум, которому предстояло избрать нового генсека. Успех, обеспеченный усилиями Громыко, следовало закрепить, и Лигачев приступил к работе. Накануне до поздней ночи он с Горбачевым и Чебриковым прокачивал на предмет лояльности представителей аппарата ЦК, а с утра лично взялся за своих «подопечных» — секретарей обкомов. Толпившиеся в приемной провинциалы заходили к нему по очереди. На каждого тратилось пять-семь минут. Лигачев прояснял гостю текущий момент и давал краткую информацию о сложившейся накануне расстановке сил, а также о том, как следует голосовать разумным партийцам [144, с. 99, 103–104]. Репутация секретаря ЦК по оргвопросам не вызывала сомнений у участников пленума. Все партийцы оказались разумными, и Горбачев прошел на ура.

Любопытно, что, согласно мемуарам Горбачева, другой секретарь ЦК — Николай Рыжков — проделал с министрами работу наподобие той, которую Лигачев проделал с секретарями обкомов. Но сам Рыжков в мемуарах об этом даже не упоминает [его рассказ о пленуме и связанных с ним событиях см. 224, с. 75–76]. То ли Горбачев присочинил, то ли Рыжков впоследствии стеснялся своего слишком активного участия в накачке Совмина. Лигачев же не стеснялся. Более того, давал понять, что без него Горбачев мог бы и не стать вождем.

Кстати, весной 1985 г. благодарность генсека, хорошо понимавшего определяющую роль Лигачева, не заставила себя долго ждать. Если предоставление Громыко президентского поста стало простой формальностью, то Лигачев

действительно резко пошел вверх. Уже на состоявшемся через полтора месяца после воцарения Горбачева апрельском пленуме ЦК Егор Кузьмич в мгновение ока стал вторым человеком в партии.

Лигачев был введен в политбюро и посажен в президиум то ли ошуюю, то ли одесную от генсека. А затем Горбачев (так, чтоб слышно было в зале) «прошептал»: «Егор Кузьмич, предоставляй мне слово. Я пошел выступать» [144, с. 110]. Вопросов о новой расстановке сил ни у кого больше не имелось. Более того, Лигачев стал совмещать должности секретаря ЦК по оргвопросам и по идеологии. Это была колоссальная власть.

Впоследствии, когда Лигачев стал символом «противника перестройки», в интеллигентских кругах стала ходить шутка, что народ, мол, объЕГОРили и подКУЗЬМИли. Но, справедливости ради, стоит заметить, что поначалу Горбачев, Лигачев, Громыко и Чебриков объегорили и подкузьмили старые брежневские партийные кадры, не желавшие вообще никаких перемен.

И вот путь к переменам оказался открыт. Мы с нетерпением ждали реформ, плохо понимая еще, что борьба с коррупцией и укрепление трудовой дисциплины при помощи КГБ практически не сочетаются с нашим желанием иметь полные прилавки и ясные перспективы. Да и сами реформаторы этого не понимали.

Горбачевская каша

В течение года после мартовского пленума активно шла зачистка политбюро. Романов, Тихонов и Гришин отправились на покой. Особенно печальной была судьба Гришина. В 1992 г. 78-летний больной старик переоформлял пенсию в одном из райсобесов Москвы. У бывшего хозяина столицы, недавно еще известного всем по бесчисленным портретам, попросили документы, подтверждающие личность. Гришин побледнел, стал искать паспорт, но вдруг уронил голову на стол и, не приходя в сознание, скончался [92, с. 586].

Старые советские кадры больше не были нужны. Но и в новых людях хорошо узнавались традиционные советские черты. На апрельском пленуме ЦК, провозгласившем курс перестройки и надолго ставшем символом обновления страны, Горбачев ввел в политбюро трех человек – провинциального партийца Лигачева, красного директора Рыжкова и гэбиста Чебрикова. Все трое были из андроповского призыва. Именно они составили горбачевскую команду на первом этапе реформ. Это во многом объясняет характер данного этапа.

Михаил Горбачев

Но Горбачев не был бы Горбачевым, если бы ограничился андроповским призывом. Уже в июле 1985 г. Михаил Сергеевич начинает подтягивать второй эшелон. Посоветовавшись с Громыко, Лигачевым и Чебриковым, он назначил министром иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе. Затем ввел в секретари ЦК Бориса Ельцина и Льва Зайкова. Последний, правда, оказался человеком случайным, ни на что всерьез не повлиявшим и большой власти не получившим.

Но самое главное — на постах заведующих отделами ЦК появились Александр Яковлев (идеология) и Анатолий Лукьянов (общий отдел). Возросла роль Вадима Медведева, работавшего заведующим отделом науки еще с 1983 г. Журнал «Коммунист» возглавил Иван Фролов, а позднее — Наиль Биккенин, у которого стали работать Отто Лацис и совсем еще тогда молодой Егор Гайдар.

Это уже был совершенно иной контингент. Несмотря на то, что впоследствии Яковлев и Лукьянов оказались по разные стороны баррикад, оба представляли собой ярких партийных интеллектуалов с совершенно иной карьерой, нежели у традиционных кадров, мобилизуемых из провинциальных обкомов.

Формально можно считать, что Горбачев тянул личных друзей. С Лукьяновым он в свое время учился на юрфаке МГУ, с Яковлевым позднее изучал Канаду, а Биккенин был однокурсником его жены — Раисы Максимовны. Но сам тот факт, что среди первых друзей генсека, втянутых во власть, оказались люди нестандартные, уже говорит о многом.

Горбачев не был рядовым андроповцем. Он мог идти гораздо дальше своего бывшего патрона. И именно эта способность Михаила Сергеевича обусловила то, что из простого продолжения жесткого гэбистского курса перестройка впоследствии стала чем-то самостоятельным, чем-то совсем непохожим на реализацию прямолинейных идей Андропова.

Что представлял собой Горбачев? [его подробный политический портрет см. 254, с. 353–362]. Провинциал, крестьянский сын, сформировавшийся как личность в самые мрачные годы сталинщины. Карьерист, сумевший быстро продвинуться по службе. В 60–70-х гг. он жил как типичный секретарь крайкома. Поднимал хлеба, повышал надои, выстраивал нижестоящих, юлил перед

вышестоящими. Когда требовалось, он мог устроить разнос местным ученым или журналистам за «неправильные» взгляды — за те самые, что составили впоследствии основы заложенного самим Горбачевым нового мышления [см., напр., 133, с. 72–85]. Кстати, спустя годы генсек не слишком раскаивался из-за загубленных судеб тех людей, которые могли бы быть прорабами перестройки.

Даже горбачевский «нонконформизм» представлял собой высшую стадию партийного конформизма. Как-то раз в бытность первым секретарем ставропольского крайкома КПСС Михаил Сергеевич поспорил с самим Алексеем Косыгиным. Тот посетовал на плохой сбор урожая. А Горбачев предложил премьеру собрать этот самый урожай с помощью «штабных» совминовских кадров вместо испытанных в полях партийных номенклатурщиков. Казалось бы, «самостоятельность мышления» должна была подорвать позиции Горбачева, но на самом деле он таким образом зафиксировал личную лояльность Брежневу, который с Косыгиным находился в сложных отношениях [62, с. 71].

Словом, Горбачев демонстрировал идеальную способность к адаптации внутри иерархической партийной системы. Это позволило ему не выпасть из обоймы. А способность показать себя чуть умнее и чуть энергичнее других даже вознесла его на должность секретаря ЦК.

Но имелась и другая сторона жизни Горбачева. Он явно размышлял о серьезных вещах чаще и глубже, чем типичный партийный секретарь.

Во-первых, сказался Московский университет — во всяком случае, та возможность интеллектуального общения, которую он предоставлял даже в 50-х гг. В частности, тогда Горбачев общался с будущим видным деятелем Пражской весны Зденеком Млынаржем. В общегитии круглые сутки шли «подпольные» теоретические споры: кто-то цитировал Троцкого, кто-то даже решался критиковать Сталина, скажем, за примитивизацию философских идей [62, с. 22]. У «типичных партократов» ничего подобного за плечами не было.

Во-вторых, у Михаила Сергеевича с Раисой Максимовной рано проявилась тяга к заграничным путешествиям, которым они посвящали отпускное время. Таким образом, в середине 80-х гг. они знали свободный мир отнюдь

Михаил и Раиса Горбачевы

не по передовицам «Правды». Да и «внутрироссийские» выходные дни чета Горбачевых использовала нестандартно, на манер шестидесятников: выбирались на природу, слушали Высоцкого и Визбора, гуляли, беседовали [62, с. 76]. «Типичные» же секретари, как правило, оттягивались от трудов праведных водочкой.

В-третьих, на известные размышления о сути большевизма наводили, наверное, воспоминания о прошлом своей семьи: оба горбачевских деда, как-никак были репрессированы: один — честный и скромный трудяга — за саботаж; другой — пламенный коммунист и инициатор сталинской коллективизации — за троцкизм. Понятно, что при виде таких парадоксов социализма юный Михаил должен был сформироваться нетипичным коммунистом. У «типичных» в основе партийной карьеры, как правило, имелись более твердые корни.

В-четвертых, Горбачев не в пример «типичным» любил общение в научной и культурной среде, где благодаря своим природным данным и крайне низкому культурному уровню тогдашней геронтократии мог снискать лавры вождя-интеллектуала. Это тешило его самолюбие. Но одновременно обогащало новыми знаниями.

В первые два-три года пребывания у власти у генсека на рабочем столе всегда лежали переложенные закладками тома Ленина [62, с. 117]. И надо сказать, Горбачев их действительно читал. Во всяком случае, он мог в самый напряженный момент дискуссии вставить вполне подходящую цитату. С одной стороны, любовь к Ленину свидетельствовала об ограниченности кругозора генсека, но с другой — о том, что генсек действительно читает, размышляет, ищет. Кстати, его способность моментально менять свою официальную позицию, переходить на иную точку зрения под воздействием обстоятельств явно взята у Ленина.

Когда он уже стал генсеком, Раиса Максимовна во время зарубежных поездок приглашала в гости к Горбачевым интеллектуалов, выезжавших вместе с официальной делегацией. Через эти посиделки прошли писатели Григорий Бакланов, Юрий Белов, Даниил Гранин, Ион Друцэ, Михаил Шатров, Василь Быков, Борис Можаяев, режиссер Марк Захаров, журналисты Егор Яковлев и Виталий Коротич, а также многие другие интеллектуалы [62, с. 112]. Как до, так и после Горбачева лидеры страны порой устраивали показательные встречи с независимой интеллигенцией. Но никогда они (даже Андропов) не общались с ней ради самого общения. Никогда не считали, что у интеллигенции можно чему-то поучиться.

Словом, до известной границы Горбачев двигался по накатанной колее. Но когда эта колея оказывалась размыта, он мог мобилизовать свои интеллектуальные качества и сделать шаг вперед. Тот шаг, который не способны были сделать никакие другие птенцы гнезда Андропова: ни Лигачев, ни Рыжков, ни Чебриков.

В 1985 г. традиционный силовой путь казался еще далеко не исчерпанным. Победители торжествовали. Конечно, они понимали, что предстоит нелегкая работа. Но всех трудностей перестройки тогда не осознавал никто.

Вернувшись домой генсеком с мартовского пленума ЦК, Горбачев первым делом принял поздравления родных. Рады были все. Его супруга, Раиса Максимовна, еще не могла знать, что через шесть лет в дни форосского пленения получит столь сильный шок, от которого не оправится до самой своей безвременной кончины. А маленькая пятилетняя внучка вообще еще ничего знать не могла, но, тем не менее, присоединилась к общему торжеству: «Дедуленька, я тебя поздравляю, желаю тебе здоровья, счастья и хорошо кушать кашу» [57, с. 272].

И действительно, кашу пришлось расхлебывать Горбачеву такую, какой мало кому в нашей стране довелось пробовать.

Такой была Московская весна 1985 г. В отличие от солнечной Пражской весны 1968 г., положившей начало задавленным советскими танками чехословацким реформам, Московская весна оказалась зябкой и изрядно припозднившейся. Народ так и не проснулся от зимней спячки. Перемены происходили не на площадях, а в коридорах Кремля, затрагивая лишь тех, кто относился к числу небожителей.

Сами небожители — люди, в основном, темные и оторванные от европейских веяний — имели чрезвычайно смутное представление о необходимости перемен. Они, скорее, чуяли наступление иной эпохи, чем понимали, как эту эпоху следует приближать. Они готовы были идти туда, куда позовет их хозяин. Они были до мозга костей продуктами авторитарного советского прошлого, даже не ведающего, что такое гражданское общество.

И все же это была весна.

Глава 6

Съезд победителей

Новые идеи, новые кумиры

Съездом победителей называли XVII съезд ВКП(б), состоявшийся в 1934 г. В Москве собрались люди, добившиеся, казалось бы, невероятных успехов. Революция, коллективизация, индустриализация, уничтожение всевозможных оппозиций расчистили путь к светлому будущему, которое, как виделось делегатам, было уже не за горами. Но не прошло даже пяти лет, и «победители» оказались в тюрьмах, в лагерях или даже в мире ином. С тех пор о «съезде победителей» принято говорить с грустной иронией: ведь даже в самые светлые моменты жизни человек не может знать, что ждет его за поворотом.

Рубеж 1985–1986 гг. представлял собой, наверное, один из самых светлых моментов в новейшей истории нашей страны. Еще свеж был в памяти апрельский (1985 г.) пленум ЦК, на котором Михаил Горбачев фактически провозгласил курс перестройки – или, во всяком случае, курс обновления социализма. Произносилось множество правильных речей, быстро менялись кадры, к руководству страной приходили люди сравнительно молодые и, что самое главное, вполне вмняемые, способные говорить человеческим языком без бумажки. В этих людях мы узнавали самих себя и приходили к простым, очевидным выводам: уход маразматиков из Кремля, господство здравого смысла, реальная забота о благе страны способны в кратчайшие сроки вывести Советский Союз из кризиса.

На протяжении всей жизни нашего поколения мы ни разу так не верили в ждущее нас светлое будущее, как на рубеже 1985–1986 гг. Нам даже не требовалось серьезных доказательств осуществления преобразований. Хватало новых слов, новых лиц, новых надежд. Именно такой моральный климат формировал обстановку XXVII съезда КПСС, собравшегося в Москве в конце февраля 1986 г.

По старой советской традиции, эпохи мерились съездами, и хотя на них реально ничего не решалось, формально концепция обновления социализма могла считаться утвержденной лишь после ее одобрения очередным коммунистическим форумом. Форум действительно полностью одобрил новый курс, поддержав Горбачева и признав его безоговорочным лидером партии. Преобразования лишь начинались, а все уже были уверены в успехе.

Но не прошло даже пяти лет, как партия утратила свою руководящую и направляющую силу, раскололась на враждующие группировки, а затем стала быстро деградировать. «Съезд победителей» оказался последним съездом, который хотя бы делал вид, будто что-то решал. А из членов ЦК, избранных на нем, к 1989 г. покинули свои высокие посты аж 40% [127, с. 184].

Пир духа или пир брюха?

Горбачев сделал на форуме советских коммунистов основной, установочный доклад. Перечитывая его сегодня, удивляешься вялости и беззубости текста. Даже речи самого Горбачева, произнесенные двумя-тремя годами позже, были несопоставимо ярче и сильнее. А о том, как резали правду-матку Андрей Сахаров, Анатолий Собчак или Юрий Афанасьев, и говорить не приходится.

По сути дела, генсек купил нас в 1986 г. лишь одним. Он заявил о необходимости говорить правду [70, с. 44]. И все! Не было еще никаких реформаторских идей, не было предложений по трансформации политической системы, не было никакого нового мышления. Одной-двумя фразами Горбачев привлек внимание миллионов. При этом десятки страниц доклада ЦК мало отличались от тех, которые делал в свое время Брежнев. Однако ощущение того, что власть изолгалась и абсолютно оторвалась от реальной жизни, было тогда чрезвычайно сильным, а потому «урок правды» Горбачева стал поистине триумфальным.

В 1986 г. простым словам о необходимости честной оценки действительности внимала вся страна. Генсек привлекал тогда не меньшее внимание обывателей, чем в наше время какая-нибудь звезда футбола или поп-звезда. Даже нынешняя популярность Владимира Путина не сравнится с триумфом Горбачева образца XXVII съезда. Сейчас мы способны видеть отдельную личность вне системы. А в 1986 г. даже образованный советский человек не мог себе помыслить возможности серьезного раскола общества, и каждый искал в молодом партийном лидере именно те черты, которые ему хотелось бы в нем обнаружить.

Сам же лидер просто упивался достигнутым без особых трудов успехом. Вместе с ним упивались и соратники. Эдуард Шеварднадзе на съезде произнес такие славословия в адрес шефа, что потом это даже пришлось выкинуть из стенограммы – не соответствовало духу времени [22, с. 159–160].

В те дни нам представлялось, будто за риторикой кроется серьезная работа над концепцией преобразований, но, глядя в прошлое с позиций накопленных более чем за два десятилетия знаний, мы видим, что Горбачев тогда достиг вершины своих желаний. Он вполне мог бы сказать: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». Но, увы, вскоре выяснилось, насколько важна для народа, помимо ярких идей, еще и свежая колбаса.

Пока в народе медленно вызревала мечта о доступной колбасе, за спиной признанного лидера уже в начале 1986 г. стала вырастать фигура нового кумира. Если для Горбачева съезд стал заслуженным триумфом, венчающим почти годичную пропагандистскую работу по разоблачению язв застойного периода, то для другого крупного политика 80–90-х гг. он оказался дебютом. Речь идет о Борисе Ельцине, к тому времени практически никому еще не известном [его политический портрет см. 254, с. 427–435].

Меньше года бывший первый секретарь Свердловского областного комитета партии жил в Москве. И всего лишь за два месяца до начала XXVII съезда Ельцин возглавил Московский горком. Именно ему Горбачев поручил разгрести наследие Виктора Гришина – своего неудачливого соперника в борьбе за пост генсека.

Столица не спеша присматривалась к столь быстро взлетевшему на вершину власти провинциалу. Чем он себя проявит? Какие предложит альтернативы?

Ельцин родился в уральской деревеньке в 1931 г. и был, таким образом, ровесником Горбачева. Пожалуй, самой главной чертой Бориса Николаевича уже в молодости являлись бесшабашность и отчаянная смелость, столь контрастирующие со взвешенностью и расчетливостью Михаила Сергеевича. То он мальчишкой еще прыгал по сплавляемым рекой бревнам, рискуя навсегда уйти под воду при малейшем неосторожном движении. То ломал нос в драке стенка на стенку. То лупил молотком по боевой гранате. То плутал неделю по тайге без воды и еды. То сбегал из больницы по «канату», сделанному из простыней. Уже став взрослым, Ельцин как-то раз ночью «тормозил» с риском для жизни огромный строительный кран [83, с. 21, 23, 24, 29, 36]. Перечень бесконечных ельцинских безумств вполне можно было бы продолжить и дальше.

Бесшабашность Ельцина в чем-то похожа на бесшабашность Владимира Путина, росшего шпаной в питерских дворах 20 лет спустя. Впрочем, у этих

двух людей было, похоже, одно принципиальное отличие. Крупный, мощный Ельцин чувствовал себя хозяином своей судьбы и с интересом воспринимал каждое новое приключение. Маленький, сухощавый Путин защищался от жизни, пытаясь не поддаться ломившим его обстоятельствам, а потому как бы находился в осажденном лагере. Однако о Путине разговор пойдет во второй части этой книги, а пока вернемся к герою 1986 г.

Борис Ельцин

Выдвижением своим Ельцин, протрубивший в Свердловске всю жизнь (сначала на строительных, а затем на партийных должностях), обязан был Лигачеву. О сем факте ни Егор Кузьмич, ни Борис Николаевич впоследствии не любили особо распространяться. Но во многом именно этим определялся их острый конфликт.

Помимо идейных разногласий, которые в 80-х гг. еще не могли быть достаточно серьезными, Ельцина с Лигачевым поссорило представление о предательстве со стороны недавнего товарища по партии. Лигачев полагал предательством отказ Ельцина послушно следовать в фарватере, проложенном людьми, вытащившими его в столицу из провинциального Свердловска. Ельцин же, в свою очередь, считал, что Горбачев с Лигачевым его просто подставили, когда бросили в прорыв, а затем стали резко одергивать.

В отличие от Горбачева и Лигачева, работавших преимущественно с аппаратом партии, Ельцин должен был идти в массы. Если и не в народные, то, во всяком случае, в массы столичных аппаратчиков низшего звена, непосредственно соприкасающихся с народом. Кроме того, он должен был выкорчевывать «гришинскую мафию», давая все новые и новые доказательства гнилости старого режима. И Ельцин действительно попер как бульдозер, четко осознавая поставленную перед ним задачу, о чем недвусмысленно говорится в его мемуарах [83, с. 84].

Выступление Бориса Николаевича на съезде сразу привлекло внимание советских интеллектуалов. Рядовая масса, конечно, дальше изучения отдельных мест горбачевского доклада не шла, но те, кто уже много лет имел обыкновение читать между строк, сразу обратили внимание на Ельцина и бравовали тем, что знают человека, который даже радикальнее Горбачева. Если

генсек говорил лишь о чужих ошибках, то «хозяин» Москвы с невиданной ранее откровенностью прошелся по самому себе, поведав, как в прошлом ему самому не хватало смелости критиковать лидеров эпохи застоя [70, с. 140–145]. Бесспорно, своим будущим политическим успехом Борис Николаевич обязан XXVII съезду не в меньшей мере, чем походам по московским магазинам и поездкам в автобусе, столь нашумевшим в 1986 г.

Точнее, когда Ельцин лично заходил проверять наличие продуктов или делал вид, будто может обойтись при поездках на работу без персонального автомобиля, он работал на сознание широких масс. А покаяние на съезде было важно для интеллигенции, для тех, кто не мог клюнуть на дешевые популистские трюки, но ждал принципиального разговора по сути проблем, накопившихся за долгие десятилетия коммунистического правления в России.

Ельцин тогда проявил себя в качестве классического популиста, немало обогнавшего умеренного популиста Горбачева. Для генсека все же своей была элитарная партийная среда, из которой он временами спускался в среду интеллектуальную на своеобразный «пир духа» (так он лично обозначил свое впечатление от посещения театра «Ленком» Марка Захарова, причем режиссер из-за скороговорки никак не мог понять, почему у вождя на языке какая-то «пердуха»). Ельцин же всегда неплохо чувствовал себя в среде простонародной, где можно, скажем, с собственным охранником раздавить бутылочку. Он мог тогда заявить, например, следующее: «Мы пошлем профессоров торговать за прилавком. Не пойдут – поставим к станку» [290, с. 107]. Для Горбачева, вращавшегося в элитах, подобная хамоватая дурость была немыслимой.

Неудивительно, что Ельцин как популист был органичнее Горбачева, и это чрезвычайно раздражало советского лидера. Ближе к народу был Ельцин и тем, что думал не столько о «пире духа», сколько о «пире брюха», а потому захаживал в магазины и требовал извлекать дефицитные продукты из-под прилавка. Но вот в чем между Горбачевым, Лигачевым и Ельциным тогда не было никакой разницы, так это в полном непонимании сути стоявших перед страной экономических проблем. Все лидеры в равной степени отличались андроповским менталитетом, несмотря ни на какие индивидуальные различия в происхождении, психологии или карьерном росте.

Время, однако, развело андроповский призыв в разные стороны. Лигачев, похоже, так ничего и не понял в причинах развития обществ. Горбачев многое понял, но не нашел в себе сил совершить решительный рывок вперед. Ельцин же, наверное, многого не понимал в экономике и в причинах развития

обществ, однако сумел пойти на риск, сумел с толком использовать свою харизму и в итоге осуществил столь важные для нашей страны преобразования, которые и по сей день во многом определяют движение России вперед.

План или рынок?

Впрочем, до ельцинских преобразований в 1985–1986 гг. было еще очень далеко. Экономические проблемы оставались чрезвычайно серьезными. Как бы ни были интересны политические интриги, о которых у нас до сих пор шла речь, судьба страны все же определялась не ими, а способностью властной элиты осуществить радикальные хозяйственные преобразования.

И здесь наступает самое время поговорить о том, какими могли быть принципиальные подходы к реформированию советской экономики. Не то чтобы интеллигенция уже в 1986 г. активно начала обсуждать суть реформ. Мы еще толком даже помыслить не смели о наступлении эпохи серьезных преобразований. Однако для того, чтобы понять, откуда пошли многочисленные провалы и как восторженность раннегорбачевского периода сменилась усталостью и даже озлобленностью начала 90-х гг., следует сразу разобраться в ряде принципиальных моментов.

На протяжении всех лет перестройки, а также последовавших за ней настоящих экономических реформ, у нас в стране активно спорили о том, нужно ли было при осуществлении преобразований полагаться на государственное регулирование или же следовало максимально отдать дела на волю рынка. Спор этот, важный и интересный, к сожалению, почти всегда основывался на идеологических воззрениях противников, а не на анализе фактов и реальных возможностей.

На самом же деле главная проблема при реформировании состоит не в том, чтобы встать на позицию одной из сторон. Спорить о движущей силе реформ — все равно что спорить о том, следует ли управлять автомобилем, сидя за рулем, или же толкая его сзади. Понятно, что, если есть бензин и мотор работает, толкать сзади глупо. Однако в противном случае...

Так и с экономикой. Если мы можем воспользоваться силой государства, глупо от нее отказываться. Ни один сторонник рыночной экономики на самом деле против государственного регулирования не возражает. Более того, он кричит во весь голос: «Мы хотим сильного государства, которое неукоснительно выполняет свои обязанности». Вопрос лишь в том, что такое истинные обязанности государства.

Чтобы понять это, снова обратимся к автомобильной теме и процитируем самый элементарный учебник экономики, закладывающий азы знаний в головы миллионов студентов.

«Тысячи людей по утрам, около восьми часов, выходят из дому, садятся в свои автомобили и едут на работу. Они выбирают маршруты без предварительного согласования. Водительское мастерство их различно, не одинаково отношение к риску, не совпадают и представления о правилах вежливости. Когда это множество автомобилей разнообразных форм и размеров вливается в сплетение магистралей, образующих своего рода кровеносную систему города, к ним присоединяется еще более разнородный поток, состоящий из грузовиков, автобусов, мотоциклов, такси. Все водители стремятся к различным целям, думая почти исключительно о собственных интересах, причем не из-за эгоизма, а просто потому, что им ничего не известно о целях друг друга. Каждый знает об остальных только то, что видит: местоположение, направление и скорость небольшой и к тому же постоянно меняющейся группы транспортных средств в его непосредственном окружении. К этой информации он может добавить важное предположение, что другие водители желают избежать аварии столь же страстно, как и он сам. Ну и, разумеется, есть общие правила, которым, по-видимому, подчиняется каждый водитель: такие, как остановка на красный свет и соблюдение ограничений скорости. Это похоже на описание инструкции по созданию хаоса. И должно было бы в итоге привести к грудам искореженного железа. Вместо этого возникает хорошо скоординированный поток» [277, с. 20].

Дорожное движение можно уподобить рынку. При всех его проблемах – авариях, пробках и многочисленных жертвах ДТП – никому не придет в голову подменить стихийное регулирование составлением единого плана движения, в котором каждому водителю предписано, когда и куда можно ехать. Слишком уж очевидно, что к хаосу приведет как раз планирование.

А вот без государственного регулирования дорожное движение работать не сможет. Но таким госрегулированием является составление четких правил вождения и расстановка светофоров. Точно так же в рыночной экономике государство утверждает законы, согласно которым каждый обязан выполнять заключенные контракты – возвращать деньги вкладчикам, платить зарплату работникам, осуществлять поставку оплаченной продукции. Если кто-то кого-то попытается «кинуть», эффективное государство накажет виновника – как и виновника ДТП. Качественное выполнение подобных обязанностей является нелегким трудом для госслужащих, милиционеров, законодателей.

И всякий сторонник рынка умоляет государство отдавать как можно больше сил именно такого рода регулированию. Без него никакой рынок вообще невозможен.

Мы часто считаем, будто государство существует для принуждения, а значит, усиление государственного регулирования — это всегда усиление принуждения, надзора, насилия. А вот президент Франции Николя Саркози как-то раз назвал деятельность министерства, которое в прошлом возглавлял, деятельностью по обеспечению свобод: свободы передвижения, свободы высказываний, собраний, избирательного права, объединений, свободы религии [277, с. 58–59]. Добавим сюда еще свободу ведения хозяйственной деятельности и заключения контрактов. То есть принуждение и насилие нужно лишь в той мере, в какой они заставляют меньшинство общества соблюдать свободы большинства.

Однако что делать, коли государство (точнее, чиновники, его представляющие) работают не на общество, а на самих себя? В этой ситуации они кричат во весь голос: «Да-да, рынок несовершенен, нельзя пускать дела на самотек. Лишь государство наметит правильный путь и защитит народ от рыночной стихии. Поэтому давайте взимать побольше налогов, давайте распределять деньги из бюджета в поддержку сырых и убогих, давайте устанавливать нормы и правила, контролирующие бизнес».

Народ с радостью откликается на этот призыв: «Да-да, мы — сырые и убогие, мы хотим денег из бюджета, мы страстно жаждем, чтобы государство установило цены пониже и било по рукам наглых, загребуших спекулянтов, которые наживаются на трудностях великой страны».

Те, кто так говорит, правы в своих моральных претензиях к бизнесу, не чувствующему порой социальной ответственности, однако забывают, к радости чиновников, одну простенькую вещь. Не следует думать, будто в бизнес идут сплошь те, кто хочет наживаться на народе, а на государственную службу — лишь невинные агнцы, старающиеся остановить злоупотребления. Доля людей порядочных и непорядочных в обеих этих сферах одинакова, т.е. чиновники тоже будут постоянно стремиться, как и бизнесмены, к максимизации своих доходов, а вовсе не к тому, чтобы скромно жить на одну зарплату.

Если опять обратиться к примеру с дорожным движением, то усиление государственного регулирования в понимании чиновников выглядит следующим образом. Милиция вдруг перекрывает движение. Тысячи людей застревают в пробке. А в это время вперед пропускают кортеж высокопоставленных лиц. Им, мол, нужнее. Мы, застрявшие в пробке, опаздываем, злимся, но ничего не можем поделать — госрегулирование. В экономике такого рода

госрегулирование выражается в том, что чиновник за взятку создает разного рода преференции для бизнесмена-взятодателя. Именно он проносится в кортеже, пока остальной бизнес «стоит в пробке», собирая многочисленные лицензии, разрешения и прочие бумаги, необходимые для ведения дел.

Конечно, все это мы понимаем. Но нам кажется порой в пылу полемики, что над бюрократией есть какая-то высшая сила, которая действует в интересах общества. А потому, если усилить роль государства, то править станет эта добрая сила, а не злой, корыстный чиновник. Увы, никакой такой силы ни разу обнаружить не удалось. И в каждом новом случае, когда государство усиливает свои позиции, забирает себе побольше денег и прав, речь на самом деле идет об увеличении всевластия чиновников, которые преспокойненько пользуются нашей мечтой о светлом и прекрасном правлении бескорыстных вождей.

Впрочем, можно и впрямь допустить, что высшее руководство страны – то самое, которое глядит на нас с телеэкранов, – порой абсолютно бескорыстно. Автор сих строк в этом сильно сомневается, но есть много людей, которые готовы верить в лучшее. Не стоит спорить с ними и опровергать наличие честных намерений высокопоставленных политиков. Важнее взглянуть на другое. Может ли эта верхушка даже при самых благих намерениях проконтролировать действия чиновничества по всей нашей огромной стране?

Ответ очевиден. Наверное, в одном случае на тысячу злоупотребление будет пресечено, но в остальных... Если бы мы жили в малой стране, осуществляющей экономические реформы – такой, как Эстония, Венгрия или Словения, – думается, в какой-то степени можно было бы надеяться на то, что действия бюрократического аппарата будут контролироваться высшей властью, пользующейся доверием народа. Но в России, где численность населения в сто раз больше, чем в Эстонии, а территория чуть ли не безгранична, чиновник становится абсолютным хозяином всего того, что поступает в его распоряжение. Хозяином денег, хозяином ресурсов, хозяином власти.

Иногда наивные люди говорят, что в малых странах можно допускать свободы, тогда как в больших требуется твердый центр, следящий за порядком. На самом деле – все наоборот. Чем больше страна, тем меньше существует объективных возможностей для централизованного контроля даже при самых лучших людях, управляющих народом из столиц. Именно поэтому сторонники рыночной экономики выступают за ограничение всевластия государства.

Не потому, что они наивные люди. И тем более не потому, что они упертые, догматичные либералы. И уж совсем не потому, что они «тайные наймиты»

бизнесменов. Им ясно, что рыночная экономика имеет множество недостатков. Но им столь же хорошо понятно, что, если эти недостатки исправлять с помощью чиновников, станет, увы, еще хуже. Дорога в ад, как известно, вымощена благими намерениями. И история с благими намерениями государства как раз такова.

Однако здесь может возникнуть вопрос: почему же рынок является меньшим злом, чем чиновничий произвол? Ведь наши рассуждения начались с того, что среди бизнесменов и бюрократов доля порядочных людей вряд ли различается. Если мы соглашаемся с тем, что государству нельзя позволять свободно распоряжаться нашими судьбами, то почему все же экономику можно отдавать на волю рыночных сил?

Дело в том, что на рынке существует естественная сила, препятствующая всевластию продавца и мешающая ему устанавливать слишком высокие цены. Сила эта называется конкуренция. Если мы ограничиваем возможность государственного вмешательства в рыночные процессы, то конкуренция, в свою очередь, ограничивает возможности отдельного бизнесмена. Но если мы пускаем государство в экономику, как козла в огород, то чиновник под предлогом защиты потребителя устанавливает всякие ограничительные правила для предпринимателей, а затем за взятку смягчает эти правила для избранных. В итоге конкуренции становится меньше, цены оказываются выше, а качество обслуживания ниже.

И здесь возникает вопрос: существует ли естественный механизм, который ограничивает коррупцию чиновников так же, как конкуренция ограничивает жадность бизнесменов? Да, существует. Он, как ни странно, называется демократией. Ведь демократия — это не игра в народовластие. Это совершенно конкретный механизм. Если политические партии реально соперничают друг с другом в борьбе за власть, то они заинтересованы отыскивать коррупцию в рядах соперников и предавать открытое гласности на парламентских заседаниях. Если существуют свободные средства массовой информации (СМИ), то журналисты заинтересованы отыскивать коррупцию в рядах любых правителей, независимо от партийной принадлежности, поскольку яркие расследования повышают тиражи и, следовательно, гонорары. Наконец, если существуют независимые суды с конкуренцией сторон (прокуроров и адвокатов) и с вынесением вердикта присяжными, то коррупционеры, в конечном счете, подвергаются наказаниям.

Демократия помогает в борьбе с коррупцией. Но в странах, которые лишь начинают строить рыночную экономику, партии, СМИ и суды обычно еще

слабы, поскольку народ безразличен к политике и не следит за тем, как они работают. Отсюда вытекает, казалось бы, парадоксальный вывод. В странах с развитой демократией, где существуют инструменты для борьбы с коррупцией, роль государства в экономике может быть несколько выше. А в странах, которые лишь начинают свой путь к рынку и демократии, лучше уж на чиновников не полагаться, поскольку некому схватить их за руку.

Таким образом, получается, что те реформаторы, которые уповают на роль рынка, делают это не от хорошей жизни, а благодаря трезвому анализу ситуации. Можно, конечно, сохранять иллюзии относительно благих намерений государства, но тогда следует быть готовыми к тому, что чиновники заберут себе значительную часть нашего общего пирога.

ГенсОк и К°

В 1986 г. у горбачевского руководства не было еще понимания всех этих сложных вещей. И не было единой стратегии реформы (таковая появилась лишь в середине следующего года). На XXVII съезде доминировали представления о возможности незначительных модификаций, оставляющих в целом социалистическую систему неприкосновенной. Поэтому генсек, не мудрствуя лукаво, делал упор на государственное руководство преобразованиями. Он просто давал поручения своим ближайшим соратникам укрепить то или иное звено, а сам (пока они укрепляли) ездил по стране, вещая народу о важности и необратимости перемен.

Подобный подход породил ситуацию, в которой две ключевые группировки, никак не согласовывая друг с другом свои действия, пытались обеспечить успех преобразований. Первая группировка возглавлялась Егором Лигачевым и базировалась в центральном аппарате партии. Вторая, более многочисленная — доминировала в Совете министров (председателем которого стал Николай Рыжков), а также включала некоторых секретарей ЦК и ученых-экономистов.

Лигачев с одобрения генсека уже через месяц после апрельского (1985 г.) пленума развернул борьбу с алкоголизмом. Хотя за минувшие более чем два десятилетия у нас делалось немало глупостей, более странной и бестолковой кампании, чем антиалкогольная, назвать, наверное, не удастся. Если впоследствии наши проблемы оказывались связаны преимущественно с нерешительностью или политической невозможностью проведения разумных преобразований, то деятельность Лигачева в 1985—1988 гг. представляла собой чистейший волонтаризм.

Впрочем, волюнтаризм, логично вытекал из андроповского взгляда на сумбурный, неупорядоченный мир, которому не хватает жесткой дисциплины. Недаром Горбачев полностью поддерживал Лигачева в борьбе с зеленым змием. Может быть, сам генсек и не мыслил столь примитивно, как его главный соратник, но, во всяком случае, каких-то глубоких идей, принципиально расходившихся с лигачевским подходом, у него явно не имелось.

Борьба с алкоголизмом охватила всех. Даже тех, кто не разделял ее подходов. Например, первый зампред Совмина Гейдар Алиев вместо серьезной работы вынужден был проводить длительные совещания по вопросу, является ли кефир алкогольным напитком [224, с. 97]. Что уж тут говорить о деятелях нижнего звена, которых в приказном порядке вынуждали внедрять трезвость.

За три года своей бурной «хозяйственной» деятельности Лигачев добился провалов в бюджете, традиционно зависимом от водочных акцизов, появления длинных очередей за вожденной бутылочкой, гибели элитных виноградников на юге страны, а также перехода целого ряда бедолаг с алкоголя на одеколон, клей «Момент» и т.п. заменители¹. Инициаторы кампании уверяли, что в качестве заменителей могут выступить соки, минводы и мороженое, но это лишь еще раз доказало истинность фразы, брошенной как-то Андроповым: «Мы не знаем страны, в которой живем».

Лигачев не понимал сути финансов, в которых продажа пользующихся спросом товаров (в т.ч. алкоголя) напрямую связана с поступлением налогов в бюджет. Лигачев не понимал психологии людей, которые не отказываются от вредных привычек по решению партии и правительства. Лигачев — что особо удивительно — не понимал даже логики чиновников низшего звена, которые, стремясь выслужиться перед начальством, объявившим очередную кампанию, уничтожали виноградники и искренне полагали при этом, что делают благое дело.

Наследники андроповских идей абсолютно не знали своей страны, хотя и проработали в глубинке, «в гуще народной» многие годы. Кончилось тем, что Горбачева прозвали в народе генсОком и минеральным секретарем. Популярность его стала стремительно падать.

А в сентябре 1988 г., когда позиции Лигачева резко ослабли по причине провалов не только в хозяйственной, но и в идеологической работе, Рыжков

¹ Со второй половины 1986 г. статистика зафиксировала резкий рост спроса на сахар. Понятно, что его использовали для самогонварения. В том же году продажа одеколona по Москве увеличилась в 1,5 раза. В целом же по стране более чем на 30% выросла реализация клея и на 15% — жидкости для очистки стекол [48, с. 239–240].

со товарищи так наехал на неудачливых борцов с алкоголизмом, что от них лишь пух да перья полетели. На политбюро дошло до откровенной ругани, и несчастный генсОк вынужден был признать правоту большинства. Поднять народную нравственность не удалось, равно как и трудовую дисциплину [224, с. 100–101].

Впрочем, Рыжков к этому времени тоже не сильно преуспел в реформаторстве, хотя его провалы были еще не столь заметны, как провалы Лигачева. На первом этапе перестройки глава правительства выглядел явно более цивилизованным человеком, нежели секретарь ЦК. Николая Ивановича даже на западный манер признавали технократом, человеком, чуждым идеологических догм, тогда как на Лигачева, «объегорившего и подкузьмившего» народ, уже вешали всех собак.

Рыжков, родившийся в 1929 г., был на два года старше Горбачева и на девять лет моложе Лигачева. Но на самом деле отличало их иное. Премьер всю жизнь провел на производстве, и это давало ему основание несколько презрительно смотреть на партийных секретарей. Был в советские годы такой шик: хозяйственники любили, сидя на кухне, фрондировать, уверяя не слишком многочисленных слушателей, что, если бы им дали власть, страна тут же обустроилась бы на разумных началах.

На самом же деле хозяйственником Рыжков был чисто советским. Премьер даже не имел обыкновенного советского экономического образования. В генеральные директора знаменитого свердловского «Уралмаша» он вышел из инженеров. А в 1975 г. оказался переведен в Москву на должность первого заместителя министра тяжелого и транспортного машиностроения. И хотя в 1979 г. Рыжкова повысили до первого заместителя председателя Госплана (что предполагало уже не столько инженерное, сколько экономическое видение проблем), в душе он навсегда остался машиностроителем.

Тем не менее, Рыжков постоянно гордился своими экономическими познаниями. Однако, объективно говоря, развалом советской экономики мы были обязаны не только партийному руководству, но и плановому хозяйствованию. Они были вполне достойны друг друга. Недаром Андропов повысил Рыжкова до секретарей ЦК по экономике, а Горбачев вознес его на вторую по значению должность страны вместо старика Тихонова.

И вот, как только Николай Иванович обрел власть, он от всей души взялся за свое любимое машиностроение. Собственно говоря, развитие именно этой отрасли лежало в основе достопамятного курса на ускорение социально-экономического развития. Никаких реформ Рыжков в 1986 г. не намечал

[см., напр., 71, с. 4–48]. Газета «Правда» буквально пестрела статьями о развитии машиностроения [235, с. 18], и обществу какое-то время казалось, будто подобным образом и впрямь можно как-то ускориться.

Если Лигачев своей антиалкогольной кампанией намеревался подтянуть людей до уровня перестроечных требований, то Рыжков то же самое хотел сделать с техникой. Несмотря на возникший конфликт, эти два лидера в своем понимании эконо-

Николай Рыжков

номических проблем были просто близнецы-братья. Премьер со своими технократическими идеями казался человеком более представительным, но с позиций нынешнего дня такая разница почти не видна.

Если Лигачев сразу вступил в конфликт с советскими интеллектуалами, то у рыжковского курса, напротив, появились даже влиятельные пропагандисты. В то время впервые из академических кабинетов на политическую сцену стали выходить ученые-экономисты. За стратегией ускорения явно просматривалась фигура академика Абе́ла Аганбе́яна – самого известного на тот момент научного представителя поколения Горбачева–Рыжкова–Ельцина.

Аганбе́ян не писал сенсационных статей о необходимости перехода к рынку. Такие тексты появились позже и выходили из-под пера других авторов. Что же касается Абе́ла Гезевича, то он еще в 1985 г. предлагал интенсифицировать производство в рамках традиционной плановой системы, несколько «разбавленной» элементами хозрасчета [см., напр., 3].

Итак, «победители» ждали, что благодаря вере в очистительную силу нового мышления на них вдруг посыпется манна небесная. Но, естественно, ничего не посыпалось. Самый многообещающий год перестройки – 1986 г. – стал для реформ абсолютно потерянном годом. Уникальный авторитет Горбачева совершенно не был использован для обеспечения тех жестких, непопулярных шагов, которые объективно требовались при реформировании. Вся серьезная работа оказалась перенесена на следующий год. А вместе с задачами преобразования страны на следующий год перешли и многочисленные неразрешенные конфликты.

Глава 7

Третий рубеж

Начало экономических преобразований в СССР

События, определившие начало перестройки, случились... в январе 1987 г., т.е. почти через два года после того, как эта самая перестройка была официально декларирована. Именно с 1987 г. последовала череда необратимых шагов, приведших, в конечном счете, к быстрой демократизации, распаду СССР, коренному реформированию экономики — т.е. всему тому, что определило жизнь нашей страны на много лет вперед.

Если покопаться в горах литературы, описывающей горбачевскую перестройку, то можно обнаружить как минимум три момента, от которых разные авторы ведут отсчет времени новой эры.

Первый момент — это кончина Леонида Брежнева и приход к власти Юрия Андропова осенью 1982 г. Некоторые деятели андроповского призыва полагают, что именно тогда произошли коренные перемены — наметился политический курс, включающий в себя усиление жесткости, наведение дисциплины, пресечение коррупции. Что же касается событий, происходивших в горбачевскую эпоху, то они (по мнению верных андроповцев, таких как, скажем, Егор Лигачев) представляли собой предательство перестройки, отход от единственно правильной социалистической линии [см., напр., 144].

Сам Михаил Горбачев и его наиболее близкие соратники, напротив, считают, что Андропов не мог быть последовательным реформатором, а потому перестройка реально началась именно тогда, когда и была объявлена — весной 1985 г¹. В этот момент произошел пересмотр многих ценностей прошлого и постепенно стали вызревать радикальные преобразования, которые

¹ Само слово «перестройка», правда, было впервые использовано Горбачевым лишь в апреле 1986 г., т.е. через год после провозглашения нового курса [24, с. 17].

через некоторое время были действительно осуществлены на практике [см., напр., 57].

Но можно смотреть на перестройку и под другим углом зрения. Хотя осень 1982 г. и весна 1985 г. действительно были важными рубежами нашей новейшей истории, по-настоящему эпохальные события произошли лишь летом 1987 г., когда на июньском пленуме ЦК были одобрены нормативные документы, давшие старт первой реальной экономической реформе. Перейдя именно этот третий рубеж, перестройка стала необратимой. Она настолько расшатала основы административной экономики, что стоять на месте теперь уже было невозможно. Дабы не свалиться в пропасть, приходилось постоянно двигаться вперед: сначала к хозрасчету, затем к рынку и, наконец, к финансовой стабилизации, превращающей этот рынок в реально работающую систему.

**Ты все пела – это дело.
Так пойдй же попляши**

От предыдущего периода 1987 году досталось очень странное наследство. Если оставить в стороне экономические кампании, носящие преимущественно идеологический характер (такие, как лигачевская борьба с алкоголизмом и рыховское развитие машиностроения), то в «сухом остатке» оказывалась просто какая-то каша.

Так, например, в мае 1986 г. ЦК принял постановление об усилении борьбы с нетрудовыми доходами. Оно было выдержано в духе андроповского противодействия коррупции и вполне укладывалось в наметившуюся еще в 1983 г. линию. Но уже в ноябре 1986 г. появилось постановление о развитии индивидуальной трудовой деятельности (ИТД). А в феврале 1987 г. впервые на политбюро обсуждался вопрос о развитии кооперации [40, с. 131]. Наконец, полноценный закон о кооперации появился в мае 1988 г. А летом того же года были созданы условия для развития комсомольского бизнеса [48, с. 277], из которого потом вышли люди, подобные Ходорковскому. Таким образом, мелкий негосударственный сектор активно включался в производственную жизнь.

Данное начинание вполне укладывалось в логику здравого смысла, не чуждого даже самым ярким сторонникам андроповской линии. Ведь очевидно было, что ИТД и кооперативы способны поддержать развитие увядающего народного хозяйства. Однако мало кто задумывался о том, что борьба с нетрудовыми доходами и индивидуальная трудовая деятельность находятся между собой в вопиющем противоречии.

ИТД предполагала, что люди постепенно будут развивать свой бизнес, богатеть, а значит, впоследствии станут нанимать себе работников. Таким образом, согласно социалистическим догмам, индивидуальная трудовая деятельность и кооперация начинали порождать нетрудовые доходы, с которыми вроде бы предписывалось бороться. Как Горбачев собирался вылезать из этого проти-

воречия, до сих пор неясно. Скорее всего, он об этом в тот момент просто не задумывался.

На протяжении всего 1986 г. Горбачев заливался соловьем, рассказывая народу о важности перестройки. В это время экономика медленно росла, а потому создавалась иллюзия, будто какая-то перестройка действительно идет. То ли люди благодаря антиалкогольной кампании Егора Лигачева стали меньше пить и больше работать, то ли Николаю Рыжкову удалось в Совмине каким-то образом наладить управление хозяйственной системой.

Даже при происходящих в узком кругу разговорах с серьезными людьми Горбачев мог нести порой полную чушь, наводящую на мысль об отсутствии в его действиях какого бы то ни было здравого смысла. Так, например, на одном из заседаний политбюро генсек суровым тоном объявил вице-президенту Академии наук Евгению Велихову, что он и его сотрудники должны отныне считать себя так же мобилизованными на ускоренное создание ЭВМ нового поколения, как Курчатов и его команда в годы создания советской атомной бомбы [62, с. 154]. Возможно, в тот момент Михаил Сергеевич еще надеялся с помощью компьютеризации плановой системы добиться повышения эффективности советской экономики.

Когда ближайшие соратники обращали внимание Горбачева на углубляющиеся проблемы, он сначала загорался, но затем быстро притормаживал, стараясь не переходить ни к каким конкретным делам [304, с. 465]. В частности, когда в декабре 1986 г. впервые встала проблема повышения цен, генсек сначала согласился, но затем, как только разгорелась дискуссия на политбюро, снял вопрос с обсуждения, дабы не доводить дело до раскола [282, с. 122–123].

Момент истины наступил в январе 1987 г., когда производство вдруг резко упало. Миф об успехах перестройки мигом развеялся. Стало ясно, что нет

смысла больше петь об ускорении социально-экономического развития. Пора начать «плясать» так, чтобы оно действительно ускорилось.

Январский кризис сам по себе, конечно, не был катастрофическим, но он показал, чего мы реально добились за время «больших песен». Наведение производственной дисциплины выразилось в создании с мая 1986 г. так называемой госприемки. На предприятиях вводились не подчиненные директорам службы, которые контролировали качество изделий. Предполагалось, что госприемка снизит процент брака, поскольку на ее сотрудников не сможет уже надавить начальство, заинтересованное в выполнении плана любой ценой (даже ценой откровенной халтуры).

Однако, как это часто бывает при надеждах на регулирующую роль государства, новое начинание действительно дало результат, но не вполне тот, какого от него ждали. Сработал так называемый «эффект кобры».

Выражение это восходит к годам английского колониализма в Индии. Как-то раз, когда в стране развелось слишком много кобр, правительство установило премию за каждую доставленную змеиную голову, надеясь таким образом справиться с напастью. Предполагалось, что индийцы станут ловить кобр ради денег и, таким образом, всех изничтожат. Но как же на самом деле отреагировало местное население? Оно вместо уничтожения стало специально выращивать кобр для получения премий за сданные головы [94, с. 11]. То есть государственное вмешательство породило результат не то что неожиданный, а, к сожалению, даже прямо противоположный ожидаемому. С тех пор такого рода проблемы возникали много раз при попытках государственного вмешательства в экономику. Не стала исключением и история с введением госприемки в СССР.

В плановой системе резкое увеличение отбраковки изделий не могло не привести к росту дефицита. Халтурная продукция за ворота завода не выпускалась, а другой не было. Постепенно дефицит оборудования и комплектующих стал приводить к нехватке ресурсов для производства конечной продукции. Это уже само по себе должно было снизить объемы производства в стране, но когда на дефицит наложились еще новогодние праздники и зимние холода, традиционно снижающие производительность, провал стал неизбежен.

Узнав об этом, безмятежный Горбачев спохватился и к марту 1987 г. дал указание готовить настоящую экономическую реформу. Таким образом, получается, что какая-то созидательная деятельность со стороны генсека началась ровно через два года после его прихода к власти. Поистине, счастливые часов не наблюдают.

Теоретики и практики

Однако, даже решившись на осуществление преобразований, Горбачев никак не мог понять, каким образом ему следует начать, а затем углубить (именно так ставил ударение в словах генсек) свои экономические реформы. Суть проблемы хорошо отражает следующий анекдот того времени.

«У Буша сто охранников. Он лежит ночью и гадает: кто из них террорист? У Миттерана сто любовниц. Он лежит без сна и думает: которая из них больна СПИДом? У Горбачева сто советников по экономике. Он тоже бодрствует и вычисляет: кто же из них не дурак?» [24, с. 79].

Как следствие проблем, возникавших с «дураками-экономистами», разработка основ реформы осуществлялась сразу двумя командами.

Первая включала группу известных на тот момент времени экономистов. Возглавлять ее Горбачев поручил двум секретарям ЦК, имеющим наиболее тесные контакты с научной средой, – Александру Яковлеву и Вадиму Медведеву. Однако, поскольку первый специализировался преимущественно на идеологической работе, основная нагрузка в деле разработки реформы легла на плечи второго.

Выпускник Ленинградского государственного университета Вадим Медведев был доктором экономических наук. Он родился в 1929 г., в молодости преподавал, а затем перешел на партийную работу. Побыв какое-то время секретарем Ленинградского горкома партии, Медведев перебрался в Москву, где возглавил Академию общественных наук (АОН) – главную кузницу партийных интеллектуалов.

Кузница, конечно, была так себе и соответствующим образом готовила интеллектуалов. Но все же на фоне типичной партийной номенклатуры Медведев и его коллеги (в частности, заведующий кафедрой политэкономии АОН Леонид Абалкин) смотрелись неплохо. Эти люди по мере своих скромных сил тянулись к знаниям, начинали понемногу глядеть на зарубежный опыт хозяйственного реформирования и не страдали комплексом директорского всемогущества, отличавшим руководителей типа Николая Рыжкова.

При Андропове Медведева снова востребовали на партийной работе, поручив руководить отделом науки в ЦК КПСС, а с 1986 г. он стал секретарем, курирующим связи с «братскими» партиями социалистических стран. В принципе, реформирование советской экономики не относилось к числу его непосредственных обязанностей, но поскольку в 80-х гг. именно «братские» партии самым активным образом занимались рыночными преобразованиями,

Медведев мог в какой-то мере считаться специалистом, владеющим прогрессивным зарубежным опытом.

Это был человек не яркий, замкнутый и сосредоточенный в себе. Лидерских качеств Медведев не имел совершенно. Недаром он мало кому запомнился даже в то время, когда по праву мог считаться одним из первых лиц в стране. Но Медведев обладал не характерным для кремлевских политиканов упорством, четким видением задач и стремлением к реальному их разрешению [сильную характеристику Медведева как политика см. 282, с. 235–236]. В те годы его прямолинейность, наверное, казалась примитивизмом, но сейчас, двадцать с лишним лет спустя, события видятся совершенно иным образом. Ведь реформе 1987 г. больше всего не хватало последовательности.

Вадим Медведев

Группа Медведева работала на московской даче в Волынском с осени 1986 г. (правда, поначалу безрезультатно). Кроме Абеда Аганбеяна, Наиля Биккенина и еще двух-трех известных московских ученых, Медведев подтянул туда Абалкина, а также ленинградца Олега Ожерельева, недавно еще возглавлявшего экономический факультет ЛГУ. Чуть позже в «интеллектуальном штабе» появились Станислав Шаталин и Николай Петраков, которым, как известно, довелось сыграть большую роль в истории реформ начала 90-х гг. [156, с. 49, 55].

Другая команда реформаторов сосредотачивалась непосредственно в Совмине. Она работала под руководством самого премьер-министра Рыжкова и приставленного к ней партийным руководством секретаря по экономическим вопросам Слюнькова. Будущий премьер Валентин Павлов был откомандирован из Совмина в Волынское для смычки с наукой [189, с. 39].

«Красный директор» Николай Слюньков в карьерном плане был чуть ли не точной копией Николая Рыжкова, которого он, кстати, сменил на посту секретаря ЦК. Какое-то время Слюньков возглавлял Минское тракторное объединение, затем – Минский горком КПСС. Побыл он и зампредом Госплана, где работал в тесном контакте с Рыжковым, а непосредственно перед тем, как стать секретарем ЦК, возглавлял компартию Белоруссии.

Группа Рыжкова–Слюнькова отличалась совершенно иным менталитетом, нежели группа, работавшая в Волынском. Эти люди толком не знали,

да и не хотели знать, никакого зарубежного опыта. Они гордились своим превосходством над теми, кто «не нюхал пороха» на заводах, и полагали, что вся страна в идеале должна работать, как «Уралмаш» или Минский тракторный. О таких проблемах макроэкономики, как товарно-денежная несбалансированность, инфляция или структурный кризис, они, возможно, догадывались, но предпочитали работать в рамках привычных догм, полагая, что при хорошо налаженном производстве все остальные проблемы тем или иным образом рассосутся.

До сих пор у нас многие полагают, будто для управления страной нужен хороший хозяйственник, имеющий большой производственный опыт. Однако во второй половине 80-х гг. мы уже поэкспериментировали с такого рода хозяйственниками, стремившимися чуть ли не по ленинскому завету превратить всю страну в единую фабрику. И результаты такого экспериментирования хорошо известны.

По воспоминаниям Горбачева, Слюньков отличался все же несколько большей гибкостью, чем Рыжков [57, с. 359], хотя, возможно, он просто обладал меньшей уверенностью в себе и старался держать нос по ветру. Но как бы то ни было, совминовская группа сразу вступила в жесткую конфронтацию с группой из Волынского. В ходе споров ученые нашли поддержку со стороны Горбачева и Яковлева, а также Шеварднадзе. За чиновников заступились маловлиятельные лидеры — Зайков, Воротников и Никонов.

Реформаторы стремились дать предприятиям как можно больше самостоятельности. Правда, при этом не осмеливались покуситься на святая святых социализма — государственную собственность [о своеобразной «логике» экономистов-шестидесятников, сформировавшихся после косыгинской реформы см. 153, с. 10–11]. То, что в Югославии, Венгрии, Польше так или иначе было уже опробовано и продемонстрировало наличие чрезвычайно серьезных проблем, у нас в 1987 г. рассматривалось реформаторами в качестве прогрессивного новшества. Конечно, в их оправдание надо заметить, что даже многими экономистами на Западе ошибки венгров, поляков и югославов еще не были хорошо изучены и осмыслены. Однако одно дело — заблуждаться в научных исследованиях, и совсем иное — строить на ложных посылах систему практических преобразований. В СССР непонимание сути проблем, стоящих перед рыночным социализмом, привело к катастрофическим последствиям.

Что же касается консерваторов, то они не дозрели даже до способности совершить серьезные ошибки. Не отрицая в принципе роль хозрасчета, они

намеревались контролировать из Совмина каждый шаг. Ликвидируя одни рычаги управления предприятиями, эти руководители тут же придумывали другие, дабы всегда иметь возможность надавить тем или иным образом на непослушного хозяйственника. Даже очень умеренные восточноевропейские преобразования совминовскую группу откровенно страшили.

Госзаказ – госприказ

Произошедшее впоследствии стало самым что ни на есть ярким отражением того, как осуществляются (или, точнее, не осуществляются) реформы. В процессе преобразований важно не то, какая из группировок формально сумеет отстоять свою точку зрения, а то, какая из них реально осуществляет конкретные шаги к созданию новой системы. Ученые могут написать любую красивую программу, основанную на передовом зарубежном опыте. Но если у рычагов управления страной находятся люди, не разделяющие эти подходы, программа так и останется на бумаге.

В 1991 г. умеющий учиться на чужих ошибках Егор Гайдар не стал писать никаких программ, хотя как выходец из научной среды он, казалось бы, должен был именно с этого начать свою реформаторскую деятельность. Вместо работы с бумагой Гайдар предпочел лично занять пост вице-премьера (а затем и.о. премьера) и рассадить по другим важнейшим постам своих ближайших сподвижников. Но в 1987 г. чужих ошибок у нас в стране еще не имелось, а потому реализация реформ должна была полностью сосредоточиться в руках Совмина вне зависимости от того, чья точка зрения победила в споре.

Споры между группами привели, скорее, к победе команды Медведева, поскольку ее поддерживал генсек. В июне 1987 г. собрался очередной пленум ЦК, на котором была утверждена концепция реформы системы управления экономикой. Новый механизм должен был начать действовать с января 1988 г. [см. 180].

Реформаторы на этот раз пошли гораздо дальше тех мероприятий, которые включала косыгинская реформа. Предприятиям не просто слегка расширили самостоятельность. В основе преобразований лежала отмена обязательных плановых заданий. Правда, Рыжкову это не нравилось. Он всегда настаивал на том, что плановое хозяйство является одной из важнейших основ социалистического строя. И вот, как следствие стремления Совмина сохранить властные рычаги, в новую систему управления оказался вмонтирован такой инструмент, как госзаказ.

Формально в этом, конечно, не было ничего плохого. Госзаказ существует в любой рыночной экономике. Но у нас он стал не формой удовлетворения спроса, предъявляемого государством на относительно узкий круг нужных ему товаров (производство вооружений, строительство дорог, больниц и школ), а разновидностью директивного задания, спускаемого предприятию сверху в обязательном порядке. Иначе гово-

ря, тот же план сохранился под другим названием. Государство могло навязать предприятию госзаказ хоть на все 100% его производственных мощностей. А поскольку красные директора не сильно стремились трудиться на рыночных принципах, они часто сами настаивали на максимально возможной опеке со стороны правительства.

Широкое использование госзаказа сразу же парализовало намечавшийся реформаторами переход от централизованного распределения ресурсов между предприятиями к оптовой торговле. Ведь если государство сохраняло план в виде госзаказа, оно должно было обеспечить предприятие ресурсами. А необходимость иметь запас таких ресурсов стимулировала стремление все больше и больше расширять масштабы госзаказа. В прессе сразу же появился каламбур: «госзаказ – госприказ».

Но хуже всего обстояло дело с переводом предприятий на самокупаемость и хозрасчет. Они действительно получили гораздо большую свободу в распоряжении заработанными деньгами. Номинальные доходы многих людей к концу 80-х гг. значительно возросли, и этот рост в какой-то степени позволил поддержать падающую популярность Горбачева. Но отсутствие рыночной конкуренции и сохранение огромного сектора экономики, финансируемого из госбюджета, привели к тому, что многие предприятия, не способные произвести приличную продукцию, пользующуюся спросом населения, стали зарабатывать денег не меньше (а то и гораздо больше), чем действительно хорошо работающие заводы и фабрики.

Если до реформы у хорошо работающих предприятий просто забирали свободный остаток прибыли, то теперь стали устанавливать нормативы распределения. Вроде бы правильно и справедливо? Однако вот, к примеру, какая

ситуация сложилась в 1988 г. в одной из отраслей. Норматив прибыли, оставляемый в распоряжении Новотроицкого завода хромовых соединений составил 27,1%. В то же время в родственных предприятиях — Актюбинском заводе хромовых соединений и объединении «Хромник» (г. Первоуральск) — он был равен 55 и 85%, соответственно [28, с. 248]. Похожая картина складывалась по всей советской экономике. С сильных брали много, со слабых меньше, сдохлых — совсем мало.

Единых для всех предприятий правил поведения никто и не думал формировать. Совмин взялся за ручное управление экономикой, подтягивая одних и опуская других. Впрочем, поскольку на волне популизма «опускать» кого бы то ни было трудно, на страну пролился широкий денежный поток, который по своей мощи намного превосходил поток товаров. Сужение такого потока неизбежно означало бы разорение неэффективных предприятий [308, с. 336]. Но разорителем никто из властей предрержащих быть не желал. Все хотели быть только благодетелями. В итоге, как побочное следствие благодетельств, возникли серьезные предпосылки для будущей инфляции. Той самой, за которую в 1992 г. спросили с Егора Гайдара, делавшего реформы, а не благодетельств.

Получается, что формально стремление группы Медведева к переводу предприятий на самоокупаемость и хозрасчет вроде бы реализовалось. Появилась возможность уходить от плановой системы. Но поскольку у руля стояли те, кто не представлял себе иного механизма управления, кроме планового, функционирование советской экономики в 1988—1989 гг. даже отдаленно не напоминало рынок.

Более того, положение усугубилось, поскольку как реформаторы, так и консерваторы не намеревались осуществлять приватизацию предприятий. Вместо того, чтобы передать их в руки инвесторов, заинтересованных в реструктуризации, авторы реформы поставили директоров под контроль трудовых коллективов, сделали менеджмент выборным. В этой ситуации директора оказались заинтересованы не в инвестициях, а в максимально возможном ублажении своих работников. Чтобы обеспечить себе возможность переизбрания, руководители предприятий щедро расплачивались с трудовыми коллективами из имеющихся денежных средств. Подобный подход усилил товарно-денежную несбалансированность.

Но что оказалось просто катастрофичным, так это торможение реформы цен. Хотя новая система управления и не предполагала радикальных действий (наподобие тех, которые через несколько лет предпринял Гайдар), авторами

преобразований, осуществленных в 1987 г., намечался пересмотр цен наряду с частичной отменой директивного механизма их образования.

Необходимость этого определялась не только тем, что рынок предполагает реагирование цен на текущие колебания спроса и предложения. Важнее было другое. Поскольку широкий денежный поток, изливающийся на советскую экономику, явно превосходил поток товаров народного потребления, с 1988 г. стал быстро нарастать дефицит. Если в застойные годы он был досадным, но все же относительно терпимым явлением, то теперь дефицит стал захватывать все новые и новые сферы товарного ассортимента, превращая жизнь потребителя в постоянную погоню за самым необходимым. Средний советский человек зарабатывал все больше и больше, но работе отдавал все меньше и меньше времени, поскольку главной проблемой стало отоваривание зарплаты².

С одной стороны, авторы реформы понимали, что так жить нельзя. Но с другой — они понимали и то, что реформа цен окончательно подорвет популярность генсека. Стихийно демократизирующаяся страна требовала пресечь любое подорожание товаров. Если бы преобразования проводились в самом начале перестройки — в 1985—1986 гг., запаса прочности у Горбачева наверняка хватило бы на любую радикальную реформу³. Но в 1987—1988 гг. истомившийся народ уже начинал серьезно нервничать. А потому был велик соблазн как можно дольше длить иллюзию безболезненности преобразований. Вирус популизма все глубже проникал в организм реформ.

Против преобразований цен выступили не только представители Совмина, но и все привлекавшиеся к реформированию ученые, кроме Петракова. Упорно настаивающий на реформе Медведев пребывал в шоке. Он оказался крайним. Его же собственная команда сомкнулась с консерваторами. И это при том, что нельзя было не понимать губительности промедления [156, с. 55].

Горбачев впоследствии сваливал торможение экономической реформы на Рыжкова. Мол, «Николай Иванович все спустил на тормозах». Но в дейст-

² Как говорил впоследствии Виктор Черномырдин: «Много денег у народа в чулках и носках. Я не знаю где — зависит от количества» [50, с. 82].

³ Другое дело, что в 1985—1986 гг. Горбачеву, еще недостаточно укрепившемуся на посту партийного лидера страны, при проведении реформы пришлось бы преодолевать сильное сопротивление политической элиты, которая не понимала необходимости экономических преобразований. Соответственно, генсеку, популярному в низах, пришлось бы столкнуться с сопротивлением в верхах. Возможно, Михаил Сергеевич размышлял тогда о печальной судьбе Никиты Сергеевича, а потому затягивал с осуществлением по-настоящему серьезных действий.

вительности, как констатировал близкий генсеку человек Андрей Грачев, «дрогнуло все политическое руководство. Едва правительство заикнулось, что цены на хлеб и макароны будут «скорректированы», пусть даже с выплатой компенсации населению, как поднявшийся ропот советских граждан, тогда еще незнакомых с императивами рынка, заставил высшее руководство, а прежде всего самого Горбачева, отступить. Пенять было не на кого. Разбуженное в соответствии со сценарием генсека, общество начало подавать голос и другие признаки жизни. Оказалось, что политическая реформа не только усадила страну перед телевизорами, но и, построив ее в пикеты, вывела на рельсы перед локомотивом экономической реформы, пока еще разводившей пары. Прижатый к стене собственными аргументами, Горбачев спасовал перед «творчеством масс» и публично пообещал, что впредь никакого повышения цен «без совета с народом предприниматься не будет» [62, с. 172–173].

Таким образом, первый раз выбор между шокотерапией и осуществлением постепенных «безболезненных» преобразований мы сделали в 1987 г. Тогда шокотерапию безоговорочно отвергли. И последствия этого не замедлили сказаться. В течение двух-трех лет потребительский рынок развалился практически полностью. Товары исчезали один за другим. Вскоре уже пикеты формировались под ироничными лозунгами типа: «Перестройка – это не сахар, а живое творчество масс». Жизнь становилась несладкой в самом прямом смысле этого слова.

Рыжков понимал, что дело идет к катастрофе, но сосредотачивался медленно. Лишь в мае 1989 г. он пригласил Абалкина на должность зампреда Совмина с тем, чтобы тот остановил рост денежной массы. Это был первый случай прихода человека из научной среды на столь крупный пост, но спасти ситуацию было уже невозможно.

Абалкин ввел специальный налог для изъятия денег у предприятия, но разгул популизма сделал этот налог неработоспособным. От его уплаты были освобождены все предприятия, производящие товары народного потребления, плюс производители сельскохозяйственной продукции, а также

многие строительные организации. В итоге действие налога распространялось лишь на четверть предприятий страны [1, с. 118]. Естественно, за счет давления на эту четверть правительству Рыжкова никак невозможно было спасти всю экономику.

Горбачев, в отличие от Рыжкова, реагировал энергично, но предпочел зайти совсем с иной стороны. В 1988–1989 гг. об экономике у нас в стране говорили все меньше. СССР погружался в политические страсти.

Рыночный социализм и гуляшный коммунизм

В этом месте нам надо ненадолго отвлечься от советских реалий и обратиться к зарубежным. Крах экономической реформы 1987 г. становился все более очевиден, но вопросы, поднятые попыткой перестройки системы управления социалистическим хозяйством, еще долгое время оставались актуальными. Действительно ли эти половинчатые реформы, не предполагавшие создания полноценной рыночной экономики, дискредитировали себя? Или, может, они погибли потому, что оказалось выхолощено их содержание? Может, они погибли из-за экспансии госзаказа, индивидуальных подходов к распределению дохода предприятия и отказа от либерализации цен? Может, строго последовательное движение по пути к рынку без отказа от социализма дало бы свои плоды?

Все эти вопросы стали активно обсуждать в 90-е гг., когда России пришлось преодолевать трудности реального вхождения в рынок, и те, кому это вхождение не слишком нравилось, вновь стали вспоминать о возможности совмещения государственной собственности с самостоятельностью предприятий и о социалистических гарантиях трудящимся.

Увы, если бы сторонники совмещения рынка с социализмом всерьез изучили имевшийся к тому времени зарубежный опыт, они не строили бы особых иллюзий на этот счет. Ряд стран Центральной и Восточной Европы в той или иной мере поэкспериментировали с рыночным социализмом, и все они без исключения двинулись дальше – к капиталистическому рынку. Причем не в силу идеологического выбора правящих элит или, тем более, не из-за «происков» западных спецслужб (как полагают любители конспирологии), а по причине неразрешимости некоторых чисто экономических проблем.

Прежде всего в этом плане интересен опыт Югославии. Во второй половине 40-х гг. XX века там попытались построить экономику советского типа. Однако в силу политического конфликта с СССР ее вскоре стали

трансформировать. Дело в том, что, когда Вторая мировая война окончилась и партизаны-коммунисты во главе с Иосипом Броз Тито пришли к власти на всей территории Югославии, страна, естественно, имела своеобразное «моральное право» оставаться независимой от Москвы, поскольку советская армия сыграла в этом регионе несоизмеримо меньшую роль, чем, скажем, в Центральной Европе. Сталин же с данным положением не соглашался, а потому Тито был вскоре объявлен ревизионистом. Для устранения ревизионизма советскими спецслужбами готовились покушения на Тито, а также (согласно некоторым западным оценкам) планировалось даже вооруженное вторжение на территорию Югославии.

«Ревизионисту» пришлось реагировать адекватным образом. «Ясно, что в условиях “отлучения” Тито от коммунизма, — отмечал специалист по Югославии С. Васильев, — его режим мог сохранить легитимность, лишь обвинив в “ереси” Сталина. А поставив в вину Сталину грехи этатизма и бюрократического социализма, необходимо было самим отказаться от административной системы» [35, с. 9].

Легенда (очевидно, в значительной степени отражающая действительность) о том, как возникла югославская система самоуправления и какую роль играли в построении нового общества отцы-основатели рыночного социализма, выглядит следующим образом. После того, как Югославия поссорилась с СССР и Тито был объявлен ревизионистом, один из лидеров югославской компартии Милован Джилас стал перечитывать Маркса. Углубившись в изучение трудов классика, Джилас вдруг обнаружил, что там нет никаких указаний относительно построения централизованного планового хозяйства сталинского типа. Общество, согласно Марксу, должно быть устроено как свободная ассоциация независимых производителей.

Весной 1950 г. Джилас поделился своими «открытиями» с двумя другими ведущими югославскими лидерами — Эдвардом Карделем и Борисом Кидричем, а затем предложил ввести систему, основанную на ассоциации независимых производителей у себя в стране. Через некоторое время об этом проинформировали Тито. Поначалу вождь заявил, что рабочие не готовы к введению такого рода системы, но затем подумал и добавил: зато это будет радикальный отход от сталинизма.

Такова легенда. Факты же показывают, что движение в сторону введения рабочего самоуправления началось несколько раньше того момента, когда Джилас решил обогатить теорию и практику марксизма своими изысканиями. Уже в первой половине 1950 г. рабочие советы были созданы на 520 предприятиях,

после чего было принято решение о распространении деятельности этих структур самоуправления на всю югославскую промышленность.

В 1950 г. была введена выборность директоров. На следующий год отменили централизованное планирование и предоставили предприятиям право самостоятельного поиска торговых партнеров. Фонд зарплаты, правда, по-прежнему планировался централизованно, но его распределение контролировалось рабочим советом, поэтому отдельный труженик мог получать вознаграждение, варьирующееся в значительных пределах. В 1952 г. произошли существенные изменения и в ценообразовании. С этого момента лишь цены ряда основных товаров должны были устанавливаться директивно.

Словом, то, к чему наши реформаторы подошли в 1987 г., югославы опробовали на 35 лет раньше и в гораздо более радикальной форме. Каковы же были последствия создания рыночного социализма?

С одной стороны, рынок стал гораздо лучше, нежели в СССР, наполняться товарами. Стимулы действительно сказались на результатах. Недаром советские туристы мечтали попасть в Югославию, чтобы там отовариться. Но с другой стороны, выявились серьезные проблемы, связанные прежде всего с ростом инфляции и безработицы.

Во-первых, отказ от частной собственности и от формирования рынка капитала привел к тому, что государству пришлось сохранить свои позиции в инвестиционном процессе. В результате капиталовложения были неэффективны, централизованные ресурсы сплошь и рядом распределялись безответственно. Деньги тратились без получения экономического эффекта, а значит, нарастала инфляция.

Во-вторых, самоуправление на предприятиях поставило директоров в зависимость от трудовых коллективов. Руководители думали не столько о перспективах развития производства (что прежде всего интересует частного собственника при капитализме), сколько о том, как убажить рабочих, дабы те, в свою очередь, хорошо относились к ним. А это приводило к постоянному проеданию значительной части имеющихся у предприятий средств и к ускорению инфляции.

В конечном счете, все обернулось еще и безработицей. Ведь численность населения страны росла, а трудовые коллективы тормозили расширение штатов, чтобы ни с кем не делиться своими доходами. Если частный собственник расширяет производство в погоне за прибылью и тем самым объективно способствует созданию новых рабочих мест, то рыночный социализм оказывается, как ни парадоксально, более эгоистичен.

Но самым страшным для рыночного социализма стало явное нежелание людей участвовать в управлении. В 60–70-х гг. в страну проник с Запада дух общества потребления. Все думали о зарплате, о товарах, которые можно на нее купить, но никак не о том, чтобы создать эффективно функционирующее самоуправляющееся общество. Мечта о формировании нового человека потерпела в Югославии крах, так же как и в СССР [подробнее см. 256, с. 201–246].

Венгрия в своих рыночных начинаниях оказалась более консервативна, чем Югославия. Лидер венгерских коммунистов Янош Кадар не пытался идейно противостоять Советскому Союзу и не стремился делать акцент на сознательности трудящихся в деле управления собственным предприятием. Задачи Кадара были значительно более просты и прагматичны. Он пришел к власти после подавления революции 1956 г. советскими танками и пытался наладить контакт со своим народом. Для этого ему следовало улучшить положение дел в экономике, поскольку лишь так можно было отвлечь людей от политики. Власть как бы заключала контракт с обществом: мы повышаем ваше благосостояние, но вы за это нас не трогаете, не устраиваете больше никаких восстаний и протестов. И действительно, такого рода контракт долго действовал. «При малейшей угрозе конфликта на экономической почве – будь то забастовка или демонстрация – напряжение всегда снималось путем переговоров и уступок» [116, с. 35].

С 1968 г. в Венгрии была заметно расширена самостоятельность государственных предприятий, однако, в отличие от Югославии, трудовые коллективы там не брались за управление. По сути дела, Кадар довел до логического завершения то, что начинал делать Косыгин в СССР.

В итоге в Венгрии, как и в Югославии, благодаря появившимся стимулам улучшилась работа предприятий, и рынок стал наполняться товарами. Причем не возникло серьезных инфляционных последствий, поскольку контроль за ценами остался в руках государства. В маленькой стране, в отличие от огромного Советского Союза, «ручное» бюрократическое управление экономикой не допускало слишком уж заметных провалов. Внешне все вроде бы выглядело неплохо, а потому о Венгрии в шутку стали поговаривать, что она представляет собой «самый счастливый барак» во всем социалистическом лагере и что там удалось построить так называемый гуляшный коммунизм,

т.е. такой коммунизм, при котором не только борются за идеи, но еще и неплохо едят. Впрочем, и здесь со временем выявились чрезвычайно серьезные проблемы.

После того, как в середине 70-х гг. стали резко расти мировые цены на нефть, потребовалось менять ценовую политику и в Венгрии, целиком зависимой от импорта энергоносителей. Однако власти испугались либерализации, поскольку тогда неизбежно возникли бы банкротства неэффективно работающих предприятий и высокая безработица. В итоге государство попыталось взять проблему на себя. Бюджет дотировал предприятия, нуждавшиеся в топливе, а сам покрывал убытки посредством наращивания внешнего долга.

Со временем долг становился все больше и больше. Стало ясно, что когда-нибудь придется расплачиваться, а значит, требуется в очередной раз трансформировать экономическую систему ради повышения ее эффективности. Ведь невозможно сделать так, чтобы и гуляш имелся в изобилии, и сохранялись все коммунистические гарантии — работа, зарплата, стабильность цен.

В начале 80-х гг. внутренние цены пришлось «подгонять» под мировые. Либерализация шла медленно. Чиновники предпочитали смягчать социальные последствия рынка путем «ручного управления». Внешний долг перестал быстро расти, но, увы, не рассосался. В этой ситуации у властей не оставалось иного выхода, кроме очередного увеличения самостоятельности предприятий, поскольку лишь так страна могла заработать валюту для расчетов с иностранными кредиторами. Потребовалось осуществить еще три этапа экономических реформ, из которых последние два пришлось уже на демократический период. Потребовалось согласиться и на банкротства неэффективных фирм, и на приватизацию, и на все прочие элементы капитализма. В борьбе между гуляшом и социализмом безоговорочную победу одержал гуляш [подробнее см. 256, с. 100–126].

Таким образом, как югославский, так и венгерский опыт показал, что можно какое-то время обходиться без капиталистического рынка, но проблемы при этом нарастают, идиллии не возникает, а потому сами экспериментаторы в области рыночного или гуляшного социализма со временем начинают трансформировать половинчатые системы в более целостную.

Впрочем, обо всем этом у нас толком ничего не знали в 1987–1988 гг. Мы тогда болели своими проблемами. Страна проходила третий рубеж

перестройки – самый трудный и ответственный. Если раньше мы спускались по склону на тормозах, имея еще шанс остановиться, то теперь понеслись под уклон со всей возможной скоростью. Спуск стал смертельно опасным, и для того, чтобы выжить, руководство вынуждено было отчаянно крутить баранку, выписывая самые невероятные виражи. Спасение ждало нас лишь в том случае, если мы полностью пройдем «трассу» и вырулим на ровную местность. Но в 1987 г. эта спасительная равнина была еще очень далеко.

Глава 8

Великая схизма

Идейный раскол в рядах перестройщиков

Спустя ровно три года и три дня после смерти Константина Черненко, считающейся отправной точкой эпохи перестройки, вся советская перестроечная общественность пребывала в шоке. Утром 13 марта 1988 г. люди, открывшие газету «Советская Россия» и прочитавшие огромную статью никому доселе не известного ленинградского преподавателя Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» [6], сразу сделали очевидный вывод: горбачевская оттепель (как ранее хрущевская) завершилась, номенклатура дает команду на «отстрел» прорабов перестройки.

«Совраска» взбрыкнула

Сейчас даже трудно представить, почему в тот момент отдельная статья в отдельной (далеко не самой влиятельной) газете вызвала такой переполох. Но в начале 1988 г. страна жила еще по законам советской тоталитарной системы, в которой пресса рассматривалась как орудие централизованной пропаганды.

Статья Андреевой была написана с ортодоксально-коммунистических позиций и полностью отрицала те новые перестроечные ценности, которые стали (причем пока еще довольно робко) просачиваться на страницы газет и журналов. Советские интеллектуалы даже представить себе не могли, будто подобный выпад мог быть простой случайностью. Тем более, что буквально на следующий день Егор Лигачев, имевший славу главного противника перестройки, на совещании с редакторами ведущих изданий (которые он курировал в качестве партийного идеолога) настоятельно рекомендовал статью к изучению [144, с. 177]. А подобная рекомендация фактически означала

требование поддержать курс, намеченный «Советской Россией» – «Совраской», как презрительно стали именовать ее в демократических журналистских кругах.

Значение самой Андреевой было ничтожным. На какое-то время она, правда, стала знаменитостью и даже создала свою собственную, наиболее ортодоксальную компартию. Но никакого влияния на политическую жизнь ни товарищ Андреева, ни ее организация не оказали. Понятно, что автором статьи просто попользовались. Вопрос только в том: кто и зачем?

Чтобы ответить на данный вопрос, надо вернуться в 1987 г., откуда растут корни интриги, вышедшей на поверхность 13 марта 1988 г.

В 1987 г. в СССР без укаски сверху стали происходить вещи, которые раньше даже представить себе было невозможно. Диссидент Александр Подрабинек стал выпускать информационное издание «Экспресс-хроника», где фиксировались те события, о которых умалчивалось в официальной прессе. В том же году Сергей Григорьянц начал издавать журнал «Гласность». Появился и еще ряд неформальных изданий, которые власти так или иначе согласились терпеть [294, с. 124]. В Москве (в феврале) и в Ленинграде (в мае) возникли клубы «Перестройка», где различные неформальные проблемы обсуждались самым непосредственным образом [181, с. 46–48]. В Ленинграде демократическое движение родилось как движение за охрану памятников старины в марте 1987 г. в связи со сносом гостиницы «Англетер» [37, с. 25].

Связано все это оказалось с тем, что примерно в то же время, когда решено было начать разрабатывать первую экономическую реформу, горбачевское руководство наметило и мягкую политическую либерализацию. Выразилась она в решении политбюро от 25 сентября 1986 г. о прекращении глушения западных радиоголосов [40, с. 110] и в разрешении публиковать некоторые запрещенные ранее художественные произведения. «Первой ласточкой» стали «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, опубликованные, в основном, благодаря поддержке секретаря ЦК Александра Яковлева [184, с. 153] и прочитанные за несколько месяцев буквально всей советской интеллигенцией. За «Детьми» потянулись другие романы, а также материалы историков, разоблачающих сталинизм, и статьи экономистов, анализирующих реформы.

В прессе 1987 г. прошел под знаком узнавания старых имен. Лавиной обрушились на читателя биографические статьи, воскрешающие знания о Николае Бухарине и других представителях правого уклана, о членах первого большевистского правительства, о людях, репрессированных по «ленинградскому делу». Вновь откровенно критиковался Сталин (пока, правда, лишь за «культ

личности»). Вновь заговорили о возможности пересмотра стратегического курса страны. Правда, исключительно в рамках (!) социалистического выбора [см., напр., 243].

Появлялись на этом фоне и более яркие штрихи. Статья Николая Шмелева «Авансы и долги», опубликованная «Новым миром» в середине года, фактически уже без особых оговорок констатировала необходимость рынка [292]. Возможно, экономистам с их «птичьим» языком прорваться было легче, чем историкам и философам, за каждым словом которых бдительно следило начальство.

Но как бы ни были значимы публикации 1987 г., новый 1988 г. начался с принципиальных прорывов. В феврале Бухарин и целый ряд других политиков были официально реабилитированы. В июне (уже после письма Андреевой) реабилитировали Зиновьева, Каменева, Пятакова, Радека... Но самое главное — дискуссия, ведущаяся в прессе, все больше выходила на уровень серьезных обобщений. Анатолий Бутенко все острее ставил вопрос о том, что есть социализм. А Аркадий Ваксберг еще в январе оспорил «царицу доказательств» — отказ от презумпции невиновности (согласно большевистскому подходу, если человек под воздействием пыток признавал себя виновным в преступлении, то это считалось вполне достаточным для вынесения ему приговора) [244, с. 5–24, 53–79].

Позднее Рой Медведев опубликовал свои подсчеты числа жертв сталинских репрессий [245, с. 141–147]. Счет шел на миллионы, и объективно выходило так, что суть людоедского строя уже не могла укрыться за официальными словами об отдельных отступлениях от ленинского курса.

Поначалу горбачевское руководство совсем не так представляло себе общественную активность. Оно, по-видимому, полагало, что будет регулировать процесс сверху, о чем свидетельствует случай, описанный Вадимом Бакатиным. Еще весной 1986 г. он, будучи первым секретарем обкома, получил от секретаря ЦК по оргработе задание, инициированное самим генсеком: организовать в области несколько серьезных критических выступлений и продемонстрировать обществу правильную реакцию на критику [14, с. 116–117].

Однако к 1988 г. ничего организовывать уже не требовалось. Фактически перестройка стала медленно выходить за пределы партийного аппарата. Вскоре активность стали уже не поощрять, а, напротив, тормозить.

В Ленинграде у Казанского собора, где проходили митинги, вдруг образовались концерты духового оркестра. Поди произнеси речь под подобный

аккомпанемент. Понятно, что власти таким незамысловатым способом пытались притормозить общественную активность. Тогда митингующие во главе с Игорем Сошниковым стали приносить с собой лимоны и поедать их перед лицом несчастных трубочей. Можно представить, как им тогда трубилося [38, с. 35].

Пусть несколько косвенным образом (не через парламент) в политической жизни страны начала участвовать интеллигенция, особенно творческая. В октябре состоялась подготовительная конференция общества «Мемориал». В самом конце года по инициативе Андрея Сахарова, Михаила Гефтера и Юрия Афанасьева возник клуб «Московская трибуна». А затем по его образцу появилась и «Ленинградская трибуна» [290, с. 119–123].

Конечно, до 1989 г. клубы ни на что серьезно влиять не могли, но публично обнародованные взгляды, вызревшие в интеллектуальной среде, внезапно углубили разногласия среди преимущественно андроповского по своему менталитету партийного руководства. Оказалось, что народ о чем-то размышляет вне партийного контроля и итоги этих размышлений заводят так далеко, как многим аппаратчикам и не снилось.

Пришедшая извне «инфекция» стала разрушать псевдоединое горбачевское политбюро. Между Лигачевым и Яковлевым еще в 1987 г. намечился острый конфликт. На фоне полемики об экономической реформе идейные разногласия становились еще более заметными, хотя на публику их не выносила ни та, ни другая сторона. Однако в октябре один из нарывов прорвало так, что скрыть кризис партии было уже невозможно. Речь идет об отставке Бориса Ельцина.

На Октябрьском пленуме ЦК он «наехал» на Лигачева за провалы в оргработе и на самого Горбачева за славословия, постоянно раздающиеся в адрес генсека [83, с. 133–151]. Ельцин, бесспорно, был раздражен тем, что на него «повесили» Москву, заставили разгребать гришинское наследие, но не поддержали должным образом. Первый секретарь МГК КПСС уже чувствовал, что в свете горбачевского подхода к управлению он запросто может оказаться крайним, т.е. ответственным за перегибы.

И Ельцин решил обострить конфликт, подав в отставку. Никаких демократических новаций им не предлагалось. Скорее всего, он ожидал, что Горбачев не допустит раскола и вынужден будет ограничить кураторство Лигачева, дабы сохранить столь нужного ему лидера московской парторганизации. Угроза отставки в свете подобной логики должна была лишь укрепить позиции Ельцина.

Но генсек пошел иным путем. С одной стороны, ревнивый Горбачев, возможно, был раздражен растущей популярностью Ельцина среди москвичей. Но с другой — он сознательно поддерживал центристский курс, дабы иметь возможность управлять страной по принципу «разделяй и властвуй».

Устраняя со своего пути крайних консерваторов, он никак не мог поддерживать крайних радикалов. А Ельцин своим популизмом, своими «наездами» на права номенклатуры ставил себя именно в положение радикала. Радикализмом тогда выглядела не столько реальная демократизация, в возможность которой никто толком не верил, сколько покушение на партийные кормушки, спецраспределители, служебные машины. Ельцин закладывал в умы москвичей сомнение в справедливости особого положения «слуг народа», а это не могло устроить никого из аппаратчиков.

Ельцина вышибли, и он, глубоко шокированный столь неожиданным признанием его отставки, оказался более чем на полгода полностью деморализован. Лигачев, напротив, ощутил уверенность в собственных силах. Горбачев же почувствовал, что допустил некоторый крен в сторону консерваторов, который — ради сохранения равновесия — следует исправить. Все это и определило разрастание, казалось бы, скромного эпизода с письмом провинциальной, никому не известной Нины Андреевой в глобальный политический кризис.

Генсек в момент публикации как раз отбыл за рубеж, однако прореагировал сразу, лишь только прочел статью. Он оценил ее как антиперестроечную и вскоре после возвращения в Москву собрал политбюро. Кроме того, было проведено расследование: каким образом материал появился в редакции «Совраски»?

Журналист Дмитрий Жвания, беседовавший как-то раз с Ниной Андреевой, с ее слов описывает историю следующим образом. «Письмо она решила написать в ответ на статью Проханова, в которой он предлагал создать в Советском Союзе “свободный рынок идей”. В те годы Проханов вовсе не был таким уж красно-коричневым, как сегодня. Его статья Андрееву возмутила. Она была убеждена: то, что завоевано в жестокой борьбе, за просто так отдавать нельзя. Она написала письмо. А редакция попросила закончить текст цитатой из речи Горбачева: “Нашими марксистско-ленинскими принципами нельзя поступаться ни при каких условиях”» [87, с. 174].

Правда ли это? Многие полагали тогда, что случайно такого рода вещи не происходят, а значит, Лигачев фактически сам организовал появление статьи, дабы можно было без использования прямых приказов дать понять

руководителям прессы, как следует интерпретировать перестройку. Однако прямых свидетельств коварства секретаря ЦК так и не было обнаружено. Может, все-таки письмо и впрямь пришло само?

Даже в 90-е гг., когда Лигачев публиковал воспоминания, где всячески демонстрировал свое несогласие с горбачевским курсом, предположение об инспирировании письма Нины Андреевой мемуаристом резко отвергалось [144, с. 186]. А ведь Лигачеву выгодно было тогда подчеркнуть, как рано он начал бороться с демократами.

Мы можем, конечно, предположить, что Лигачев отдавал приказ о публикации негласно, а редактор «Совраски» потом просто принял ответственность на себя и подчеркнул тем самым значимость своей газеты. Но не исключено и иное. Весной 1988 г. уже разгоралась знаменитая война газет и журналов. Издания демократической ориентации («Московские новости», «Огонек», «Новый мир», «Знамя») схватились в полемике с патриотической прессой («Совраска», «Москва», «Молодая гвардия»). Рубились несколько лет не на страх, а на совесть без всякого поощрения свыше. Должны ли мы считать, что 13 марта такое поощрение «Совраске» обязательно требовалось?

Принцип на принцип

Как бы то ни было, решительного столкновения сил, по-разному понимавших перестройку, ждали все. Былое андроповское единство не могло сохраниться, и письмо Нины Андреевой стало лишь поводом для окончательного выяснения отношений. Лигачев полагал, что после уничтожения Ельцина добьет и других своих идейных противников. Но сами эти противники лучше оценили ситуацию и, поняв, как важно Горбачеву остаться в центре, нанесли удар по Лигачеву, который при обсуждении статьи на политбюро остался в явном меньшинстве.

Егор Кузьмич не был сталинистом, как полагали многие. Более того, в молодости этот принципиальный парень женился на дочери репрессированного генерала и в 1949 г. был даже снят с должности первого секретаря новосибирского обкома комсомола, оставшись на семь месяцев без работы. Лигачев был вполне готов к тому, чтобы давать критические оценки сталинизму. Так, в частности, Эдуард Шеварднадзе свидетельствует, что Егор Кузьмич оказал ему поддержку при выпуске на широкий экран картины Тенгиза Абуладзе «Покаяние», где впервые в советском искусстве был нанесен поистине яркий, прямой и бескомпромиссный удар по тоталитаризму. В тот момент

без разрешения Лигачева, руководившего идеологической работой, даже сам Горбачев не решался на «Покаяние».

Увы, бедой Лигачева стало то, что он застрял в прошлом и совершенно не развивался. К 1988 г. его время прошло.

На первый план вышел Александр Яковлев. С согласия генсека он написал резкий ответ на письмо Нины Андреевой. Текст был без подписи опубликован 5 апреля в главной партийной газете «Правда» и, таким образом, оказался всей страной воспринят в качестве однозначной установки, заданной высшим руководством. Теперь все знали, что консервативного поворота уже не будет. Гласность достигла апогея, страх исчез, разоблачительные публикации пошли все более широким потоком.

Роль Яковлева в данном процессе трудно переоценить. Этот родившийся на Ярославщине в 1923 г. сын крестьянина за долгие годы занятий советской пропагандой своим умом дошел до полного отрицания коммунистических идей и теперь, получив карт-бланш на борьбу с «не могущими поступиться принципами», взялся энергично проводить в жизнь такие принципы, которые еще недавно казались немыслимыми.

Его духовный поиск начался еще в детстве [о внутреннем мире этого крупного политика см. 303]. Как-то раз мать принесла из церкви бутылку «святой воды» и велела выпить. Малыш отказался и получил ложкой по лбу. Но тут вмешался отец: «Не тронь. Ему жить, ему и решать. Пусть выбирает сам». С тех пор Александр Николаевич всю жизнь выбирал сам.

Драться этот странный деревенский паренек не любил и не умел. Зато любил и умел читать. Он оказался единственным из ребят-односельчан, кто пошел после седьмого класса в среднюю школу. Ходить надо было через темный лес, по восемь километров ежедневно. Впрочем, этот путь был еще не самым страшным. Сразу после школы Яковлев оказался в армии. Уже в 18 лет понял, что едет на фронт в качестве пушечного мяса [304, с. 35–45].

Провоевал он недолго. Получил четыре пули и на всю жизнь остался инвалидом. Вернулся с фронта домой – и снова выбор. Мог остаться в деревне, но предпочел учиться. Окончил истфак Ярославского пединститута. Затем стал делать партийную карьеру. Сначала в Ярославле, а затем в Москве.

Наверное, это был компромисс с совестью. Порой он стыдился смотреть в глаза людям. Но человеку думающему, активному трудно было уйти «в кочегарку» и превратить себя на всю жизнь в маргинала.

Благодаря компромиссу удалось окончить Академию общественных наук, пройти стажировку в Колумбийском университете, взглянуть на реальный

Запад еще тогда, когда никто в СССР его не знал. К эпохе оттепели сорокалетний Яковлев уже видел мир иными глазами, чем его наивные сослуживцы в ЦК КПСС.

Когда же оттепель завершилась, он порвал с ЦК, написав в «Литературку» статью, после которой оказался плавно перемещен на пост посла СССР в Канаде. Некоторые аналитики отмечают, что статья была лишь поводом, а настоящей причиной отставки являлась принадлежность Яковлева к команде Александра Шелепина, с которой Брежнев в тот момент интенсивно боролся [93, с. 315].

Александр Яковлев

Однако есть свидетельство Георгия Арбатова, видевшего, как Брежнев лично распекал автора за статью, идущую «вразрез с линией», и как Яковлев (что характерно) откинул тактику компромиссов и возразил генсеку [184, с. 23].

В Канаде с ее рыночной экономикой и политической демократией завершилось «образование», сделавшее Яковлева человеком, в советском руководстве наиболее подготовленным к реформам. После апрельского пленума 1985 г. Горбачев именно Яковлеву (совместно с Михаилом Полтораниным) поручил подготовить самый первый реформаторский манифест, так, кстати, и не дошедший до стадии реализации [173, с. 39]. Позднее же, став с подачи Горбачева в 1986 г. секретарем ЦК, Яковлев уже на деле начал выводить идеологию из-под крыла Лигачева. Он активно поддерживал прогрессивную прессу. Лично пригласил в Москву из Киева Виталия Коротича, чтобы тот возглавил журнал «Огонек» [173, с. 43].

Скорее всего, именно Яковлев сформулировал для Горбачева концепцию перестройки. На апрельском (1985 г.) пленуме генсек вел речь всего лишь о перестройке хозяйственного механизма. Впервые о перестройке как о системном явлении он обмолвился на заседании политбюро 2 января 1986 г. Затем было упоминание на съезде КПСС. А дальше пошло... В марте Горбачев требует на встрече с руководителями ведущих СМИ не заболтать перестройку. А в апреле 1986 г., приехав в Тольятти, излагает развернутую концепцию перестройки всех сфер жизни. А ведь это было именно то время, когда Яковлев набрал наибольший политический вес [40, с. 63, 81–81, 94].

Неудивительно, что к 1987 г. скрытый конфликт между Яковлевым и Лигачевым резко обострился. Но письмо Нины Андреевой фактически поставило в этой борьбе точку. Лигачев отступил. Несмотря на формальное сохранение цензуры и однопартийной системы, общество при Яковлеве почувствовало себя свободным. Пожалуй, даже более свободным, чем сегодня.

В 1988 г. мы начали говорить все, что думали, читать все, что хотели. В Прибалтике возникли оппозиционные движения, напрямую ставившие задачу прихода к власти. Внезапно для многих граждан страны выяснилось, что советский народ не представляет, как нам раньше объясняли, новую историческую общность людей. На самом деле по-прежнему существуют разные народы – русские, украинцы, белорусы, эстонцы, грузины... И все они мечтают иметь собственное государство вне зависимости от той причины, по которой в свое время они стали советскими людьми. Особенно активно формирование политических сил, делающих ставку на выход из состава СССР, осуществлялось в Прибалтике.

Когда на конгрессе Народного фронта Эстонии глава республики Арнольд Рюйтель подсел для беседы к главе Фронта Эдгару Сависаару (я находился тогда в зале и наблюдал эту картину своими глазами¹), стало ясно, что власть вынуждена не только реформироваться, но и считаться со взглядами общества на реформы. Казалось, идея демократии охватила широкие массы и остановить тягу народа к свободе не удастся уже никому.

Горбачев снова торжествовал. Сохраняя свой центристский курс, он медленно, но верно, сдвигал центр в сторону демократизации. И этот дрейф вполне соответствовал массовым ожиданиям. Неудачи экономических преобразований к середине 1988 г. еще не были очевидны, а успех политического маневрирования убеждал в том, что генсек – чуть ли не гениальный государственный деятель, умело ведущий страну меж рифами и водоворотами.

Горбачев даже написал специальную книгу с длинным названием «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», которая сразу стала бестселлером [56]. Вождь вступил в прямой диалог с народом, и общество полностью восприняло его обращение.

¹ В какой-то момент все зарубежные журналисты, собравшиеся на съезд, сорвались со своих мест и бросились снимать какую-то сцену в центре зала. Поначалу нам, людям, не привыкшим к методам работы современной прессы, было совершенно неясно, что случилось. Почему события в зале важнее, чем происходящее на сцене? Но быстро выяснилось, что имел место первый в советской истории прямой контакт власти с оппозицией.

Венцом этого блестящего маневрирования стала проведенная летом 1988 г. XIX партконференция. На ней Лигачев бросал Ельцину свое знаменитое «Борис, ты не прав», а опальный деятель пытался реабилитироваться в глазах соратников по партии. В жесткой словесной схватке схлестнулись писатели: консерватор Юрий Бондарев и реформатор Григорий Бакланов. Великая схизма достигла апогея.

Бакланова затопали, Ельцина не реабилитировали. И мало кто понял, что под шумок Горбачев получил карт-бланш на осуществление глобальной политической реформы, после которой однопартийная система оказалась обречена.

К сентябрю генсек завершил свой тонкий маневр, убрав с идеологии как Лигачева (на сельское хозяйство), так и Яковлева (на международные отношения). Формально это было логично. Партия наивно желала погасить конфликт, масштабов которого даже не осознавала. В результате идеология оказалась в руках абсолютно лояльного Горбачеву Вадима Медведева, а на передний край политической реформы уже выдвигался Анатолий Лукьянов.

С заменой руководителя КГБ Виктора Чебрикова на Владимира Крючкова андроповский призыв фактически полностью уступил место у руля призыву горбачевскому. Тот факт, что Крючков и по биографии, и по духу своему был на самом деле чисто андроповским кадром [см. его автобиографию 128, 129], тогда представлялось непринципиальным. Генсек уверенно двигался к тому, чтобы полностью выйти из-под контроля партии, встав во главе народных депутатов СССР. Казалось, что это давало ему абсолютную свободу рук в деле дальнейшего осуществления реформ.

Дела внешние и внутренние

Великая схизма, скорее всего, не стала бы столь великой, если бы произошел раскол лишь во взглядах на внутреннюю политику. Однако в 1988 г. случился перелом и в системе международных отношений.

В начальный период перестройки позиция Горбачева не отличалась существенным образом от той позиции, которую занимали его предшественники. Хотя последний генсек искренне стремился к налаживанию отношений с Западом и своей открытостью вызывал симпатии у западных партнеров (особенно у Маргарет Тэтчер), суть советской внешней политики оставалась прежней. Мы вели переговоры с американцами как два врага, больше всего опасаящихся, что один из переговорщиков вдруг зазеваается и получит

от другого ядерной боеголовкой «по кумполу». В этом, в частности, была причина печально знаменитого провала встречи Горбачева с Рональдом Рейганом осенью 1986 г. в Рейкьявике.

Лишь в 1988 г. советская внешняя политика стала частью общего курса на обновление общества. Судя по всему, именно тогда Горбачев перестал смотреть на США и НАТО, как на врагов, мечтающих нас уничтожить. Он почувствовал, что мы находимся по одну сторону баррикад и, следовательно, уступки американцам являются не сдачей позиций, а, напротив, шагом к построению более прочного мира². Вряд ли Горбачев или Рейган предвидели, как повернутся дела после 11 сентября 2001 г. Но интуитивно движение к новому миру, где цивилизация в целом противостоит терроризму, началось именно с 1988 г.

Характерно, что наша страна сделала шаг, важность которого так и не была осознана американцами. СССР заявил о выводе войск из Афганистана, тогда как США оказались неспособны воспрепятствовать последующему приходу к власти поддержанных ими талибов. Вашингтон по инерции продолжал смотреть на СССР как на империю зла, даже несмотря на то, что лично Рейган в мае 1988 г. согласился смягчить свою известную формулировку.

На советской же стороне ситуация быстро менялась. В декабре Горбачев, выступая в ООН, заявил об одностороннем сокращении советской армии и о приоритете общечеловеческих интересов во внешней политике (эту речь даже прозвали «Фултоном наоборот»), противопоставляя выступлению Черчилля, открывшему холодную войну). А вскоре последовало наше согласие на объединение Германии и на вывод войск из Европы.

Как это ни парадоксально, наша страна активно двигалась в XXI век, тогда как США упорно готовились к прошедшей войне. Даже выступление Горбачева в ООН американские эксперты, по мнению бывшего британского посла в Москве Родрика Бретвейта, не приняли во внимание, посчитав его очередной коммунистической уловкой. Атмосфера, царившая в среде ученых

² Егор Гайдар, правда, объясняет позицию Горбачева не столько ментальными сдвигами, сколько обострившимися экономическими проблемами страны [48, с. 291]. Эту трактовку также обязательно следует принимать во внимание. Нараставшие трудности с обеспечением советского населения продовольствием и товарами широкого потребления наводили руководство страны на мысль о желательности использования зарубежных кредитов. Но для того, чтобы получить эти кредиты, следовало идти навстречу партнерам, с которыми велись переговоры. Мы можем предположить, что начался процесс сближения в связи с общим желанием перемен, но, по мере того как внутренний рынок в СССР разваливался и макроэкономическая нестабильность усиливалась, экономический фактор в контактах с Западом начинал, по всей видимости, превалировать.

и интеллектуалов, не благоприятствовала более проницательным и тонким толкованиям. Один из руководящих аналитиков ЦРУ признавал в 1988 г., что его управление никогда всерьез не изучало возможность политической перемены в Советском Союзе. Если бы он написал и распространил такого рода исследование, то народ потребовал бы его головы [23, с. 75].

Эдуард Шеварднадзе

Долгое время односторонняя политика сближения с Западом, начатая Горбачевым в 1988 г., трактовалась у нас многими как глупость и даже как предательство интересов отчизны³. Особенно усиливались подобные настроения на фоне приближения НАТО к российским границам.

Однако, глядя из XXI века на то, что происходило в 1988 г., мы вряд ли станем столь скептически оценивать ту смену внешнеполитического курса. Если бы в сентябре 2001 г. Россия находилась в столь же конфронтационных отношениях с Западом, как, скажем, в сентябре 1983 г. (когда наши ВВС сбили гражданский корейский самолет), последствия терактов для всего мира могли бы быть куда более печальными. Наша страна вполне способна была бы попытаться извлечь выгоду из действий террористов (ведь подобный подход полностью соответствовал курсу, проводившемуся до 1988 г.), и тогда человечество могло оказаться на грани мировой войны.

К счастью, Горбачев разрушил конфронтацию. Но оплачивать преодоление внешнего раскола пришлось углублением раскола внутреннего. В число предателей отчизны люди, «не могущие поступиться принципами», записали наряду с Горбачевым и Яковлевым министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе.

Этот седовласый, аристократического вида грузин оказался сравнительно случайной, но очень удачной «находкой» Горбачева. Яковлев на протяжении всей своей предшествовавшей жизни готовился к тому, чтобы возглавить перестройку, но Шеварднадзе вряд ли стал бы главой МИДа, если бы в 70-х гг. не был «соседом» Горбачева. Один возглавлял ставропольский крайком КПСС, другой работал первым секретарем ЦК компартии Грузии. По меркам 70-х оба были сравнительно молоды (Эдуард на три года старше Михаила),

³ Весьма характерна в этом смысле недавно изданная книга под говорящим названием «Измена генсека» [264].

симпатизировали друг другу и, по-видимому, общаясь в неформальной обстановке где-нибудь на кавказских курортах, делились соображениями о том, как выходить из кризиса, поразившего страну [об их общении см., напр., 287, с. 58–63].

Грузинский лидер совершенно не был готов к руководству иностранными делами. Более того, он, скорее, специализировался на делах внутренних, поскольку во второй половине 60-х гг. возглавлял республиканское МВД. Но Горбачев рискнул поставить его во главе МИДа и не ошибся.

Собственно говоря, некоторыми дипломатическими достижениями он прославился еще у себя на родине, хотя переговоры приходилось вести совсем не с эмиссарами иностранных государств, а с кремлевскими правителями и со своими грузинами. В апреле 1978 г., когда Верховный Совет Грузии должен был голосовать за новую Конституцию, народ вдруг вышел на улицы Тбилиси. Тысячи молодых людей протестовали против изъятия из текста положения о грузинском языке как государственном. Шеварднадзе был бы рад ничего не изымать, но Москва требовала унифицировать республиканские конституции в соответствии с брежневским союзным Основным законом. Попытки смягчить позицию центра долгое время не приводили к успеху, поскольку Суслов – главный идеолог – верил в советский народ как новую историческую общность и всякие «национальные заморочки» считал пережитком прошлого.

Ситуация складывалась крайне серьезная. Если уж в СССР, где помнили массовые репрессии 30–50-х гг. и новочеркасский расстрел рабочих в 1962 г., люди вышли на митинг протеста – значит, для них вопрос был принципиальным. И Шеварднадзе сумел убедить Брежнева в необходимости сохранить статус-кво. А затем вышел на площадь к студентам, собравшимся у Дома правительства, и торжественно сказал:

– Братя! Все будет, как вы хотите!

Огромная площадь была в полном восторге. Шеварднадзе молниеносно стал народным героем [168, с. 222–223].

Много испытать пришлось ему в Грузии. Как минимум два раза он перенес покушения на свою жизнь. Произошло это в тот период, когда, будучи министром внутренних дел, он боролся с местной мафией. Один раз не сработала бомба, а в другой – исполнитель в последний момент отказался стрелять [238, с. 61].

Несмотря на все это, Шеварднадзе к началу перестройки оставался человеком внутренне свободным, раскованным и последовательным. При нем

внешняя политика не знала тех судорожных метаний, которыми позднее ознаменовался период Примакова–Иванова–Лаврова. Шеварднадзе понимал, чего хочет достичь, и шел к этой цели не сворачивая.

Его первое появление «на публике» в качестве главы МИДа еще летом 1985 г. произвело фурор. Контраст с хмурым, неуступчивым Андреем Громыко был несомненен. Вот взгляд очевидца – посла США в СССР Джека Мэтлока:

«Седовласый, оживленный человек с не сходящей с лица располагающей улыбкой вошел в комнату, пожал руки американцам и начал встречу с обращения к своим помощникам на русском языке с грузинским акцентом: “Я в этом новичок. Обязательно поправьте, если дурака сваялю”... Когда встреча закончилась, Шеварднадзе повернулся к своим сотрудникам и спросил: “Ну, ребята, как у меня получилось? Сколько блох насчитали?”» [173, с. 54].

В сентябре 1985 г. Шеварднадзе принимал участие в заседаниях Генеральной ассамблеи ООН, а после этого встретился с Рональдом Рейганом. Американский президент был великолепным рассказчиком анекдотов, и советский посол предупредил Эдуарда Амвросиевича, что тот должен сам рассказать какой-нибудь анекдот ради налаживания отношений. Можно представить себе, насколько неожиданным было это предложение для партократа, привыкшего общаться лишь с помощью славословий в адрес вышестоящих партократов. Однако Шеварднадзе сумел быстро адаптироваться к новой ситуации и поведал Рейгану историю, которую тот, похоже, еще не слышал:

Господь Бог позвал к себе Рейгана, Горбачева и Тэтчер, чтобы они перед ним отчитались. Спрашивает Рейгана: «Как идут дела?» – «Хорошо, – отвечает тот. – Я создал 5–6 миллионов новых рабочих мест».

Затем вопрос к Горбачеву: «А у тебя как дела?» Генсек отчитывается: «Перестройка идет полным ходом, процесс демократизации углубляется и расширяется».

И, наконец, Господь обращается к Тэтчер: «Ну а как у тебя, дитя мое?» Тэтчер в ответ: «Хорошо. Но это не главное: во-первых, я не твое дитя, а во-вторых, ты сидишь на моем месте!» [288, с. 78].

Шеварднадзе был быстро принят в «клуб» ведущих политических лидеров мира. Он сумел заговорить с ними на одном языке. Увы, через пять с половиной лет после триумфального начала этот столь ярко появившийся в большой политике человек уходил уставшим и опустошенным. Он громко хлопнул дверью, публично подав в отставку и предупредив страну о возможности установления диктатуры.

Потом было еще целое десятилетие управления независимой Грузией: лавирование в условиях кризиса, пережитое покушение, полная потеря авторитета и бесславный уход из политики в результате революции роз. Кажется, Шеварднадзе плодит конфликты буквально всюду, где ступает его нога. Но если сегодня в мире нет конфликта между Востоком и Западом, то это во многом благодаря политике, проводившейся Горбачевым и Шеварднадзе во второй половине 80-х гг.

Конечно, были в этой политике и ошибки. Так, в частности, Егор Гайдар поведал автору сих строк, что спрашивал как-то раз одного ключевого участника переговоров с американской стороны, имело ли место формальное обещание США не расширять НАТО на Восток в случае нашего согласия на объединение Германии. Тот ответил буквально следующее (далее вольный перевод Гайдара с английского): «Если бы они поставили этот вопрос, я дал бы согласие в течение одной минуты. Но они же его не поставили».

Скорее всего, в тот момент советские лидеры не воспринимали продвижение НАТО на Восток в качестве важного фактора, влияющего на политические процессы. Они разумно полагали, что Запад совсем не стремится к агрессии против нашей страны. И действительно, он к этому не стремился, тем более что в новую эпоху увяз в сложнейших проблемах, связанных с международным терроризмом и конфликтами на Ближнем Востоке.

Однако страны Центральной и Восточной Европы страстно желали вступить в НАТО и в Евросоюз, поскольку это вступление четко определяло их европейскую идентичность. Вашингтон и Брюссель пошли им навстречу, хотя в случае с НАТО, возможно, лучше было бы этого не делать. Расширение Североатлантического альянса, в свою очередь, беспокоило многих людей в России, поскольку мы привыкли за долгие годы рассматривать НАТО в качестве естественного противника. Напряженность возросла. Усилилось недоверие россиян к Западу и недоверие западных политических лидеров к российским политикам. Таким образом, ошибка, совершенная Горбачевым и Шеварднадзе на рубеже 80–90-х гг., косвенным образом повлияла на ситуацию 2000-х гг.

Впрочем, не стоит все же переоценивать значение договоренностей того времени. У нашей страны не имелось объективной возможности удержать свой контроль над Германией, а также над странами Центральной и Восточной Европы. Да, можно было получить от американцев обещание не расширять НАТО. Но вряд ли это обещание гарантировало бы нам сохранение того политического веса, которого желали многие россияне. Влияние страны

на международной арене, в конечном счете, определяется его экономическими возможностями. А они у Советского Союза 80-х гг. были уже крайне низкими. Для повышения престижа страны требовалось не столько умелое внешнеполитическое лавирование, сколько радикальное реформирование экономики. На эту сферу Эдуард Шеварднадзе уже никак не мог повлиять.

А 1988 г. закончился страшным землетрясением в Спитаке. Рушился годами налаживаемый быт, дома раскалывались прямо на глазах, гибли люди, калечились судьбы семей. Армянская трагедия стала в каком-то смысле прообразом тех социальных катаклизмов, к которым мы вплотную подступили, пройдя через Великую схизму. Страну трясло, и выйти из кризиса она смогла, лишь разрушив, а отнюдь не перестроив, старые советские конструкции.

Глава 9

Последний аккорд перестройки

Политическая реформа Михаила Горбачева

15 декабря 1986 г. в горьковской квартире Андрея Дмитриевича Сахарова, полностью изолированного от общества, внезапно появились агенты КГБ для того... чтобы установить телефон. Делалось это ради одного лишь звонка. Но звонившим был сам Михаил Горбачев. Генсек ЦК КПСС сообщил академику о завершении его ссылки и о возможности вернуться в Москву. Догадывался ли в тот момент кто-нибудь из них, что два с лишним года спустя они схлестнутся в ожесточенной публичной полемике, которая и положит конец перестройке?

Орденоподносец

Перестройка закончилась, когда Горбачев исчерпал все методы мягкой трансформации экономической и политической систем. Он сам с помощью гениального маневрирования постепенно подвел страну к той точке, за которой ни генсек, ни ЦК, ни сама КПСС, ни однопартийная административная модель уже не требовались.

Идея разработки новой политической системы возникла у Горбачева еще в 1988 г. Для этой цели он в феврале пригласил к себе в помощники Георгия Шахназарова — юриста по образованию, партийного функционера по должности (заместителя заведующего отделом ЦК) и писателя-фантаста в свободное от работы время (псевдоним Шах). Особенностью Георгия Хосроевича было также то, что он, занимаясь вопросами государственного строительства, мог считаться одним из немногих сравнительно профессиональных политологов советской эпохи. Горбачев вроде бы даже (если не приврал, дабы польстить авторскому самолюбию нового помощника) читал пару его книг.

История с письмом Нины Андреевой ускорила демократизацию, а XIX партконференция непосредственно поставила вопрос о реформе

в повестку дня. К началу 1989 г. концепция новой системы уже имелась. Страна двинулась навстречу выборам, которые состоялись весной.

Избирательная система была до предела странной. Создавалось впечатление, что Горбачев левой рукой намеревался чесать свое «правое политическое ухо». Вместо обычного парламента, которому передавалась бы реальная власть, принадлежавшая ранее партийной номенклатуре, формировался чрезвычайно громоздкий корпус народных депутатов, два раза в год собиравшихся на съезды. Для постоянной же работы съезд выбирал Верховный Совет, члены которого должны были регулярно подвергаться ротации. Самым же странным стало избрание трети депутатов от различных общественных организаций, что явно нарушало принцип равенства. Некоторые люди голосовали по пять раз. Например, они избирали депутатов по двум округам (как все) плюс от компартии, от профсоюза и от Союза писателей.

Шахназаров, если верить мемуарам, был против всего этого смешения французского с нижегородским, но Горбачев принял точку зрения другого эксперта — Анатолия Лукьянова, который затем и возглавил изобретенную им под себя верховносоветскую конструкцию [286, с. 325–331]. Скорее всего, по-настоящему вопрос о выборе между схемами Лукьянова и Шахназарова даже не стоял, поскольку политическая реформа задумывалась отнюдь не ради демократизации, которой так ждали наивные обыватели. Перед Горбачевым стояла гораздо более сложная задача, и Лукьянов, знакомый с ним еще по студенческим годам на юрфаке МГУ, предложил, казалось бы, оптимальный для генсека вариант.

Анатолий Иванович, запомнившийся всем своей хмурой физиономией, нудным голосом и неприкрытым содействием ГКЧП, имеет в обществе плохую репутацию. Однако на самом деле он представлял собой фигуру значительно более интересную, нежели рядовой путчист типа Янаева или Стародубцева [биографию Лукьянова см. 149, с. 3–20]. Думается, он потому и близок был Горбачеву на протяжении почти всех лет перестройки, что имел сходное образование, сходный менталитет и сходное видение перспектив (по крайней мере, до тех пор, пока генсек не запутался в своем политическом маневрировании).

Мы видели Лукьянова на телеэкране еще в то время, когда никто и представить себе не мог, сколь важная это в будущем persona. В качестве главы секретариата президиума Верховного Совета СССР он подносил Брежневу коробочки с орденами на церемониях награждения. Поскольку данные церемонии были главным делом брежневской эпохи, орденоподносец Лукьянов оказывался фигурой по-своему весьма значимой.

Оттягивался Лукьянов стихотворчеством (псевдоним Анатолий Осенев), что выдавало в нем типичного шестидесятника — возможно, не слишком талантливый, но думающего, чувствующего, ищущего.

Впрочем, коробочками и стихами дело не ограничивалось. Лукьянов тесно примыкал к той знаменитой интеллектуальной группе советников, что была по большей части сформирована Андроповым и работала для ЦК КПСС в 60–70-е гг. (Александр Бовин, Георгий Арбатов и др.). На элитной даче в Завидово (в условиях, «приближенных к шашлыку») под руководством самого Брежнева писались речи, доклады, документы. Лично Лукьянов, как правовед, делал упор на разработке новой советской конституции, которая впоследствии получила прозвище «брежневская». В перерывах между «Весь советский народ как один...» и «За дело Ленина к победе коммунизма...» обитатели дачи сочиняли стихотворные экспромты и бегали за водкой в соседнюю деревню [196, с. 35–43].

Творческая «молодежь» сохраняла внешне полную ортодоксальность, но при этом держала фигу в кармане. Типаж у всех был единый, но судьба оказалась разная. Умный и склонный к выпендрежу Бовин (циничный автор идиотского лозунга «Экономика должна быть экономной») так навсегда и остался кумиром интеллигенции. Арбатов, вовремя успевший «выбить» для себя должность руководителя Института США и Канады АН СССР, остался уважаемым старцем. Лукьянов же, непосредственно включившийся в большую политику, взлетел выше других, но затем потерял все.

К началу 1989 г. он был уже секретарем ЦК. Наверное, даже более близким к Горбачеву человеком, чем Лигачев или Яковлев, растратившие свой пыл на предыдущем этапе перестройки. Теперь именно Лукьянов должен был на месте, расчищенном ранее этими двумя патриархами, возвести такое «здание», в котором Горбачев чувствовал бы себя достаточно комфортно, осуществляя самые решительные экономические и политические преобразования.

Генсек прекрасно понимал, что такие вещи, как остро назревшая либерализация цен (половинчатая рыжковская реформа к этому времени полностью провалилась) и трансформация почти что унитарного СССР в жизнеспособную федерацию (прибалты уже всюду бунтовали против Москвы), вызовут резкий взрыв консервативных настроений. И не только в партийной номенклатуре, но и в народе.

Таким образом получалось, что радикальные реформы неизбежно выбивали бы Горбачева из кресла генсека. Но пересесть в кресло свободно избираемого народом президента он не мог по той же самой причине. Толпа в своих

антиреформаторских настроениях была ничуть не лучше аппарата. Требовалось изобрести предельно сложную конструкцию, позволяющую сидеть сразу на двух стульях — генсека и президента — с тем, чтобы лавировать между разбушевавшимися стихиями и по возможности опираться на элитарное интеллектуальное меньшинство, готовое идти на риск осуществления непопулярных начинаний.

Весьма характерно, что именно в 1989 г. появились первые серьезные научные размышления о том, что «в момент экономического и политического кризиса “патерналистской либерализации” произойдет резкое укрепление власти» [34, с. 419], чьей задачей станет подавление необоснованных требований широких масс и слом существующей машины управления экономикой.

Сам Горбачев в одной из своих книг отмечал: «Без политического маневрирования нечего было и думать отодвинуть могущественную бюрократию» [59, с. 180]. И вот вместо реальной демократии, о которой мечтали такие люди, как Яковлев и Шахназаров, получилась демократизация — растерянный съезд полуобразованных депутатов, окрещенных с трибуны раздраженным Юрием Афанасьевым агрессивным-послушным большинством. Появился даже анекдот:

- Чем отличается демократия от демократизации?
- Тем же, чем канал от канализации.

Горбачев опять победил, добившись искомой политической цели. Используя стихи самого поэта Осенева (написанные, правда, намного раньше по поводу правки очередного брежневского доклада), можно подвести итоги лужьяновской политической реформы:

Итак, свершилось!
Серп замечаний
Прошелся по яйцам текста.
И там, где ромашки
Цвели отчаянно,
Теперь — унылое место.

На двух стульях

Впрочем, надо признать, что место, где собрался весной 1989 г. Первый съезд народных депутатов, было отнюдь не унылым. За этим уникальным шоу с напряженным вниманием следила по телевизору вся страна.

Народ выбегал на трибуну без приглашения из президиума. Зал топал и хлопал не по сценарию. Словесные перепалки возникали чуть ли не постоянно. Такого развлечения страна давно уже не имела. Отсутствовали разве что парламентские драки — этот элемент телешоу Владимир Жириновский внес позднее.

Если 1988 г. дал фактически полную свободу печатного текста, то 1989 г. позволил развернуться устному политическому творчеству, мгновенно оцениваемому десятками миллионов телезрителей. Теперь быстро политизировалась вся страна. Но самое главное — формирование депутатского корпуса впервые предоставило возможность для выдвижения новых политиков не через партийный аппарат, а непосредственно из народных масс или, по крайней мере, из элитарной интеллектуальной «прослойки».

Самой главной оппозиционной фигурой уже тогда становился Борис Ельцин. За полтора года, прошедших со дня его скандального вылета из состава горбачевской элиты, Ельцин успокоился, подлечился, набрался сил и обрел дополнительную поддержку масс. Журналист Михаил Полторанин пустил в народ фактически сфальсифицированную речь Ельцина на знаменитом Октябрьском пленуме 1987 г. В ней Борис Николаевич представал не растерянным партократом, а перспективным лидером, сознательным оппозиционером [141, с. 24].

В качестве обиженного вождя Борис Николаевич был буквально-таки обречен на народную любовь. Некий сибирский делегат съезда Алексей Казанник даже уступил ему место в Верховном Совете дабы вождь мог оказывать непосредственное влияние на политические процессы. В последующие два года ничто уже не способно было подорвать репутацию Ельцина. Ни таинственное падение в реку, навевавшее мысли о том, что народный любимец плохо держался на ногах вследствие излишних возлияний. Ни показанные советским телевидением откровенно веселые выступления во время гастролей по Америке. Народ верил в свой идеал и во всем видел стремление Горбачева, Лигачева и даже Раисы Максимовны опорочить честнейшего Бориса Николаевича. Об этом в то время неизвестными авторами даже писались иронические стихи. Позволю себе привести длинную цитату, поскольку это народное творчество очень хорошо характеризует ситуацию рубежа 80–90-х гг., когда Ельцин, с одной стороны, стал по-настоящему крупной политической фигурой, привлекавшей всеобщее внимание, а с другой — вызывал в интеллектуальных кругах несколько ироничное к себе отношение.

Вот мост через тихую местную реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.
А вот и Борис, что с моста сброшен в реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

А вот и мешок от вьетнамского риса,
Который, по слухам, надет на Бориса,
Который был сброшен с моста прямо в реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

Вот дача, где взяли мешок из-под риса,
Который, по слухам, надет на Бориса,
Который был сброшен с моста прямо в реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

А вот и охрана, что так иль иначе,
Наверное, знает про жителей дачи,
Куда привезен был мешок из-под риса,
Который натянут затем на Бориса,
Который был сброшен с моста прямо в реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

Вот Шеф самый главный Большого Совета,
Который все знает про то и про это,
Который все тайны позволил нарушить,
Когда попросил нас министра заслушать.
Министра, который, увы, как ни странно,
Поверил в нелепые бредни охраны,

Которая явно винула Бориса,
Залезшего где-то в мешок из-под риса,
Который сам спрыгнул с моста прямо в реку,
В которую глупо бросать человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

А вот и высокий чиновник Егорий,
Герой криминальных и прочих историй,
Который превыше законов и прав,
Который Борису сказал: «Ты не прав!»,
Не любящий Шефа Большого Совета,
Который все знает про то и про это,
Который все тайны позволил нарушить,
Когда попросил нас министра заслушать.
Министра, который, увы, как ни странно,
Поверил в нелепые бредни охраны,
Что с чьей-то подачи винула Бориса,
Гулявшего где-то в мешке из-под риса,
Который был сброшен с моста прямо в реку,
В которую глупо бросать человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Богата бульжником и глубока.

А вот и известная дама Раиса,
Которая шутку сыграла с Борисом,
В чем ей помогал пресловутый Егорий,
Герой криминальных и прочих историй.
Они, чтобы выполнить лучше задачу,
Приехали утром на нужную дачу,
С собой захватили мешок из-под риса,
В который затем и воткнули Бориса,
Который потом ими сброшен был в реку,
В которую сбросить нельзя человека,
Совсем не учтя то, что эта река
Для утопления слишком мелка.
Отсюда совсем не является странным,
Что байки министру напела охрана,

А он побоялся расследовать это
И кинулся к главному Шефу Совета,
Который умеет проблему поднять
И так убежденно все это подать,
Что Шефу не станет никто возражать,
А будет лишь фигу в кармане держать!

Ельцину еще лишь предстояло в будущем сосредоточить на себе все народные ожидания. Многих советских интеллектуалов пока смущал его популизм. Им хотелось видеть демократию не в образе Ельцина, а, скорее, в образе легендарного академика Андрея Сахарова, впервые материализовавшегося из множества слухов и сплетен, распространявшихся о нем в прошлом как друзьями, так и врагами.

Сейчас на фоне политических баталий, связанных с его именем, уже подзабылось то, что Сахаров был одним из крупнейших ученых-физиков за всю историю СССР. Именно он внес решающий вклад в создание водородной бомбы, сделав для укрепления обороноспособности России в тысячи раз больше, чем все наши нынешние чересчур говорливые патриоты вместе взятые. Кандидат физмат наук Сахаров стал самым молодым академиком СССР даже раньше, чем ВАК успел утвердить его докторскую, защищенную, кстати, в экстренном порядке всего лишь на основе представленного диссертантом реферата [229, с. 249]. Завершилась же эпопея с чествованием изобретателя последовательным награждением его тремя звездами Героя Соцтруда (в 1954, 1956 и 1962 гг.), а также присуждением Ленинской и Сталинской премий.

Казалось бы, такой человек должен стать надежнейшей опорой режима, предоставившего ему все возможные блага и почести. Однако Сахаров выбрал иной путь. В 70-х гг. он попытался спасти родину от нравственной деградации с помощью правды и реформирования, точно так же как в 50-х гг. пытался спасти ее от возможной агрессии с помощью своего изобретения.

Возможно, специфика Сахарова связана с тем, что он, с одной стороны, постоянно вращался в кругу настоящих русских интеллигентов, имеющих особые представления о порядочности, а с другой – избежал тех «уроков социализма», которые так рано ломают молодых людей. Домашнее обучение до седьмого класса, Московский университет, Физический институт АН (ФИАН) и, наконец, 18 лет работы в Арзамасе-16, прозванном острословами Лос-Арзамас по аналогии с Лос-Аламосом – местом обитания американских ядерщиков [61, с. 236]. Все это способствовало сохранению индивидуальности

и внутренней свободы. Слишком долго его не ломали, а когда надумали сломать, было уже поздно.

В 1970 г. он пишет письмо руководителям партии и правительства, где настаивает на том, что для развития экономики стране нужна демократизация [230, с. 661–672]. А на будущий год появляется еще и памятная записка Брежневу, в которой вопросы гласности, свободы выезда из СССР и отказа от политических репрессий разрабатываются значительно более подробно. Одновременно с формированием сахаровской «теории» разворачивается и практическая борьба против преследований советских диссидентов. Даже в своей Нобелевской лекции Сахаров не упускает возможность привести длинный перечень людей, преследуемых режимом — пусть о них знают все [228, с. 22–31, 61].

Сначала его отстранили от секретной работы и отправили в Москву в ФИАН. Сахаров лишь обрадовался, поскольку смог вернуться от изобретательства к большой науке. Но когда в 1979 г. он выступил против ввода советских войск в Афганистан, мятежный академик был выслан в Горький, где оказался оторван от науки, от друзей и коллег, а самое главное — от зарубежных корреспондентов, способных разносить вести о его деятельности по миру.

С тех пор его регулярно травили и оскорбляли — как темные люди на улицах Горького, так и специально прикормленные советские профессора в пропагандистских книжках, издаваемых массовым тиражом [305, с. 290, 294–295]. Кстати, одному такому профессору Сахаров как-то раз даже дал пощечину.

В 1989 г., когда он достиг пика политической деятельности, Сахарову исполнилось уже 67 лет. Как ни парадоксально, стать делегатом съезда ему удалось только посредством попадания в ту треть, что избиралась от общественных организаций. Недемократическая лужьяновская затея несколько неожиданно стала у нас аналогом цензового голосования, при котором достойнейших избирали умнейшие, а не темная масса, искренне считавшая будто Сахаров — предатель родины.

Этот «предатель» оказался плохим политиком, нескладным и неумелым оратором, теряющимся от наглых наездов делегатской шпаны. Он говорил не как человек, имеющий шанс воздействовать на принятие государственных решений, а как диссидент, для которого важен сам факт произнесения слова правды. Он не выбирал время и место для заявлений, не просчитывал комбинации, не пытался выстраивать альянсы, т.е. не делал всего того, что является азами политической деятельности в любой демократической стране. И самое главное — он не стремился к власти, а это для политика абсолютно недопустимо.

Даже Горбачева, который симпатизировал Сахарову, академик к концу года стал откровенно раздражать. Со своей старомодной честностью он не столько помогал двигать страну вперед, сколько мешал, поскольку консолидировал единое в своей злобе агрессивно-послушное большинство. Он стал своеобразной Ниной Андреевой наоборот. Стал символом демократии, преждевременно пугающим реакционеров.

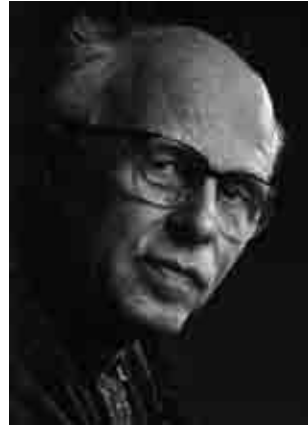
У Сахарова не было ни малейших шансов обрести ту любовь темной толпы, которая, скажем, есть у Путина. Но для интеллигенции он на короткий срок оказался высшим моральным авторитетом. В соседней Чехии моральный авторитет – писатель Вацлав Гавел – стал президентом. В СССР Сахаров так и остался маргиналом.

Ближе к образу современного политика был ректор историко-архивного института Юрий Афанасьев. Складный, мощный и в то же время интеллигентный 55-летний профессор производил впечатление образцового парламентария западного типа. Казалось, что именно таким – умным и представительным – должен быть президент демократической страны.

Афанасьев почти всегда говорил к месту и по делу, но со временем выяснилось, что он все же по складу мышления не более чем университетский профессор. «Драйва», столь необходимого каждому политику, у него не оказалось. Да и кропотливой, ежедневной оргработой он не был готов заниматься [203, с. 72]. Как и Сахаров он боролся не за власть, а за идеи. Но идеи без власти – это не более чем развлечение для узкой группы интеллектуалов.

Кроме того, идеи все чаще выводили Афанасьева на улицу. Он требовал от Горбачева резкой демократизации и отказа от опоры на номенклатуру [290, с. 227]. Афанасьев стремился возглавить народ, поскольку как историк знал, насколько влиятельными могут быть взбунтовавшиеся массы. Однако профессор не учитывал тот факт, что реальный политический процесс все же массами не делается. Нужно уметь работать с элитами, строить альянсы, топить противников и подтягивать соратников. С этим у Афанасьева дела обстояли неважно, а потому он вскоре сошел с политической сцены.

Другой профессор-демократ Гавриил Попов, известный экономист из Московского университета, напротив, был, в отличие от Афанасьева, слишком

Андрей Сахаров

прагматичен. Именно он предложил создать своеобразную верхушечную пропартию — межрегиональную депутатскую группу, объединившую в тот момент демократов [290, с. 225]. Маленький, шустрый, с лукавым выражением лица, Гавриил Харитонович, казалось, так и норовит пробиться повыше. В интеллигентной Москве этот «хитрый и умный византиец»¹ смог сделать карьеру и даже стать мэром, однако во всероссийском масштабе ему, конечно, ничего не светило. Впрочем, любопытно, что Горбачев именно его считал идеологом демократов. А «межрегиональщик» Аркадий Мурашев утверждал, что Попов был «руководителем по факту, всегда державшим руку на пульсе» [290, с. 231].

Оптимальное сочетание качеств, как тогда представлялось, обнаружилось в фигуре третьего профессора, на этот раз ленинградского. Анатолий Собчак вписался в политический контекст 1989 г. практически на все 100% [его политический портрет см. 254, с. 179–187]. Он был всего на три года моложе Афанасьева, но, казалось, принадлежал к другому поколению. Прагматичность политических действий и явное стремление к власти, выразившееся позднее в обретении поста мэра Санкт-Петербурга, каким-то чудом уживались в Собчаке со взглядом на жизнь, характерным для типичного шестидесятника. Однако наивность шестидесятника проявилась позже. В 1989 г. доминировал прагматизм.

Собчак мог говорить об идеях получше Сахарова и Афанасьева, но при этом обладал способностью ущучить конкретного противника, задев его самые болезненные точки. Николая Рыжкова он почти что довел до слез разбором одного коррупционного скандала, а затем (видно, чтоб доконать) публично прозвал плачущим большевиком. Двух видных русских партийных иерархов — Воротникова и Власова, — избранных на съезд от Адыгеи и Якутии соответственно, Собчак выставил на смех, обозвав «адыгейцем» и «якутом». Кроме того, ленинградский делегат всегда способен был дать витающему в политических облаках съезду конкретную юридическую справку, что порой автоматически поворачивало ход заседания в иную сторону.

И в то же время при всем своем прагматизме Собчак обладал способностью внушать любовь миллионам демократически настроенных россиян. Его яркость и уверенность дарили людям надежду, заставляли идентифицировать себя с этим лидером. Даже такой жесткий и циничный человек, как Альфред Кох, трудившийся некоторое время в Петербурге под началом Собчака,

¹ Попов — грек по национальности. Его семья чуть ли не с античных времен жила в Крыму, где располагались греческие колонии.

писал впоследствии: «Господи, как я его любил. Как я хотел ему помочь. Работать. Работать. Круглые сутки. Чтоб с пользой. Чтоб вызвал и похвалил» [121, с. 77].

В итоге Собчак, страстно любимый друзьями и беспощадный к врагам, начал быстро набирать «политические очки». На фоне травоядных демократов этот внезапно появившийся хищник стал котироваться даже выше вчерашних властителей дум.

И не случайно именно Собчак соревновался с Лукьяновым за пост главы Верховного Совета после ухода Горбачева в президенты.

А еще раньше Собчак оказался главой парламентской комиссии, разбившей причины произошедшего в Тбилиси столкновения армии с горожанами. Профессор ленинградского университета вдруг стал вызывать для дачи свидетельских показаний высших партийных иерархов Лигачева и Чебрикова, брать объяснения у Горбачева, Шеварднадзе, Лукьянова. Работа «тбилисской комиссии» ненадолго перевела страну из советских реалий в европейские [232, с. 77–104].

Темпы нашей трансформации в 1989 г. не просто удивляли. Шокировали. Правда, к решению главных проблем страны казусы типа вызова Лигачева на допрос не имели практически никакого отношения. Пока Собчак эффектно входил в большую политику, Горбачев не слишком эффективно пытался в ней удержаться.

С одной стороны, Горбачеву действительно удалось поставить депутатский корпус под свой контроль, получить пост председателя Верховного Совета, а весной 1990 г. стать даже президентом, сдав руководство парламентом Лукьянову. Реакционная часть КПСС не могла сильно наезжать на генсека, опасаясь того, что он просто выбросит на свалку партийный аппарат и уйдет к демократам. Сами же демократы вообще не были достаточно сильны, чтобы всерьез наезжать на Горбачева, а потому оказывались вынуждены условно его поддерживать (по выражению Сахарова) ради продвижения хоть каких-то реформ.

Но с другой стороны, постепенно выяснилось, что сидеть на двух стульях — генсека и президента — не слишком удобно. Падать — не падаешь, однако работать толком не можешь. Все силы уходят на сохранение равновесия. Любые

Анатолий Собчак и Гавриил Попов

реформаторские или антиреформаторские порывы в подобной ситуации оказываются чреваты потерей этого самого равновесия. Возможно, Горбачев сумел бы обрести большую свободу рук, если бы стал (как многие советовали) всенародно избранным президентом, но он предпочел получить свой мандат от съезда. Популярность в народе к концу 1989 г. была уже не та, что в начале перестройки.

В итоге оказалось, что Горбачев, взойдя посредством ряда хитроумных политических комбинаций на самую вершину власти и устранив несколько эшелонов соперников, вынужден был вместо реформирования общества вступать в мелкие перепалки с депутатами. По сути дела, это был конец перестройки. Как половинчатая экономическая реформа, так и половинчатая трансформация политической системы лишь разрушили старый мир, не создав нового.

Дальнейшее развитие страны могло быть связано только с переходом к рынку, а переход этот мог осуществить лишь харизматический лидер, получивший президентскую власть на основе свободного, равного и тайного волеизъявления всех граждан. В 1990 г. общество стало предпринимать первые попытки решения этой проблемы, что обозначило начало принципиально нового этапа преобразований.

Где взять китайцев?

Но прежде чем обратиться к рассмотрению этого этапа, нужно ответить на вопрос: можно ли было обойтись без Великой схизмы? Можно ли было сохранить единство КПСС и двинуться к рынку так называемым китайским путем?

До сих пор люди, считающие перестройку серьезной ошибкой, в качестве главной возможной альтернативы приводят именно китайский путь. Например, широко известный в конце 80-х гг. следователь Тельман Гдян, успешно пользовавшийся демократией и активно «наезжавший» на высшее руководство страны, через некоторое время вдруг «прозрел» и заявил, что «надо было, видимо, стране идти по китайскому варианту, то есть постепенно изменять экономическую ситуацию и уже потом, через стабильность экономики, постепенно переходить к идеологическим изменениям» [цит. по 73, с. 65].

Вряд ли есть смысл отрицать успешность китайского варианта экономического развития. Ведь демократия – это не самоцель, а лишь средство преобразования общества. Если бы наша страна действительно могла двинуться по китайскому пути, глупо было бы искусственным образом обострять

внутренние противоречия. Бедалишь в том, что наше общество — европейское по своей сути — в принципе не способно сегодня развиваться методами, адекватными азиатской, патриархальной культуре.

Кто-то в шутку сказал: «Китайский путь хорош. Вопрос лишь в том, где взять столько китайцев?» И действи-

тельно, тем «мыслителям», которые часто говорят о значении национальных культур и недопустимости копирования западных методов реформ, стоило бы, скорее, подумать о том, какая «китайская стена» отделяет нас в ментальном плане от юго-восточного соседа.

Китайцам удалось принять и провести в жизнь решение о начале крупных экономических преобразований, сильно подрывающих традиционные позиции руководящего аппарата. Не будем сейчас рассуждать о том, было ли это обеспечено культурной спецификой страны (исключительной лояльностью китайцев по отношению к власти), особым личным авторитетом Дэн Сяопина или чем-то еще. Важнее другое.

В СССР 1985–1989 гг. реформы не могли осуществляться китайскими методами по причине отсутствия у элиты единства в понимании сути преобразований. Одни хотели идти андроповским курсом, другие уже глядели на Запад, а третьи все еще не способны были поступиться принципами. Как лебедь, рак и щука представители различных элитных группировок растягивали страну, а потому вопрос «Кто в доме хозяин?» неизбежно должен был предшествовать вопросу «Что делать?».

Можно жалеть о том, что мы — не китайцы. Можно, напротив, гордиться нашей европейскостью. Но нельзя желать китайских методов для общества, в котором люди (по крайней мере, в элите) проявляют индивидуальность, отстаивают свою позицию и вступают в политическую борьбу с оппонентами.

Кроме того, следует учесть, что значительная часть китайского «экономического чуда» обеспечена посредством переселения в город деревенских

жителей, откровенно голодавших при «старом режиме». Эти работники рады были получить места на заводах и фабриках. Они трудятся там по сей день буквально за гроши, что, собственно говоря, и обеспечивает высочайшую конкурентоспособность низкокачественных китайских товаров на мировом рынке.

Такого рода резерв роста наша страна использовала еще в 30-х гг. И именно это в значительной мере предопределило лояльность миллионов граждан СССР к сталинскому режиму. Продвижение из деревни в город на стабильное место со стабильной зарплатой оказывалось достаточно привлекательным. В таких условиях массовые репрессии для значительной части населения отходили на второй план (люди старались их вообще не замечать). Более того, репрессии даже в какой-то мере выполняли роль «социальных лифтов». Они освобождали «места» для продвижения людей с самых низов наверх.

В 80-х гг. у Советского Союза такого резерва уже не имелось. Граждане страны, в отличие от китайцев, все больше ориентировались на западные стандарты потребления. Мы хотели зарабатывать так, чтобы хватало не только на «чашку риса», но и на хлеб с маслом, на отдых, на нормальную одежду, машину, мебель. Для того, чтобы конкурировать с Китаем на «китайском пути», нам следовало бы, скорее всего, найти способы, чтобы существенно снизить (!) жизненный уровень населения и убедить людей трудиться за гроши ради повышения конкурентоспособности продукции. Понятно, что ни Горбачев, ни Ельцин не имели возможности (да и желания) повести страну по такому пути развития. Более того, ни один лидер – даже самый авторитарный – не имеет возможности использовать экономико-политические методы далекого прошлого в иных исторических эпохах, когда качественно изменились условия жизни и менталитет.

Мы прекрасно знаем, что в сегодняшней России многие граждане выступают против использования труда гастарбайтеров, согласных работать за сравнительно малые деньги и тем самым (как полагают эти граждане) отнимающих рабочие места у коренного населения. А ведь движение по «китайскому пути» на рубеже 80–90-х гг. предполагало бы обеспечение низкой зарплаты без всякой конкуренции со стороны гастарбайтеров. В общем, достаточно очевидно, увы, что вопрос о «китайском пути» относится к области идеологии, а не реальной политики, которую можно было бы осуществлять в нашей стране.

Есть, правда, еще один важный вопрос. Может быть, следовало бы, наоборот, резко активизировать раскол созданием двухпартийной системы, как

это хотелось Яковлеву, а не притормаживать разрушение квазиединой КПСС, как это делал Горбачев [62, с. 228]? Тем более, что, по признанию самого Горбачева, примерно в ноябре 1991 г. должен был состояться партийный съезд, на котором все же произошло бы размежевание [182, с. 353—354]. Может, просто времени не хватило на разумное дело? Может, нам надо было в максимально возможной степени приблизиться к восточноевропейскому сценарию политических преобразований, а не к китайскому?

Скорее всего, и в этом варианте ничего бы не вышло. С позиций дня нынешнего мы отчетливо видим, что массовое увлечение народа демократией в 1989 г. отнюдь не было признаком высокой гражданской культуры. Интерес к политике быстро пришел и столь же быстро ушел. Формально мы продолжаем и сегодня участвовать в выборах, но давно уже не пытаемся следить за народными избранниками, за позициями политических партий, за тем, как сочетаются реальные дела с предвыборными обещаниями.

Феномен 1989 г., скорее, должен проходить не по разряду политики, а по разряду шоу. Выборы и работа съезда народных депутатов стали такими яркими зрелищами, каких до этого советский человек никогда не имел. Неудивительно, что демократия привлекала внимание не менее пристальное, чем, скажем, появившийся примерно в то же время на советских телеэкранах первый зарубежный сериал «Рабыня Изаура». Эта бразильская «мылодрама» сегодня успешно заменена отечественными сериалами. Точно так же «съездовская демократия» уступила место более примитивным, но ярким зрелищам — «Танцы со звездами», «Ледниковый период», «Фабрика звезд», «Дом-2». Зритель доволен и не вспоминает уже ни про очаровательную рабыню, ни про красноречивых демократов 1989 г.

Гражданская культура, которая на самом деле была лишь жадной зрелищ, не могла способствовать созданию двухпартийной системы в целях реформирования. И верхушечный раскол ничего бы не смог дать реформаторам.

Практически всюду в Восточной Европе именно общество рождало оппозицию власти (польская «Солидарность», Венгерский демократический форум, литовский «Саюдис», эстонский Народный фронт и т.д.). А затем уже оказавшиеся в кризисе коммунисты раскалывались на социал-демократов и догматиков.

В СССР же общество смогло породить лишь узкую прослойку депутатов-демократов, страдавших от внутренних противоречий даже больше, чем от давления со стороны власти. Попытка реформаторов сформировать «Демократическую платформу в КПСС» завершилась победой консерваторов

и созданием реакционной компартии РСФСР. «Мы прикинули соотношение сил на XXVIII съезде: примерно 250 “демплатформовцев” из 4,5 тыс. делегатов, – рассказывал бывший секретарь ЦК Вадим Медведев Виктору Шейнису. – Горбачев, будучи президентом, не мог бросить партию, освободившись от поста генсека, как предлагали и требовали многие. Я считал и говорил ему, что в таком случае с ним в партии останутся лишь небольшие группы интеллигентов, демократически мыслящих людей. Основная же партийная масса пойдет за Лигачевым и Полозковым. И тогда сроку вам как президенту месяц-другой; вас сметут» [290, с. 208–209].

И даже после того, как преобразования были начаты Борисом Ельциным в 1991–1992 гг., большая часть

абсолютно демократически избранных российских депутатов встала на антиреформаторские позиции.

Думается, что, если бы мы в 1989 г. сформировали двухпартийную систему и вопрос о реформах был полностью вынесен на суд общественности, СССР уже к началу 90-х гг. получил бы нечто вроде путинского правления, но только не в растущей рыночной экономике (как сегодня), а в разваливающейся советской. Не исключено, что развитие событий пошло бы даже по югославскому сценарию, поскольку Москва (по примеру Слободана Милошевича) для оправдания хозяйственных провалов и для «защиты русскоязычных» стала бы искать «Чечню» в быстро пробуждающихся Прибалтике, Закавказье и даже на западе Украины. А тем временем «истинные патриоты» занялись бы медленной номенклатурной приватизацией, не допуская той быстрой и массовой, что была осуществлена Анатолием Чубайсом в 1992–1994 гг. Великое счастье нашей «несчастной» страны в том, что участь «возведенной в степень» Югославии нас все же миновала.

17 декабря 1989 г. практически ровно через три года после знаменитого звонка Горбачева в Горький Москва хоронила Сахарова. Академик умер почти сразу же после того, как раздраженный генсек согнал его с трибуны съезда. Начало и конец перестройки вступили в некую мистическую связь.

Сотни тысяч людей пришли проститься с телом. Ни зимняя усталость, ни декабрьский мороз не могли разогнать толпу, собравшуюся в районе Лужников, где был выставлен гроб. Среди лозунгов, поднятых над огромной человеческой массой, выделялись: «Простите нас за то, что мы молчали, когда Вас мучили», «Вы указали нам на долг русской интеллигенции» и «Больше никогда не утратим мы мужества подняться против тиранов» [173, с. 229].

С тех пор минуло не так уж много лет, но понятия «долг интеллигенции» и «борьба с тиранами» совершенно вышли из моды. К счастью, Сахаров этого не видит.

Глава 10

«500 дней» одного года

Неудавшийся прорыв к рынку

В 1990 год Михаил Горбачев вступал победителем. Перед Новым годом его поддерживало более половины населения. В марте он стал президентом СССР и сосредоточил в своих руках огромную власть. Однако уже к декабрю вчерашний герой представлял собой жалкое зрелище. Нервный, озлобленный человек, растерявший соратников и постоянно огрызающийся на порожденную им же самим демократию, смотрел на нас с телеэкрана большими, безумными глазами. В этот момент Горбачева поддерживали лишь 19% населения страны. Что же произошло с ним и с нами за этот невероятно долгий, тяжелый год?

Явление Явлинского

В последние минуты 1989 г. внимательные наблюдатели могли заметить, что генсек, как обычно поздравлявший советский народ с праздником, впервые ничего не сказал ни о Ленине, ни о коммунизме, ни о партии [173, с. 242–243]. Новая расстановка акцентов не была случайностью. Действительно, 1990 г. стал годом расставания со всеми старыми ценностями.

Январь был отмечен страшными погромами в Баку. К этой трагедии привел жестокий армяно-азербайджанский конфликт, возникший из-за Нагорного Карабаха — маленького района в Закавказье, который ни тот, ни другой народ не желал уступать соседу. Взаимная ненависть накапливалась с каждым годом и наконец прорвалась с кровью. Сначала в небольшом городке Сумгаите (в 1988 г.), а затем в самой столице Азербайджана. Резня армян поставила крест на существовании такой «новой исторической общности», как советский народ. Стало ясно, что наша страна — не более чем распадающаяся империя. Литва, прекрасно понимавшая это и раньше, фактически вышла

из состава Союза. А за ней потянулись также Эстония с Латвией.

Разборки в «братской семье народов» привлекли внимание всего мира. Но главным было даже не это. Горбачев больше не совершенствовал социализм. Он начал движение к капитализму и самым главным шагом на этом пути стала разработка экономической программы перехода к рынку.

Как и в 1987 г., к хозяйственной реформе мы шли двумя колоннами.

Первую представлял собой Совет министров во главе с Николаем Рыжковым. За два года функционирования порожденного им механизма сочетания плана с хозрасчетом премьер убедился в необходимости дальнейшего движения вперед.

Старые стимулы рухнули, новые толком так и не появились, экономика совершенно разваливалась, и нехватка товаров стала явлением всеохватным. Согласно половинчатым принципам 1987 г., денег советские предприятия могли зарабатывать все больше и больше, а товарная масса, которая им соответствовала, становилась все меньше и меньше. В 1988 г. одна известная американская специалистка по вопросам стратегии вернулась из своей первой поездки в СССР глубоко шокированная состоянием магазинов на самой шикарной улице Москвы: «Что же это за сверхдержава?» [23, с. 71].

Дефицит бюджета составлял уже почти 10% ВВП. В декабре 1989 г. впервые даже по официальной статистике произошло абсолютное снижение объема промышленного производства [1, с. 91]. И вот, наконец, в марте Рыжков, которого Леонид Абалкин и Юрий Маслюков на протяжении нескольких месяцев уже подталкивали к более решительным действиям, подписал постановление о подготовке новой реформы [57, с. 569].

Во главе правительственной группы разработчиков стоял зампред Совмина академик Абалкин, обнародовавший свой предварительный проект реформы еще в ноябре 1989 г. [1, с. 83–84]. «Абалкин, глава Института экономики, был спокойным, вдумчивым и печальным, как если бы все только что позабыли о его дне рождения – такое впечатление произвел при первой встрече этот советский экономист на британского посла, возможно вспомнившего в этот момент знакомый ему с детства персонаж – ослика Иа-Иа» [23, с. 439]. На самом деле он беспокоился не о «дне рождения», а о том, что «экономическая

Григорий Явлинский

реформа нуждается в радикализации, но степень готовности к ней разных слоев и регионов страны различна» [290, с. 211]. Абалкин советовался с интеллектуалами о том, как в этот трудный момент добиться общественного согласия, но не получал того ответа, который способен был воспринять.

Человек мягкий, интеллигентный, понимавший необходимость рынка и чуждый догматизму, Абалкин запомнился несколькими умными публичными выступлениями и особенно прямым ответом на вопрос (заданный ему в 1989 г. одним из делегатов съезда) о том, почему мы так плохо живем. «Живем не хуже, чем работаем», — сказал тогда Леонид Иванович [1, с. 23].

Подобная честность располагала к нему интеллигенцию, но, к сожалению, этот 60-летний теоретик политэкономии социализма был в полной мере порождением старой системы. Вместе со страной он учился рынку, опережая общество в данной учебе на полшага, однако этого было явно недостаточно для радикального реформирования. Кроме того, Абалкин слишком зависел от Рыжкова, слишком связан был с ним узами уважительных человеческих отношений. А поскольку премьер так и не преодолел кругозор директора завода, Абалкин оказался обречен на поражение.

Вторая колонна реформаторов формировалась более сложным путем.

С одной стороны, как и в 1987 г., Горбачев лично проявил инициативу привлечения к разработке программы независимых от Совмина ученых, тем более что изрядно нареформировавшемуся Рыжкову он теперь почти не доверял. С другой стороны, в 1990 г. образовался еще один центр силы — российский депутатский корпус. Эти народные избранники появились на свет уже в соответствии с обычной демократической системой выборов (без лукьяновских штучек), а потому были более агрессивны и менее послушны, чем их союзные коллеги, охарактеризованные Юрием Афанасьевым как агрессивно-послушное большинство. К лету 1990 г. Борис Ельцин стал на волне агрессии и непослушания председателем Верховного Совета России и тоже начал проявлять активность в деле экономического реформирования.

Впрочем, несмотря на значительную роль Горбачева и Ельцина, надо признать, что программа преобразований все же прорастала снизу. Такое случилось впервые за всю историю страны.

В социально-экономическом отделе ЦК КПСС работал консультантом тридцатилетний экономист Борис Федоров. В отличие от партийных функционеров, он имел уже за плечами опыт службы в Госбанке и научной деятельности в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Кроме того, Федоров стажировался в Великобритании и неплохо

разбирался в реальном рыночном хозяйстве, столь непохожем на то, что описывалось в книгах по политэкономии социализма. К началу 1990 г. он уже написал докторскую (защищенную чуть позже – в июле), представлявшую собой настоящий научный труд, в отличие от сотен диссертаций всякого рода ответственных работников [266, с. 5–35].

Послушав ноябрьский доклад Абалкина о концепции реформы, Федоров решил разработать альтернативный вариант и в декабре отправил его только что назначенному помощнику Горбачева – Николаю Петракову. Генсек тогда уже готовился стать президентом, формировал кадры для собственного прорыва в область экономического реформирования, а потому Петраков взлетел до кремлевских высот.

Николай Яковлевич был умнее других высокопоставленных экономистов. Кроме того, он встречался с Федоровым раньше и знал потенциал этого парня. Помощник Горбачева сумел пробить у шефа идею разработки специальной президентской программы реформ, и к марту она появилась на свет. Одновременно Петраков стал натаскивать генсека в экономике.

Многие общавшиеся с Горбачевым люди (в частности, иностранные политики) отмечали, что к тому моменту времени он был на редкость необразован в плане хозяйственных проблем [22, с. 11; 173, с. 222]. Но он рвался к знаниям, а потому толковый, быстро обучаемый «студент» за короткий срок продемонстрировал существенный прогресс. Впрочем, без серьезного союзника Горбачев весной 1990 г. против Рыжкова пойти не решался [подробнее см. 195, с. 103–118].

Одновременно с деятельностью Петракова и Федорова, осуществлявшейся в аппарате власти, в «низах» шла работа над программой, получившей название «400 дней доверия». Ее писал молодой экономист Григорий Явлинский совместно с двумя своими еще более молодыми коллегами – Михаилом Задорновым (в конце 90-х гг. дослужившимся до поста российского министра финансов) и Алексеем Михайловым [298].

Явлинскому тогда было уже под сорок, но по тем временам это считалось еще не солидным возрастом для государственного деятеля. Лохматая голова и умные глаза первого нашего младореформатора резко контрастировали с академическим «благоепием» весьма немолодых научных иерархов, которым до той поры партия позволяла себя консультировать. Явлинский мог простым языком говорить о сложных вещах, мог шутить над святыми для догматиков темами, мог создать вокруг себя атмосферу научной тусовки, где только и способны были появиться на свет по-настоящему оригинальные

идеи. Он был чрезвычайно обаятелен и тянул к себе всякого, кому хотелось мыслить, творить, верить в лучшее будущее. В научном багаже Явлинского уже имелась смелая книга, изданная в начале 80-х гг. «для служебного пользования», но тут же полностью изъятая даже из этого самого пользования [300, с. 16–17].

Позднее, когда Григорий Алексеевич ушел в большую политику, где превратился в неудачника, так ни разу и не сумевшего добраться до рычагов управления страной, молодой задор куда-то ушел, уступив дорогу невероятному занудству. Его глаза потухли, лицо стало скучным, способность подойти к проблеме нестандартно полностью пропала. «Сегодняшний Явлинский — это не актуальная политика, это мемориальное общество политкаторжан», — как-то раз иронично заметил публицист Александр Архангельский [10, с. 138]¹. Тем, кто не видел Явлинского в 1990 г., трудно даже представить себе, каким свежим ветром повеяло в стране благодаря его появлению. Верилось, что этот парень дурного не предложит. И, надо заметить, качество его научных разработок вполне подтверждало первое чисто человеческое впечатление.

В тот момент Явлинский, трудившийся ранее в Госкомтруде, перешел в правительственную комиссию по реформе, созданную Абалкиным [1, с. 59–60]. Академик прозорливо сумел разглядеть толкового парня, часто советовался с ним, беседовал наедине, но так и не сумел удержать. Атмосфера Совмина душила творчество, а потому истинно реформаторская программа зародилась буквально-таки на улице, вне связи с Рыжковым и Абалкиным. Правда, затем «400 дней» была представлена для рассмотрения в комиссии, но несчастный, ограниченный Рыжков велел Абалкину не тратить время «на ерунду», чем, в конечном счете, погубил себя самого [223, с. 430].

Впрочем, вскоре несколько неожиданно спрос на серьезные реформы возник у российских депутатов, а затем и у российского руководства [309, с. 153].

¹ Автор этих строк однажды обнаружил удивительную вещь. Во второй половине 2000-х гг., когда Явлинский не имел уже никаких шансов ни на что, в редакции петербургской газеты «Дело», в чрезвычайно узком, высокоинтеллектуальном кругу состоялась встреча с ним. За чашкой чая гость расслабился, почувствовал себя в своей тарелке и вдруг превратился в того самого милого, обаятельного, остроумного человека, каким мы знали его по событиям 1990 г. Он ничего не потерял и, похоже, в душе ничуть не постарел. Но как надо было засушить себя политикой, какой безумный политтехнологический план надо было принять на вооружение, чтобы на долгие годы превратиться в унылый экранный образ, спрятав вглубь как раз все то, что делало Явлинского человеком! Стратегия партии «Яблоко» по раскрутке своего лидера вполне может войти в учебники как самый провальный из возможных планов, максимизировавший все объективно существующие минусы Явлинского и минимизировавший все объективно существующие плюсы.

Хотя Ельцин толком ничего в экономике не понимал, Явлинский внезапно оказался вице-премьером правительства республики. При отсутствии реальной власти у этого правительства должность де-факто была не столь уж большой. Однако она давала статус, которого оказалось достаточно, чтобы позвонить Петракову. И вот летом 1990 г. две наиболее сильные группировки реформаторов смогли наконец-то объединить свои усилия.

Горячее лето

Явлинский все просчитал точно. Само собой разумелось, что в рамках отдельно взятой России невозможно было реализовывать программу, поскольку при любом политическом раскладе вопросы финансовой стабилизации находились в компетенции союзного центра. Но выходя со своими идеями на союзный уровень, Явлинский решал еще одну важную задачу. В лице Горбачева реформаторы приобретали значительно более заинтересованного и компетентного союзника, нежели в лице Ельцина, упивавшегося вновь обретенным статусом и больше думавшего о том, как насолить президенту СССР, чем о том, как спасти СССР от экономической катастрофы. Впоследствии Борис Федоров privately проинформировал британского посла, что Ельцин вообще не читал программу «500 дней», которую вроде бы с таким энтузиазмом поддерживал, тогда как Горбачев основательно проштудировал ее целых два раза [23, с. 450].

Как только Петраков положил на стол генсеку письмо Явлинского с предложениями о реформе, Горбачев молниеносно среагировал: «Где этот парень?» Через 20 минут Явлинский был в Кремле [195, с. 134]. Григорий Алексеевич и Михаил Сергеевич взаимно нуждались друг в друге. Совместная союзно-российская программа реформ позволяла подкрепить пошатнувшийся авторитет президента СССР растущим авторитетом главы Верховного Совета России. Благодаря этому появлялся шанс на то, что удастся реализовать комплекс непопулярных мер. Оставалось только одно (правда, нелегкое) дело — уговорить Ельцина.

Хотя в народе тогда именно с ним связывали главные надежды, отдохнувший в Юрмале Борис Николаевич проявил мало энтузиазма. То ли просто не понял, о каких важных вещах идет речь. То ли не доверял Горбачеву. Тем не менее, совместная группа разработчиков программы вскоре появилась.

Кроме Явлинского и Петракова, в нее, естественно, вошли Федоров, получивший пост министра финансов России, а также Задорнов с Михайловым. Попытались включить Абалкина, чтобы не конфликтовать с Совмином СССР,

но тот с гневом отверг компромиссы. Тем не менее, с союзной стороны пришли Евгений Ясин (впоследствии российский министр экономики) и Сергей Алексахенко (впоследствии первый заместитель главы Центробанка) [195, с. 136; 309, с. 152]. Было в команде еще несколько человек, но они в дальнейшем не оказали заметного воздействия на ход политических и экономических событий.

По информации, приведенной в одной из книг Федорова, Явлинский звал в российское правительство на пост министра труда Егора Гайдара [266, с. 41]. Однако сам Гайдар сообщил автору этих строк, что данная информация не соответствует действительности. Впрочем, даже без Гайдара команда оказалась поистине звездной. Большая ее часть не сошла с арены и после провала затеи 1990 г. Эксперты тем или иным образом стали участвовать в российской политике 90-х гг.

Особым вопросом стало назначение руководителя группы. Формально старшим по статусу был Петраков, но если бы он оказался лицом реформы, она выглядела бы откровенно горбачевской затеей. Пришлось пригласить академика Станислава Шаталина — выходца из элитарной советской семьи, племянника секретаря ЦК [подробнее его биографию см. 285, с. 4–14, 43]. Этот в прошлом неплохой экономист-математик, возможно, самый авторитетный как среди старшего, так и среди молодого поколения, был тогда уже почти неработоспособен, да к тому же имел серьезные психологические проблемы. Однако согласился стать свадебным генералом и тем самым помог налаживанию компромисса.

Рыжков при этом, правда, сильно на Шаталина обиделся и с радостью привел в своих мемуарах текст телеграммы, направленной ему Станиславом Сергеевичем несколько раньше в связи с принятием рыжковской программы: «Отдам этой работе все, что могу» [224, с. 417]. В итоге все, что мог, Шаталин отдал совсем другой работе, но для страны это оказалось полезнее.

Работа над новой программой, получившей название «500 дней», шла в течение августа. Горбачев, находившийся в отпуске, каждый день звонил Петракову из Фороса и интересовался любыми деталями [195, с. 139]. Для президента СССР этот месяц стал пиком всей деятельности, начатой еще в 1985 г. Ради экономической реформы, способной вывести страну из кризиса, он, собственно говоря, столько времени интриговал, маневрировал, перетасовывал кадры.

Ельцин же в тот момент лишь входил во власть и имел, помимо реформы, много других «важных» дел. Тем не менее, и он пару раз встретился с разработчиками.

В итоге к сентябрю имелось две программы. Одна — официальная правительственная. Другая — оппозиционная, но, как ни парадоксально, разработанная под эгидой главы государства и популярного российского лидера. «Умом Россию не понять» — мог бы в очередной раз заметить поэт.

Вокруг различия программ с тех пор возникло много мифов. Консервативные сторонники Рыжкова—Абалкина упрекали своих противников в авантюризме и как пример этого приводили сроки их программы: мол, за 500 дней гигантскую страну не реформируешь. Радикальные сторонники Шаталина—Явлинского упрекали правительство в примитивизме взглядов, в нежелании реформироваться вообще.

На самом же деле по сути предлагаемых мер программы были похожи. Более того, они были похожи и на то, что два года спустя делал Егор Гайдар. Причем все эти три модели реформ качественно отличались от того, что происходило в экономике раньше. В 90-х гг. мы уже создавали рынок, а не просто совершенствовали социализм. В 90-х гг. мы уже готовы были решиться и на частную собственность, и на свободные цены, и на безработицу. В 90-х гг. мы уже осознавали необходимость финансовой стабилизации, которая должна была ликвидировать страшные последствия бездумной денежной эмиссии 1988—1989 гг.

Другое дело, что Абалкин, привыкший мыслить категориями планового хозяйства, намеревался прежде всего чисто административным способом (сокращение бюджетного дефицита, закрытие нежизнеспособных предприятий, повышение цен) добиться финансовой стабильности, а уж потом дозированно вводить рынок: сначала в одном сегменте экономики, затем в другом, третьем... Вхождение в мировую экономику откладывалось на самый конец операции, предполагавшей в общей сложности пятилетний период.

Что же касается программы «500 дней», то сущность ее, конечно же, состояла не в установлении просчитанных до минут сроков вхождения в рынок. Сроки представляли собой явно популистский элемент, который, кстати, прекрасно сработал: общество впервые ощутило намерение власти реально двинуться вперед, а не заниматься бесконечным словоблудием а-ля Михаил Сергеевич.

Главным же, с экономической точки зрения, у Явлинского было намерение добиваться финансовой стабильности решительным рывком вперед,

Леонид Абалкин

по сути дела — шокотерапией. На финансовую стабилизацию отводилось всего 100 дней (октябрь—декабрь 1990 г.). Понятно, что за такой срок особой стабильности получить не удалось бы даже при самых драконовских мерах в сфере экономии денежных средств. Поэтому либерализация цен (наряду с радикальной отменой дотаций предприятиям и снижением военных расходов) сама должна была стать методом стабилизации в течение 1991 г. В секретной пояснительной записке для Горбачева отмечалось даже, что если и либерализация к середине 1991 г. не обеспечила бы стабильности цен, то понадобилась бы мягкая денежная реформа в духе Людвига Эрхарда [309, с. 154—163].

В плане масштабов «шокотерапевтичности» программы Явлинского и Гайдара были похожи как две капли воды, хотя конкретный набор мер несколько отличался. Думается, практические действия Григория Алексеевича (доведись ему их предпринять) оказались бы, в основном, такими же, как у Егора Тимуровича. Их позднейший конфликт был не существенным, а исключительно личностным².

Минусом программы «500 дней», как справедливо утверждал Абалкин, являлась опасность социального взрыва. Но события 1992 г. показали, что тревога эта все же оказалась явно переоценена. При начале экономической реформы никакого социального взрыва не произошло. Скорее всего, его не произошло бы и в 1990 г. Ведь народ, доверяющий реформаторам (а доверие объединенной группировке Горбачев—Ельцин—Явлинский было действительно сильным), готов какое-то время терпеть трудности.

Минусом же самой программы Абалкина была ее полная нереалистичность в социально-политическом плане. Правительство Рыжкова, и без того уже слабое, не могло на протяжении пяти лет сохранить достаточную твердость для того, чтобы шаг за шагом проводить задуманное. Оно даже не смогло бы обеспечить финансовую стабильность и, в конечном итоге, пало бы под воздействием лоббистского давления.

Опыт слабых правительств, губящих самые лучшие программы, имелся в Восточной Европе, в Латинской Америке (в 1991 г. он благодаря Валентину Павлову появился и у нас), но узкий кругозор Рыжкова и Абалкина не позволял

² Правда, нельзя исключить и того, что Явлинский сознательно стремился создавать в глазах избирателей впечатление, будто он имел принципиально иной, нежели Гайдар, подход к реформам. Гайдар в период политической активности Явлинского и его партии «Яблоко» (начиная с 1993 г.) был уже не слишком популярен в обществе, а потому на критике такого лидера какое-то время неплохо зарабатывались очки.

разглядеть проблему. В итоге эти два в общем-то неглупых и неплохих человека ушли к концу года в отставку обиженными и озлобленными.

Перед уходом они еще успели поведать всей стране о том, что их программа предполагает осуществление административного повышения цен, и день этого прямого «общения с народом» стал последним днем, когда на прилавках оставалось хоть что-то пригодное для потребления. Испуганный народ смел все и при этом не потратил даже малой доли накопленных сбережений.

Скрещение ежа и ужа

Программе «500 дней» не было альтернативы, и Горбачев, конечно же, это понимал. Но ум и работоспособность президента СССР, увы, сочетались с нерешительностью. По всей видимости, вникнув в суть того, какие плюсы и минусы имеет радикальная реформа, он оказался неспособен преодолеть страх перед социальным взрывом. Тем более что личный рейтинг Горбачева именно к тому моменту, когда он дозрел до последнего решительного шага, упал предельно низко.

По некоторым сведениям, состоялось даже закрытое заседание политбюро, на котором Горбачеву пригрозили отставкой [309, с. 166]. Но даже если этого не было, отступление генсека вполне объяснимо. Программа «500 дней» так и не дождалась до реализации. Вместо этого президент вступил в очередную стадию политического маневрирования, то ли просто растерявшись, то ли надеясь еще больше усилить свою личную власть, а затем уже приступить к серьезному реформированию экономики. На этот раз маневр включал в себя три элемента.

Во-первых, академик Абел Аганбегян был приглашен для того, чтобы свести воедино «500 дней» и правительственную программу, т.е. на практике осуществить скрещение ежа и ужа. Поскольку различия между ними состояли в выборе из двух альтернативных методов финансовой стабилизации, компромисс оказался невозможен. Аганбегян, по оценке Шаталина, на 99,5% поддерживал «500 дней» [285, с. 45], но согласился в очередной раз обслужить власть, поучаствовав, таким образом, уже в третьей по счету горбачевской экономической реформе, если начинать отсчет с пропаганды политики ускорения.

Во-вторых, Горбачев предложил реформировать Совмин, сделав из него президентский Кабинет, в котором премьер полностью зависим от главы государства. Рыжкова видеть на посту руководителя подобного Кабинета президент не желал, да и сам Николай Иванович, скорее всего, не готов был унижаться

до выполнения такого рода роли. Возможно, уже в тот момент между ними возник бы острый публичный конфликт, но тяжело переживавший происходящее Рыжков — человек, как ни странно, довольно необычной для крепкого советского хозяйственника чувствительности — попал в конце декабря в больницу с инфарктом и тем самым как бы самоустранился из большой политики.

В-третьих, для того, чтобы пойти навстречу расплзающимся республикам и одновременно получить очередные точки опоры, Горбачев активизировал процесс заключения нового союзного договора. Возможно, он полагал, что свободно избранные, а потому пользующиеся доверием в народе главы союзных республик окажутся недостаточно сильны для сепаратизма, но вполне крепки для упрочения его личного пошатнувшегося авторитета. Балансируя на противоречиях региональных лидеров и окончательно выводя за скобки союзное партийное руководство, можно было теоретически продержаться еще какое-то время.

Однако по всем трем направлениям маневрирования Горбачев потерпел сокрушительное поражение. Казалось, что счастье разом изменило тому, кто до сей поры исключительно умело строил политическую интригу. Но на самом деле, конечно же, проблема Горбачева состояла не в изменчивости фортуны. Президент подошел к естественной границе возможностей манипулирования обществом. Дальше жизнь уже развивалась по иным законам.

Скрещение ежа и ужа мало кому запудрило мозги. С одной стороны, компромиссный текст Горбачева—Аганбегяна просто перестал быть программой, предполагающей определенную очередность действий. Он представлял собой лишь изложение принципов рыночной экономики, вполне годящееся для учебника, но ни к чему не обязывающее власть. С другой же стороны, сам факт вытеснения из политики уже ставших популярными Шаталина и Явлинского резко шокировал ту большую часть общественности, которая программ не читает, а ориентируется исключительно по персоналиям.

Авторы программы «500 дней» популярно объяснили всей стране, что в новом виде реализация их разработок невозможна, и общество поверило именно им, а не бесконечно лавирующему Горбачеву. Российское руководство, правда, заявило о намерении реализовывать «500 дней» в республиканских масштабах, но это было обыкновенной глупостью, поскольку любая финансовая стабилизация должна начинаться с установления контроля за «печатным станком», а тот по-прежнему находился в ведении союзного центра.

Явлинский, Федоров и другие реформаторы подали в отставку со своих правительственных постов, но на популярности Ельцина это не сказалось.

Российский лидер ездил по регионам и всем все обещал, создавая впечатление, будто стань он главой государства — разом наступит изобилие [130, с. 37–41]. В 1990 г. Ельцин, согласно данным социологов, впервые заметно обошел Горбачева при определении «человека года»: 32% за первого против 19% за второго [170, с. 9].

Теперь всех собак вешали исключительно на президента СССР. Как заслуженно, так и незаслуженно. Его главное детище — процесс перестройки, с которым еще недавно было связано так много ожиданий, — ироничный писатель и философ Александр Зиновьев окрестил «катастрофкой» [96].

Сложившуюся ситуацию хорошо передает анекдот, относящийся, правда, к времени более раннему, но именно в конце 1990 г. ставший чуть ли не отражением суровой реальности. «Стоят люди в длиннющей очереди за водкой, стоят не один час. Наконец, некий мужчина, потеряв терпение, заявляет: “Нет, я пойду и убью этого Горбачева”. Уходит, но быстро возвращается. На вопрос: “Ну что, убил?” — отвечает: “Нет. Там очередь еще больше”» [24, с. 95].

Сам же президент доверил Кабинет министров чрезвычайно тучному финансисту Валентину Павлову, да к тому же «укрепил» себя введением вице-президентского поста, доставшегося Геннадию Янаеву — мелкотравчатому профсоюзному работнику с трясущимися руками. Наконец, милиция была вверена Борису Пуго — слабому, хотя, возможно, вполне порядочному человеку с нелепо торчащими вокруг лысины волосами. Эта карикатурная кадровая рокировка совсем потерявшего чутье Горбачева вплотную подвела страну к путчу, ставшему ключевым событием следующего, 1991 г. На политическом горизонте страны замаячило то, что и является на деле скрещением ежа и ужа — колючая проволока.

Путч фактически был публично предсказан Эдуардом Шеварднадзе, покинувшим Горбачева прямо накануне Нового года [288, с. 191–192]. Хотя, возможно, он просто знал, что в конце 1990-го 20 маршалов и генералов предъявили Горбачеву рукописный ультиматум, в котором излагались их упреки и требования [23, с. 232].

Власть, не опирающаяся на общество, неизбежно становится объектом покушения. В попытке демократизировать страну Горбачев почти ушел от этой опасности, но, сдав назад, быстро реанимировал практику советских времен.

Глава 11

Операция АБЦ

Попытка путча и конец Советского Союза

17 августа 1991 г. в два часа дня на объекте КГБ, носящем условное название АБЦ (Управление внешней разведки), хозяин – глава советской госбезопасности Владимир Крючков – принимал гостей. Приехали премьер Валентин Павлов, министр обороны Дмитрий Язов, секретари ЦК Олег Бакланов и Олег Шенин, руководитель аппарата президента СССР Валерий Болдин, а также генералы Ачалов, Варенников и зампред КГБ Грушко [129, с.151]. С этого совещания началась история, известная всем как августовский путч, как попытка отстранения от власти Михаила Горбачева.

А двумя месяцами раньше у посла США в Москве Джека Мэтлока состоялась весьма странная встреча с мэром столицы Гавриилом Поповым. Прибыв в здание посольства и оставшись наедине с хозяином, мэром, не переставая говорить о каких-то малозначащих предметах, достал лист бумаги и написал на нем: «Готовится попытка снять Горбачева. Надо сообщить Борису Николаевичу».

Мэтлок понял, что передать сообщение может только он, так как Ельцин находится с визитом в США. Не переставая поддерживать разговор (поскольку стены были нашпигованы жучками, поставленными сотрудниками КГБ), посол написал ответ: «Я передам. Кто это делает?» Попов тут же изобразил на бумаге четыре фамилии – «Павлов, Крючков, Язов, Лукьянов», – а затем, показав предварительно Мэтлоку, быстро уничтожил листок [173, с. 457–458].

К предупреждению, сделанному Поповым, нельзя было отнестись с безразличием¹. Гавриил Харитонович считался одним из самых умных вождей

¹ Откуда получил информацию сам Попов, до сих пор не вполне ясно. В своих мемуарах он ссылается на одного своего знакомого, имевшего «доступ в верхние эшелоны СССР» [203, с. 203].

демократического движения. Присущая ему склонность к тонкой интриге и глубокое понимание сути административной хозяйственной системы заставляли всех VIРов учитывать мнение этого бывшего декана экономического факультета МГУ.

Мэтлок не только передал предупреждение Попова в Вашингтон для Ельцина, но также лично встретился с Горбачевым. Президент СССР покачал головой, усмехнулся и заметил послу, что все находится под контролем. Через два месяца Горбачев оказался изолирован на своей крымской даче в Форосе, а в Москве был сформирован узурпировавший власть Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), тон в котором задавали Павлов, Крючков и Язов.

Как расценить позицию Горбачева? Как потерю чувства реальности? Как политическую близорукость? Как удивительную для столь тонкого манипулятора наивность? Удивленный Мэтлок склоняется именно к этой оценке [173, с. 462]. И действительно она вроде бы напрашивается, если принять во внимание тот факт, что предупреждение Попова было не единственным. Еще в апреле Александр Яковлев передал Горбачеву записку следующего содержания: «Насколько я осведомлен, да и анализ диктует такой прогноз, готовится государственный переворот справа. Наступит нечто подобное неонацистскому режиму» [62, с. 363].

И все же, не является ли, напротив, политической близорукостью отказ такому бесподобному интригану, как Горбачев, в способности в любой ситуации сохранять чувство реальности?

Ежик в тумане

Когда Горбачев отверг программу «500 дней» и почти полностью утратил доверие общества, дальнейшее существование его власти могло обеспечиваться одним из двух возможных способов. Либо путем установления откровенной диктатуры, либо путем нахождения новой легитимной точки опоры. В первом случае требовались армия и КГБ, во втором – можно было попытаться прийти к консенсусу с лидерами союзных республик, обладавшими поддержкой населения, но испытывавшими явный недостаток реальных властных полномочий.

Какой путь выбрал Горбачев? Сразу оба. Со свойственной ему склонностью «не класть оба яйца в одну корзину», президент Советского Союза с самого начала 1991 г. двинулся как навстречу консерваторам, так и навстречу

республикам, полагая, очевидно, что в зависимости от ситуации выберет в конце концов более удобный для себя маневр.

Демократы были просто в шоке от Горбачева образца января-марта 1991 г. Сначала последовали кровавые события в Вильнюсе, когда в ходе стычки возле местного телецентра погибло множество людей. Затем во время пребывания в Белоруссии президент произнес речи, фактически оправдывающие переход к жесткому курсу. Наконец, опасаясь многотысячных демонстраций в столице, он приказал ввести в Москву воинские части. Перед российской демократией замаячил страшный призрак площади Тяньаньмэнь.

Одновременно Горбачев дал консервативным силам карт-бланш для восстановления экономической стабильности теми способами, которые были им понаты. В качестве «стабилизатора» оказался избран Павлов.

Новый премьер был человеком совершенно иного типа, нежели Николай Рыжков. Этот выпускник московского финансового института к своим 54 годам имел большой опыт «макроэкономической» деятельности (если можно так выразиться о работе в советском минфине) и не имел опыта производственного. Поэтому значение финансовой стабилизации Павлов понимал вполне отчетливо, а страну видел не большим заводом, но сложной системой, откликающейся на денежные импульсы и безразличной к стучанию кулаком по столу.

Тем не менее, кругозор Павлова, толком не знавшего опыта зарубежных реформ, был весьма ограничен. Ему нравились авторитарные модернизации Тайваня и Южной Кореи, а в СССР он хотел плановую систему всего лишь дополнить свободой предпринимательства, созданного рядом с ней [189, с. 48–49].

При этом самонадеянность Павлова была просто безгранична. Многие наблюдатели отмечали, что этого финансового работника, столь далекого от романтики силового блока, на публике или перед телекамерами захлестывали труднообъяснимые наглость и агрессивность [см., напр., 84, с. 81; 173, с. 380, 389, 399]. Возможно, подобным образом этот тучный, нервный и робкий человек пытался компенсировать свои недостатки.

По характеру Павлов явно не соответствовал высокой должности (занятой к тому же в столь трудный для страны момент), но вынужден был так или иначе к ней приспособливаться. А неловко приспособиваясь, премьер-министр делал ошибку за ошибкой, ухудшая и без того плохое мнение, сложившееся о нем в обществе. Наверное, премьер полагал, что страна благодаря его инициативам почувствует себя взятой в ежовые рукавицы, но народ отнесся к Павлову, скорее, иронично, прозвав его из-за характерной «ощетинившейся» прически

«ежиком в тумане» (сравнив со смешным, хотя довольно милым, героем известного мультика). Впрочем, существовало и другое, довольно жесткое прозвище, обращавшее внимание не только на прическу, но и на заметную тучность премьера, — «свиноеж». Его приводит в своей книге британский посол Родрик Брейтвейт, считавший Павлова самым непривлекательным из всех советских политических деятелей, с которыми он когда-либо встречался [23, с. 312].

Комплекс предпринятых новым премьером экономических мер явно восходил к рецептам программы Рыжкова—Абалкина. Намечалось обеспечить финансовую стабилизацию посредством изъятия у населения «лишних» денег, но отложив при этом широкомасштабный переход к рынку на неопределенное будущее. В частности, Павлов успел осуществить три основные мероприятия.

Во-первых, с января появился пятипроцентный налог с продаж.

Во-вторых, в марте была объявлена конфискационная денежная реформа, при которой самые крупные на тот момент времени купюры — 50 и 100 рублей — обменивались на новые, но с существенными ограничениями. Можно ли разрешить тому или иному человеку обмен больших сумм, решали общественные комиссии. «Коллеги по работе должны были подтвердить, — писал позднее сам Павлов, — что ты честный человек». В итоге 12 млрд рублей в ходе этой операции действительно удалось у населения отнять. [189, с. 245—246].

В-третьих, в апреле произошло крупное (в среднем 70-процентное) административное повышение цен, при котором население получило компенсацию с отложенным на время правом пользования этими деньгами.

Робкое введение рыночных начал выразилось в частичном переходе на договорные оптовые цены. Но общество не восприняло это как сколько-нибудь значимую реформу из-за массового неприятия самой фигуры Павлова (прикрытой столь же непопулярной фигурой Горбачева) и тех павловских «антинародных» мер, которые оказались на поверхности.

Ненавидели Павлова буквально все. Бедные слои населения пребывали в бешенстве из-за повышения цен, существенным образом бившего по их карманам.

Сравнительно богатые люди бесились из-за авантюры с купюрами. Чтобы не потерять деньги, приходилось срочно покупать дорогие и не слишком нужные вещи, нанимать подставных лиц для обмена или даже прибегать к совершенно идиотской мере — посылать почтовые переводы самому себе, внося при этом в кассу именно пятидесяти- и сторублики. Бланки для оформления такого рода переводов заканчивались быстрее, чем рассасывался поток людей, желающих спасти свои сбережения [23, с. 456].

Иностранные бизнесмены и дипломаты считали Павлова человеком, абсолютно некомпетентным, поскольку он для оправдания обмена купюр предложил миф, будто западные банкиры скупают российскую «наличку», дабы затем скупить уже всю страну. Видимо, Павлов хотел опереться на национализм темной толпы, но мало в этом преуспел.

А самое главное — все с таким трудом и позором внедренные стабилизационные мероприятия уже к лету 1991 г. оказались полностью сведены на нет лоббизмом, вынуждавшим государство снова и снова «печатать» деньги. Был принят ряд дополнительных решений по увеличению компенсаций населению, и в итоге их общий размер практически оказался равен размеру повышения цен. А ведь кроме того были еще компенсации потерь в банковских вкладах [48, с. 364].

В целом деятельность неглупого премьера явно привела к получению негативного результата. Режим виделся народу смешным и неэффективным, а его ведущие представители — бездарными и корыстными.

Но Павлов вряд ли способен был примириться с тем, что не создан для великих дел. Не имея реального авторитета в обществе, он стремился получить от парламента особые полномочия и на этой основе столкнулся с Горбачевым, для которого всякие такого рода полномочия могли быть лишь прерогативой президента. Парламент не дал премьеру искомого, и тогда тот склонился к введению чрезвычайного положения, при котором отсутствие популярности властей уравнивается отсутствием законов, которые этой власти надо соблюдать.

Крючоктворчество

Был ли Горбачев решительным противником чрезвычайщины? Вряд ли. Весь курс первой половины года показывает, что он к ней шел.

Еще при подготовке к октябрьским праздникам 1990 г. министр внутренних дел Вадим Бакатин выступил против запрещения стихийных демонстраций, которые неизбежно должны были возникнуть. Но Крючков потребовал продемонстрировать силу, а затем Горбачев резко наехал на миролюбивого министра, обвинив его в трусости. Вскоре Бакатин был снят с работы [12, с. 93–94].

Дальше — больше. В декабре 1990 г. (т.е. как раз тогда, когда Шеварднадзе заявлял об опасности установления диктатуры) Крючков поручил узкому кругу своих приближенных проработать вариант введения чрезвычайного положения [13, с. 50]. А вскоре эти разработки чуть было не применили на практике.

Если верить Лукьянову, то в апреле 1991 г. на одном из заседаний Совета безопасности даже обсуждались практические меры введения чрезвычайного положения, прекращения забастовок, митингов [148, с. 14].

Однако президент СССР шел не только к диктатуре, но и к заключению с республиками нового союзного договора, осуществляя новоогаревский процесс (названный так по имени одной из подмосковных резиденций главы государства). 20 августа 1991 г., сразу после возвращения Горбачева из Фороса, договор должен был быть подписан.

Премьером образовавшегося вместо СССР государства (истинно федеративного, если даже не конфедеративного) становился казахстанский лидер Нурсултан Назарбаев, а Крючков и Язов, скорее всего, по возрасту отправлялись бы на пенсию, как отмечал в своих воспоминаниях сам Горбачев [58, с. 556]. Генсек был настолько захвачен новоогаревскими преобразованиями, что вообще не относился всерьез к «временному» правительству Павлова, с которым даже не стал толком общаться после назначения [189, с. 153].

Ни Павлову, ни Крючкову, ни Язову подобное развитие событий, естественно, нравиться не могло. Впрочем, не слишком нравилось оно и Горбачеву, а потому потенциальные отставники до последней минуты надеялись на то, что президент вместо завершения новоогаревского процесса изберет введение чрезвычайного положения. В августе (как только Горбачев отбыл в Форос) Крючков силами КГБ стал непосредственно готовить это самое введение.

Возможно, если бы во главе госбезопасности стоял тогда человек иного склада, дело действительно закончилось установлением диктатуры. Но Крючков был слабым лидером, совершенно не подготовленным к той роли, которую пришлось играть. Он, скорее, не столько готовил серьезный путч по латиноамериканскому сценарию, сколько надеялся уговорить Горбачева поддержать создание ГКЧП.

Тихий 67-летний старичок с Лубянки, может, и хотел бы установить твердый режим, но был так же не способен к твердости в политике, как Павлов в экономике.

Судьба Крючкова благодаря случаю определилась к середине 50-х гг., когда он — юрист по образованию и начинающий дипломат — стал работать мелким чиновником советского посольства в Венгрии. Там он попал под покровительство посла, которым являлся не кто иной, как сам Андропов.

Проявивший умеренность и аккуратность Владимир Александрович оказался необходимым шефу и с тех пор стал выполнять при нем функции, в каком-то смысле напоминающие функции Черненко при Брежневе. Соответственно, и по типу лидерства Крючков сильно напоминал Черненко, не способного принять ни одного ответственного решения самостоятельно.

Тем не менее, венгероязычный Крючков понадобился Андропову в ЦК, когда тот определял политику СССР в отношении соцстран. Понадобился он и в КГБ, когда Андропов перешел туда. Крючков сначала работал в аппарате председателя, а затем дослужился до начальника Первого главного управления (разведка). Говорят, что без санкции Андропова он не способен был сделать ни шагу.

Не исключено, что именно наличие у Крючкова такого качества, как верность патрону, наряду с отсутствием гэбэшного происхождения и непричастностью к структурам Комитета, занимавшимся репрессиями, подвигло Горбачева сделать его главой КГБ после ухода Чебрикова. Генсек полагал, что будет сам управлять этим слабым силовиком.

В смысле слабости он оказался прав. В смысле управляемости — не до конца. В кризисной ситуации глава госбезопасности вышел из-под управления. Тем не менее, Крючков, всю жизнь бывший вторым и оказавшийся в августе 1991 г. в окружении вечно третьих, превратился в весьма странного лидера. В эдакого слепца, ведущего слепых.

Операция, задуманная на объекте АБЦ, напоминала странное название самого объекта. Если в латинском алфавите АВС — три первые буквы, то в русском Ц никак не связана с А и Б. Так и в операции, подготовленной Крючковым: первые два хода фактически не переходили в третий; иначе говоря, давление на генсека и создание ГКЧП не имели логического завершения в реальной политической ситуации, сложившейся к августу 1991 г.

Первый очевидный ход «путчистов» состоял в том, чтобы отправить делегацию к Горбачеву в Форос и попытаться убедить его избрать все же вариант введения чрезвычайного положения, а не подписания союзного договора. Второй ход, предусмотренный на случай отказа, предполагал объявление президента больным с тем, чтобы ввести чрезвычайщину без него. Третьего же хода в данной комбинации не было вообще, поскольку члены ГКЧП никак

не рассматривали свои взаимоотношения с народом, не понимали того, что неувязочка может случиться отнюдь не в Форосе, а непосредственно в Москве, в районе Белого дома.

К Горбачеву делегация от ГКЧП 18 августа действительно съездила. Кстати, по возвращении назад уже в Москве делегаты вынуждены были сделать «пророческую» остановку у «Матросской тишины», куда они потом и «сели». Лопнула шина [241, с. 20]. Впрочем, главное не это.

О том, чем закончились переговоры, существуют противоречивые сведения.

Согласно мемуарам Болдина, президент при расставании сказал: «Черт с вами, действуйте» [22, с. 17]. В интерпретации Крючкова, который сам, правда, в Форосе не был, слова звучали более мягко: «Валяйте, действуйте» [129, с. 160]. То есть получается, что фактически генсек одобрил чрезвычайщину, предполагая вернуться через некоторое время к власти, когда порядок будет наведен.

Согласно же мемуарам самого Горбачева, ни о каком согласии речи не шло. Напротив, он был столь смел, что даже обругал узурпаторов с использованием особых «красот» русского языка, видимо, более впечатляющих, нежели безликое «черт с вами» [58, с. 559].

Наконец, еще один источник, использующий, очевидно, информацию, идущую от Олега Шенина, дает некий промежуточный вариант: «Черт с вами, делайте, что хотите, но мое мнение (видимо, о несогласии — Д.Т.) доложите» [51, с. 110].

Как все обстояло на самом деле?

Был ли Горбачев де-факто путчистом, одоббившим чрезвычайщину, но переложившим грязную работу на подчиненных, как уверяли потом члены ГКЧП? В частности, Павлов настаивает на том, что никто Горбачева в Форосе вообще не изолировал, что подобная «изоляция» была выгодна ему самому [188, с. 38].

Или Горбачев был героем, рисковавшим жизнью, но не поддавшимся на провокацию, как виделось многим демократам в 1991 г.? В этой связи можно заметить, что помощник президента Анатолий Черняев, находившийся в трудные дни рядом с шефом, отмечает, насколько полной была изоляция в Форосе [282, с. 482–483].

Впрочем, думается, самаподобная постановка вопроса (или-или) не вполне правомерна. Горбачев не выстраивал путч, но в первой половине года рассматривал (может, всерьез, а может, притворялся) чрезвычайщину в качестве одного из возможных вариантов. К августу он от него отказался. Но в Форосе, когда «за ним пришли», вполне мог согласиться на ГКЧП.

А что, собственно говоря, ему оставалось? Геройски умереть? Прорываться с боями? Но ведь все мы были воспитаны на историях о Пиночете как типичном пугаче: погибший президент Чили Сальвадор Альенде, стадион-тюрьма, преследования и убийства противников режима... Кто же знал, что Крючков больше похож не на Пиночета, а на Пиноккио?

Генсек ни разу в жизни не действовал по принципу «или-или». Он всегда стремился оставлять открытым пространство для маневра. Это только Борис Николаевич чуть что — сразу на танк. Для Михаила Сергеевича более естественным вариантом поведения было притвориться сторонником чрезвычайщины, выжить, вернуться в Москву к власти, а затем тонкими интригами попытаться снова установить личный контроль за ходом событий. Он понимал, что ГКЧП вообще-то не заинтересован в его устранении (поди потом объясни смерть столь популярного в мире человека западным политикам и кредиторам), но коли что не так — убить уже объявленного тяжело больным президентом можно запросто.

При подобной трактовке событий находят свое объяснение как страшный шок, в котором пребывали за время форосского пленения Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной, так и ссылки оппонентов на то, что при желании Горбачев с верной ему охраной могли бы выбраться из плена либо хотя бы найти способ связи.

От триумфа к трагедии

ГКЧП погубил себя сам. По-настоящему решительными людьми в нем были те, кто не имел властных рычагов, тогда как формальные руководители выглядели жалко и даже комично. Взять себе полномочия Горбачева мог только вице-президент Геннадий Янаев, которого фактически поставили перед фактом в последний момент. Вечером 18 августа он попытался узнать у делегации, ездившей в Форос, действительно ли Горбачев болен. «Второму лицу государства» ответили: «А тебе-то что? Мы же не врачи... Сказано болен» [241, с. 101].

Янаев «взял полномочия», а потом на всю ночь отключился (возможно, заливал страх крепкими напитками). Когда «включился», наврал Бакаину, будто его лишь в четыре часа утра разбудили, поставили в известность о происходящем и долго уговаривали возглавить ГКЧП [13, с. 11]. А затем он провел знаменитую пресс-конференцию. Но лучше бы уж этого не делал, поскольку телекамеры показали всему миру его дрожащие руки. Страна поняла, что хунта сама сдрейфила.

Что касается Павлова, то он даже не «включался». По свидетельству врача, премьер был пьян... и взвинчен до истерики [241, с. 109], хотя, возможно, он просто оказался слишком сильно напуган событиями, в которые был вовлечен. Затем Павлова поразил гипертонический криз. И неудивительно. Слабый человек не способен долгое время притворяться крутым. В самый важный момент он может сорваться.

Тем временем те, у кого действительно хватало духу делать большую политику, взяли на себя сопротивление. Утром 19 августа, вскоре после объявления о создании ГКЧП, Борис Ельцин, избранный еще 12 июня президентом России, засел с ближайшим окружением в московском Белом доме — огромном здании, где находилась тогда резиденция российской власти. А к стенам этой резиденции постепенно стягивались десятки тысяч москвичей. Андрей Макаревич прекрасно изобразил всю эту картину:

«Рядом со мной сидел на ступеньках, пригорюнившись, маленький Рамзес Джабраилов — артист Театра на Таганке, за ним стояли красивые юноши и девушки из банка “Алиса” в строгих черных костюмах. Вокруг в толпе мелькали то какие-то казаки в опереточных лампасах, то батюшка в рясе. То солдатик-афганец в нагрудных значках, то стайка хиповых студентов, а то вдруг покажется знакомое лицо — кто это? — ах, да. Музыкант из “Мистера Твистера”.

Справа от меня неподвижно возвышался абсолютно лубочный деревенский дед — с седой бородой и в ватнике. Голубые глаза его смотрели в небо, навстречу дождю, на лице застыла детская улыбка. На шее у деда висел на веревке перемотанный изоляцией приемник “Спидола” — памятник отечественного радиостроения. Из приемника вперемежку с хрипами прорывался далекий вражеский голос — то ли “Радио Свобода”, то ли “Немецкая волна”. Приемник висел на уровне живота, и в него уткнулись головами, согнувшись и не дыша, несколько человек. Дед млея и напоминал какое-то диковинное кормящее животное. И тут и там сновали бабушки — то с домашними пирожками в корзинках, то с сигаретами. Периодически приносили гамбургеры из “Макдональдса” (все бесплатно)...» [150, с. 253].

Шансов отстоять резиденцию в боях с регулярными войсками у этой разношерстной толпы не имелось никаких. Однако куража у защитников было хоть

отбавляй. Штатские агитировали народ, военные делали вид, будто организуют сопротивление. На первый план вышли вице-президент Руцкой и генерал Кобец, проявлявшие невероятную активность. Очевидец описывал будоражащую, жизнерадостную демократическую суету: «Все не определяют, кто главнее: один вице-президент, но полковник. А другой генерал-полковник, но не вице-президент, – и смех по коридору, беззлобный, веселый» [204, с. 49].

Путчистов высмеивали ироничными стишками, переделанными из строк популярной детской песенки советских времен: «На медведя я, друзья, // Выйду без испуга, // Если с Пуго буду я, // А медведь без Пуго»².

Естественно, слабые люди были и по эту сторону баррикад (например, премьер Иван Силаев, отпросившийся домой по семейным обстоятельствам [204, с. 51]), но это не могло уже принципиально изменить новой расстановки сил. Крючков со всем его хваленым аналитическим аппаратом КГБ так и не понял главного. Элиты уже выпустили контроль из своих рук. На сцену истории выступил народ. И на подобный ход в «дебютном справочнике путчистов» не имелось никакого обдуманного ответа.

Потеряв целый день, Крючков утром 20 августа стал все же готовить план штурма Белого дома [241, с. 157]. Но вряд ли он действительно собирался его реализовывать. Скорее всего, этот послушный исполнитель лишь автоматически делал все предписанное «инструкциями по путчам», уже догадываясь, что духу не хватит поразить мир своей жестокостью. И когда в ночь на 21 августа министр обороны Язов отказался взять на себя смелость пустить войска в бой, Крючков, практически даже не возмущившись, стал сворачивать активность и готовиться к покаянному визиту в Форос.

Шенин, не входивший формально в ГКЧП, заметил: «В Комитете несерьезные люди, какие-то пьяницы и предатели» [51, с. 112]. А генерал Юрий Плеханов из КГБ с грустью резюмировал позднее: «Собрались трусливые старики, ни на что не способные» [241, с. 209]. На штурме и на «ликвидации группы авантюриста Ельцина Б.Н.» настаивали лишь Бакланов с Варенниковым [33, с. 18]. Но ни отдельные генералы, ни секретари ЦК, ни Болдин, ни даже министр внутренних дел Пуго ничего не решали.

«Что ж мы начали – чтобы стрелять?» – возразил Бакланову Язов [241, с. 186]. Секретарь ЦК, наверное, полагал, что министр обороны именно для этого и нужен. Но сам министр так никогда не считал. Он, наверное, надеялся на мудрость партии, правительства и КГБ, которые все просчитали,

² Борис Пуго – министр внутренних дел СССР, член ГКЧП.

прежде чем объявлять о создании ГКЧП. И когда уже при покаянном визите в Форос Язов до конца осознал, что натворил, то начал бурчать себе под нос: «Дернул меня черт, старого дурака, в это ввязаться» [58, с. 559].

В те дни старик думал не столько о судьбах страны, которой в силу своей солдатской ограниченности вряд ли мог чем-то помочь, сколько о болезни любимой жены. Оставлять ее, и без того страдающую, ради тюрьмы было мучительно тяжело. Но в отличие от Крючкова, еще пытавшегося юлить и делать вид, будто ничего не произошло, Язов вел себя достойно, смирившись под ударом судьбы [подробнее о Язове см. 301, 100]. Любопытно, что этот, казалось бы, примитивный солдафон производил хорошее впечатление на многих, общавшихся с ним людей – в частности, на жену британского посла, которую он покорила своей поэзией, а также знанием русской и английской литературы [23, с. 130].

Настоящей же трагедией стал уход из жизни Бориса Пуго. О том, как видел свое участие в августовских событиях этот странный, закрытый латыш, вообще мало что известно. Он был все время на обочине процесса и не оставил мемуаров. Когда стал ясен печальный исход затеи, он сказал детям: «Умный у вас папочка, но оказался дураком, купили за пять копеек» [241, с. 253].

Через некоторое время Пуго с женой нашли мертвыми. Сначала полагали, будто супруга застрелилась вслед за министром, но следствие доказало, что тот сначала выстрелил в женщину, а затем уж покончил с собой. Какой мотив двигал им: страх, долг чести, безумие? Этого мы никогда не узнаем.

Несколько больше известно нам о смерти маршала Сергея Ахромеева. К августу 1991 г. этот бывший начальник генштаба уже пребывал в отставке. Но он специально отдал себя в распоряжение и.о. президента, надеясь, видимо, с помощью ГКЧП спасти страну.

Трясущийся Янаев не заслуживал такого помощника. Прошедший всю войну Ахромеев оставлял даже у своих политических противников впечатление человека чести. Мэтлок, в частности, был поражен, когда в декабре 1989 г. заметил его одиноко стоящим в толпе на похоронах Андрея Сахарова, взглядов которого маршал совершенно не разделял [173, с. 228].

Понятно, что никакой ответственности за августовские события Ахромеев не нес. Тем не менее, он был найден с удавкой на шее. Предсмертная записка гласила: «Не могу жить, когда гибнет мое отечество...» К записке было подколото 50 рублей: маршал просил уплатить оставшийся за ним долг в столовой [241, с. 239].

Беловежская пуща

Советский Союз умер в момент подавления путча. Малоизвестный в народе День Российского флага (22 августа) является, по сути дела, единственным (наряду с Днем Победы) реальным гражданским праздником нашей страны. Ведь именно этот день в 1991 г. коренным образом изменил судьбу Отечества, тогда как 12 июня, 4 ноября, 1 мая, 23 февраля и 8 марта представляют собой даты выдуманные, мифические, не имеющие никакого отношения к жизни народа.

Республиканским элитам Советский Союз был не нужен. Всем без исключения. Все – от московского «демократа» Ельцина до ашхабадского автократа Туркменбаши, тогда еще звавшегося просто Сапармуратом Ниязовым – предпочитали максимизировать собственную власть, а не делиться ею с союзным центром. Что же касается властей балтийских республик, а также Украины и некоторых других постсоветских государств, то они, даже если бы вдруг захотели вернуться в СССР, не имели на это позволения со стороны своих народов, проявивших активную гражданскую позицию.

Весьма характерна в плане отношения республиканских элит к Союзу история, рассказанная министром иностранных дел Андреем Козыревым, который был одним из членов делегации России в Беловежской пуще, где СССР официально прекратил свое существование. «К Гайдару, к Шахраю и ко мне подошли представители украинской делегации и спросили: ребята, с чем вы приехали? Если собираетесь давить в пользу Союза, то создавшийся сейчас благоприятный климат и, возможно, последний шанс действительно братски договориться будет упущен. Ни Кравчук, ни Фокин³ просто не смогут отреагировать иначе, как разрывом, потому что на них давят итоги общенародного референдума и жесткие решения Верховного Совета Украины в пользу “незалежности”» [107, с. 170].

Некоторые из народов СССР, возможно, готовы были остаться в Союзе, однако на момент подавления путча, по большому счету, судьбой державы не интересовались. Людям хотелось не союзной власти и не республиканской, а такой, при которой едят. Соответственно, бразды правления народы готовы были отдать тем политикам, которые способны были наполнить прилавки магазинов. Или, точнее, тем, в чью способность наполнить народы верили.

Как ни парадоксально это звучит, вопрос о том, быть ли Советскому Союзу, в августе 1991 г. вообще не являлся актуальным. Сегодня сытые и имеющие

³ Кравчук и Фокин – президент и премьер-министр Украины в то время.

работу люди полагают, будто проблема сохранения державы не может не существовать по определению. Но в тот момент она действительно не существовала в сознании десятков миллионов граждан России. Точно так же, как не существует проблема наполнения магазинных прилавков, скажем, в тот момент, когда на вас охотится тигр. Угроза безопасности всегда вытесняет заботу о пропитании, а забота о пропитании — любые мысли о державности.

Российские женщины хотели, чтобы им было чем накормить детей, а мужчины не желали краснеть перед женщинами из-за того, что приносимые ими в качестве зарплаты деньги становились уже почти что бесполезными фантиками. Поэтому ликвидация договора об СССР не вызвала никаких сколько-нибудь серьезных протестов. И это при том, что общество не было пассивным. Люди интенсивно обсуждали вопрос о готовящейся в стране экономической реформе, а затем — после ее начала — реально, с горящими глазами и перекошенными от злости на врага лицами выступали либо против реформаторов, либо против коммунистов (в зависимости, естественно, от своих взглядов). Вопрос же о сохранении Союза в тот момент никаких серьезных эмоций не вызывал.

Формально СССР просуществовал с августа до декабря, до момента подписания лидерами России, Украины и Белоруссии так называемых беловежских соглашений: Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич росчерком пера устранили то, что и так уже не существовало с августа. Крайне наивно считать, будто «три заговорщика» могли бы похоронить великую страну, если бы она уже не распалась к тому времени на 15 отдельных государств. Можно жалеть о судьбе СССР или относиться к демонтажу империи спокойно (это вопрос личного выбора каждого), но объективно сохранить Союз не имелось никакой возможности. Легче, пожалуй, было бы сшить из обрывков лопнувший воздушный шарик.

Беловежские соглашения нужны были не для того, чтобы что-то ликвидировать, а для того, чтобы на уже освободившемся от погибшей империи месте создать работоспособную власть и обеспечить людей едой, топливом, одеждой. Не может ни одно государство существовать, если нет определенности в вопросе о власти. А до тех пор, пока сохранялась иллюзия, будто вернувшийся в Кремль Горбачев является властью, еда, топливо и одежда оставались под вопросом. Причем не столько для граждан России, сколько для наших соседей.

О том, как и почему возникли Беловежские соглашения, рассказал автору этих строк Станислав Шушкевич, когда мы встретились на одной из научных конференций в Вильнюсе. Дело было так...

20 октября 1991 г. в Ново-Огарево Горбачев в очередной раз попытался склеить «растрескавшийся сосуд» с помощью проекта союзного договора. Шушкевич выступил очень жестко, отметив, что под видом конфедерации Кремль вновь протаскивает старый Союз. Затем не менее жестко выступил Борис Ельцин. Президент СССР послушал, после чего резко встал и вышел.

Это был серьезный конфликт. Хитрый узбекский лис Ислам Каримов не на шутку огорчился. Восток ведь — дело тонкое. А тут ссора, резкие движения... Мирите нас с Горбачевым. И тогда Ельцин с Шушкевичем пошли мирить.

В этот момент и определился ход ближайших действий республиканских лидеров. Шушкевич знал, что при общем распаде всех хозяйственных связей Беларусь стоит на грани топливной катастрофы. Впереди зима, а союзный центр ничего уже не определяет. Горбачев еще может предлагать решение общих вопросов, но в вопросах частных — тех, от которых зависит жизнь людей — он больше не игрок.

В общем, здесь было не до «лирики», с помощью которой сегодня порой объясняют важность сохранения Союза. От властей, желающих контролировать ситуацию, требовалась жесткость. В Беларуси тогда все только и твердили Шушкевичу: иди, мол, к Ельцину, тащи его к нам, будем здесь договариваться. И вот когда два лидера остались, наконец, наедине, Станислав Станиславович приступил к переговорам: для нас, Борис Николаевич, была бы большая честь встретиться с Вами в Беловежской пуше. А уж какая там охота!

Ельцин согласился. Позднее позвонил и сказал: еще Кравчук на встречу просится. Решили отложить дело до декабря, чтоб украинский лидер успел пройти через объявленные уже на тот момент президентские выборы.

Никаких эпохальных решений вроде бы не намечалось. Во всяком случае — с белорусской стороны. Но решать пришлось, поскольку быстро выяснилось, что сохранение иллюзии Союза мешает договариваться тем лидерам, которые уже и так обладают реальной властью. Проще говоря, чтоб Беларусь зимой не замерзла, требовалось вместо бесполезных слезниц, отправляемых в союзный центр, заключать конкретные договора напрямую.

Сегодня Шушкевич рассказывает обо всем этом очень просто — без пафоса исторической личности, но и без попыток каким-то образом оправдаться за содеянное. Рассказывает, как о будничной антикризисной работе. Ведь таковой, собственно, и была встреча в Беловежской пуше [295].

История СССР завершилась, Горбачев сдал полномочия и покинул Кремль. Нельзя, конечно, сказать, будто этого не заметили, но нельзя сказать

также, будто уход Михаила Сергеевича кого-то сильно взволновал. Ведь он на самом деле ушел еще в тот момент, когда седой, несчастный и совершенно деморализованный вернулся из Фороса в Москву с позволения новых правителей России.

27 ноября 1991 г. московская студентка Ангелина Шенина написала стихи своему отцу в «Матросскую тишину» [51, с. 160–161]:

Сейчас хочу я только одного –
Открыть окно, впустить туман в квартиру.
Пусть он зальет спокойствием и миром
Все то, что ждет прихода твоего.
Пусть он укроет комнату твою
Сребристым невесомым покрывалом
И на столе, давно уж одичалом,
Оставит монографию свою.
На зеркало подышит и найдет
В нем дорогое сердцу отраженье,
Окутает живительным скольженьем
Пустых бокалов одинокий лед.
Пускай скользя по комнатам пустым,
Наполнит их молочной пеленою
И сохранит родной домашний дым
От сигареты, не потушенной тобою.

Кончалась эпоха. Старая страна со всеми ее иллюзиями и разочарованиями уходила в прошлое. Но до «спокойствия и мира» было еще далеко.

Часть 3. РЕФОРМЫ

Глава 12

Другая жизнь

Гайдаровские экономические преобразования 1992 года

Когда в Польше коммунистический режим уже дышал на ладан, популярен стал следующий анекдот. Мужик стоит в очереди за мясом и на чем свет стоит кроет власти. К нему подходит солидного вида человек и грозит, насунив брови: «Вот в прежние времена Вас бы за такие слова пиф-паф». Мужик возвращается домой и говорит жене: «Плохо дело». — «Что, у них уже нет мяса?» — «Хуже, у них нет даже патронов» [209, с. 24].

Ребята, не Москва ль за нами?

В России накануне либерализации дела обстояли похожим образом. Локальные дефициты времен Брежнева теперь уступили место дефициту тотальному.

В брежневскую эпоху в знаменитой на весь Советский Союз миниатюре великого сатирика Аркадия Райкина главный герой старался достать себе что-то со вкусом «спесфисским». В позднюю горбачевскую эпоху нам стало уже не до вкуса и тем более не до «спесфисских» его оттенков. Важно было достать хоть что-то съестное. В крупных городах, где раньше (в отличие от провинции) стандартный набор примитивных продуктов в магазинах всегда имелся, в 1990–1991 гг. стали вводить реализацию товаров по визитным карточкам покупателей, а также по талонам. В Ленинграде, в частности, «визитки» появились 1 февраля 1990 г., а талоны — через несколько месяцев [124, с. 19].

Визитная карточка, выдававшаяся в соответствии с пропиской, должна была отсечь от прилавков иногородних. Мол, «понаехали тут» за нашими продуктами. Если раньше лишь в Прибалтике русских туристов, приезжавших за высококачественными кофточками, полотенцами и галантереей, местные жители иронично называли покупантами, то теперь подобный статус стал использоваться повсеместно. Москву «героически обороняли» от владимирцев, суздальцев и смоленцев. Ленинград — от новгородцев и псковичей.

Явным минусом визитной карточки, с точки зрения местных властей, было то, что она отсекала покупантов не слишком жестко. Московский или ленинградский «коллаборационист» мог за вознаграждение или просто по доброте душевной на свою карточку купить товаров для покупанта. Преимуществом же (опять-таки для властей) оказывалось то, что по визитной карточке не имелось жестких обязательств. Коли нет в магазинах колбасы, бегай со своей «ксивой» по городу хоть целый день — никто не обязан тебя отоваривать.

В этом смысле талоны (на мясные изделия, сахар, алкоголь, сигареты, мыло...) являлись обязательством более жестким. Положена мне по талону колбаса «собачья радость» — пусть власть хоть в лепешку расшибется, но выдаст. Властям это было, естественно, внапряг. Зато покупанты отсекались окончательно и бесповоротно. За исключением, разумеется, тех нередких случаев, когда талоны подделывались и распространялись среди покупантов за деньги.

Вот так, в неразрешимой дилемме «талон — визитная карточка» и проводили свою чиновничью жизнь всякие высокопоставленные страдальцы за чаяния народные. Много говорили, много обещали, много обличали... Но ситуация развивалась лишь в худшую сторону.

Помнится, в конце 1990 г. автор сих строк готовился к защите кандидатской диссертации и мучительно думал, чем угостить Ученый совет после

завершения процедуры. Как-то раз, держа путь в один из вузов за отзывом оппонента, я обнаружил магазин, в котором на прилавок только что «выбросили» сыр. Отстояв огромную очередь и став счастливым обладателем изрядного куска сыра, будущий кандидат наук чуть не забыл добраться до оппонента. «Производственные формальности» представля-

лись мелочью в сравнении с героической борьбой народа против порожденных им же самим трудностей.

Весь 1991 г. мы прожили в погоне за остатками продуктов, которых становилось все меньше. «Ради получения праздничного проднабора подавали фиктивные заявления на регистрацию брака. В 1991 г. количество таких заявлений достигало (в Ленинграде – Д.Т.) двадцати тысяч» [124, с. 35].

Более-менее свободно продукты можно было приобретать только на рынках, однако там цены быстро росли из-за роста платежеспособного спроса населения. Пустые деньги, которыми наполнили экономику, провоцировали инфляцию – по крайней мере, в тех местах, где цены определялись спросом и предложением. Время от времени власти пытались устанавливать потолок цен, однако результат получался еще более плохим, чем при рыночном ценообразовании. По фиксированным ценам на прилавок выносили какие-то кости, куски жира, огрызки. А приличный товар держали под прилавком. Его продавали покупателям опять-таки по рыночной цене, которая сильно превышала фиксированную [203, с. 109–110]. В общем, власти гнали рынок в дверь, а он залезал в окно. объехать «на хромой козе» экономические законы никому не удавалось. Дело неминуемо шло к суровой и радикальной развязке.

Август 1991 г. показал, что у власти проблемы – как с сыром, так и с «патронами». Впрочем, отсутствие «патронов» в некотором смысле открыло дорогу к сыру. С осени страна стала, наконец, готовиться к радикальной экономической реформе. А январь 1992 г. начался с либерализации цен. Мы испытали самый сильный шок за все годы преобразований.

Бюрократический выбор России

Можно ли было шока избежать? Формально выбор у страны действительно имелся. Борис Ельцин, освободившись от Михаила Горбачева и заключив Беловежские соглашения, ликвидировавшие СССР, мог проводить реформы тем способом, который ему был ближе. Правда, что ему ближе, президент России сам толком не мог сказать.

Вплоть до августа 1991 г. Ельцин занимался откровенным популизмом, борясь с союзными властями и настраивая против них трудовые коллективы. Президент России внес явно не меньший, чем союзное руководство, вклад в дело перехода экономики от кризиса к коллапсу. Программы реформ у него не было, да и быть не могло. Когда же август со всеми его катаклизмами остался позади, президент на пару месяцев ушел в раздумья. И подумать ему было о чем. Выбор предстоял чрезвычайно ответственный.

Первый вариант возможного выбора заключался в том, чтобы сохранить уже имеющийся российский Совмин. Однако Иван Силаев для должности премьера не годился. И дело было даже не в том, что Иван Степанович оказался слабоват по интеллектуальной части. Принципиальное значение имел его уход из Белого дома в самый трудный для президента момент августа 1991 г.

Что же касается остальных вице-премьеров и министров, то выдвинуть кого-либо на пост главы правительства оказалось проблематично – народ был мелковат. Решительные действия лета-осени 1990 г., когда на повестке дня стояли «500 дней», определялись позицией Григория Явлинского, по-настоящему крупного человека. Но тот давно уже пребывал в отставке.

Считается, что Ельцин рассматривал в качестве возможного премьера министра печати Михаила Полторанина – бывшего главного редактора «Московской правды», доказавшего верность хозяину еще в тот трудный период, когда Борис Николаевич возглавлял МГК КПСС, ездил на троллейбусах и гонял столичную мафию. Но, кроме верности,

Полторанин вряд ли мог предложить что-то еще.

Более серьезной кандидатурой являлся первый вице-премьер Юрий Скоков – в прошлом глава одного из военных предприятий. По свидетельству Руслана Хасбулатова, в ноябре 1991 г. Ельцин ему звонил и прямо спрашивал, поддержит ли он Скокова [275, с. 83]. Ставка на этого человека означала бы фактический отказ от реформ и растягивание кризиса.

Скорее всего, чуть подсказало Ельцину, что данный кандидат не потянет, но все же российский президент оставил его в ближайшем резерве – на посту секретаря Совета безопасности. Если какой облом – далеко за новым премьером бегать не придется.

Вторым вариантом выбора могло бы стать очередное явление Явлинского, благо теперь перед ним открывались широкие просторы реформирования экономики. В начале ноября 1991 г. даже прошел слух, что он уже возвращен в правительство. Впрочем, слух так и остался слухом.

Для Ельцина, с трудом осознающего суть экономики, а потому вынужденного просто решать, доверяет ли он данному кандидату или не доверяет, такой вариант тоже был плох. Ведь Явлинский сам ушел от него, когда невозможной оказалась реализация программы «500 дней». А должен был, согласно сложившейся в СССР номенклатурной логике, оставаться в команде, демонстрируя верность персонально шефу, но не абстрактным рыночным идеям. Таким образом, получалось, что доверять Григорию Алексеевичу нельзя.

Кроме того, Явлинский даже осенью 1991 г. слишком много внимания уделял Горбачеву и попыткам реформировать СССР в целом, тогда как Ельцин в душе Союз уже приговорил. Борис Николаевич Григория Алексеевича не принимал преимущественно в политическом смысле, и, следовательно, экономические аспекты отходили при рассмотрении данной кандидатуры на задний план.

Третьим, еще менее реалистичным, нежели первые два, вариантом было приглашение на пост премьера кого-нибудь из близких Ельцину людей с опытом крепкого советского хозяйственника. Либо – назначение человека, популярного в демократических кругах. Как возможный кандидат мог

рассматриваться талантливый врач-офтальмолог, создатель крупного медицинского центра Святослав Федоров — интеллигент и хозяйственник в одном лице. Или Юрий Рыжов — академик, посол России во Франции [169, с. 18–22].

Однако, отдав недавно дань популизму при подборе кандидатуры на пост вице-президента (им стал герой-летчик Александр Рущкой), Ельцин теперь решил руководствоваться иными критериями. Популярность самого президента после августа была высокой, и он лично мог прикрыть своим мощным телом любое правительство, которое захотел бы иметь¹.

Таким образом, реализован был четвертый вариант. В правительство вошли люди, почти неизвестные широким массам. Возглавил же его сам президент, который, впрочем, будничной работой над реформами себя не слишком утруждал.

Тогда данный шаг интерпретировался как принятие на себя главной ответственности за реформы (и в известной степени это действительно было так). Но, думается, важнее оказалось другое: возможность в случае неудачи быстро перетряхнуть молодую, неопытную команду и заменить ключевые фигуры, не доводя дело до формального правительственного кризиса. Что же касается ответственности, то за последние двадцать лет народ ее все равно в первую очередь возлагал не на царя, а на ближних бояр. По крайней мере, до тех пор, пока царь себя окончательно не дискредитировал.

Ключевыми фигурами реально сформированного правительства оказались первый вице-премьер Геннадий Бурбулис, а также министр экономики и финансов, вице-премьер Егор Гайдар — лидер команды реформаторов.

Тимурович и его команда

Бурбулис выполнял роль связующего звена между президентом и командой, непосредственно осуществлявшей преобразования. Сам он так и не стал

¹ Весьма популярная в то время политическая организация «Демократическая Россия» полагает, что сыграл свою роль еще и ультиматум, который эта, доминировавшая в Верховном Совете сила поставила Ельцину [см., напр., 21].

Геннадий Бурбулис

по-настоящему крупной фигурой в российской политике. Сегодня никто уже не ассоциирует с ним реформы 1992 г., явно отдавая пальму первенства Ельцину и Гайдару. Однако вполне возможно, что без Бурбулиса реформы приняли бы совсем иной характер.

Геннадий Эдуардович представлял собой странную фигуру, совершенно не характерную как для советской, так и для постсоветской номенклатуры. Внук литовца, переселившегося еще в царские времена из Прибалтики на Урал, он родился в Свердловской области. Окончил философский факультет Уральского университета и стал вузовским преподавателем-обществоведом. Партийной карьеры не сделал и, казалось бы, не имел никаких шансов на высокий государственный пост.

Впрочем, надо сказать, что советский обществовед был странным явлением. Подавляющее большинство людей из этой когорты представляло собой тупых исполнителей, работавших в партийной пропагандистской машине. Однако процентов пять-десять получало философское или политэкономическое образование по зову сердца, искренне пытались осмыслить социальные и хозяйственные проблемы страны. Из этих людей, как правило, выходили даже более тонкие аналитики, чем из математиков и «технарей», склонных в силу своего образования к иллюзиям относительно возможностей кардинального переустройства вселенной.

Бурбулис, бесспорно, был человеком мыслящим. В 1987 г., когда ему стукнуло уже 42 года, он создал в Свердловске Городскую дискуссионную трибуну, завоевал известность и сумел пройти в народные депутаты. В Москве он познакомился со своим земляком Ельциным, нашел ключи к сердцу опального партократа и стал одним из его ближайших советников [подробнее о нем см. 214].

Совершенно не умея выступать публично и, скорее всего, даже не чувствуя общества и господствующих в нем настроений, Бурбулис неожиданно оказался мастером аппаратной игры, которая сочеталась у него со значительно более трезвым пониманием российских проблем, чем у большинства приближенных к Ельцину тузов. В итоге этот скромный провинциальный философ сумел найти президенту именно ту команду реформаторов, которая отвечала задачам текущего момента.

С Гайдаром Бурбулиса свел малоизвестный человек — Алексей Головков, который затем возглавил аппарат правительства². Геннадий Эдуардович, в свою очередь, представил Егора Тимуровича президенту [44, с. 77]. Трудно сказать, в какой мере Ельцину помогло чутье на кадры, в какой — советы Бурбулиса, в какой — магия имени писателя Гайдара, а в какой — просто улыбка фортуны. Но президент России доверил реформы молодому человеку 35 лет, да еще и позволил ему набрать команду ключевых министров из числа своих друзей.

Сам Ельцин в мемуарах отмечал: «Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью. Причем это не была уверенность нахала или уверенность просто сильного, энергичного человека, каких много в моем окружении. Сразу было видно, что Гайдар — не то, что называется “нахрапистый мужик”. Это просто очень независимый человек с огромным внутренним, непоказным чувством собственного достоинства... Было видно, что он не будет юлить» [84, с. 164].

В отличие от Бурбулиса, Гайдар принадлежал к числу золотой столичной молодежи, в детстве общался со многими выдающимися интеллектуалами-шестидесятниками. Внук двух известных писателей — Аркадия Гайдара и Павла Бажова, а также зять третьего — Аркадия Стругацкого (и еще, ко всему прочему, ученик жены четвертого — Владимира Войновича), Егор Тимурович получил блестящее образование. Проведя детство вместе с отцом-журналистом на Кубе и в Югославии, он овладел тремя иностранными языками — испанским, сербохорватским и, естественно, английским. Но главным было, наверное, все же то, что еще мальчишкой он имел возможность читать книги, которые в СССР оказывались абсолютно недоступны даже для большинства научных работников [44, с. 24].

Кроме того, жизнь в Югославии второй половины 60-х гг. познакомила его на практике с одной из самых спорных экономических реформ. Рыночный социализм, который многие титулованные советские академики открывали для себя лишь во второй половине 80-х гг., был осмыслен и отвергнут Гайдаром

² Алексей Леонардович Головков скончался в январе 2009 г. Ему было всего лишь 53 года.

еще в середине 70-х гг., когда он был студентом экономического факультета МГУ. Те впечатления, которые он еще мальчишкой приобрел в Югославии, сыграли в дальнейшем развитии большую роль. В университете Гайдар смог сразу же двинуться гораздо дальше переосмысления марксистских догм, которым занимались в студенческие годы остальные экономисты (в т.ч. и автор этих строк).

Принадлежность к золотой молодежи часто развращает, но в то же время дает уникальный шанс. Лишь немногим удается миновать соблазны и воспользоваться этим шансом. Гайдар оказался среди таких избранных.

Наивно было бы утверждать, что Гайдар в 1992 г. сотворил чудо и спас Россию, что только он со своей командой мог осуществить реформы. С большими или меньшими издержками это могли бы сделать и другие люди, хорошо понимавшие суть происходящего (например, Явлинский или Борис Федоров). Но объективно надо признать, что Гайдар был подготовлен к своей миссии больше, чем кто-либо иной в России тех лет.

И еще один момент ставил Гайдара в особое положение. В середине 80-х гг. вокруг него сложилась группа квалифицированных московских и ленинградских экономистов, которых можно было в 1992 г. сразу же рассаживать на министерские посты. Среди них выделялись Анатолий Чубайс, ставший главой Госкомимущества (комитета, управлявшего приватизацией государственной собственности), Петр Авен, возглавивший министерство внешнеэкономических связей, Андрей Нечаев, руководивший экономическим блоком гайдаровского министерства, Константин Кагаловский, представлявший Россию в МВФ, а также Сергей Игнатьев, Сергей Васильев, Сергей Глазьев и Алексей Улюкаев, занявшие в то время менее заметные должности.

Особенность этих людей состояла не в том, что они были умнее других (среди российских физиков или математиков наверняка имелись более яркие умы), и даже не в том, что они были единомышленниками, как казалось тогда (Глазьев, например, мыслил совсем иначе, а потому позднее порвал с гайдаровской командой). Важнее иное. Они все (вне зависимости от различий во взглядах) говорили на одном экономическом языке — том, который использовался западной наукой и не был освоен в России даже лучшими академиками.

С одной стороны, это привело к столь сильному отрыву реформаторской власти от народа, какой вряд ли когда-либо был до или после Гайдара. Общество в лучшем случае верило в благие намерения молодых экономистов, но никак не понимало их либерального замысла. Но с другой стороны, общность языка позволяла осуществлять преобразования сравнительно целостно.

Как бы мы ни оценивали тот хаос, который царил у нас в 1992 г., в нем было несравненно больше смысла, чем в хаосе времен косыгинских преобразований, реформ 1987–1988 гг. или дискуссий авторов «500 дней» с их правительственными оппонентами.

Гайдар не обладал ни внешностью лидера, ни внутренними лидерскими качествами. Он всегда оставался человеком с менталитетом профессора, что во многом обусловило слабость реформаторского правительства. Он плохо представлял себе, как следует общаться с народом. Однажды на вопрос о вероисповедании публично назвал себя агностиком, возбудив у собравшихся чуть ли не подозрения в принадлежности к некоей тоталитарной секте [44, с. 137]. Но тем не менее, его смелости, твердости и экспериментаторского азарта хватило для того, чтобы начать сложнейшее и чрезвычайно рискованное дело.

И, конечно, на начальном этапе реформ огромную роль сыграла харизма Ельцина, поддерживавшего реформаторов. Мы можем сегодня спорить о том, понимал ли Ельцин в полной мере, на что он идет при проведении реформ. Можем сомневаться в том, решился бы президент на реформы, если бы осенью 1991 г. на миг перед ним вдруг пронесли суровые картины будущей пореформенной Руси. Но мы не имеем права проигнорировать оценку, которую дал Борису Николаевичу Егор Гайдар в своей последней книге «Смуты и институты». Фактически эта оценка стала своеобразным завещанием безвременно скончавшегося реформатора — человека, которому Ельцин так и не дал завершить преобразования.

Несмотря на это, Гайдар чрезвычайно высоко оценил роль Ельцина, который «в отличие от многих политиков думал о стране, ее интересах, а не о создании режима личной власти» [49, с. 167]. Гайдар был уверен в том, что Ельцин знал, на что идет. Более того, в первой половине 90-х гг. президент ездил по стране и активно пропагандировал реформы, не перекладывая ответственность на своих молодых подчиненных. Хотя Борис Николаевич уже привык к тому, что народ его любит и поддерживает, он все же принял на себя поток внезапно прорвавшейся ненависти. «Ему было физически тяжело, — отмечал Гайдар. — Однако... он не отменял принятых решений, не отказывался от ответственности за них. Он был сильным человеком» [49, с. 168].

От спячки и до ручки

С января 1992 г. Гайдар отменил плановое управление экономикой, снял основные ограничения на рост заработной платы, предоставил предприятиям

свободу осуществления внешнеэкономической деятельности и, что самое главное, ликвидировал централизованное ценообразование. Свободными стали 80% оптовых и 90% розничных цен. В мае произошла либерализация на нефтяном рынке, а в 1993 г. — и на угольном [309, с.194]. Хотя цены на целый ряд товаров и услуг долго еще в той или иной мере контролировались региональными властями (а тарифы естественных монополий контролируются государством до сих пор), либерализация оказалась самой масштабной акцией за все годы реформ. К концу января по предложению петербургского депутата Петра Филиппова — одного из членов реформаторской команды — была введена еще и полная свобода продавать все, что вздумается, всюду, где захочется [44, с. 156]. Бабки высыпали на улицу — кто с родным батоном, кто с буржуйской шоколадкой — и монополизм советской торговли стал быстро разрушаться. Склонность россиян к ведению бизнеса (пусть даже самого примитивного) оказалась значительно более высокой, чем ожидали сами реформаторы, не говоря уже о противниках реформ, полагавших, будто рынок — это вообще не для нас [186, с. 176].

Политики, противившиеся реформам, всегда исходили из представления, будто народ у нас инфантилен и не способен сам позаботиться о себе, а потому нуждается в вечной опеке со стороны «мамочек» из начальства. Клянясь в своей любви к народу и в своем патриотизме, эти люди на самом деле не слишком уважали простых граждан России, оставляя за собой право «покормить каждого кашкой», а при необходимости «дать по попе». Гайдар же, вынужденно доверившийся народному здравому смыслу, уже через полтора месяца после начала реформ с интересом для себя обнаружил, что наше общество оказалось намного умнее, чем это обычно себе представляли [169, с. 39].

Народ постепенно адаптировался к реформам, но вместе с тем шокотерапия привела к колоссальному трансформационному спаду в экономике, к закрытию ряда предприятий. А кроме того, ударила по накоплениям граждан. Быстрый рост цен фактически свел на нет многолетние сбережения россиян. Но, впрочем, нельзя сказать, что люди потеряли свои сбережения именно в ходе гайдаровской реформы. Все мы на рубеже 80–90-х гг. страдали от денежной иллюзии, полагая, будто собранное в кубышке и на сберкнижке когда-нибудь удастся отоварить по старым советским ценам. Иллюзия эта все равно рано или поздно должна была рассеяться, однако Гайдар нанес по ней столь сильный удар, что навсегда остался в памяти народной не только либерализатором, но и экспроприатором.

В то же время дефицит стал быстро растворяться. Он, конечно, не исчез за один день, но с каждым месяцем общество наблюдало все больше позитивных

перемен. Сначала на прилавках появилась еда. Через какое-то время можно было уже сказать, что это — приличная еда. Затем образовалась возможность выбора продуктов и даже отдельных сортов колбасы, сыра, консервов³. Наконец, прилавки стали в какой-то мере напоминать западные.

Правда, даже через полтора года после гайдаровской либерализации автор этих строк, поживший немного за границей и обнаруживший там такие диковинные товары, как, скажем, йогурт или мюсли, вынужден был изрядно бегать по питерским магазинам, отыскивая нечто подобное в постсоветской торговле. Но все же нет сомнений в том, что именно реформа 1992 г. создала в России реальный рынок.

Можно ли было прийти к рынку другим путем?⁴ На этот вопрос нет однозначного ответа, хотя кое-что сегодня выглядит более понятным, чем тогда.

Трансформационного спада в экономике избежать было невозможно. Это показал опыт всех стран, переходивших от административной системы к рынку. Ведь статистика, свидетельствующая о том, что в советские годы у нас был большой ВВП, фактически не проясняла, насколько он определялся производством вооружений, ненужных рынку станков и комбайнов, строительством идущих в никуда магистралей и т.д. Все это должно было умереть. Растяни мы умирание старой экономики на десятилетия или заверши процесс за пару лет — спад все равно имел бы место.

Но, возможно, процесс, растянутый во времени, легче переносился бы обществом, не приспособленным к радикальным ломкам. В какой-то мере это так. Люди, способные адаптироваться к переменам, начали бы хватать удачу за хвост, а закоренелые «совки» еще долго тешили бы себя мыслью, что стоит немного потерпеть, и старые времена вернуться. Психологически каждый нашел бы для себя относительно комфортную нишу и существовал бы в ней, глядя в глаза реальности или, напротив, абстрагируясь от нее. Субъективно так было бы легче.

Егор Гайдар и Анатолий Чубайс

³ Подробный — с цифрами и фактами — обзор того, как наполнялись прилавки, приводит в своей книге «Смуты и институты» Егор Гайдар [49, с. 139–140, 163–165].

⁴ Иную точку зрения, нежели та, которая высказывается в данной книге, можно посмотреть, напр., в книгах Станислава Меньшикова [159, с. 98–216] и Виктора Рязанова [225, с. 701–718].

Но объективно растягивание перехода отдалило бы момент выхода из кризиса. По сути дела, подобный сценарий предполагал бы длительную эпоху номенклатурной приватизации, когда ушлые ребята ищут способы перекармливания в свой карман государственного имущества. При этом о реальном производстве никто не думал бы, поскольку спекуляции на разнице между твердыми и свободными ценами, а также полуприкрытая кража государственной собственности всегда предпочтительнее, чем упорный труд и созидание.

Впрочем, в социально-политическом плане такой сценарий вряд ли вообще был возможен. «Надвигалась угроза голода, — отмечал впоследствии один из ведущих экономистов страны Евгений Ясин. — Нормы отпуска продуктов по карточкам в большинстве регионов к концу 1991 г. составляли: сахар — 1 кг на человека в месяц, мясопродукты — 0,5 кг (с костями), масло животное — 0,2 кг. При потребности в продовольственном зерне 5 млн т в месяц, в январе 1992 г. ресурсов в наличии было 3 млн т» [309, с. 195]. Денег на импорт зерна у России не было, а в кредит никто нам ничего уже не давал.

Запас продуктов в стране зимой 1991–1992 гг. был настолько мал, что правитель, отвергнувший либерализацию, должен был бы жестко по-павловски постоянно повышать цены, дабы хоть как-то уравновесить спрос и предложение. В отличие от Ельцина и Гайдара, имевших тогда поддержку большей части населения, искренне верившей в рынок⁵, примитивный администратор быстро оказался бы сметен народным возмущением. Радикалы не приняли бы его из-за примитивизма, а консерваторы — из-за того, что жизнь все равно становится хуже и хуже.

Таким образом, по сути дела, гайдаровской либерализации уже не было альтернативы. То, что Горбачев пробудил народ от спячки и одновременно довел экономику до ручки, в совокупности сделало либерализацию единственным возможным выходом из кризиса. Конечно, при военной диктатуре можно было бы оттягивать радикальные меры еще довольно долго, но провал путча и военную диктатуру сделал неосуществимой.

⁵ Сегодня это, наверное, трудно себе представить, но в начале 90-х гг. отнюдь не только демократические лидеры, но и широкие массы ориентировались на использование экономического опыта стран с развитым рынком. Вера в него была повсеместной. Например, при опросе, осуществленном в 1990 г., 32% респондентов ответили, что образцом для подражания считают США, 32% выбрали Японию, 17% предпочли Германию, 11% признались в симпатиях к шведскому социализму и лишь 4% предложили ориентироваться на Китай [235, с. 67]. Вряд ли при таких симпатиях народа кто-либо из реформаторов мог бы позволить себе долго оттягивать либерализацию под предлогом, что так будет лучше. В начале 90-х гг. общество не поверило бы в такой подход.

Любопытно, что это понимали, в основном, и те ученые, которые впоследствии жестко критиковали гайдаровские реформы. Леонид Лопатников обратил внимание на то, как менялась, например, позиция академика Абалкина. В сентябре 1991 г. он отмечал: «...если в течение максимум двух месяцев не будут проведены чрезвычайные меры по стабилизации финансово-денежного положения в стране, то нас ожидает социальный взрыв, в сравнении с которым то, что происходило в августе, это, извините, не более чем вечер балльных танцев». Однако позднее именно Абалкин возглавил теоретическое наступление против «шоковой терапии» [147, с. 71]. С чем была связана столь радикальная перемена его позиции, можно лишь догадываться. Но невольно напрашивается простой вывод: критики реформ так выражали свое огорчение тем фактом, что не им — умудренным опытом академиком и профессорам, — а молодым экономистам довелось войти в историю в качестве реформаторов великой страны. Как-то раз Гайдар с усмешкой вспоминал предупреждение своего друга, «отца польской реформы» Лешека Бальцеровича: как только начнешь реформу, многие изменят к тебе свое отношение, все профессора экономики станут твоими врагами [169, с. 124].

А с Русланом Хасбулатовым, о котором подробный разговор у нас еще впереди, у Гайдара не сложились отношения с дореформенных времен, когда Егор Тимурович, работавший редактором в журнале «Коммунист», отклонял статьи Руслана Имрановича по причине их очевидной банальности. То-то Гайдару потом от Хасбулатова досталось [169, с. 41].

В общем, многие говорили об ошибочном выборе Гайдара. Но на самом деле пространство, в котором появилась возможность для выбора, возникло не на рубеже 1991–1992 гг., а лишь через несколько месяцев после либерализации.

Реальная шокотерапия означала бы жесткое подавление инфляции, создание условий для начала восстановительного роста экономики. Сегодня мы знаем, что, добившись относительной финансовой стабильности к 1997 г., Россия уже в 1999 г. перешла к нормальному экономическому росту. А страны Восточной Европы, в основном, добились перехода к росту еще раньше и, как правило, тоже через два-три года после завершения стабилизации. Но в 1992 г. миф относительно того, что последствия шока следует смягчать денежной накачкой экономики, был практически господствующим.

Быстро сформировалось мощное лоббистское давление на правительство. С просьбой о деньгах шли все, кто только мог, и по всем направлениям, по каким возможно. Больше всего, естественно, донимали лично Ельцина

как самого могущественного и в то же время далеко не самого устойчивого в отношении давления. Однажды президент Башкирии Муртаза Рахимов пришел к президенту России и достал из портфеля сразу тридцать просьб [16, с. 435].

Постепенно люди настолько привыкли просить деньги у властей на все подряд, что дело доходило совсем до курьезных случаев. В 1997 г. Виктор Черномырдин, который тогда был премьером, приехал на родину в оренбургское село Черный Отрог. Подходят к нему две старушки в монашеском одеянии, крестятся и кланяются: «Спасибо тебе, родимый, что денно и ночью думаешь о долгах пенсионерам и трудящимся бюджетной сферы, что открыл в селе церковь! А не мог бы ты, наш дорогой землячок, дать денег еще и на скит, где мы могли бы молиться во здравие реформ и реформаторов?» [50, с. 36].

Впрочем, хорошо было бы, коли лоббизм ограничивался скромными богомолками. На самом деле среди лоббистов доминировали терпящие бедствие и ждущие от властей поддержки государственные предприятия, а также те представители бюрократии, которые хорошо понимали, что централизованное финансирование экономики предоставляет «кормушки» тем чиновникам, которые будут решать, кто получит деньги от правительства, а кто останется с носом [309, с. 209].

Лоббизм донимал сильно, однако представлял собой лишь половину беды. Наверное, одной из самых больших неожиданностей реформы стало то, что переход к рынку не поддержала значительная часть элитной интеллигенции. Умные, образованные люди, много сделавшие для того, чтобы страна, наконец, изменилась, теперь вдруг начали уверять, будто реформаторами все сделано неправильно. Уже 9 января 1992 г. Юрий Буртин — известный литератор и один из признанных демократических властителей дум того времени — выступил со статьей, в которой «призвал обеспечить карточный минимум продовольствия по низким ценам для населения и решительно осудил “либерализацию цен”». Логика его состояла в том, что эта либерализация ставит крест на демократии в России, потому что неминуемо приведет к массовому недовольству, которое будет использовано реваншистами и обеспечит массовую поддержку будущей контрреволюции» [213].

А вот окрашенная личным отношением к главному российскому реформатору позиция Гавриила Попова, который еще совсем недавно — в 1989 г. — находился в числе наиболее активных сторонников радикальных преобразований: «Люди для такого экономиста — что-то вроде шахматных фигур... Гайдар был приглашен уже к готовому операционному столу, на который Россию

положили без него. Гайдар с удовольствием взялся за скальпель. Его интересовала операция, а не то, страдает ли больной» [203, с. 348]⁶.

Таких интеллектуалов, как Буртин и Попов, не желавших по той или иной причине поддерживать реформы, оказалось очень много, и именно их деятельность явно была использована реваншистами. До победы «контрреволюции» дело не дошло, однако выхолостить «революцию» совокупными усилиями «правоверных революционеров» и «контрреволюционеров» действительно удалось.

Гайдар прямо указывает тот момент, когда совокупное давление различных общественных сил на правительство стало критическим. «В конце мая 1992 года меня пригласил президент РФ Б.Н. Ельцин. Он сказал примерно следующее (повторяю по памяти): “Егор Тимурович, мы резко сократили военные расходы, государственные инвестиции, дотации сельскому хозяйству, расходы на науку, образование, здравоохранение, культуру. Скажите мне, где теперь база нашей политической поддержки?” Сказал, что ответа не знаю» [49, с. 166–167].

До этого момента правительство сопротивлялось всеобщему давлению. Сначала смотрели на себя, как на камикадзе. «Характерен первый анекдот про наше правительство, — писал впоследствии Гайдар. — Звучал он примерно так: новое правительство как картошка: либо зимой съедят, либо весной посадят» [44, с. 119]. Но поскольку выяснилось, что гайдаровскую команду не съели и не посадили, поскольку оказалось, что народ обладает значительно большим здравым смыслом, нежели считалось ранее, возник соблазн уцелеть и сделать для реформ как можно больше. Ведь темп роста цен к маю заметно снизился, что подтвердило эффективность жесткой монетарной политики. И в этой ситуации чертовски обидно было бы уйти в отставку, уступив бразды правления каким-нибудь темным людям, не понимавшим, как работает макроэкономика.

В одном достаточно серьезном исследовании, подготовленном гайдаровским Институтом экономических проблем переходного периода, делается попытка объяснить отступление на «финансовом фронте» необходимостью

⁶ Гайдара действительно очень интересовала «операция». Должен признать, что у меня от встреч с Егором Тимуровичем сложилось такое же впечатление. Когда он давал интервью или выступал перед аудиторией, трудно было не заметить, насколько этому реформатору интересны реформы. Однако можно ли сказать, будто его не интересовали «страдания больного»? Уже отстраненный от власти и от реформ Гайдар не ушел в бизнес на высокие заработки. С 1993 г. по 2008 г. он занимался не слишком любимой им политикой, чтобы так или иначе воздействовать на «больного». Можно соглашаться с его политическим курсом или осуждать «гайдаровский подход», но безразличия к страданиям точно не было.

сохранить силы для прорыва на «фронте приватизационном», поскольку именно широкомасштабный переход к частной собственности мог бы «решить задачи укрепления социально-политической базы курса на либерализацию и стабилизацию экономики» [46, с. 157]. Теоретически, пожалуй, связь между укреплением частной собственности и борьбой за финансовую стабильность действительно существует. Однако, думается, это все же не вполне убедительное объяснение.

Даже если сделать весьма спорное предположение, будто в середине 1992 г. Гайдар оценивал перспективы либерализации и стабилизации подобным образом, факты говорят, что в конечном счете российская инфляция была подавлена отнюдь не благодаря успеху приватизации. Просто после черного вторника 1994 г. позиция кремлевских верхов существенным образом переменилась, и власть в целом стала сильнее. А в 1992 г. она была слабой, суетливой и расколотой.

В последней своей книге Гайдар отмечает еще один момент, определивший тогда его политический выбор: «при всей значимости проблемы инфляции на первый план вышло другое: как уйти от гражданской войны» [49, с. 175]. Правда, развитие событий к осени 1993 г. показало, что кровопролитных столкновений все равно не удалось предотвратить. Однако до серьезной войны дело и впрямь не дошло.

Но как ни оценивай события того времени с позиций дня нынешнего, ясно одно: весной-летом 1992 г. реформаторы не могла знать, как пойдет дело на практике. Наверное, они искренне полагали, что политика компромиссов — лучший выбор в этой непростой ситуации.

Как бы то ни было, сначала, чтобы сохранить курс, сдали Бурбулиса, который затем так в большую политику и не вернулся. Позднее Ельцин решил встать над схваткой, сделав Гайдара исполняющим обязанности премьера и, следовательно, лично ответственным за все происходящее. А затем и сам Гайдар пошел на компромисс со своими собственными представлениями о том, как надо вести себя в макроэкономике.

Еще весной стали ограничивать свободу уличной торговли (апрель-июнь 1992 г.). Затем летом (июнь) с помощью импортных пошлин «стимулировали» развитие неконкурентоспособного отечественного бизнеса. [186, с.178, 184]. Но самое главное — летом началась денежная накачка экономики, которая поначалу создала иллюзию смягчения шока.

Возглавил «кредитно-денежный переворот» Виктор Геращенко — человек с сильно устаревшими экономическими взглядами, бывший главный

банкир СССР, вернувшийся теперь уже на пост руководителя Банка России. Дышащие на ладан советские предприятия получали кредиты, фактически не отличающиеся от дотаций, и продлевали свое жалкое существование. Перестройка экономики откладывалась на неопределенное время. Смягчение шока оборачивалось практически полным отказом от всяческой терапии. Наверное, Гайдар не уходил в отставку и пытался регулировать этот процесс, полагая, что без него развал примет поистине всеобщий характер. Некоторые его товарищи впоследствии смотрели на подобный выбор модели поведения весьма скептически. В 1999 г. Петр Авен писал об искренней вере гайдаровцев в свою исключительность, о действии по принципу «если не я, не мы, то никто». «Самоидентификация с Богом, естественно вытекающая из веры в свою особость, к несчастью, была типичной для наших реформаторов», — делает вывод Авен [2].

Реформаторы, бесспорно, были людьми яркими, выдающимися, но способностей Господа Бога у них, увы, не имелось. В ситуации, сложившейся в 1992 г., они никак не могли остановить быстрое сползание к популизму. Убеждать народ в необходимости жить по средствам тогда было все равно что плевать против ветра. Даже многие толковые люди не поддерживали жесткую кредитно-денежную политику. Григорий Явлинский, например, ввел мудреное понятие «фоновый уровень инфляции», стремясь доказать, будто гайдаровскими методами ниже 8–9% в месяц рост цен никак не сделать [299, с. 108–109].

Таким образом, когда Гайдару пришлось все же под давлением оппонентов покинуть свой пост, страна находилась в глубоком кризисном состоянии. Стать спасителем страны он так и не сумел, хотя в том, что Россия все же в конечном счете спаслась от катастрофы, его роль первостепенна.

Судьба зарубежных Гайдаров

Многим зарубежным коллегам Гайдара повезло больше. В Центральной и Восточной Европе почти одновременно проводили реформы самые разные страны. Практически все они поставили задачу осуществления быстрой либерализации цен, предоставления свободы предприятиям и обеспечения финансовой стабилизации. Лишь Венгрия не сильно поторапливалась с трансформацией, однако ее случай — особый, поскольку, как мы уже видели, венгры к началу 90-х гг. уже прошли длительный путь от административной экономики к рыночной.

В общем, Гайдар не изобретал ничего такого, что не было бы уже общепризнанным среди экономистов, занимающихся практическими вопросами реформирования. Это не значит, что у него не было оппонентов в научных кругах. Однако оппоненты эти являлись, скорее, теоретиками, нежели практиками. По их моделям никто реформы осуществлять не рискнул⁷. Те страны, которые провели преобразования, сходные с гайдаровскими, разделились в итоге на две группы. В число успешных попали, в частности, Польша, Чехословакия, Словения, Эстония, Латвия, Литва. В число неудачливых – Сербия и Черногория, Хорватия, Россия, Украина, Грузия и другие.

Все успешные страны поставили перед собой задачу поскорее справиться с инфляцией. И они действительно с ней справились. Цена, которую приходилось платить за финансовую стабильность, оказывалась зачастую не меньшей, чем та, которую приходилось платить в России. Производство всяких ненужных рыночной экономике товаров резко сокращалось, предприятия закрывались, люди теряли работу, недовольные оппозиционеры выходили на митинги, кляня на чем свет стоит проклятых шокотерапевтов, осуществляющих свои антинародные реформы по указке из Вашингтона. Тем не менее, реформаторы успешных стран выдерживали этот натиск, не отступали

⁷ Согласие большинства ученых из разных стран мира относительно оптимальной схемы проведения реформ и стабилизации пореформенной экономики принято называть «вашингтонским консенсусом» [187, с. 124]. У нас иногда приходится встречать курьезную трактовку этого термина: мол, реформы в России делали под диктовку из «вашингтонского обкома». На самом же деле название американской столицы появилось в сочетании со словом «консенсус» совсем по иной причине. Так уж сложилось, что в Вашингтоне, как ни в одном другом городе мира, работает много квалифицированных экономистов, занимающихся проблемой реформ. Ведь там расположены МВФ, Всемирный банк, министерство финансов США (где, как в любом минфине мира, используют труд экономистов), несколько университетов, а также крупнейших исследовательских структур: Центр Карнеги, Центр Вудро Вильсона, институт Брукингс и т.д. Исследователи туда приезжают из десятков стран мира, в т.ч. из тех, где имеется богатый опыт осуществления экономических преобразований. Неудивительно, что именно в Вашингтоне, в первую очередь, ученые встречаются, дискутируют, вырабатывают общую позицию. Именно из Вашингтона МВФ и Всемирный банк распространяли рекомендации, основанные на результатах этих дискуссий.

Точно так же в нашей стране большая часть ученых (из области самых разных наук) по понятным причинам сосредоточена в Москве, и их консенсусы по тем или иным вопросам можно было бы называть московскими. Тот факт, что реформы в разных странах мира делались в значительной степени на основе «вашингтонского консенсуса», свидетельствует не об их политической зависимости от США, а просто о том, что реформаторы принимали во внимание достижения мировой экономической мысли. Ведь было бы странно, если бы политики при осуществлении столь серьезных трансформаций действовали наобум, с кондачка, без опоры на науку и на мнение большинства исследователей.

от избранного курса и через пару лет после достижения относительной финансовой стабильности уже праздновали переход к экономическому росту.

Почему же им удалось то, что не удалось нам? Есть множество частных причин, рассмотреть которые здесь невозможно, однако есть и принципиально важная, ключевая. Ее на проходившей в Москве дискуссии предельно лаконично сформулировал выдающийся польский политик и журналист Адам Михник: «Мы в Польше говорим, что стакан наполовину полный, а вы говорите, что он наполовину пустой» [165]. Успешные страны, понимая объективно существующие трудности реформ, не требовали от реформаторов невозможного. Неуспешные — хотели всего и сразу, а в результате не получили даже того, что могли.

Проще говоря, все неуспешные страны по той или иной причине не осуществили финансовой стабилизации. Некоторые — из-за того, что на их территории шли разрушительные и чрезвычайно дорогостоящие войны, вызванные неспособностью или нежеланием договориться с соседями, с оппозицией, с национальными меньшинствами. Некоторые (как Россия) — из-за того, что под воздействием лоббистов отступили от курса на борьбу с ростом цен. Вне зависимости от причин проявленной слабости все они были охвачены разрушительной инфляцией.

А ведь беда инфляции состоит не только в том, что обесцениваются наши сбережения. Еще большая беда связана с обесценением средств, находящихся в руках предпринимателей. В странах с нестабильной финансовой системой бизнес боится затевать какое-либо серьезное дело. Спекулянты там процветают, тогда как стратегические инвесторы в страхе уводят капиталы за рубеж. В итоге теряются рабочие места, падают заработные платы.

Один из российских банкиров прямо признавал, что в годы высокой инфляции занимался лишь спекулятивными операциями. «Иначе выжить было невозможно. Настоящего промышленного производства не было. Кому давать кредиты? Получившие их на следующий же день объявили бы себя банкротами» [280, с. 65].

Таким образом, мы видим, что Россия не случайно попала в число неудачников реформ. Мы сделали те же самые ошибки, как и другие неудачники. Летнее гайдаровское отступление перевело нас из лагеря стран, движущихся по правильному пути, в лагерь тех, кому в итоге пришлось долгие годы маяться со всякими экономическими болячками.

Напротив, Эстония, Латвия и Литва вели себя по-другому. Нельзя сказать, будто этим государствам было легче выбираться из трансформационного

кризиса. Ведь они раньше входили в состав Советского Союза, а значит, до 1992 г. имели практически ту же самую экономическую систему, что и Россия. В Риге и Таллинне было много заводов, обреченных на умирание, поскольку они по приказу союзного центра производили продукцию, которая не могла иметь сбыта в условиях рынка. Кроме того, следует принять во внимание также то, что Россия могла получать доход от экспорта нефти и газа, тогда как наши западные соседи вынуждены были за нефть и газ платить. Но все же твердость при проведении реформ обеспечила их успешное завершение.

Очень трудные преобразования пришлось осуществить полякам. В преддверии перехода к рынку у них, как и у нас, оказалась совершенно разрушена финансовая система, и высокая инфляция быстро обесценивала сбережения. Бремя неэффективных промышленных предприятий в Польше, пожалуй, было не менее тяжким, чем в СССР. В отличие от Венгрии и Югославии, где давно уже большую долю в производстве составляли предметы народного потребления, Польша упирала на тяжелую индустрию.

Однако в этой стране в преддверии реформ произошло одно чрезвычайно важное событие. Последнее коммунистическое правительство, возглавляемое Мечиславом Раковским, перед тем как сдать власть, осуществило либерализацию цен на основные продовольственные товары. То есть сделало именно то, чего народ больше всего боялся. Иначе говоря, уходящие коммунисты взяли на себя ответственность за самый трудный, но неизбежный реформаторский шаг. А реформаторам из демократической среды, пришедшим к власти после Раковского, пришлось лишь обеспечивать финансовую стабилизацию. Это тоже было, конечно, чрезвычайно трудным делом, однако на этих людях — Тадеуше Мазовецком, Лешеке Бальцеровиче, Яцеке Куроне — не лежал груз ответственности за «ограбление народа».

У нас же в России уходящие коммунисты ничего, кроме ГКЧП, не сделали, хотя оставили страну в состоянии финансовой нестабильности, более сильной, чем даже в Польше. А когда новой власти пришлось взять на себя ответственность за непопулярные меры, коммунистическая оппозиция обвинила ее в «ограблении народа», хотя, как мы видели, народные сбережения обесценивались еще с середины 80-х гг. из-за неудачно проведенных улучшений социализма, из-за антиалкогольной кампании и из-за разного рода дорогостоящих трат. Неудивительно, что России в итоге пришлось гораздо дольше ждать наступления благополучных времен, чем Польше, где даже политические противники в той или иной степени находили возможность для сотрудничества.

В Чехословакии финансовой стабильности достичь было несколько легче, чем в Польше и России, поскольку там все коммунистические правительства вели себя достаточно ответственно. Хотя они вплоть до 1991 г. не начинали серьезных рыночных реформ, но при этом и не занимались бездумным печатанием денег. В итоге, хотя чешский реформатор Вацлав Клаус провел либерализацию примерно так же, как Лешек Бальцерович и Егор Гайдар, никто не кричал об ограбленном народе и пропавших сбережениях. Клаус впоследствии долго возглавлял правительство Чехии, а в 2000-х гг. даже стал президентом страны, что означало фактически всеобщее признание его заслуг [подробнее см. об экономических реформах в Польше и Чехословакии 256, с. 352–379, 474–484].

У нас же заслуг реформаторов никто не признавал. Уход Гайдара в декабре 1992 г. означал продолжение трудной борьбы за формирование нормально работающей экономики. России предстояло еще пройти через бедствия, кровь, нищету и отчаянную политическую борьбу.

А тем временем у нас начиналась другая жизнь.

«На следующий год я не выписываю ни одного “толстого” журнала, — сказала в 1992 г. петербургскому писателю Михаилу Бергу одна его знакомая. — И дело не в том, что для меня это теперь дорогое удовольствие. Неинтересно. Я уже в этом году не дочитала ни один до конца, так, листала. Иногда становится страшно — ведь сначала мой отец, а потом я выписывали “Новый мир” и “Знамя” в течение 50 лет. И на мне все кончится» [17, с. 35].

Для интеллигенции это все действительно было переменной колоссальной значимости. Сквозь завесу нищеты, безумной инфляции и злости, вызванной потерей сбережений, уже проступали контуры будущего — наполненных магазинов, залитых огнями улиц, оснащенных компьютерами офисов.

После 1992 г. серое прошлое все время отступало, хотя и огрызаясь арьергардными боями. Но в этом прошлом оставались мечты о счастье, которое когда-нибудь каким-то образом обязательно наступит. В этом прошлом оставались представления о том, что «злые коммуняки» есть единственная преграда, отделяющая порядочных людей от благоденствия. В этом прошлом оставались чудные мгновения интеллектуального и духовного просветления, создаваемого неспешным приобщением к искусству.

Мир уходил — мир приходил. Стали ли мы с тех пор благодаря реформам и рынку более счастливыми? Вряд ли. Но мы стали другими.

ГЛАВА 13

Деньги для реформы

О том, как нам «помогал» Запад

На сессии Совета СБСЕ в Стокгольме 14 декабря 1992 г. случилась невероятная сенсация. Западные дипломаты пребывали в шоке. Госсекретарь США Лоуренс Иглбергер схватился за сердце. И все из-за выступления российского министра иностранных дел Андрея Козырева.

О том, что он натворил, наверное, беспрерывно говорила бы вся наша страна и обсуждение его выступления долго велось бы на первых полосах газет, если бы не совпадение во времени двух событий чрезвычайной важности. Именно тогда, когда глава МИДа выступал в Стокгольме, главу российского правительства и главного экономиста-реформатора Егора Гайдара в Москве меняли на крепкого хозяйственника Виктора Черномырдина. А поскольку в тот трудный год экономика всех россиян интересовала намного больше внешней политики, демарш Козырева растворился в дискуссии о судьбе реформ.

Последний козырь Андрея Козырева

Козырев не являлся членом команды Гайдара, однако по некоторым важнейшим параметрам вполне мог быть к ней причислен.

Во-первых, к числу таких параметров относилась непривычная для лидеров советской дипломатии молодость. К началу реформ министру только-только исполнилось сорок. Работая в советском МИДе, он возглавлял одно из управлений министерства, причем, насколько можно понять, не слишком важное.

Во-вторых, его, как и членов гайдаровской команды, отличал быстрый взлет наверх. Возглавив министерство иностранных дел России еще до распада СССР, Козырев вряд ли мог ожидать, что ему доведется реально осуществлять внешнюю политику огромной страны. Российский МИД до распада был заштатной конторой, где не решались никакие серьезные дела. Однако быстрая перемена ситуации

позволила Андрею Владимировичу за какие-то месяцы выйти на первый план.

В-третьих, Козырев вместе с экономистами-реформаторами был настроен на активное сотрудничество с Западом. Он продолжал политику Горбачева и Шеварднадзе, нацеленную на разрядку международной напряженности. Козырев понимал, что Россия в кризисном состоянии уже не может тратить огромные деньги на поддержание гонки вооружений. Более того, для проведения реформ требуются зарубежные кредиты, а для успешного развития российской экономики — зарубежные инвестиции. Поэтому глава нашего МИДа стремился установить со своими западными коллегами партнерские и даже дружеские отношения, что в общем-то ему неплохо удавалось. Какие бы то ни было демарши со стороны Козырева казались нелепостью. И вдруг..

Андрей Козырев

Какие бы то ни было демарши со стороны Козырева казались нелепостью. И вдруг..

Так что же такое заявил министр иностранных дел? Возможно, сегодня подобные слова из уст шефа российской внешней политики мало кого удивили бы, но тогда Запад знал, что наш МИД настроен на дружбу и сотрудничество. А тут..

Белый и пушистый Козырев выглядел во время своего выступления жестким и колючим. Он заявил, что «традиции России “во многом, если не в основном”, связаны с Азией, “а это устанавливает пределы ее сближения с Западной Европой”». Далее Козырев во вполне традиционном советском духе обрушился на НАТО и Европейское экономическое сообщество¹, которые, мол, по-прежнему вынашивают агрессивные планы по отношению к соседям, в частности республикам бывшего Советского Союза, а также к Боснии и Югославии. В весьма категоричном тоне Козырев потребовал отменить введенные в мае Советом безопасности ООН международные экономические санкции против Белграда (за которые, кстати, проголосовала и российская делегация), предупредив, что в противном случае “великая Россия” может пойти на “односторонние меры в отстаивании своих интересов” в этом регионе.

Следующий удивительный пассаж выступления российского министра касался ситуации на территории бывшего СССР.

— Пространство бывшего Советского Союза, — сказал он, — не может рассматриваться как зона полного применения норм СБСЕ. Это, по сути, постимперское

¹ Так в то время назывался предшественник Евросоюза.

пространство, где России предстоит отстаивать свои интересы с использованием всех доступных средств, включая военные и экономические. Мы будем твердо настаивать, чтобы бывшие республики СССР незамедлительно вступили в новую федерацию или конфедерацию, и об этом пойдет жесткий разговор.

В заключение своего грозного выступления Козырев предупредил: все, кто не желает считаться с этими особенностями и интересами России, кто думает, что ее ожидает судьба Советского Союза, не должны заблуждаться на этот счет; Россия способна постоять за себя и своих друзей, она не допустит “вмешательства во внутренние дела”» [цит. по 169, с. 256].

Услышав все это, представители стран Запада, наверное, должны были гадать, то ли Козырев сошел с ума, то ли российская внешняя политика ни с того ни с сего претерпела коренные изменения буквально за пару дней. Впрочем, долго гадать им не пришлось. Буквально через час мистификация рассеялась благодаря очередному выступлению российского министра. Козырев вновь поднялся на трибуну и сказал, «что его предыдущее выступление было всего-навсего “ораторским приемом”, с помощью которого он хотел донести до сознания присутствующих всю серьезность опасностей, которые угрожают “нам на нашем пути к посткоммунистической Европе”».

— Ни президент Ельцин, который остается руководителем и гарантом российской внешней и внутренней политики, — сказал Козырев, — ни я, как министр иностранных дел, никогда не согласимся с тем, что я зачитал в своем предыдущем выступлении... Зачитанный мною текст — это достаточно точная компиляция из требований далеко не самой крайней оппозиции в России» [цит. по 169, с. 257].

После таких четких разъяснений у западных дипломатов, наверное, отлегло от сердца и они смогли вновь заняться своими традиционными дипломатическими играми. В отношениях с Россией ничего кардинальным образом не изменилось. Однако прошло какое-то время, и после отставки Козырева кардинальным образом стала меняться российская внешняя политика.

Сначала появились аналитические рассуждения о том, что нам ближе Азия, чем Европа. Затем мы начали отстаивать свои интересы на Балканах и даже предприняли некоторые односторонние меры в этом направлении. В какой-то момент Россия стала использовать экономические рычаги для усиления своего влияния на постсоветском пространстве. И, наконец, в дополнение к экономическим рычагам появились военные.

Козырев оказался блестящим аналитиком-прогнозистом. Хотя он был не слишком удачлив в качестве министра и его стокгольмский демарш ни к чему

не привел, мистификация четко выделила важнейшие тенденции российской внешней политики, которые тогда, в декабре 1992 г., не слишком явно выходили на поверхность.

Козырев хотел обратить внимание западных дипломатов на то, что при продолжении своего привычного, по сути дела индифферентного к России курса, они игру проиграют и вынуждены будут потом оплакивать те хорошие отношения, которые имелись на рубеже 80–90-х гг. Министр, по всей видимости, использовал до стокгольмской встречи и другие способы привлечения внимания западных коллег к российской политике, однако не слишком преуспел в этом. Воздействие на разум не сработало. И вот 14 декабря Козырев решил задействовать в игре свой последний козырь – воздействие на эмоции. Результат получился примерно таким же, как и раньше. Не сработало.

Сегодня в Европе и Америке многие оплакивают те отношения, которые начали складываться более 20 лет назад еще при Эдуарде Шеварднадзе – министре иностранных дел СССР. Кое-кто, наверное, даже локти кусает. Однако для нас сейчас важен еще и другой, помимо прогностического, аспект той стокгольмской истории. Отчаянный демарш Козырева позволяет кое-что понять не только в международных, но и в наших внутренних делах того времени.

«Мировая закулиса»?

Любят у нас поговаривать о том, что российская политика рыночных реформ, демократизации и сближения с Западом поощрялась этим самым Западом, что российские политики действовали в западных интересах и на западные деньги. То есть рулила нашими делами некая мировая закулиса, стремившаяся ослабить Россию как можно сильнее.

Нет спору – красивая выходит теория. И очень для нас на самом деле приятная. Поскольку дает ощутить собственную значимость. Получается, что думали о нас неустанно западные политики, козни строили, агентов влияния внедряли. Лишь бы не дать России стать сильной и влиятельной.

Тот, кто очень нуждается в такого рода теориях для повышения собственной самооценки, будет верить в них, как верили деды в неизбежную победу коммунизма. Однако на деле, увы, в мировой политике отношения строятся совершенно иным образом. Пожалуй, российские правительства 90-х гг. и впрямь хотели бы, чтобы Запад нами интересовался, чтобы тратил на нас свои ресурсы, чтобы поддерживал в России рынок и демократию. Реальность же состоит в том, что, по большому счету, Западу было на нас просто наплевать.

Как оказалось, российские политики достаточно умны и ответственны, чтобы не устраивать ядерной войны и не использовать свой арсенал для разрушения мировой цивилизации. От советских политиков Запад всего мог ожидать, тогда как в российских поверил. И лишь только поверил, сразу потерял к России интерес. Или, точнее, наша страна стала интересовать мир не в качестве возможного разрушителя, а в качестве нормального торгового партнера. Если партнер сильный и перспективный — интереса больше; если слабый и неумелый — меньше.

В начале 90-х гг. российская экономика была слабой и почти не влияла на мировое хозяйство. Соответственно, и интереса особого не вызывала. В отчаянном демарше Козырева сей факт проявился чрезвычайно отчетливо. Министр понимал, что для нас отношения с Западом имеют первостепенное значение, и надеялся на ответное внимание со стороны партнеров. Но партнеров гораздо больше интересовали Китай, Индия, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия — те регионы, где можно вести перспективный бизнес.

Бывший американский президент Ричард Никсон примерно за месяц до демарша Козырева выступил со статьей в газете *New York Times*, где подчеркивал, что «если правительство Ельцина не получит новый крупный пакет экономической помощи, оно не выживет — а тогда придется увеличивать оборонные расходы на многие миллиарды долларов, и мирный дивиденд, который администрация Клинтона рассчитывает использовать для финансирования своих новых программ внутри страны, пойдет коту под хвост» [55, с. 97].

Заявление Никсона действительно укладывается в логику тех наших мыслителей, которые полагали, что американцы всерьез опасаются России, а потому стремятся влиять на наши внутренние дела. Однако в 90-е гг. таких американцев во власти не было. Демократы к советам республиканца Никсона прислушиваться не стали. Они много денег сэкономили благодаря сокращению военных расходов, но вкладывать их в Россию не захотели.

«На Западе по этому поводу сильно заблуждаются, полагая, что денег России дали очень много, но все они были разворованы или пущены на ветер, — отмечает бывший директор представительства МВФ в Москве Мартин Гилман, самый информированный в такого рода вопросах эксперт. — Неверное представление о выделенных суммах создали в значительной степени сами западные лидеры. В 1992 году Джордж Буш-старший и Гельмут Коль объявили о пакете помощи в 24 млрд долларов, а в 1993 году уже Клинтон и “семерка” объявили еще об одном таком же пакете в 43 млрд долларов.

Цифры эти обманчивы. Основная часть этих денег в распоряжение России не попадала, а просто учитывалась в счет текущих платежей в рамках реструк-

туризации долгов под рыночный процент². Другая, тоже немалая доля могла бы быть выделена России, но только через МВФ и Всемирный банк и при условии успешного согласования с ними и исполнения в полном объеме соответствующих программ, причем надежды на эти программы возлагались явно слишком смелые. Наконец, остальные средства шли на обеспечение кредитных линий, используя которые Россия могла закупить у стран-кредиторов строго определенный набор дорогостоящих товаров (так что, по сути, это можно было рассматривать как стимулирование кредиторами собственного экспорта). “Помощи” в обычном понимании, то есть грантов или несвязанных кредитов, в тех пакетах не было практически вообще» [55, с. 105–106].

Примерно такую же оценку роли западной помощи дает известный американский экономист Джеффри Сакс [226, с. 289]. А шведский эксперт Андерс Ослунд – один из наиболее твердых сторонников быстрых либеральных преобразований – пишет: «Правительства ведущих стран Запада не проявили намерений поддержать реформы в России... Молодые русские реформаторы были шокированы и повергнуты в уныние тем, что “семерка” не проявила никакого интереса к их планам преобразования» [187, с. 590]. А «пакет помощи» в размере 24 млрд долларов, о котором говорилось выше, Ослунд назвал первоапрельской шуткой, поскольку Буш и Коль заявили о нем именно 1 апреля [187, с. 591].

В России тоже многие заблуждались относительно зарубежной помощи, поскольку газеты бесконечно муссировали тему займов, и в результате у неподготовленного читателя создавалось ощущение, что Запад сыплет на нас миллиарды. На самом деле к тому времени, когда Козырев выступал в Стокгольме, Россия получила от МВФ 1 млрд долларов по кредиту stand-by [55, с. 68]. Даже по сравнению с нынешними российскими золотовалютными резервами, исчисляющимися сотнями миллиардов долларов, тот кредит представлял собой ничтожную сумму. А уж по сравнению с совокупными богатствами стран Запада – это просто песчинка. Неудивительно, что Козырев паниковал, наблюдая полное безразличие своих зарубежных коллег к тому, будут ли в России у власти демократы или нищий народ свергнет их ради агрессивных националистов.

После стокгольмского выступления ситуация практически не изменилась. В 1993 г. по программе STF нам выделили 1,5 млрд, а в 1994 г. – еще столько же. Примерно в таких же масштабах нас кредитовали и дальше – в среднем по 2 млрд в год. Мартин Гилман однозначно констатировал, что «никакого “плана Маршала”

² То есть этими деньгами Россия рассчитывалась по кредитам, которые раньше получил СССР.

для России не было и в помине» [55, с. 109]. А Егор Гайдар отметил, что «объявленная американским руководством программа помощи российским реформам на несколько недель позволила удержать ситуацию, но к середине лета 1992 г. стало очевидно, что обещания не будут исполнены» [49, с. 151–152].

В советское время у нас существовала поговорка: «Мы делаем вид, что работаем, а они (государство) делают вид, что нам платят». В связи с «помощью», оказываемой МВФ, эта поговорка трансформировалась: «Мы делаем вид, что проводим реформы, а они делают вид, что их финансируют» [187, с. 593].

МВФ более-менее раскошегарился лишь во второй половине 90-х гг. [55, с. 79], когда Ельцин прошел через вторые президентские выборы и серьезной угрозы правящему в России режиму не существовало. Действовал Фонд в соответствии с обычной бюрократической, а вовсе не политической логикой: раз вы добились некоторых успехов в стабилизации, мы можем вас поддержать в расширенном объеме. Однако перед лицом дефолта 1998 г., когда требовались экстраординарные усилия по спасению системы, поддержанной ранее Фондом, Запад опять замялся. Выделенные МВФ небольшие деньги предотвратить кризис не смогли.

Переговоры о займах выглядели порой весело, курьезно и не слишком серьезно. Вот, например, как помощники Ельцина описывали его встречу с директором-распорядителем МВФ Мишелем Камдессю. «Ельцин и Камдессю находились в прекрасном настроении — только что была одобрена новая программа кредитования. Директор-распорядитель сказал, что она потянула на 9 миллиардов долларов. На что президент с каменным выражением лица (признак отличного настроения) отреагировал: “Десять”. Камдессю смешался, стал говорить о том, что все документы уже подписаны, а потом напустился на переводчика. Тот подтвердил: “Десять миллиардов”. Б. Ельцин прямо повторил: “Десять”. Так продолжалось несколько раз. Наконец, президент сжалился и, улыбаясь, заявил: “У вас денег много. Добавьте миллиард. Чего вам стоит?” Директор-распорядитель отреагировал мгновенно, рассказав известную французскую притчу: “Женщина не может дать больше, чем у нее есть”. На том и разошлись» [16, с. 436].

Любопытно отметить, что даже по отношению к позднему СССР, с которым вроде бы все время велись те или иные переговоры, американцы не были щедры. Характерны в этом плане слова, брошенные в сердцах Горбачевым в конце 1990 г.: «Для финансирования войск в Саудовской Аравии деньги сразу нашлись, а нам получить сравнимую сумму оказывается труднее» [24, с. 425]. Но удивляться тут нечему. Ведь Саудовская Аравия — опора США в нефтеносном регионе,

где у американцев существуют совершенно реальные интересы, тогда как Советский Союз их не сильно волновал.

Кое-кто думает, будто Горбачев предавал свою страну, работая на врага. Но сам «враг», как оказалось, строил отношения с Горбачевым совсем на других принципах. «В своем окружении Буш (старший – Д.Т.) заявил: “Этот парень, кажется, думает, что мы обязаны оказывать ему экономическую помощь, потому что поддерживаем его политически. Мы должны дать ему урок по основам экономики. Бизнес есть бизнес. Займы должны предоставляться по солидным финансовым и коммерческим причинам”» [24, с. 439].

Политика относительного безразличия по отношению к России сохранилась в США и по сей день. Американский политолог Николай Злобин, анализируя ключевые вопросы, по которым раскололась американская элита в предвыборной президентской кампании 2004 г., отметил, что «Россия в этом перечне отсутствовала, как, впрочем, и все постсоветское пространство» [98, с. 69]. Применительно же к событиям 2008–2009 гг. Злобин в другой своей книге сделал еще более резкий вывод: «Голос Москвы несравнимо менее значим для Обамы, чем мнение, скажем, Берлина, Парижа или даже Варшавы» [99, с. 89].

А автор этих строк в 2001 г. на вопрос о том, как в США относятся к России, получил от одного очень интеллигентного и доброжелательно к нам относящегося русиста такой ответ: «Ни хорошо и ни плохо. К русским здесь относятся как к вечным неудачникам, т.е. без особого интереса. То у вас реформы не задались, то вроде бы стали выбираться – и вдруг дефолт. Американцев интересуют те страны, отношения с которыми могут непосредственно повлиять на их жизнь».

С тех пор мы успели выбраться из дефолта, достигнуть высоких темпов экономического роста и вновь рухнуть в кризис. Но отношение американцев не сильно изменилось. На их жизнь мы почти не влияем даже в период подъема.

Таким образом, оценивая события первой половины 90-х гг., нам следует исходить из того, что Запад не оказывал России серьезной поддержки в реформах. Он не ставил перед собой благородной задачи помочь русскому народу стать богатым и успешным. Но в то же время он не ставил перед собой и иной задачи – подчинить Россию с помощью внедрения «агентов влияния». Реформаторов, строивших рыночную экономику, оставили на произвол судьбы, нисколько не обеспокоившись тем, как они с каждым годом теряют свое влияние. Не беспокоило Запад и то, что на смену реформаторам-западникам придут жесткие националисты.

Запад, как и следует капиталистическому миру, думал, в основном, о прибылях и, соответственно, смотрел не на Россию, а на те страны, где уже существовали хорошие возможности для ведения совместного бизнеса.

Глава 14

Малая Октябрьская революция

Кровавое противостояние в Москве

Велик был год и страшен по рождестве Христовом 1993, от начала же реформ второй. Так мог бы начать свой рассказ об этом времени Михаил Булгаков. Он мог бы описать, как посреди ночи с 3-го на 4 октября два молодых мужика шли по Москве из Госкомимущества (что на Варварке) к гостинице (что у Смоленской площади) и в районе Нового Арбата попали под обстрел. Пригнувшись, короткими перебежками промчались они арбатскими переулочками и, наконец, все же вышли к цели. Одного из этих случайных прохожих звали Альфред Кох, другого — Александр Казаков. Оба были в ранге замминистра.

Булгаков это уже не опишет. Москва 93-го для него — далекое будущее, он весь остался в Киеве 18-го. В той эпохе, когда война впервые пришла в крупный город, завертев в своей круговерти левых и правых, правых и виноватых, и просто невинных — тех, кто хотел мирно жить, наслаждаясь совсем недавно обретенной свободой. Булгаков уже не опишет, а потому описывает Кох — 32-летний зампред Госкомимущества, совсем недавно приехавший из Петербурга в Москву делать приватизацию: «По Смоленской площади идут. Лица перекошены. Давно идут, уже пару часов. С Октябрьской. Где Ленин. Уже озлобились подходяще. Переворачивают автомобили — тогда сплошь “жигуленки”. Поджигают. Громят витрины. Мелкие лавочки — первые жертвы. Всегда. Сами себя заводят. Кричат. Видеть их противно. Как будто случайно застал срущую девушку. Вся магия пропала. Ба, а ведь это народ!» [122, с. 69].

Акела промахнулся

Решал дела, впрочем, не народ. Реформы 1992 г. так и не породили знаменитого русского бунта — бессмысленного и беспощадного, которого столь сильно опасались в верхах. По большому счету, общество оставалось индифферентным к происходившим в октябре 1993 г. разборкам. Проблема проистекала отнюдь не из противостояния власти и народа. Дело было в двоевластии, в столкновении двух подходов к тому, как и кому следует управлять Россией.

По-своему разумная и внутренне не противоречивая система власти существовала в СССР до 1985 г. Что бы ни было записано в брежневской Конституции, на самом деле страной управляла определенным образом построенная партийная иерархия. Наибольшей властью обладал генсек, который, правда, постоянно должен был обеспечивать себе доминирование в политбюро. Возможный раскол в политбюро устранялся пленумом ЦК, а если кризис оказывался по-настоящему обширным, то конечное слово оставалось за съездом КПСС. Впрочем, в последние предгорбачевские годы ни к арбитражу съезда, ни даже к вынесению конфликтов на пленум прибегать не приходилось.

Михаил Горбачев к 1989 г. добился разрушения этой системы, создав двоевластие — партийная иерархия вынуждена была сосуществовать с народными депутатами. В 1990 г. оно сменилось троевластием, поскольку президент СССР обособился и от партии, и от народных избранников. А 1991 г. ознаменовался даже четверовластием: слабый Союз в каждой республике де-факто вынужден был делиться полномочиями с республиканскими лидерами.

Распад Советского Союза упростил систему, ликвидировав КПСС и над-республиканские государственные органы власти. Но, тем не менее, внутри самой России обострился конфликт президента с парламентом. Это лишь кажется, что 1991 г. расставил все политические акценты, а 1992 г. — экономические. На самом деле, глядя из нашего времени, мы видим, что трансформация государственной машины, начавшаяся весной 1989 г., заняла более четырех лет и завершилась лишь к декабрю 1993 г.

На первый взгляд, сосуществование президента и депутатского корпуса в России 1992–1993 гг. представляло собой разделение властей, свидетельствующее о наличии развитой демократии. Но на самом деле каждая из вступивших в противоборство сторон претендовала на всю власть или, по крайней мере, на ту ее часть, которая позволяла беспрепятственно осуществлять реформы, делить собственность, регулировать финансовые потоки.

Когда у нас некоторые аналитики говорят о том, что в октябре 1993 г. мы потеряли парламентскую республику, а приобрели президентскую, они оценивают лишь видимость вещей, смотрят на букву законов, а не на их дух. В действительности мы тогда завершили четырехлетний революционный период хаоса, в котором не имелось никакой общепризнанной системы власти. Представления, будто у нас худо-бедно работает парламентская республика, имелись лишь в головах крайне небольшой части демократически настроенных политиков. А большинство трактовало все происходящее совершенно по-другому.

Дело было даже не в том, что возникновение новой России не сопровождалось принятием новой конституции. Важнее иное. Эпоха революционной ломки показала, что силой можно добиться буквально всего, не обращая при этом внимания ни на старые, давно сложившиеся правила игры, ни на заключение компромиссных соглашений, вытекающих из новой расстановки сил. Без компромиссов с оппонентами можно ликвидировать «Союз нерушимый», можно отстранить от власти КПСС, можно разрушить административную систему в экономике. Баланс сил в элитах не важен. Лишь бы за тобой шел народ.

Пока народ шел за Ельциным, президент был хозяином положения. Но, взяв на себя ответственность за гайдаровскую либерализацию, он потерял значительную часть популярности. И как только это почувствовали другие претенденты на власть, так сразу же попытались наброситься на старого волка. Законы общества ничего не предписывали ни президенту Борису Ельцину, ни вице-президенту Александру Руцкому, ни председателю Верховного Совета Руслану Хасбулатову. Точнее, что-то предписывали, но этого никто не хотел читать. В Москве 1993 г. царил закон джунглей, и, как только Акела промахнулся, стая стала искать себе нового вожака.

А Ельцин промахивался раз за разом. Возможно, первой промашкой стало то, что он начал радикальные реформы со старым депутатским корпусом вместо того, чтобы распустить его сразу после августа 1991 г., а затем на пике своей личной популярности привести к власти партию реформ, опирающуюся исключительно на президента и всем ему обязанную. Эдакую «Единую Россию» образца 1991 г.

Впрочем, вероятность успешной реализации такого подхода была не слишком велика. Как отмечал Гайдар в имеющихся у меня заметках, «вопрос этот обсуждался. Однако надо помнить о том, что у Ельцина не было никаких конституционных полномочий для роспуска парламента. Сам парламент

распускаться не собирался. На фоне краха СССР у президента России не было в руках никаких силовых рычагов, позволяющих заставить депутатов подчиниться его неконституционному решению. Даже сторонники Б. Ельцина были бы, по меньшей мере, крайне изумлены тем, что он вошел в острый конфликт с парламентом, который только что поддержал его во время путча.

Таким образом, достоинства подобного шага спорны. Но что бесспорно, так это постоянные проявления слабости на протяжении всего 1992 г. Ельцин хорошо видел светлые перспективы только с танка, на который забирался в грозные дни августа 1991 г., но, спустившись на грешную землю, где надо выбирать алгоритм действий не сердцем, а головой, президент порой оказывался человеком слабым, растерянным, плохо улавливающим логику событий.

Когда весной 1992 г. под давлением оппозиции сдали Геннадия Бурбулиса, это еще выглядело тонким маневром. Когда после сдачи Бурбулиса, стали сдавать финансовую стабильность, оппозиция почувствовала, что уступок можно добиться даже по наиболее принципиальным вопросам. Когда же к концу 1992 г. вплотную встал вопрос о сдаче Егора Гайдара, президент в полной мере продемонстрировал свою растерянность.

Он мог настоять перед депутатским корпусом на том, чтобы сохранить Гайдара. Он мог сманеврировать, проведя другого кандидата, в реформаторских намерениях которого был бы уверен. Наконец, он мог в полной мере пойти навстречу депутатам, позволив им поставить собственного премьера, но возложив на них всю ответственность за смену коней на переправе. Ельцин же на декабрьском (1992 г.) съезде народных депутатов России метался между тремя этими вариантами, никак не решаясь выбрать наиболее подходящий.

Глава государства то мнил себя еще как бы стоящим на танке и грозил депутатам своей непреклонностью, то вдруг принципиально пересматривал позицию и соглашался выбирать премьера с помощью народных избранников. В итоге он пошел на то, чтобы съезд провел рейтинговое голосование по заранее отобранному президентом кандидатам. Победил Юрий Скоков. На втором месте был вице-премьер, бывший глава «Газпрома» Виктор Черномырдин. На третьем остался Егор Гайдар.

Депутатский корпус показал: реформаторы там в меньшинстве. Хотя, справедливости ради, стоит заметить, что Гайдар из-за своей политики компромиссов многим уже не казался истинным радикальным реформатором.

Надо отдать Ельцину должное. Он посоветовался с Егором Тимуровичем о том, кого назначать премьером. Получив ответ, что только не Скокова, президент остановился на Черномырдине, причем, по словам Гайдара, принимал

он это решение с болью [44, с. 235]. Возможно, он полагал, что это — тонкий компромисс, устраивающий все заинтересованные стороны.

Однако на самом деле хваленое чутье сильно подвело Ельцина. Компромисс — признак демократической зрелости общества. В условиях же пореформенной России каждая сторона увидела в метаниях президента признак слабости. Его сторонники поняли, что тот готов при случае сдать любого, а противники увидели, что он понимает только силу. А значит, надо продолжать давление.

Властитель слабый и лукавый

Подобная позиция и определила развитие событий в 1993 г. Тогда многим казалось, что противостояние Ельцина с Руцким и Хасбулатовым есть конфликт реформ и контрреформ. Трудно сказать, насколько это так. С позиций нынешнего дня данная трактовка уже не выглядит столь очевидной. Чуть забегаая вперед, можно сказать, что победивший Ельцин в дальнейшем часто демонстрировал полную индифферентность по отношению к реформам, растянув трансформационный спад в целом аж до 1997 г. Что же касается Руцкого с Хасбулатовым, то как бы ни были мелки эти два политических деятеля, на сторонников коммунистического ренессанса они никак не походили.

Хасбулатов в данном тандеме был фигурой менее яркой, но, по сути дела, более важной. Профессор-экономист, как раз достигший 50-летнего рубежа, он, видимо, мнил себя фигурой, превосходящей по значению молодого Гайдара, а потому заслуживающей право стать отцом российских реформ [268, с. 171].

И действительно, Хасбулатов был явно неглуп. Особенно отличался он в области политической интриги. Но при этом он, наверное, и рынок знал лучше, чем большинство российских политэкономов, поскольку профессионально, как ученый, занимался Канадой. Во всяком случае, довольно разумные статьи, публиковавшиеся им в середине 80-х гг. в «Правде» и «Комсомолке», формально ставили Хасбулатова в ряд с ведущими экономистами-перестройщиками.

Неудивительно, что он стал депутатом. Неудивительно и то, что он был в 1990 г. избран заместителем председателя Верховного Совета России. Все видели, что Хасбулатов профессионально ведет заседания, часто что-то подсказывая Ельцину, теряющему нить парламентской интриги. Кроме того, отсутствие партийной системы и связанная с этим слабость, неустойчивость

отдельных парламентских фракций объективно усиливали позиции Руслана Имрановича [237, с. 206]. После избрания Ельцина президентом РФ Хасбулатов закономерно стал главой Верховного Совета.

Депутатская масса в большинстве своем представляла собой грустное зрелище. Неудивительно, что умный, коварный человек мог ею легко манипулировать. Вот как выглядел типичный день депутатской работы в описании очевидца:

«После обеденного перерыва из всех депутатов, пожалуй, только председатель сохранял бодрый дух... В депутатских головах шла борьба мотивов: спать или не спать. Смотреть на депутатов — милое дело. У большей части отрешенные от сознания глаза, вяло ошупывающие трибуну. Голова часто скатывается в сонливую пропасть. Депутаты клюют носом, иногда внезапно пробуждаются. С мутным восприятием того, что же сейчас обсуждали... Снова объявили перерыв. Все кинулись в буфет, чуть не уронив огромные хрустальные канделябры. От поведения этих двуногих биоконструкций то в жар, то в холод бросало. И эти люди решали, по каким законам жить стране!» [130, с. 50, 53].

Помогали Хасбулатову в работе с депутатской массой и его чеченское происхождение, и природная хитрость, и демократическая ориентация. Демократ, но не радикал. Представитель национального меньшинства, но в то же время московский интеллигент. Человек, умеющий интриговать, но до поры до времени, не переходящий границы дозволенного. Словом, лучше не придумаешь.

Впрочем, интрига его засосала. «Властитель слабый и лукавый», он с каждым месяцем все больше сдвигался в сторону радикальной антирыночной оппозиции. Постепенно выяснилось, что интриган-то он все же не слишком сильный. С какого-то момента не столько собака крутила хвостом, сколько хвост собакой.

В качестве взвешенного умеренного центриста Хасбулатов, возможно, и имел бы шансы победить, но в качестве символа консерватизма он потерял поддержку. Кроме того, по мере полемики с Ельциным и Гайдаром все более явно проступали природное хамство и ограниченность экономических знаний, которые теперь не скрывала даже профессорская лакировка. «Король» на поверку оказался голым.

Руслан Хасбулатов

Александр Руцкой

Добившись огромной власти, он стал общаться с людьми на совершенно ином языке, нежели тот, который был принят в демократическом, да и вообще в любом цивилизованном обществе.

– Руслан Имранович, вы пользуетесь запрещенным приемом – бьете ниже пояса, – обратилась как-то к нему на заседании женщина-депутат.

– Меня вы вообще ниже пояса не интересуете, – ответил ей Хасбулатов в присутствии сотен людей, микрофонов и телекамер [268, с. 161].

Спикер Верховного Совета явно мнил себя лидером страны. Символично то, что для проживания он облюбовал квартиру площадью 441 кв. м, построенную еще для Брежнева, но так генсеком

и не обжитую [235, с. 138]. Однако размер жилплощади – это еще не признак масштаба личности. При всех недостатках Ельцина или Гайдара – это все же были сильные, яркие люди. Но зеленый, накурившийся неизвестно какой дрянью¹ Хасбулатов, до предела наглый, с пустыми глазами все чаще вызывал ощущение страха наряду с отвращением. Он так и не стал кумиром.

Иное дело – Александр Руцкой. По сути своей человек еще менее пригодный для управления страной в кризисный момент, чем Хасбулатов, он покорялся военной формой, молодцеватостью, героической биографией и внешностью харизматического героя. Казалось, что за ним-то народ пойдет.

Профессиональный военный летчик и лично смелый человек, он прошел через афганские испытания. 4 августа 1988 г. полковник Руцкой был сбит противником в районе афгано-пакистанской границы. Пять дней раненый летчик, отстреливаясь, уходил от преследования, но под конец все же был взят в плен в Пакистане. Впоследствии советские власти обменяли его на пакистанского разведчика.

В 1990 г. Руцкой решил сменить военную карьеру на государственную и стал народным депутатом России. На следующий год он неожиданно сделал сильный ход, создав депутатскую группу «Коммунисты за демократию»,

¹ Как-то раз заместитель министра здравоохранения, профессор Белла Денисенко обратила внимание на то, что от курительной трубки Хасбулатова попахивает странной травой, а сам он нуждается в срочной медицинской помощи [246, с. 154]. Сама Денисенко уверяла, что у спикера наркотическое опьянение, но личный врач Хасбулатова и доктора из Центральной кремлевской больницы поставили умиротворяющий диагноз – гипертония [169, с. 177–178].

тем самым перетаскив на сторону Ельцина большую часть левых парламентариев. Этот ход, наряду с харизматическим образом героя, предопределил судьбу Руцкого.

В 1991 г. перед российскими президентскими выборами Ельцину понадобилась кандидатура на должность вице-президента, и спичрайтеры предложили ему Руцкого [16, с. 118]. В иной ситуации вряд ли с подачи простых спичрайтеров подобрали бы на второй в государственной иерархии пост человека без серьезной политической биографии и внятных взглядов по принципиальным вопросам. Однако ведь до августовского путча Ельцин не имел никаких реальных полномочий и занимался лишь борьбой с союзным центром. Для данной цели Руцкой был достаточно хорош. А когда рухнул СССР, этот щеголь, «нечаянно пригретый славой», и впрямь оказался вдруг вторым по статусу человеком в стране.

Но и этого было мало. Недавнему летчику хотелось взлететь за облака. Руцкой быстро «прославился», назвав команду Гайдара учеными мальчиками в розовых штанишках [169, с.25]. Увы, экономическая компетентность самого Руцкого не вполне соответствовала его апломбу.

Президент Ельцин, чтобы занять своего «вице» хоть чем-то полезным, поручил ему сельское хозяйство. Понятно, что вытащить деревню из пропасти, в которую оно много лет катилось еще при советской власти, было невозможно. Согласно замыслу противников Руцкого, ему следовало увязнуть в проблемах и надолго заткнуться. Он, однако, не заткнулся, а, наоборот, активизировался. На прилавках мигом появилась его книга «Аграрная реформа в России». Возможно, кое-кто подумал, что очень занятой вице-президент трудился над ней ночами «без отрыва от производства». Но тут «Независимая газета» обнародовала открытое письмо группы специалистов-аграриев: «Нам стыдно за эту книгу, так как писал ее “кто-то”. О компетентности самого Руцкого в сельском хозяйстве можем судить не только мы, но и другие специалисты Волгоградской области, где он во время своего “посещения” проявил себя... Увы, он не специалист. Так зачем же смешить народ России в очередной раз?» [169, с. 115].

Ученого из него не вышло, но вот чем Руцкой действительно прославился, так это своей импозантностью, любовью к женщинам и к роскоши, а также повадками денди. Борис Немцов вспоминал, как Руцкой организовывал ему весной 1993 г. пошив пальто у Юдашкина по «символической цене», в два раза превосходившей зарплату губернатора [176, с. 135]. Для самого Руцкого это, видно, были не деньги. А Альфред Кох описывал, как некий шустрый

«мальчик» по звонкам честнейшего Александра Владимировича делал бизнес с чиновниками.

Словом, вице-президент никак не походил на коммуниста, борющегося с Ельциным ради бедноты, обиженной реформами. И, тем не менее, именно он стал в октябре символом борьбы с буржуазным режимом.

Признанию в массах способствовала его до абсурда доходившая безответственность. Возможно, афганская психологическая травма сделала вице-президента человеком не вполне адекватным. Он смотрел на мир через прицел [69, с. 39, 181]. Генерал Дмитрий Герасимов — однокашник Руцкого по Академии Генштаба — сказал как-то раз другому своему однокашнику, генералу Анатолию Куликову: «Санька, наверное, когда еще в Афганистане с самолета падал, не задницей, а головой стукнулся о пенек» [132, с. 158–159].

Руцкой, не обладавший никакими полномочиями, мог, например, публично угрожать Грузии и Молдавии бомбардировками в ответ на ущемление прав жителей Южной Осетии и Приднестровья. В октябре 1993 г. эта безответственность в полной степени проявилась на улицах Москвы.

ОПУС первый и последний

Путь к октябрю шел через сдачу Ельциным одной позиции за другой².

Поначалу новый премьер Черномырдин, прославившийся фразой «России нужен рынок, а не базар» [50, с. 9], чуть было не вернул административные цены. Он успел зафиксировать их в ночь под Новый год, но вскоре под давлением Ельцина и нового вице-премьера, министра финансов Бориса Федорова (одного из авторов программы «500 дней») вынужден был отменить прежнее решение.

Кстати, квалификация и напор Федорова вообще сделали 1993 г. не таким уж провальным в плане экономического развития. Этот здоровенный умный парень происходил из рабочей семьи. Однако, как рассказывал однажды Федоров Гайдару, его отец стал рабочим именно потому, что дед был дворянином и даже окончил пажеский корпус.

Федоров повесил у минфина огромный плакат: «Эмиссия — опиум для народного хозяйства» [266, с. 98]. Он не склонен был к уступкам лоббистскому

² Подробный и компетентный анализ событий 1993 г. а также того, как Россия подходила к этой трагедии, дан в блестящем исследовании Олега Мороза «Так кто же расстрелял парламент?».

давлению. В итоге министр сумел немного даже выправить российские финансы по сравнению с периодом гайдаровского отступления.

Впрочем, противостояние властей явно делало усилия министра недостаточными. Так, например, весьма характерна история с бюджетом-93. В принятом Верховным Советом федеральном бюджете дефицит составил 18% (увеличение в три раза по сравнению с проектом, предложенным правительством). К середине года минфин предложил уменьшить дефицит до 10%. Вместо этого Верховный Совет увеличил его до 22,6%, а после отклонения поправок президентом снизил, как бы в издевку, до 22,1% [169, с. 505, 511].

Более того, в августе Хасбулатов открыто призвал регионы прекратить перечисление налогов «антинародному правительству» [155, с. 115]. Как видим, это не была парламентская республика. Парламентарии даже не пытались управлять страной. Они открыто боролись за власть, разваливая государство.

Однако главные проблемы года возникали все же не в экономической сфере. В марте депутаты решились на то, чтобы ограничить полномочия президента. В ответ на это появился ОПУС — указ об Особом Порядке Управления Страной³. Особого порядка, впрочем, после этого заметно не было.

Личные отношения между политиками из двух противоборствующих лагерей быстро накалялись. Это не всегда было заметно со стороны, но в кулуарах дело чуть ли не доходило до драки. Как-то раз в те дни, когда на свет появлялся ОПУС, Сергей Филатов и Владимир Шумейко — два ведущих политика ельцинской ориентации — стояли в коридоре парламентского здания и разговаривали. Вдруг появился Хасбулатов и с присущей ему задиристостью бросил:

— Что, доигрались, сукины дети?

Владимир Филиппович резко повернулся к нему:

— Ну, ты, сморчок, помолчи, а то я тебя по этой стенке размажу. Что ты себе позволяешь? Всю страну вздыбил [268, с. 272–273].

Анатолий Чубайс вспоминал, что Шумейко примерно в это время уже ходил с пистолетом, опасаясь ареста со стороны людей Хасбулатова. Представитель исполнительной власти собирался отстреливаться, если вдруг законодательная власть на него «наедет» [280, с. 228].

Противоречия внутри элиты стали настолько острыми, что рано или поздно должен был полыхнуть пожар междоусобной войны. Стремясь каким-то

³ ОПУСом его прозвал Хасбулатов. Точное название указа: «Об особом порядке управления до преодоления кризиса власти» [169, с. 340, 347].

образом внести ясность в вопрос о власти, Ельцин принял решение приостановить работу съезда и провести референдум о доверии себе и депутатам. Референдум в апреле действительно провели, но решение о приостановке спустили на тормозах. Подобное метание было воспринято как еще один признак слабости.

Референдум дал неожиданно хорошие для Ельцина результаты. Народ поддержал как его лично, так и проводимый им курс экономических реформ. Однако предложение переизбрать депутатский корпус не прошло. Хотя среди принявших участие в референдуме 67% высказались за новые выборы, по отношению к общему числу избирателей эти люди составляли меньшинство [291, с. 302]⁴. Фактически народ выступил за сохранение status quo, хотя во власти все понимали, что это уже невозможно. Президент мог в тот момент ориентироваться только на активную, проголосовавшую часть народа и принять радикальные решения сразу после референдума на пике общественного энтузиазма.

Возможно, в тот момент для принятия важнейших решений об углублении экономических реформ и об изменении государственного устройства (т.е. о принятии новой российской Конституции) не понадобилось бы даже разгонять народных депутатов. Хасбулатов и его окружение оказались морально подавлены. Их можно было эффективно дожать «гуманитарными» средствами. Но Ельцин в очередной раз растерялся и на несколько месяцев прекратил всякую деятельность. Неспособность президента укрепить власть даже после получения народной поддержки в очередной раз была воспринята противниками как слабость.

По мере развития конфликта Ельцина с Хасбулатовым, президентская сторона стремилась по-мелкому унижить противника. Но при отсутствии сил для нанесения решительного удара данная примитивная тактика лишь углубляла кризис. Горячий кавказец все больше заводился и терял контроль над собой.

Решающей ошибкой, подорвавшей престиж Ельцина, стал осуществленный летом принудительный обмен советских денежных купюр на новые

⁴ Депутаты приняли решение о том, что применительно к перевыборам народных избранников результаты референдума следует определять, исходя из общего числа избирателей, вместо того, чтобы ориентироваться на тех, кто определенно выражал свое мнение. Следует признать, что при таких условиях референдума вопрос о переизбрании депутатов оказывался практически нерешаемым. Возможно, при других условиях депутатский корпус можно было цивилизованно переизбрать и, таким образом, предотвратить кровавые события октября 1993 г.

российские. Плохо подготовленный технически, проведенный обмен поставил людей в униженные очереди и даже заставил беспокоиться о сохранности сбережений.

Этим шагом власть подошла непосредственно к краю пропасти. Она поставила под сомнение разумность собственной политики и то, ради чего народ готов был терпеть трудности реформ.

Но Ельцин был настроен благодушно. Отдыхал на Валдае, играл в теннис, убеждал демократов в том, что им не следует паниковать [291, с. 446–447]. Президентское чутье, о котором за последние годы было столько написано всякой ерунды, совершенно не ориентировало главу государства на принятие быстрых, эффективных решений.

Все изменилось буквально за один момент. После купюрной авантюры Хасбулатов, уверенный в том, что симпатии народа перешли на его сторону, стал откровенно провоцировать Ельцина. 18 сентября он фактически публично обвинил президента в том, что тот подписывает указы, будучи нетрезвым. «Все, кто видел телевизионные кадры его выступления, помнят: иллюстрируя, в каком состоянии Ельцин принимает решения, оратор пошелкал себя по горлу — дескать, чего и ожидать от беспробудного пьяницы» [169, с. 538].

По всей видимости, обвинение было справедливым, и именно справедливость упрека, сделанного презираемым им человеком, окончательно вывела главу государства из себя. Ельцин отказался, наконец, от мягкой линии, проводимой главой его администрации Сергеем Филатовым [16, с. 272, 357], и встал на жесткий курс. Те радикальные меры, которые давно готовились в президентском окружении, но могли так никогда и не дожидаться стадии реализации, вдруг разом оказались востребованы. Характерно, что именно после личного оскорбления Ельцин пошел на те решительные действия, на которые боялся пойти в гораздо более благоприятной обстановке.

Политолог Лилия Шевцова высказала предположение, что «в этот момент основные фракции парламента уже были готовы “сдать” Хасбулатова и других “непримиримых” во имя мирного диалога с исполнительной властью. Склонность к соглашательству стали проявлять “Промышленный союз”, “Аграрный союз” и даже “Коммунисты России”... Реально возникла возможность компромисса... Но как вскоре выяснилось, ни президент, ни его команда менять уже ничего не хотели. Переговоры и перевыборы ельцинское окружение не устраивали. Оно было заинтересовано в создании совершенно иной модели власти. Ельцин, уставший от постоянного перетягивания каната, хотел свободы рук, а это означало уничтожение всех противовесов» [289, с. 137].

Вывод о возможности компромисса вряд ли обоснован. Скорее всего, это существенное упрощение проблемы, сформированной двоевластием. Но в любом случае после 18 сентября Ельцин уже «завелся». 21 сентября съезд был распущен. В ответ депутаты отрешили Ельцина от власти и передали президентские полномочия Руцкому. Тем не менее, приняв принципиальное решение на бумаге, ни одна из сторон не спешила реализовывать его на практике. Наступили томительные дни ожидания. Двоевластие превратилось в полное безвластие, когда противники уже не управляли страной, а лишь ждали ошибок друг друга, дабы нанести решающий удар.

Ельцин выжидал и в тот момент, когда выжидать было уже невозможно, когда пролилась первая кровь. По рассказу Михаила Полторанина, сославшегося на Александра Коржакова, президент просто напился и спал [93, с. 6–7]. Бэлла Куркова, относящаяся к Ельцину более лояльно, нежели его бывший охранник, прямо не говорит о событиях, но все же отмечает, что в Кремле тогда дело обстояло весьма печальным образом и президент бездействовал [247].

А в это время в Белом доме – центре сосредоточения антиельцинской оппозиции – по словам очевидца Виктора Шейниса, «царила иступленная коллективная истерия. Казалось, физически можно было ощутить прокатывавшиеся по залу волны ненависти, отчаянной решимости сокрушить, как казалось ораторам, наконец-то свалившегося в западню ненавистного врага» [291, с. 507].

Это была именно та истерия, которую вскоре почувствовал на улице Альфред Кох. Народ зверел не сам, его планомерно и целенаправленно заводили «интеллектуальные лидеры».

Собственно говоря, безвластие и агрессивность породили самое страшное – полторы с лишним сотни человеческих жертв. Характер событий 3–4 октября 1993 г. сильно отличался от характера событий 19–21 августа 1991 г. Во время августовского путча народ был на одной стороне, и благоразумная пассивность стороны иной предотвратила кровопролитие. В октябрьских же событиях большая часть народа, разочаровавшаяся в обоих противостоящих друг другу сторонах, оставалась пассивной. Меньшая же часть разделилась на две враждебные друг другу, противоборствующие группировки.

Президентская сторона все же контролировала «своих». В бой вступали лишь милиция и войска. Но «парламентская сторона» не могла (да и не пыталась даже) управлять озверевшими сторонниками «парламентаризма». Войск на ее стороне не было, хотя Руцкой попытался «сыграть в войнушку»,

отдав приказ о формировании полка из московских резервистов назначенному им министру обороны Владиславу Ачалову [291, с. 533]. Реально же во главе восставших масс стояли уличные лидеры: Виктор Анпилов, поднявший «Трудовую Россию»; Илья Константинов, возглавивший некий Фронт национального спасения; Станислав Терехов, посылавший осуществлять боевые акции членов «Союза офицеров». Тут же оказались боевики баркашовского Российского национального единства, волонтеры из Приднестровья, какие-то казаки и т.п. А наиболее колоритной фигурой среди восставших стал генерал без армии Альберт Макашов⁵.

К счастью, гражданской войны не получилось, хотя Руцкой с Хасбулатовым откровенно подзуживали народ проливать кровь [291, с. 556–557] и готовили указ об арестах своих политических противников [169, с. 558]. Но сил у них не хватило. Вместо бойни получилось подавление беспорядков. Толпы уличных погромщиков, штурмовавших «Останкино» и здание мэрии, разительно отличались от того народа, который в 1991 г. защищал Белый дом. По мере того, как это отличие становилось очевидным, у президентской стороны крепло осознание того факта, что погромщиков можно подавить. И в итоге это было сделано.

Танкистов проинструктировали просто, цинично и неполиткорректно. Примерно в таком духе: «Чечен Хасбулатов пытается захватить власть над Россией; для этого использует деклассированный элемент; убивают военнослужащих, милиционеров вешают на фонарях» [169, с. 668].

Расстрел парламента из танка стал самой впечатляющей, но далеко не самой существенной частью операции по наведению порядка. Ни один депутат

⁵ Егор Гайдар призвал сторонников демократии собраться у Моссовета, чтобы в случае необходимости оказать сопротивление боевикам Баркашова и Макашова. В это же время тележурналист Александр Любимов призвал москвичей сидеть тихо по домам [169, с. 651, 658]. Хотя эти призывы в итоге не повлияли на ход противоборства, история оказалась весьма символической. По сути дела, здесь столкнулись нарождающееся в России гражданское общество с нарождающимся обществом потребления. Подавляющее большинство населения, естественно, оказалось представителями последнего. И все же к Моссовету, по оценке Гайдара, изложенной в имеющихся у меня записках, пришли десятки тысяч москвичей.

при этом не погиб⁶. Главная работа по подавлению сопротивления велась на улицах. Когда исчезли погромщики, малая октябрьская революция, о необходимости которой никто внятно не говорил, завершилась.

Лидеры проигравшей стороны ненадолго оказались в тюрьме. О том, как вел там себя Хасбулатов, вспоминал генеральный прокурор А. Казанник:

«Он схватил меня за полу пиджака: “Алексей Иванович, заберите меня отсюда. Я вас очень прошу не как генерального прокурора, прошу как профессор профессора, как своего коллегу, не оставляйте меня в этой тюрьме!” Лицо было такое бледно-желтое, и глаза по несколько минут вообще не мигали» [169, с. 681].

Проблема двоевластия была снята. В декабре на референдуме приняли Конституцию, провозгласившую президентскую республику. Этот документ стал следствием определенного компромисса между вариантами С. Алексеева, А. Собчака, С. Шахрая, предполагавшими создание практически неограниченной президентской монархии, и вариантом парламентских разработчиков (О. Румянцева, В. Шейниса и др.), значительно менее благосклонных к расширению полномочий главы государства.

В итоге Ельцин получил полное право назначать правительство и отправлять его в отставку, а также распускать в определенных случаях Государственную Думу. В свою очередь, возможность осуществления импичмента президента оказалась чрезвычайно затруднена. Парламентарии в этом «правовом поле» заняли весьма узкую нишу, не имея возможности претендовать на что-либо большее, нежели законотворческая деятельность [112, гл. 4–6]. Возникла, наконец, реальная система разделения властей, хотя и с большим перекосом в президентскую сторону.

Но главным уроком Октября стала даже не легитимизация правления Ельцина. Главным уроком стал негласный консенсус, достигнутый в элитах. Никто больше не хотел выпускать народ на улицы. Власть имущие с тех пор предпочитали разбираться во всем сами.

Процесс, начавшийся в 1989 г., принялись активно сворачивать. Первые годы после Октября народ еще выходил на улицы постучать касками и помахать флагами, но провоцировать толпу к бунту никто из серьезных политиков не решался. А затем политтехнологии и рост ВВП фактически устранили народ как с улицы, так и из избирательного процесса. Общество, набедокурившее и испугавшееся самого себя, загнали обратно в стойло. Для тех же немногих,

⁶ Погибали простые люди. Более сотни были убиты, порядка трехсот ранены [169, с. 683].

кто всерьез ощущал необходимость свобод, в этот момент завершилась яркая пятилетка полнокровной жизни, наполненной мечтами о справедливости, о доминировании личности над безликой государственной машиной, о поистине глобальных переменах в судьбах страны⁷.

Но были у Октября 93-го и положительные стороны. Он худо-бедно разрешил вопрос о власти и о том, как в дальнейшем будут проходить реформы. А заодно он многое прояснил в мозгах тех россиян, которые способны на некие «отвлеченные размышления». Он устранил заложенную еще с советских времен раздвоенность сознания.

«Наконец я понял, кто я, — написал об этих событиях молодой и довольно успешный человек. — Ровно в тот день. Я — кулак. И буду всегда кулаком. И любить буду — кулацких дочек. Я не крупный капиталист. Я — русский. Кох. Альфред. Рейнгольдович. Счастье любить тебя. Моя Родина. А не этих козлов» [122, с. 69].

⁷ Это ощущение завершающейся жизни прекрасно передано в повести петербургского писателя Андрея Столярова «После жизни» [242].

Глава 15

Жизнь удалась

Потерянный год российских реформ

После нескольких бурных лет, насыщенных выборами, путчами, реформами, распадом Союза, откровенными нарушениями старой Конституции и скоропалительным принятием Конституции новой, вступление в 1994 г. напоминало прибытие государственного судна в тихую гавань. Впервые за долгое время власть вертикализировалась, супостаты, ранее мешавшие вертикализации, расселись по тюрьмам, экономика начала подавать первые робкие признаки стабилизации, и кормчий, уставший уже рулить то влево, то вправо, смог снять руки со штурвала, дабы отереть пот со лба. Корабль вошел в спокойные воды, но команда даже не подозревала, какие страшные рифы ждут ее на этом участке пути.

Пока не клюнул жареный петух

Впрочем, не все были столь наивны. Начало 1994 г. ознаменовалось громкими добровольными отставками. Покинули свои посты три ведущих экономиста-реформатора: Егор Гайдар, которого незадолго до осенних сражений 1993 г. президент вернул в правительство на должность первого вице-премьера; Борис Федоров, добившийся некоторых успехов в деле финансовой стабилизации; а также Андрей Илларионов — тогда еще не слишком известный советник премьера Виктора Черномырдина.

Причиной отставки (или, по крайней мере, поводом) стала относительная неудача реформаторов на прошедших в декабре парламентских выборах, где возглавляемый Гайдаром блок «Выбор России» (ВР) не смог получить большинства, достаточного для формирования нового правительства и для продолжения серьезных преобразований. Более того, в Думе образовалось даже антипрезидентское большинство — 256 из 448 депутатов [289, с. 162].

После октябрьской победы Бориса Ельцина многим казалось, будто воодушевленные президентской решительностью избиратели однозначно выскажутся за реформы. Но внезапно мы столкнулись с тем, что впоследствии еще неоднократно ставило демократические силы в тупик. Мы столкнулись с иррациональностью поведения электората, с его удивительной внушаемостью и абсолютной неспособностью принять ответственное решение.

Удивительный пример каши, которая была в голове у избирателей, привел в своей книге министр иностранных дел Андрей Козырев, который тогда баллотировался от гайдаровского блока. «На парламентских выборах в декабре 1993 года примерно треть избирателей, отдавших в Мурманске голоса по индивидуальному списку за демократического кандидата Козырева, по партийному списку голосовала за партию Жириновского, не только выступающую с диаметрально противоположных позиций в вопросах внешней политики, но и требующую отставки Козырева и даже предания его суду» [107, с. 51].

Еще одной причиной неудач стала раздробленность реформаторских сил. Кроме ВР – «основной команды демократов» – в парламент отдельными списками пробивались партии и движения, созданные Григорием Явлинским, Юрием Болдыревым и Владимиром Лукиным («ЯБЛоко»¹) ради формирования демократической оппозиции, Сергеем Шахраем и Александром Шохиным (ПРЕС) для выработки консервативной идеологии, Анатолием Собчаком и Гавриилом Поповым (РДДР) в целях аккумуляции сил региональных лидеров [52, с. 109].

Истинной причиной раскола являлось, пожалуй, не столько различие идеологий, сколько личные амбиции. Гайдар даже предлагал Шахраю первое место в списке ВР, однако тот отказался – уже видел себя будущим президентом России [167, с. 384]. Но что, наверное, было даже важнее амбиций, так это политическая наивность. Сегодня нам уже достаточно ясно: в России не имелось электорального пространства для такого обилия демократов, а значит, все их расхождения во взглядах были делом третьестепенным на фоне задачи объединения. Однако в тот момент лидеры различных партий и движений представляли наше общество гораздо более западным по менталитету, чем это было в действительности.

¹ Первые три буквы слова «ЯБЛоко» соответствовали первым буквам фамилий трех отцов-основателей. Поначалу «яблочники» ориентировали своих избирателей не столько на четкие демократические принципы, сколько на популярных, хорошо узнаваемых лидеров, прославившихся тем или иным образом еще во время противостояния с коммунистическим союзным руководством.

Адекватные оценки состояния дел имелись тогда у совершенно иных людей. При выборах по партийным спискам удивительного успеха добился Владимир Жириновский со своей либерально-демократической партией (ЛДПР). Этот немолодой уже мужик – уникальное зеркало темных сторон народной души, как тонко охарактеризовала его Ирина Хакамада [271, с. 88], – ворвался тогда в большую политику с энергией юнца. Однако понимание психологии российского электората со временем выдало в Жириновском «не мальчика, но мужа».

Некоторые считали его дураком, клоуном. Он заявлял, что мама у него русская, а отец – юрист, называл себя человеком, социально озабоченным, и предлагал российской армии совершить бросок к Индийскому океану [подробнее см. 88]. Впоследствии его экстравагантные поступки (особенно парламентские драки, истеричные выкрики, а позднее вокальные номера на TV), казалось бы, подтверждали первое впечатление. И действительно, некоторые проблемы с психикой у вождя ЛДПР имелись. Однако связаны они были, скорее всего, с его неадекватными оценками собственной личности, с укоренившимися еще в детстве представлениями о том, будто весь мир ему что-то должен. В конечном счете, эти проблемы не ослабляли Жириновского как политика, а, напротив, стимулировали его активность, делали его особо настойчивым в достижении высокого положения, которого он, по собственному мнению, был достоин.

Некоторые считали Жириновского перспективным лидером русского нацизма, даже «русским Гитлером», как выразился Александр Янов [306, с. 117, 123–125]. Бесспорно, по своей злобности и по презрению к окружающим он для этого поста подходил. Причем почти 60% избирателей ЛДПР действительно голосовали за данную партию исходя именно из националистических соображений [79, с.122].

Однако, как вскоре выяснилось, идеологической зашоренности у Жириновского не было. Он легко переходил от одних взглядов к другим. Лишь бы это приносило политические и материальные дивиденды. Судя по названию партии, ее лидер сначала собирался играть на демократическом электоральном поле, причем выбирал еще между социал-демократией и демократией либеральной [52, с. 88]. На одном из ранних проектов программы партии Жириновского слово «социал-» (демократическая) было просто замазано² и заменено на слово «либерально-» (демократическая). Более того, известно, что «русский патриот» Жириновский успел даже принять участие в создании Общества еврейской культуры

² Речь идет о машинописном тексте, поскольку компьютеров тогда не было.

«Шолом», хотя это не помешало ему в дальнейшем во всех бедах России винить «тель-авивских доброхотов».

В конечном счете, Владимир Вольфович счел национал-патриотическую нишу более перспективной, нежели демократическая. А впоследствии (по мере надобности) Жириновский вдруг становился агрессивным антикоммунистом или столь же агрессивным врагом либерализма и демократии.

Наконец, некоторые считали лидера ЛДПР агентом КГБ. Владимир Крючков, возглавлявший Комитет в то время, когда зарождалась данная партия, не признавал Жириновского своим продуктом, но отзывался о нем с такой симпатией, что волей-неволей напрашивался вывод об их связи [129, с. 11–13]. Кроме того, трудно объяснить, как мог Жириновский без высокого покровительства получить в декабре 1993 г. такой свободный доступ на ТВ, который позволил буквально за несколько сеансов охмурить миллионы россиян. Однако, если Владимир Вольфович и работал на какой-нибудь орган, с таким же основанием можно говорить, что этот орган работал на него.

«Фюрер либерализма» впоследствии превратил политику в бизнес. Он всегда, по большому счету, поддерживал Кремль, всегда имел хорошее финансовое положение и всегда добивался от властей достаточной поддержки, чтобы пройти в Государственную Думу на очередных выборах. Мало кто мог у нас столь умело работать как с властями, так и с народом, обеспечивая тем самым свои личные интересы на протяжении многих лет.

К началу 1994 г. от успеха Жириновского больше всего выиграл Черномырдин. Премьер не участвовал в выборах и в случае развития событий по канонам западной парламентской демократии неизбежно должен был бы уступить место лидеру победившей партии или коалиции. Но поскольку Гайдар не получил большинства, позволяющего ему в полной мере претендовать на премьерский пост, а никому другому из участников думских баталий Ельцин по определению не намерен был предоставлять возможность формирования правительства, Черномырдин усидел в своем кресле и, более того, пребывал в нем аж до весны 1998 г.

Владимир Жириновский

Как ни покажется это странным, но Виктор Степанович чем-то походил на Владимира Вольфовича. Например, экстравагантностью и непосредственностью высказываний. Его знаменитые «хотели как лучше, а получилось как всегда» и «какую бы организацию мы ни создавали – получается КПСС» [50, с. 118] прекрасно характеризуют два главных детища премьера – бестолковые экономические преобразования и рождение (к следующим парламентским выборам 1995 г.) недоношенной партии власти под названием «Наш дом – Россия». Получается, что лучше самого Черномырдина так никто о Черномырдине и не сказал.

Однако даже больше, чем внешними характеристиками, премьер напоминал Жириновского прагматизмом, всеядностью и отсутствием каких бы то ни было априорно заданных установок. Имея большой опыт работы советским хозяйственником, успев поруководить газовой промышленностью СССР и концерном «Газпром», в который эта промышленность была преобразована на волне реформ³, Черномырдин остался совершенно чужд догматизму множества красных директоров. В отличие от Николая Рыжкова, он не стремился цепляться за старое, и, пожалуй, лишь малая образованность мешала ему принимать разумные решения хотя бы на день-другой раньше, чем клонет жареный петух.

Как-то раз Черномырдин с украинским президентом Леонидом Кучмой ловили раков. Разделись до трусов и по колено в воде стали бродить вдоль берега. Набрали с ведерко и хотели уже уходить, как вдруг один рак схватил Кучму за палец. Президент закричал, сбежалась охрана... а рак не отпускает. Не растерялся лишь Черномырдин – укусил рака за клешню, тот и отпустил палец [50, с. 33]. Другой премьер на месте Степаныча вызвал бы подкрепление – роту ОМОНа, кремлевский полк, десантную дивизию... В общем, напрямь бы подчиненных. А этот моментально среагировал на изменение обстановки, поскольку умел адаптироваться и брать ответственность на себя.

Увы, страной управлять – это не раков ловить. Здесь кризисная ситуация становится очевидной, когда тебе не только палец, а уже всю руку оттяпали. Виктор Степанович долго не ощущал, как некие челюсти перемалывают его хозяйство.

Словом, и Черномырдин, и Жириновский могли сказать о себе в 1994 г.: жизнь удалась. Один стал премьером, другой – возглавил вторую по величине фракцию парламента. То, что у страны при этом оставались еще какие-то

³ Вот очередная, на этот раз автобиографическая «черномырдинка»: «Моя специальность и жизнь прошли в атмосфере нефти и газа» [50, с. 228]

«маленькие» неразрешенные проблемы⁴, волновало этих людей, по большому счету, лишь в той мере, в какой могло затронуть их личное высокое положение. А оно пока представлялось вполне надежным.

Точно таким же надежным оно было и у правительственных чиновников, хотя делать они ничего толком не умели. Побывав как-то раз экспертом в одном из министерств, я обнаружил, что работников, способных написать сколько-нибудь внятную бумагу, там практически нет. Об этом мне прямо сказал первый замминистра, вынужденный для серьезных задач привлекать специалистов из научных кругов. Причем такая ситуация складывалась повсюду.

«Готовить проекты более-менее значимых решений могут только чиновники уровня заместителей министров и министров, — отмечал Алексей Улюкаев (ныне первый зампред ЦБ). — Высококвалифицированный и заслуживающий хоть какого-то доверия управленческий труд является делом нескольких сотен ответственных бюрократов» [263, с. 124]. А ведь зарплату (и взятки) получали по стране не сотни, а, наверное, сотни тысяч. В их представлениях об удавшейся жизни никакие реформы не значились⁵.

У Гайдара, Федорова и Илларионова были иные представления. Невозможность формирования реформаторского правительства означала, что жизнь удалась не вполне. Высокий пост для каждого из них не был самоцелью, а отставка, согласно взглядам того времени, означала возможность вновь вернуться во власть, как только провалится безликий курс Черномырдина.

Сегодня мы уже знаем, что в России переходного периода этот, столь характерный для цивилизованных стран способ ведения политической деятельности, совершенно не срабатывает. К власти возвращается не тот, кто доказал свою правоту избирателю, а тот, кого захочет видеть у власти президент. Сам же президент становится продуктом не свободного волеизъявления избирателей, а применения изошренных политтехнологий. Но в 1994 г. мы все еще смотрели на российские реалии через призму европейского опыта.

Виктор Черномырдин

⁴ И снова из Черномырдина: «Учителя и врачи хотят есть практически каждый день!» [50, с. 45].

⁵ «Мы сегодня на таком этапе экономических реформ, — отметил как-то проницательнейший Виктор Степанович, — что их не очень видно» [50, с. 45].

Куплю жене сапоги

Что касается президента образца 1994 г., то он почивал на лаврах, демонстрируя даже большее спокойствие, чем Черномырдин или Жириновский. Этот год был первым, когда мы увидели Ельцина совершенно не похожим на того, который еще недавно влезал на танк и поражал массы силой своей личности. Крупный государственный деятель, решившийся в 1991 г. на сложные, непопулярные реформы и пожертвовавший своей репутацией ради формирования рыночной экономики, постепенно испарялся. На месте великого Ельцина, обладавшего силой воли и политическим чутьем, все чаще оказывался Ельцин маленький — обычный растерянный человек, не имеющий ни воли, ни чутья.

О природных слабостях Бориса Николаевича, способного, скажем, вдруг с бухты-барахты свалиться в реку, было и раньше известно. Сергей Филатов, работавший несколько лет главой кремлевской администрации, отмечал, что Ельцин обладал странной способностью «исчезать» в самое неподходящее время. Например, осенью 1991 г. он оказался совершенно недоступен, когда требовалось срочно решать назревшие проблемы с Чечней [268, с. 80]. Можно легко догадаться, чем занимался президент в этот момент.

Но по-настоящему «ломаться» глава государства стал уже после либерализации цен. Сталкиваясь с возмущением и ненавистью тех, кто раньше боготворил его, Ельцин входил в стресс. Как-то раз после общения с народом в Нижнем Новгороде он сел в машину и пробормотал: «Господи, что я наделал» [49, с. 168].

Впрочем, до октября 1993 г. он еще более-менее держался. Однако новый Ельцин, прошедший через страшный стресс времен кровопролитного противостояния с парламентом, стал вялым, апатичным, порой смешным, а порой жалким. Он все чаще переставал работать и даже делать вид, что еще хоть немного думает о положении в стране. Борис Николаевич отменял мероприятия, рано уезжал из Кремля, отправлялся на дачу. Пресс-служба изобрела формулировку «президент работает с документами», но вскоре она уже никого не могла обмануть [119, с. 297]. Журналистам все стало ясно.

С годами, когда Ельцин понял, как воспринимается в обществе его неспособность к серьезной, систематической работе, он стал неумело оправдываться и выдавать в камеру какие-то совершенно безумные комментарии: «Я работаю с трех часов ночи до девяти утра. Потом, понимаешь, консилиум (речь идет о пребывании в больнице в 1998 г. — Д.Т.), потом опять работаю до трех часов дня, потом процедуры и опять работаю» [130, с. 254].

«Отклонения в нервно-психологическом состоянии у Бориса Николаевича я заметил весной 93-го, — писал впоследствии его главный охранник генерал Александр Коржаков. — Он сильно переживал противостояние с Хасбулатовым и Руцким, впал в депрессию, даже начал заговариваться...» [114, с. 203]. Другой наблюдатель — Егор Гайдар — отметил, что Ельцин очень расстроился из-за относительной неудачи демократов на декабрьских парламентских выборах. По некоторым данным, в случае успеха он даже был готов к серьезному политическому прорыву, но, столкнувшись с реальностью, сильно приуныл [44, с. 313]. 1994 г. для него стал периодом полной апатии и абсолютного бездействия.

Ельцин сравнительно спокойно перенес даже то, что свежееизбранные парламентарии амнистировали участников августа-91 и октября-93 [167, с. 386]. Президент поворчал немного, но на «танк» не полез. Если для других представление о том, что жизнь удалась, выражалось в наслаждении властью, деньгами, почетом, то для превратившегося в старого дедушку Бориса Николаевича все сводилось к удовольствию, получаемому от «раздавленной» бутылочки. Зачастую в обществе охранника Коржакова.

И у Коржакова тоже жизнь удалась. В 1994 г. он внезапно превратился из телохранителя в лицо, чуть ли не обходящее по влиянию премьер-министра. Александр Васильевич начал серьезно воздействовать на главные кадровые назначения страны и потихоньку продвигать своих друзей: Олега Сосковца — в премьеры; Михаила Барсукова — в руководители госбезопасности.

А самое главное, Коржаков уже тогда начал вертикализировать олигархов, т.е. делать то, что нашло поистине успешное воплощение уже при Владимире Путине. В свете вертикализации президентские охранники как-то раз наехали на людей олигарха Владимира Гусинского, положили их горизонтально (мордой в снег) и, по всей видимости, неплохо потрясли бы толстосума, если бы тому на выручку не подоспели недовертикализированные еще к тому времени чекисты.

Личный спецназ начальника Московского управления Федеральной службы контрразведки Евгения Савостьянова — выходца из демократических кругов — разметал ленивых охранников, настроенных лишь на то, чтобы сшибать бабки, а не проводить серьезные операции [167, с. 412]. Тем самым чекисты на некоторое время притормозили становление в России хищнического режима, при котором бандиты от власти стригут бизнесменов, как овечек. Если бы такой режим возник не на волне притока нефтедолларов, а в эпоху трансформационного спада, экономика вряд ли бы выдержала подобную нагрузку.

Коржакову ничего не обломилось, но он утешился тем, что быстренько подписал у своего друга-президента указ о снятии с работы Савостьянова.

Впрочем, если бы проблемы страны ограничивались лишь тем, что президент утешается со своим охранником, это было бы еще полбеды. Но Ельцин настолько терял контроль над собой, что оттягивался публично.

О пристрастиях президента людям информированным известно было и раньше. Однажды его пресс-секретарь Вячеслав Костиков описывал сотруднику «Комсомолки», как выглядит его шеф: большой, крупный, белокожий, пахнет хорошим одеколоном. «Как? Уже дело и до одеколona дошло?» — тут же прореагировали циничные журналюги [119, с. 49].

Как-то раз после хорошего обеда Ельцин посещал колхоз. Заглянув в коровник, президент отдал дояркам руководящее указание государственной важности: не спускать глаз с течки. А затем стал заглядывать коровам под хвост и пытаться достать вымя. Доярки покатывались от хохота [130, с. 87].

Это было на заре эпохи Ельцина. Но в середине 90-х гг. об экстравагантном поведении российского президента судачил уже весь мир. Однажды в Берлине он, изрядно расслабившись, полез дирижировать оркестром. Борис Немцов свидетельствует, что перед этим Ельцин пил весь день⁶ [177, с. 40]. А во время большого зарубежного турне по дороге из США в Ирландию президент пришел в такое состояние, что уже не смог выйти из самолета к встречавшим его официальным лицам.

Эти истории происходили практически перед телекамерами, и скрыть их было невозможно. Остается лишь догадываться, сколько всего подобного случилось втайне. Коржаков, например, написал о том, как по желанию Ельцина сбросили за борт с парохода бедолагу Костикова [114, с. 204–223, 251–254]. Можно было бы предположить, что главный президентский охранник, писавший мемуары уже после отставки и откровенно ненавидевший в это время своего бывшего шефа, малость приврал. Тем более что в мемуарах самого Костикова об этом печальном инциденте ничего не сказано. Однако президентский кинооператор Александр Кузнецов, присутствовавший на том пароходе, подтверждает в своих воспоминаниях сию откровенно издевательскую историю и даже приводит фотографию бедолаги пресс-секретаря, плавающего в енисейских водах со спасательным кругом [130, с. 201–203]. Костиков же, видно, при написании мемуаров решил помолчать, чтобы не выставлять себя

⁶ Справедливости ради, следует отметить, что подобное «гастрольное музицирование» не было беспрецедентным явлением в нашем руководстве. Как-то раз Брежнев в Польше уже дирижировал залом, поющим «Интернационал» [281, с.127]. Разница состояла лишь в том, что тяжело больной Брежнев уже вообще плохо понимал, что делает, тогда как Ельцин лишь временами выводил себя алкоголем из нормального состояния.

публично в дурацком виде. Поговаривали, что странные, неадекватные действия Ельцина определялись не просто злоупотреблением алкоголем, но смешением водочных «промилле» с разнообразными лекарственными препаратами, которые прописывали ему врачи из-за сердечной болезни [170, с. 13]. Возможно, неадекватность была не столько виной, сколько бедой президента, однако для страны в целом такие «тонкости» оказывались не так уж важны.

Дурная слава перевалила за российскую границу, и это стало отражаться на делах внутренних. За пару лет президент из национального кумира превратился в национальный позор. Интересно, думал ли он когда-нибудь, что трупы, положенные в октябре 1993 г., могут иметь хоть какое-то моральное оправдание, лишь если «на крови» неустанно возводится фундамент свободного и богатого общества, в котором дети несчастных жертв вкусят все же плоды преобразований?

В конечном счете, значение Ельцина для России определяется все же не его поведением середины 90-х гг., а тем, что он решился в трудный для страны момент на чрезвычайно важные реформы. Но для объективного понимания этой личности мы, увы, должны учитывать и все то, что происходило после «влезания на танк» и после либерализации цен.

Впрочем, что всегда интересно было в Ельцине, так это его способность быть примерно таким, какова народная масса. Плоть от плоти, кровь от крови народной Борис Николаевич обычно оказывался и велик, и жалок вместе с толпой. Возможно, тот пофигизм, который был совершенно непонятен интеллектуалам, с одной стороны, и беднякам, с другой, для среднего российского обывателя представлялся вполне естественным.

Удивительно, но, несмотря на продолжающийся спад производства, высокую инфляцию и нищету миллионов, рядовой российский обыватель в 1994 г. тоже готов был сказать о себе: жизнь удалась. Катаклизмы предыдущих лет внезапно обернулись какой-то странной самоуспокоенностью, иллюзией того, что государственное судно вошло наконец-то в тихую гавань⁷. С этого стоящего в гавани судна обыватель вдруг бросился в омут финансовых операций.

Конечно, в значительной степени к стремлению получить на халяву высокий доход подталкивала высокая инфляция. Требовалось как-то сберечь большим трудом заработанные деньги. Но ведь можно было покупать иностранную валюту, надежность которой не вызвала сомнений. Вместо этого россияне бросились вкладывать деньги в растущие как грибы после дождя откровенно

⁷ Еще парочка «черномырдинок» оптимистически-успокоительного свойства. Вот первая — «Вообще-то успехов немного. Но главное: есть правительство». А вот вторая — «Впервые за многие годы отмечено сокращение сброса поголовья скота» [50, с. 45–46].

мошеннические финансовые компании — МММ, «Русский дом селенга», «Хопер» и др. Наивность в сочетании с представлением, будто все трудности преобразований остались уже позади — где-то там в октябре 1993 г., породили представление о перспективности данного вида бизнеса.

Наверное, многие осознавали, что имеют дело с мошенниками, но надеялись успеть соскочить с лохотрона до того, как его хозяин сбежит с деньгами. Тем не менее, думается, что большинство азартных игроков руководствовалось плохо осознанным представлением, будто «золотые», зарытые на «поле чудес», действительно вскоре принесут богатые плоды и Буратино станет богатеньким [76, с. 57–60].

Финансовые компании использовали разные механизмы, но в целом смысл их деятельности сводился к тому, чтобы, создавая вкладчикам высокий доход и заваливая обывателя рекламой, привлечь как можно более крупные деньги, а затем свалить вместе с ними. Символом эпохи стал персонаж из рекламного ролика Леня Голубков, мечтавший купить жене сапоги и с помощью МММ «заработавший», наконец, искомую сумму. Ведь если жена — в сапогах, то, значит, жизнь удалась!

Несмотря на всю внешнюю несхожесть Бориса Ельцина и Лени Голубкова, это был единый человеческий тип применительно к образу жизни 1994 г. Возможно, Ельцину казалось, что, подзаяв денежек на Западе и продав баррель-другой нефти, он оденет в «сапоги» всех женщин любимой отчизны. А может, он вместе с Ленией вообще относился к финансам как к некоему черному ящику: не важно, что происходит внутри, важно, что из МММ, как и из МВФ, регулярно выползают какие-то денежные купюры.

Финансы же с середины 1994 г. явно стали петь романсы. Сначала одна за другой стали лопаться жульнические компании, и страна наполнилась толпами разоренных вкладчиков, внезапно обнаруживших, что жизнь у них все же не вполне удалась. А в октябре наступил вдруг момент истины для всей финансовой политики эпохи раннего Черномырдина.

Черный вторник

Пожалуй, главным идеологом этой политики (при относительной индифферентности наслаждавшихся жизнью Ельцина и Черномырдина) стал глава Центробанка Виктор Геращенко — человек толковый, остроумный, явно выделяющийся на фоне экономистов-практиков советской эпохи. Этот типичный шестидесятник (обосновавшийся, в отличие от большинства

шестидесятников, не среди физиков и лириков, а среди экономистов) был человеком явно не безразличным. Несмотря на внешние признаки абсолютного спокойствия, иногда принимаемого даже со стороны за пофигизм, Геращенко имел четкое видение того, как следует обустроить Россию. Во всяком случае, по финансовой и монетарной части. Он принадлежал к поколению людей с активной жизненной позицией, мечтавших о переустройстве вселенной, а потому не принимал отностительной пассивности таких сторонившихся государственного интервенционизма либералов, как Гайдар, Федоров или Илларионов. Геращенко искренне полагал, что денежная эмиссия будет способствовать экономическому росту, поскольку появление у предприятий и граждан средств платежа создаст дополнительный спрос на продукцию. А раз расширяется спрос, значит, расширяется предложение.

Виктор Геращенко

Инфляцию, судя по всему, этот странный глава Центробанка важной проблемой не считал, хотя типичный руководитель денежных властей любой цивилизованной страны полагает своей обязанностью следить именно за ростом цен, а не за ростом экономики. Но Геращенко хотел осчастливить Россию по-крупному. Соответственно, и проблемы возникли крупные.

Либералы, в отличие от этатистов, опасаются сильно накачивать хозяйственную систему деньгами. Хотя эта накачка действительно создает спрос и стимулирует предложение, негибкая экономика часто откликается на стимулы не столько ростом ВВП, сколько увеличением цен. Для России начала 90-х гг., где бизнес был еще слаб и пуглив, вероятность того, что каждый напечатанный рубль создаст какое-нибудь производство, была предельно мала. А политический и финансовый беспорядок просто-таки вынуждал лиц физических и юридических вкладываться в спекуляции вместо производства.

Но Геращенко, наверное, верил в идеи монетарного регулирования экономики, столь популярные в годы его молодости, примерно так же, как шестидесятники верили, что на Марсе будут яблони цвести. Вскоре после того, как он возглавил ЦБ России (летом 1992 г.), темпы роста денежной массы резко возросли. Возросла, естественно, и инфляция.

Гайдар ничего не сумел противопоставить этой смене курса. Федоров в 1993 г. смог добиться сдвига к некоторой умеренности в бюджетных расходах,

но весной 1994 г., когда Геращенко остался наедине с денежной массой, темпы работы «печатного станка» вновь стали высокими. В первом квартале года денежная масса росла со скоростью менее 7% в месяц, а в апреле-августе — темп ее роста увеличился аж до 13%. И неудивительно, что денег понадобилось так много. Ведь из-за неумеренных расходов правительства резко возрос бюджетный дефицит [101, с. 27, 31]. Требовалось чем-то покрывать образовавшуюся дыру.

Уверенность властей в правильности монетарной политики подкреплялась еще и тем, что с февраля стала притормаживать инфляция. Относительная умеренность роста цен в 1994 г. определялась курсом бюджетной экономии, который проводился Гайдаром и Федоровым минувшей осенью. Изменение темпов эмиссии сказывается на ценах не сразу, а лишь через несколько месяцев, т.е. тогда, когда продавцы осознают, насколько вырос спрос. Но Геращенко вряд ли это понимал. Скорее, он думал, будто инфляция сама пошла на спад, а поэтому денежная накачка пройдет безболезненно.

Неверно было бы мазать Виктора Владимировича одной лишь черной краской, а Егора Тимуровича и Бориса Григорьевича изображать в светлых тонах. В 1994 г. положение дел не ухудшилось по сравнению с 1992–1993 гг. Инфляция даже стала ниже. Но все же следует заметить, что в странах Восточной Европы, проводивших ту жесткую монетарную политику, за которую ратовали Гайдар, Федоров и Илларионов, третий год реформ становился уже годом стабилизации и начала роста ВВП. У нас же он стал годом сплошных разочарований.

В один мрачный октябрьский вторник рубль на валютной бирже вдруг рухнул. Подешевев в отношении доллара примерно на треть, наша валюта сделала тем самым россиян разом на треть беднее. Стало ясно, что бизнес не верит в инфляционную экономику и обращает столь активно производимые Центробанком рубли не в инвестиции, а исключительно в доллары. Октябрьская катастрофа 1994 г. была не столь уж страшной на фоне экономических трудностей 1992–1993 гг., но она показала и Ельцину, и Черномырдину, что их жизнь как руководителей столь же неудачна, как личная жизнь вкладчиков МММ.

Геращенко мигом был отстранен от руководства Центробанком. Память о его заслугах осталась в составленном Федоровым англо-русском валютно-кредитном словаре: «Geraschenko Victor... по словам специалистов — самый плохой центральный банкир в мире» [266, с. 105]. Министр финансов, не сумевший переиграть своего главного оппонента в политико-экономической борьбе, смог все же оттянуться на противнике постфактум.

Но главным стала даже не смена центрального банкира. Премьер заявил о необходимости принципиальной смены курса, о важности финансовой

дисциплины. Впоследствии его прозвали за это стихийным монетаристом, т.е. человеком, научившимся азам финансовой и кредитно-денежной политики не по учебникам в студенческие годы, а на собственных ошибках к старости⁸.

Во главе всего экономического блока правительства был поставлен последний уцелевший реформатор гайдаровского призыва – Анатолий Чубайс. Наладив отношения с новой главой ЦБ Татьяной Парамоновой, он приступил к работе по обеспечению реальной финансовой стабилизации. Чудес от рубля больше не ждали. Распоясавшиеся деньги брали, наконец, в ежовые рукавицы.

Черный вторник привел в чувство правителей на предмет экономических реформ. Но мировоззрение, сутью которого стало простенькое чувство – «жизнь удалась», настолько въелось в плоть и кровь представителей ельцинской системы, что они вообще оказались не способны смотреть на вещи под каким-то иным углом зрения. Поскольку в стране все проблемы были «уже решены», появилась возможность заняться Чечней, которая с осени 1991 г. фактически пребывала в состоянии, близком к независимости.

Министр обороны Павел Грачев, изрядно повоевавший в Афганистане, но, видимо, ничему там толком не научившийся, решил, что сможет поставить Чечню под контроль одним парашютно-десантным полком. И вот в ночь под Новый год Россия вторглась в эту северокавказскую республику, уже не считавшую себя субъектом федерации.

Ельцин нашел для себя задачу, смысл которой способен был понять. Грачев нашел «маленькую победоносную войну», способную увенчать его карьеру «великого полководца». Бизнес нашел возможность делать миллиарды на крови, поскольку никем толком не контролируемые военные поставки и расходы на восстановление разрушенных зданий, оказавшихся в зоне боевых действий, по прибыльности превосходили большинство видов обычной коммерческой деятельности. Все были в восторге: жизнь удалась.

А в это время с Кавказа уже шли всюю гробы с телами молодых ребят, попавших под колесо российской истории. Их жизнь не удалась. И то, что вслед за ними еще более десятилетия из Чечни станет поступать так называемый «груз 200», оказалось страшнее черного вторника. Но осознать, во что мы вляпались в 1994 г., власть была не способна. Под грохот взрывов она бурно праздновала наступление нового 1995 года.

⁸ И опять цитата из «гения русской словесности»: «Правительство обвиняют в монетаризме. Признаю – грешны, занимаемся. Но плохо» [50, с. 46].

Глава 16

Первая Чеченская трагедия

Россия в кавказской войне

История не отвечает на вопрос, что было бы если... И все же представим себе на минутку, будто Никита Хрущев, расщедрившийся в свое время до передачи Чечне двух населенных русскими людьми районов ставропольского края (Надтеречного и Шелковского), проявил еще больший волюнтаризм и объявил Чечено-Ингушскую автономию равноправной союзной республикой в составе СССР. Что помешало бы сделать такой шаг партийному лидеру, искренне убежденному в скором приходе коммунизма, стирающего всяческие различия между народами? Захоти Хрущев всерьез «утешить» репрессированные Сталиным народы, и нынешний ход дел на Кавказе мог бы быть совсем иным.

В известной степени чеченская война стала исторической случайностью. Если бы Чечня имела статус союзной республики, то она получила бы независимость еще в 1991 г. в соответствии с беловежскими соглашениями и никому в голову не пришло бы проливать столько крови ради того, чтобы российский флаг развевался над Грозным. Москва спокойно отдала огромные земли с абсолютно русским населением на севере Казахстана, на востоке Украины и на востоке Эстонии. Москва спокойно пошла на то, чтобы Беларусь, толком не определившаяся в вопросе о своей идентичности, стала независимым государством. Москву не слишком сильно интересовала поистине трагическая судьба русских в Туркменистане, где местный вождь Туркменбаши вплоть до своей кончины вытворял абсолютно все, что хотел. Чечня же обернулась кровопролитной войной и серьезным ударом по российской экономике, нанесенным именно в тот момент, когда ей требовалась передышка после «черного вторника».

Земля наша богата, порядка только нет

То, что борьба России с Чечней станет идти на равных, с самого начала ясно было многим. Сегодня кажется, будто лишь паникеры да вечно всем недовольные правозащитники твердят об отсутствии настоящих успехов. Но на самом деле в начале кампании у военных специалистов, скорее, доминировали пессимистические представления о возможностях федералов.

Известно, что сторонником мира оказался имеющий большой опыт афганской войны Александр Лебедь. Известно и то, что от руководства не готовыми к битвам солдатами отказался заместитель командующего сухопутными войсками Эдуард Воробьев. Не столь хорошо известно, что открыто против ввода войск высказался самый опытный «афганец», бывший командующий нашим «ограниченным контингентом» Борис Громов, и что еще несколько генералов по тем или иным причинам не смогли принять под свое начало армию. Даже разудалый ельцинский министр обороны Павел Грачев, поначалу обещавший взять Грозный одним парашютно-десантным полком, вскоре после начала кампании сильно приуныл и фактически устранился от командования¹.

Собственно говоря, сама война стала результатом не оптимального выбора стратегии, а следствием провала того варианта решения чеченской проблемы, который поначалу был принят за основу. ФСБ (тогда ФСК – Федеральная служба контрразведки) под руководством Сергея Степашина готовила осенью 1994 г. марш на Грозный с тем, чтобы власть сепаратистов была свергнута силами оппозиционных чеченцев, слегка разбавленных, правда, российскими танкистами.

О том, насколько наивными были перед началом войны представления высшего российского командования о чеченских перспективах, свидетельствует в своих мемуарах такой авторитетный эксперт, как Анатолий Куликов, командовавший в то время внутренними войсками МВД. На совещании у начальника Генштаба Колесникова в ноябре 1994 г. было сказано, что в проводимой оппозицией операции могут со стороны России при необходимости участвовать лишь внутренние войска. «Я переспросил: “Как это – только внутренние войска? У меня же, кроме легкого стрелкового оружия, ничего нет... Ведь должен кто-то осуществлять авиационное прикрытие и артиллерийскую поддержку?” –

¹ По оценке Егора Гайдара, Грачев с самого начала был против войны, несмотря на фразу про парашютно-десантный полк. «Наибольшими энтузиастами, – отмечает Гайдар в имеющихся у меня записках, – были вице-премьер Николай Егоров и секретарь Совета Безопасности Олег Лобов».

“Да что вы, — махнул рукой Колесников, — дадим вам одну батарею: этого будет достаточно”» [132, с. 239]².

Марш этот полностью провалился, танкистов сожгли, оппозиционеров рассеяли. И тогда вместо пересмотра всей стратегии в сторону мирного решения проблемы Кремль вдруг начал полномасштабную войну. Так сказать, не удалось прихлопнуть муху ладонью, взорвем ее гранатой.

Как отмечает генерал Александр Михайлов, 6 декабря 1994 г. состоялось заседание Совета безопасности, на котором окончательно было принято решение стремительными действиями российских войск начать и закончить войну (двумя батальонами!). Министр иностранных дел Андрей Козырев, докладывавший о реакции политиков Запада, четко сформулировал идею: успеем провести операцию до окончания Рождества — наши партнеры и не заметят, даже если Чечня опустится ниже уровня моря. Если же мы операцию затянем, то под давлением оппозиции политики вынуждены будут высказать свою точку зрения не в пользу России [163, с. 240]. Получается, что не один только Грачев мечтал «подарить Чечню России» уже к Новому году.

Словом, можно сделать вывод, что многочисленные неудачи российской армии в Чечне связаны не с предательством излишне миролюбивых политиков, как иногда говорят генералы, и не с тайными поставками оружия боевикам, как утверждают сторонники теории «мировой закулисы». Неудачи связаны с совершенно объективными причинами, с тем, что стратегия отношений «Москва — Грозный» с самого начала строилась на основе ложных принципов.

Начинались чеченские события в августе 1991 г., т.е. практически тогда же, когда обретали независимость все бывшие союзные республики. Более того, чеченская революция была настолько значительной, что ни советские, ни партийные органы власти не смогли сохранить свои позиции.

В других республиках разваливавшегося Союза старая номенклатура по преимуществу удержала бразды правления, провозгласив новые лозунги. Но в Грозном к власти реально пришел совершенно новый лидер — глава исполкома Общенационального конгресса чеченского народа 47-летний генерал Джохар Дудаев. Становление национальной идентичности стимулировали как внутренние процессы, так и постепенно вызревавшие конфликты с соседями —

² Другой пример такого же рода приводит один из руководителей телеканала НТВ Игорь Малашенко. Однажды в ноябре он встретил своего старого знакомого, имевшего самое непосредственное отношение к танковой атаке на Чечню. «Игорь, — уговаривал он Малашенко, — ты можешь забыть о Чечне всего на две недели? Через две недели мы закончим операцию, и я лично приеду на НТВ и обо всем расскажу» [280, с. 326].

Ставропольским краем, Ингушетией, Дагестаном [54, с. 131]. В конечном счете, по масштабности трансформации Чечня оказалась сопоставима чуть ли не с балтийскими государствами, хотя, конечно, в основе этой трансформации лежали процессы, не имеющие ничего общего ни с демократией, ни с рынком.

Трудно удержать в границах одного государства народы с совершенно различным менталитетом. Рано или поздно они все равно разбегутся, поскольку не захотят примирять свой образ жизни с образом жизни соседа. Некоторым из нас, конечно, приятно слушать сладкие сказочки о том, что всем людям на земле можно жить дружно одной большой семьей, но мир, к сожалению, устроен сурово. Сказки нельзя положить в основу реальной политики. Для совместного проживания различных современных народов необходима близость уровня экономического развития, близость культурная и ментальная, как, например, в Евросоюзе. ЕС ведь даже быстро прогрессирующую и вестернизирующуюся Турцию боится включать в свой состав. Вдруг не удастся ужиться?

Разрыв же между Россией и Чечней несопоставимо больше, чем между Евросоюзом и Турцией. О некоторых особенностях чеченского быта, сложившегося задолго до начала войны, свидетельствует, например, рассказанная журналисткой Ольгой Аленовой история одного русского, которого еще в 1989 г. продали в рабство. Хозяин бил его по голове прикладом автомата, а затем стрелял: «Как думаешь, Вовчик, попаду в тебя или не попаду?» За попытку побега русского стегали плеткой, а потом устроили бега. Хозяин на коне бил пленника кнутом, тот должен был убегать. А хозяин его догонял. На «представление» созвали гостей, которые выражали свое удовольствие подбадривающими криками. После серии таких забав пленника заставили работать. На него взвалили огромную печку-буржуйку и отправили в гору, в соседнее село. Почти 5 км под ударами кнута и палок он преодолел за полдня. Печку дотащил, а сам слег с высокой температурой. У него началось воспаление легких, он кашлял кровью. Хозяин думал, что раб умрет, и называл его за это собакой.

Примеры совершенных после 1991 г. многочисленных издевательств и прямых преступлений в отношении проживавших в Чечне русских приводит в своей книге генерал ФСБ Михайлов [164, с. 40–48]. Впрочем, даже эти ужасы оказались «цветочками» по сравнению с «ягодками», выросшими после начала войны. Чеченские сепаратисты убивали русских с особой жестокостью. По-видимому, не просто из необходимости, но также и для получения какого-то садистского удовольствия. Вот выдержка из доклада генерала Льва Рохлина, сделанного в 1995 г.: «Найден командир 131-й мотострелковой бригады со снятым скальпом. Мы обнаружили захоронение российских военнослужащих

с отрубленными головами» [цит. по 131, с. 96]. Такого рода трагических «находок», увы, было немало.

Можем ли мы, положив руку на сердце, сказать, что страна, где творится подобное, — это Россия, это один из наших субъектов Федерации? Можем мы надеяться на то, что способны жить на единой территории по единым законам? Можем мы искренне верить в возможность понять друг друга?

Увы, различия в менталитете и образе жизни между Россией и Чечней гораздо более значительны, чем между странами Балтии и Россией. Поэтому реальное решение чеченского вопроса предполагало либо предоставление Дудаеву независимости с жестким оформлением государственной границы России с Чечней, либо подавление стремления к независимости военной силой. Кремль выбрал второе, хотя такому решению имелась вполне определенная альтернатива.

Москве нетрудно было признать в 1991 г. независимость Чечни, как требовал Дудаев. Россия, погруженная в свои собственные проблемы, спокойно восприняла бы отделение региона, о котором 90% населения толком ничего не знало. Более того, осенью 1991 г. это отделение еще даже не означало бы выхода из состава СССР, поскольку Союз формально распался лишь в декабре. «В будущем Джохар рассчитывал на широкую автономию республики в составе нового Союза — о другом до конца 91-го года никто не думал», — отмечает, например, полковник Борис Подопригора, человек, которого трудно заподозрить в поощрении чеченского сепаратизма, поскольку в 2002 г. он занимал должность заместителя командующего российской группировкой в Чечне [198, с. 59].

Однако людей, способных квалифицированно оценить обстановку, тогда не нашлось. Дело взял в свои руки вице-президент Александр Руцкой. Москва пошла на конфронтацию с Дудаевым, и эта страшная ошибка во многом предопределила дальнейший ход трагедии.

Дудаев являлся типичным порождением советской номенклатурной системы и, скорее всего, даже не предполагал выхода за пределы авторитарной, светской и жестко централизованной модели, которую примерно тогда же начали создавать Ислам Каримов в Ташкенте и Сапармурад Ниязов в Ашхабаде. Приверженность исламу в исполнении Дудаева была не более чем политическим ходом, позволяющим управлять пробуждающейся религиозностью вайнахов. «Я не соблюдаю часы молитвы и обращаюсь к Аллаху обычно в душе», — говорил генерал [75]. Это признание (немыслимое для настоящего мусульманина, пять раз в день неизменно обращающегося лицом к Мекке) свидетельствует о многом.

Связь Дудаева с ходом национальных и религиозных процессов, протекавших в Чечне, вообще была крайне условной. Он родился на территории республики как раз в тот год, когда Сталин изгнал чеченцев. Детство Джохара прошло в Казахстане. Судя по всему, у мальчишки, потерявшего свою родину, оно было совсем не радостным. Как-то раз в середине 70-х гг. Дудаев спросил свою молодую жену: «Хочешь увидеть мое детство?», и повел ее в гарнизонный Дом офицеров смотреть американский фильм «Генералы песчаных карьеров» – трогательную, пронзительную историю о беспризорных детях в Бразилии [82, с. 45].

Дудаев и Масхадов

В карьере Дудаева были летное училище, долгая служба в армии, академия им. Гагарина. Большую роль он сыграл в афганской войне. По оценке генерала Анатолия Куликова, именно Дудаев может считаться фактическим автором тактики «коврового бомбометания», при котором на земле уничтожается все живое и неживое [131, с. 26]. Об этом же говорит и бывший министр обороны России генерал Павел Грачев, лично встречавшийся с ним пару раз в Афганистане – в Баграме и Кабуле: «Мы согласовывали взаимодействие дальней авиации и десантников. Джохар Дудаев был инициатором и разработчиком применения так называемых ковровых бомбежек в условиях Афганистана» [63]. Так что можно с уверенностью констатировать: никаких симпатий к мусульманам генерал Дудаев до 1991 г. не испытывал, уничтожал их тысячами в соответствии с приказами советского командования³.

Женился он на русской женщине. Бабушка жены ласково звала его не Джохарушкой, а Захарушкой [82, с. 109]. Никаких восточных, исламских мотивов в его жизни не существовало вплоть до начала 90-х гг. Он был обычным советским человеком, хотя, конечно, с не вполне обычной для того времени энергией и жадной восхождению наверх. Дудаев, бесспорно, желал в своем лице возродить военную славу репрессированного народа.

Завершал он военную карьеру в Тарту, куда прибыла делегация земляков просить первого в истории чеченского народа генерала вернуться на родину. Так сказать, земля наша богата, порядка только нет. Приди и правь нами.

³ Впоследствии Дудаев, по понятным причинам, отрицал свое участие в афганской войне. Характерно, что в биографии генерала, написанной его вдовой Аллой Дудаевой, об Афганистане нет ни слова [82].

Понятно, что управлять государством этот человек мог примерно так же, как он управлял войсками — исключительно сверху вниз. Любая идеология или религия должны были встраиваться в эту систему. «Вы призваны служить партии как цепные псы, которых спустил ЦК и платит за это деньги», — распекал как-то генерал замполитов своей дивизии [75]. По всей видимости, примерно так же он относился впоследствии к любым исламским фундаменталистам.

Предотвратить отделение Чечни было невозможно, но пресечь усиление фундаменталистских начал на Северном Кавказе Москва теоретически могла. В начале 90-х гг. в Грозном формировался светский режим, заинтересованный в экономических связях с Россией и более-менее контролируемый авторитарным лидером. Через десять лет на этом же месте существовала партизанская анархия, абсолютно никем не контролируемая, ненавидящая Москву и все более пронизываемая фундаменталистскими воззрениями. Как заявил однажды в интервью американскому журналу «Тайм» сам Джохар Дудаев, «Россия... вынудила нас встать на путь ислама, хотя мы и не были хорошо подготовлены к восприятию исламских ценностей» [цит. по 151, с. 167].

Это заявление Дудаева не являлось интерпретацией событий, сделанной задним числом. Генерал действительно поначалу не стремился к исламизации Чечни. Более того, он сопротивлялся ей по мере своих сил. Вот, например, что Дудаев говорил своим соотечественникам в конце 1991 г.: «Если мы сегодня объявим жизнь по шариату, то завтра вы потребуете, чтобы я приступил рубить головы и руки грешникам, не думая о том, что послезавтра редкий участник этого съезда сохранит голову и руки. Вы к этому не готовы, и я тоже. Давайте поэтому наводить порядок по Корану — в душах, по Конституции — в жизни» [цит. по 250, с. 335]. Именно так: Коран и Конституция четко разделены.

Главная проблема для Кремля состояла не в том, чтобы удержать Чечню, а в том, чтобы любым способом сохранить возможность воздействовать на власть, сидящую в Грозном. В этом смысле Дудаев был просто подарком судьбы, даже несмотря на амбициозность, жестокость и грубость генерала. По оценке Галины Старовойтовой, крупнейшего российского специалиста-этнографа и весьма опытного политика, глава Чечни был вполне способен к ведению серьезных переговоров. Более того, она сама как-то раз даже начала договариваться с ним об организации официальной встречи с представителями российского руководства [246, с. 188]. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев — человек совершенно иных политических взглядов и совершенно иного жизненного опыта, нежели Старовойтова, — также свидетельствует о возможности переговоров и даже о том, что к ним был готов Ельцин. Но вдруг президенту России передали,

что Дудаев плохо о нем отзывался, и все сорвалось.

Удержать от экстремизма клановое общество, имеющее давние набеговые традиции, можно было только авторитарным путем. Судьба дала Москве фигуру, способную говорить с ней на одном языке, но Кремль, в конечном счете, предпочел развязать не подготовленную толком войну и, провалившись, решил ухло-

Александр Лебедь и Аслан Масхадов

пать Дудаева, как будто проблема состояла в одном лишь генерале. Как отмечает полковник Подопригора, окружение Дудаева – Яндарбиев, Басаев, Удугов – было гораздо больше, нежели сам генерал, настроено на войну [198, с. 60].

Дудаев погиб в горах весной 1996 г. от ракетного удара. Считается, что российские войска засекли его разговор по спутниковому телефону. С чисто военной точки зрения, это был успех. Однако тактическое достижение обернулось стратегическим провалом. Председатель союза мусульман России НаDIR Хачилаев, совершивший тогда поездку в Чечню, отмечал, что «...настроения среди полевых командиров относительно переговоров с Россией изменились. Может быть, мне показалось и это чисто эмоциональная реакция, но настроение такое – никаких переговоров» [170, с. 283]. В общем, после гибели первого президента Чечни развитие северокавказского кризиса стало практически необратимым.

Впрочем, поначалу казалось, что это не совсем так. Новый лидер – Аслан Масхадов – в определенном смысле был даже более приемлемой для Москвы фигурой, чем лидер старый. Советский офицер, прошедший примерно такую же школу, как и Дудаев, он отличался большей склонностью к компромиссам и совершенно искренне шел на переговоры с российскими генералами.

Интересные свидетельства о Масхадове дает нам полковник Подопригора. Свою национальную идентичность он в советское время определял весьма растяжимо: «В служебное время я русский, в отпуске – кавказец». Религиозную идентичность – тем более: На вопрос «Верите ли вы, господин полковник, хоть в Бога, хоть в Аллаха?» – Масхадов после паузы ответил: «Я верю в артиллерию» [198, с. 64].

Масхадов не был тем исчадием ада, которым его попыталась сделать кремлевская пропаганда, хотя, конечно, не был он и ангелом. Этот артиллерийский полковник твердо стоял на позициях независимости Чечни, допускал использование самых жестких военных методов в деле борьбы за свободу и в кризисных ситуациях предпочитал быть не с федералами, а со своим народом. Объективно это ставило его в один ряд с откровенными чеченскими бандитами.

Если бы на российской стороне имелись сильные политики, думавшие не о том, как активизировать национализм внутри России, а о том, как вывести страну из кризиса, можно было бы делать ставку на противоречия между Масхадовым и полевыми командирами. Но, увы, в Москве возобладали совершенно иные настроения. Кремлевские лидеры предпочли за счет Чечни решать внутренние задачи, и катастрофа стала приближаться стремительными темпами.

К весне 1996 г. мы уже слишком щедро оплатили кровью российских парней стремление политиков удержать Чечню в составе единого государства. Только по официальным данным имелось 3,5 тысячи убитых и до 40 тысяч раненых [131, с. 214]. Солдаты, хорошо знавшие цену крови, хотели мира. К этому активно стремился, в частности, генерал Лебедь, навоевавшийся еще в Афганистане. Но не ему, увы, принадлежало последнее слово.

Мир с Масхадовым, заключенный Лебедем в 1996 г. в Хасавюрте, теперь принято называть чуть ли не преступным. На самом деле это, конечно, был большой успех, нуждавшийся, однако, в том, чтобы его должным образом развили. Объективно такого рода соглашения, как хасавюртские, переводят войну национально-освободительную в войну гражданскую, поскольку разнородные силы, боровшиеся раньше совместно против общего имперского врага, в ситуации «мира» начинают выяснять отношения между собой. Именно это и произошло в Чечне.

С одной стороны, быстро выявилось, что клановая структура общества в сочетании с резко возросшим за годы войны авторитетом отдельных полевых командиров объективно делает новое, условно независимое государство практически неуправляемым из Грозного. С другой же стороны, на имевшиеся ранее конфликты светского характера наложились еще и острые религиозные противоречия.

Как отмечает ведущий эксперт по Кавказу В. Тишков, «современное поколение даже не знало, что есть такой институт шариатского суда, который может и должен регламентировать жизнь чеченцев... Теперь... появились желающие установить новый порядок, который они называли “чистым исламом”... Радикальная исламизация есть не что иное, как попытка демодернизации общества в условиях разрушений и человеческих утрат, а также потери социальных ориентиров» [250, с. 323–324]. Проще говоря, в ответ на войну и принесенные ею

несчастья, чеченцы стали больше задумываться о религии, поскольку обустроить нормальную жизнь на своей земле им не удалось. Радикальная исламизация стала единственным способом компенсации многочисленных жизненных трагедий.

В 1998 г. были осуществлены первые демонстративные казни по приговору шариатского суда, хотя, как мы помним, Дудаев, пока был жив, резко возражал против такого метода расправы. Религиозная атрибутика стала в Чечне к концу 90-х гг. практически повсеместным явлением. В школах начал изучаться Коран. Были введены некоторые исламские нормы семейно-бытовых отношений и правового урегулирования. Получила распространение иная одежда [250, с. 343].

Басаев вместе с рядом других влиятельных чеченских лидеров стали ваххабитами. Масхадов, развернув решительную борьбу с ваххабизмом, оказался по другую сторону баррикад. В частности, в ответ на мятеж в Гудермесе, осуществленный в июле 1998 г. ваххабитами, возглавляемыми Арби Бараевым, Масхадов распустил «исламский полк», лишив Бараева воинского звания и наград. Тот в ответ организовал покушение на главу Ичкерии, и лишь по счастливой случайности президент не пострадал.

В этой ситуации Россия должна была всеми силами помогать Масхадову. Лучшего союзника найти все равно ей в тот момент не удалось бы. Но Кремль до поры до времени демонстрировал полную индифферентность, как будто бы Хасавюрт освобождал нас от задачи ведения какой бы то ни было осмысленной политики на Северном Кавказе. На самом деле перед Москвой стояли совершенно конкретные цели. Понятно, что ни возвращение Чечни в лоно «матери-родины», ни построение за Терекком демократической республики всерьез рассматриваться в качестве реалистичных задач не могли. Но имелись иные варианты относительно благоприятного для России развития событий.

В лучшем для нас случае можно было бы добиться установления в Чечне жесткого авторитарного и — самое главное — светского режима, силой подавляющего всяческое сопротивление на местах. Ничего невозможного в постановке такого рода задачи не имелось. Подобные режимы существуют повсюду в странах Востока и очень часто они укрепляются заинтересованными сторонами извне. Однако проведение такого рода политики было для российского руководства 90-х гг. делом слишком сложным. В итоге к 1999 г. мы вошли в еще один тяжелейший чеченский кризис, анализ которого уже выходит за рамки данной книги⁴.

⁴ Вся сложность ситуации, возникшей на Северном Кавказе, хорошо передают романы Юлии Латыниной, не являющиеся, естественно, историческими, но точно отражающие суть возникающих проблем [см. 137, 138, 139].

Глава 17

Проблеск надежды?

Финансовая стабилизация Анатолия Чубайса

Вступление в 1995 г. не предвещало ровным счетом ничего хорошего. Все нажитое непосильным трудом пошло прахом. Борис Ельцин не сумел вывести страну из кризиса ни после успеха августа 1991 г., ни после победы октября 1993 г. Черный вторник показал, что российская экономика по-прежнему слаба, что жертвы были напрасны и что консолидация власти, о необходимости которой так много говорилось в период соперничества с Руцким и Хасбулатовым, лишь предоставила карт-бланш для начала безумной чеченской войны, в огне которой должны сгореть жалкие остатки нашего убогого благосостояния. Народ окрестил пореформенный период черномырдинским застоем.

Казалось, с нашей экономикой все уже ясно. Но вдруг некие странные вещи стали происходить весной 1995 г. Рубль, прозванный деревянным; рубль, не стоивший на валютном рынке даже ломаного цента; рубль, за который пока еще что-то давали, но вскоре обещали давать лишь в морду... этот самый рубль вдруг прекратил свое падение и даже чуток подрос.

А вскоре правительство с Центробанком набрались чудовищной наглости и заявили об установлении так называемого валютного коридора¹. Доллару позволялось колебаться в определенных, довольно узких границах. На случай же, если он, подстегиваемый спекулянтами, попытается выйти за данные пределы, денежные власти обещали вернуть его рыночными методами в заранее отведенный загон.

¹ Поначалу в ходе переговоров российского правительства с МВФ не предполагалось устанавливать никакого валютного коридора. Рубль должен был свободно «плавать» по отношению к доллару. Однако, когда в ходе этого «плавания» наш деревянный стал даже укрепляться, власти решились на создание валютного коридора, поскольку слишком сильное укрепление рубля могло подорвать конкурентоспособность российской экономики.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. За три года реформ даже бабушки, гревшиеся у подъездов на весеннем солнышке, осознали, что рубль слабеет, если «печатается» много лишних денег. И вот теперь нам обещали притормозить активность печатного станка. Бесконечно слабое правительство, неспособное противостоять лоббистскому давлению даже в мирных условиях, теперь собиралось вести войну, не выходя за бюджетные рамки.

Как оно могло с этим справиться? Стрелять по отмашке минфина? Ставить минные поля с соизволения Центробанка? Завозить на южный фронт лишь ресурсы, оставшиеся невостребованными после северного завоза, снабжавшего в период навигации «места, не столь отдаленные»?

Вопросы казались риторическими, задачи — невыполнимыми. А по мере того, как неудачи в Чечне становились все более очевидными, вера в возможности правительства еще больше снижалась. Захват заложников в небольшом северокавказском городке Буденновске, блестящий уход оттуда наглой от безнаказанности банды полевого командира Шамиля Басаева и позорная беспомощность российских силовиков наводили на мысль, что доллар точно так же вырвется из валютного коридора, как террористы из оцепления.

Однако к концу года произошло чудо. Доллар сидел на поводке, конец которого держал в своей руке «железный дровосек» Анатолий Чубайс. Страна рыдала, пытаясь разжалобить это бессердечное «чудовище», но все было тщетно. Валютный коридор с периодически пересматриваемыми границами держался три года, пока не рухнул в ходе августовского кризиса 1998 г. Но за это время Россия преодолела высокую инфляцию и остановила спад.

Как говорил Черномырдин: «Есть еще время сохранить лицо. Потом придется сохранять другие части тела» [50, с. 96]. И Чубайс действительно сохранил лицо правительства, которому за политику, приведшую к черному вторнику, в любой демократической стране, наверное, надрали бы задницу.

В то время одни считали Чубайса чудотворцем, единственно твердым и дееспособным человеком в реформаторских кругах. Другие же откровенно его ненавидели, полагая слишком уж высокими издержки осуществляемых преобразований. Но лишь сегодня, с высоты прошедших лет, мы можем реально оценить то, что случилось в середине 90-х гг.

Распродажа российской империи

Чубайс встал у руля реформ, поскольку вольно или невольно оказался политиком, более соответствующим реалиям России 90-х гг., нежели Гайдар

или Федоров. Когда те ушли в отставку, надеясь впоследствии добиться успеха на выборах и вернуться триумфаторами, Чубайс остался в правительстве. Фактически он был в нем единственным дееспособным человеком реформаторского склада, и как только Ельцин с Черномырдиным очнулись в черный вторник от своего сна, Чубайс оказался востребован.

К этому времени у него за плечами уже имелась успешно проведенная кампания массовой приватизации. В кратчайшие сроки имущество тысяч предприятий перешло в частные руки, и на фоне всеобщего бардака данный результат производил хорошее впечатление. Вне зависимости от того, как трактовали итоги приватизации сторонники и противники Чубайса, с номенклатурной точки зрения задача явно считалась выполненной. Строитель Ельцин, всю жизнь оценивавший итоги работ по сданным к сроку квадратным метрам жилой площади, должен был быть вполне удовлетворен сданными к сроку «квадратными метрами» разгосударственной собственности.

В ситуации всеобщей растерянности, вызванной черным вторником, результативный и находящийся под рукой Чубайс был привлекательнее, чем кто бы то ни было со стороны. Более того, коли объективно оценивать деятельность Чубайса по сути проведенной им приватизации, то и здесь придаться к нему трудно.

Если откинуть в сторону политическую конъюнктуру, которая по определению делала врагом народа человека, «распродавшего родину», то у специалистов к Чубайсу имелась лишь одна большая претензия. Традиция приватизации предполагала медленную продажу имущества за реальные деньги тем, кто способен был стать стратегическим инвестором, т.е. способен был вложить деньги в дело и реконструировать неэффективные государственные предприятия.

Но в России пошли по иному пути: собственность продали быстро, в основном, трудовым коллективам и практически за бесценок. Причем работникам, так называемым инсайдерам, позволено было самим определить, модель, по которой приватизируется их предприятие. Часть имущества при этом распределили между всеми жителями страны посредством ваучеров — приватизационных чеков, дающих право на небольшую долю приватизируемого имущества [подробнее см. 186, гл. 7]. Заводы и фабрики в среднем не стали после приватизации работать лучше. Они просто оказались доступны для тех покупателей, которые рано или поздно будут готовы инвестировать средства в российские предприятия, приобретая их акции на вторичном рынке.

Интересно, что сам Чубайс поначалу не был сторонником ваучеров. Он считал такой подход чудовищным упрощением очень сложной задачи. К тому же реализация ваучеров дает их владельцам разную доходность, что усиливает у людей ощущение несправедливости. Казалось бы, из этого следует, что надо не раздавать, а продавать имущество. Но еще в 1990 г. Чубайс и его ближайший помощник Дмитрий Васильев, работая в ленинградском муниципалитете, столкнулись с невозможностью установить без рынка хоть сколько-нибудь объективно обоснованную цену приватизируемого имущества. Уже это заставило всерьез задуматься над реалистичностью различных приватизационных схем [283, с. 20–23].

Иногда мотивы, которыми руководствовался Чубайс при выборе своей стратегии, объясняют его коррумпированностью. Но это очевидная чушь. Взятки проще брать при любом ином варианте разгосударствления, нежели тот, который был избран в России. При бесплатной раздаче имущества трудовым коллективам и ваучеров рядовым российским гражданам деньгами особо не разживешься.

На самом деле логика приватизации основывалась на трех принципиально важных соображениях.

Во-первых, поиск стратегического инвестора неизбежно растягивает разгосударствление. Ведь люди с миллионами и миллиардами долларов на дороге не валяются. Особенно, если надо вложить деньги в такой нестабильной стране, какой была Россия первой половины 90-х гг.² Все это значило, что в ситуации, когда президент, встав не с той ноги, может полностью перешерстить правительство, возникает риск так и остаться на стадии благих пожеланий. Напротив, быстрая приватизация – это реальная приватизация. В ситуации

² Кое-что все же пытались продавать на аукционах. Особенно в Москве, где Юрий Лужков добился ограничения приватизационной власти Чубайса. Например, кондитерскую фабрику «Большевик» удалось реализовать за 654 тыс. долларов. Примерно такую же фабрику в Венгрии компания «Пепси» незадолго до этого приобрела за 80 млн долларов [280, с. 226–227]. Венгрия оказалась для инвестора намного привлекательнее, чем даже российская столица. Понятно, что имущество в нашей глубинке, да к тому же не в сравнительно привлекательной «пищевке», а в какой-нибудь из подотраслей абсолютно устаревшего машиностроения, стоило бы совсем гроши.

первой половины 90-х гг. приватизаторы, идя именно таким путем, получали больше всего шансов довести дело до логического конца. «Именно потому, что приватизация может дать реальные результаты через три, пять, семь лет, — отмечал Чубайс, — откладывание ее на год-другой означает: ровно на такое же время (в дополнение к пяти-семи годам) откладывается и получение ощутимых результатов» [283, с. 28].

Во-вторых, выбор стратегического инвестора нельзя описать формальными процедурами, а следовательно, при поиске такого инвестора решение, как и кому продать предприятие, станет принимать чиновник... за изрядную взятку. Напротив, отдавая собственность работягам, бюрократ-приватизатор сильно разжиться не мог. Таким образом, разгосударствление по Чубайсу минимизировало коррупцию, а также номенклатурную приватизацию, при которой «стратегическим инвестором» вдруг становился сам директор предприятия. Ведь «пока ученые мужи дискутировали о том, поймет ли русский народ, что такое прибыль и дивиденды, — отмечал один из соратников Чубайса Максим Бойко, — самые шустрые представители этого народа уже энергично преумножали свои доходы, пуская на ветер формально остававшуюся государственной собственностью» [283, с. 53].

В-третьих, стратегический инвестор — это всегда толстосум, олигарх, а как у нас народ относится к олигархам, мы сегодня прекрасно знаем. Если бы трудовые коллективы не получили свою львиную долю непосредственно от государства, многие «стратегические инвесторы» вообще не смогли бы появиться у себя на предприятии. А в чубайсовском варианте они потом скупали акции у народа, находя определенный компромисс с коллективами или уж во всяком случае с директорами, манипулировавшими своими работниками [212, с. 265–275].

Коллективы, полагавшие еще с советских времен, будто они имеют некоторые права на свои предприятия, никак не могли радоваться уходу на сторону, к стратегическому инвестору части имущества, нажитого ими в совместной жизни с государством. Еще более несправедливой приватизация в пользу стратегических инвесторов выглядела в глазах «лучших представителей народа» — директоров, завмагов, завскладов, завхозов и всех прочих представителей номенклатуры, которые даже не стремились ничего стибрить с госпредприятия, поскольку полагали, что таким образом воруют у самих себя. Для них переход к рынку должен был стать просто процессом, в ходе которого бесполое государство окончательно устраняется из системы имущественных отношений, оставляя заводы и магазины в полное распоряжение тех, кто ими

реально управлял долгие годы. Пускать в свой огород какого-нибудь «козла», недавно еще мотавшего срок на зоне, а сегодня ставшего новым русским предпринимателем, директорский корпус совершенно не намеревался.

«Для того чтобы директора, вкушившие уже плодов стихийной приватизации, приняли этот вариант, — писал член чубайсовской команды Максим Бойко, — нужно было идти на существенные уступки им... Нет это была не слабость. И не ошибка. Это был единственно возможный в той ситуации политический компромисс, на который мы шли совершенно сознательно и преднамеренно» [283, с. 54].

Некоторые критики массовой приватизации, осуществленной в России Чубайсом, отмечали, что «контроль инсайдеров над фирмами может еще более затруднить осуществление реструктуризации» [215, с. 146]. Однако этот вывод весьма сомнителен. Если бы предприятия оставались под контролем чиновников, то они тем более не осуществили бы реструктуризации, поскольку, с одной стороны, у них для этого не имелось стимулов, а с другой — у государства на это не имелось денег. Когда же собственность на практике оказалась в руках инсайдеров, акции стали потихоньку выкупаться аутсайдерами, т.е. капиталистами.

Конечно, далеко не все они реально установили свой контроль над предприятиями и реально осуществили реструктуризацию. Однако это было связано не столько с тем, как осуществлялась приватизация, сколько с иными особенностями российской экономики. Во-первых, с тем, что многие предприятия вообще были не слишком привлекательны для инвесторов. Во-вторых, с тем, что вплоть до самого конца 90-х гг. капитал по причине макроэкономической нестабильности в страхе бежал из России. А в-третьих, с тем, что даже в «тучные 2000-е гг.» высокая криминализация экономики зачастую отсекала стратегических инвесторов от привлекательных предприятий и оставляла их на разграбление директорам, связанным с преступными группировками, которые, в свою очередь, порой пользовались поддержкой влиятельных чиновников и силовиков.

Словом, при всех проблемах, связанных с использованием чубайсовской модели приватизации, следует признать, что любые другие модели с высокой

Анатолий Чубайс

степенью вероятности могли породить еще большие проблемы. Чубайс все же хоть как-то вписал процесс передачи собственности в российские реалии, тогда как его оппоненты даже не пытались видеть существенных отличий нашей страны от соседей. Как ни покажется это странным, «антинародный» Чубайс был у нас чуть ли не единственным политиком, который в ходе своих преобразований учел «национальную специфику», отказавшись действовать по стандартам, установленным специалистами, изучавшими приватизацию в Великобритании, Франции, Венгрии. И это неудивительно, поскольку он всегда являлся в гораздо меньшей степени ученым из либеральных кругов, нежели хозяйственником-практиком, действующим исходя из конкретных обстоятельств.

Чубайс был, наверное, единственным из молодых экономистов-реформаторов гайдаровского призыва, кто окончил непрестижный инженерно-экономический вуз, ориентировавший выпускников на производственную карьеру. С юности он мечтал, скорее, о должности директора завода, чем об академической среде [252]. И участие в реформах стало для него лишь этапом на пути к посту одного из ведущих менеджеров страны – главы всей российской электроэнергетики.

От догм советской экономики Чубайс отходил весьма тяжело. Во всяком случае, медленнее, чем его друзья – соратники по младореформаторскому кружку начала 80-х гг. [109, с. 24]. Но зато этот человек всегда был чрезвычайно эффективен как менеджер и успешен в решении краткосрочных задач. Он оказался своеобразным передовиком капиталистического производства, способным оптимально выполнить план приватизации или дать прибыль в исторически короткие сроки.

Как сильный менеджер Чубайс всегда делал ставку на свою управленческую команду, тщательно подбирая людей, выкачивал из них в ходе интенсивной работы все, что можно, но в кризисной ситуации стоял за них до последнего, порой рискуя даже собственной головой. Так было в случаях с Аркадием Евстафьевым, Дмитрием Васильевым, Альфредом Кохом, Ильей Южановым и другими менее известными людьми [109, с. 45].

Серьезного опыта макроэкономического анализа у Чубайса не имелось, да и вообще, в отличие от стандартного исследователя, он извлекал знания не столько из многолетнего чтения книг, сколько из кратких бесед все с теми же членами команды – с друзьями, подчиненными и советниками, что характерно как раз для управленческого менталитета. Возможно, именно данное свойство Чубайса во многом объясняет то, что произошло в 1995–1998 гг., когда российская экономика после успешной стабилизации внезапно рухнула.

При входе в коридор не разбейте нос о косяк

Вернемся теперь в 1995 г. и посмотрим, на чем же Чубайс с его природным прагматизмом, укрепившимся еще больше в ходе осуществления массовой приватизации, стремился выстроить стратегию финансовой стабилизации России. Загадка внезапно обретшего твердость рубля объяснялась чрезвычайно просто. Опыт МММ и других финансовых компаний образца 1994 г. был распространен на всю финансовую систему страны. Государство в широких масштабах стало ради затыкания бюджетных дыр реализовывать ценные бумаги, позволявшие обладателям временно свободных денежных средств, получать хорошую прибыль. Спекуляции этими бумагами оказались выгоднее спекуляций валютой, а потому капиталы российских нуворишей постепенно начали отправляться не на валютный рынок, а в госбюджет. Спрос на доллар стал относительно меньше, и, следовательно, его цена (иначе говоря, курс) перестала расти.

Как в случае с компаниями типа МММ, «Хопра» и «Русского дома селенга», возрастающие расходы на обслуживание государственного долга покрывались посредством финансовой пирамиды, т.е. за счет того, что все больший объем частных капиталов вовлекался в азартную игру с государством. Впрочем, вряд ли все это можно было назвать примитивным мошенничеством. Государственные заимствования представляют собой нормальную практику для многих развитых стран, и Чубайс, бесспорно, пытался играть именно в такую игру, а не подражать тем жуликам, которые годом раньше облапошили доверчивых россиян.

Госбюджет, в отличие от компании МММ, имеет налоговые доходы. Эти доходы могут служить источником выплат даже после разрушения пирамиды. Нормальная практика образования государственного долга состоит в том, чтобы не допускать превышения им определенной разумной величины. Если превышение произошло, то кредиторы перестают доверять заемщику и в панике избавляются от купленных ранее бумаг. Но если правительство сохраняет умеренность в заимствованиях, то через некоторое время, когда положение в экономике нормализуется и начинается рост налоговых поступлений, государство обеспечивает выполнение своих обязательств перед кредиторами уже без всякой пирамиды.

Игра, впрочем, была рискованной, поскольку умеренность нашего государства при плохо контролирующем себя Ельцине и оппозиционной Думе никто не мог гарантировать. Это осознавали люди, принимавшие решение о принципиальном изменении экономической политики.

Евгений Ясин вспоминал, что поначалу противился новой схеме, предпочитая частично сохранить опору на кредиты Центробанка, т.е. на денежную эмиссию. Но затем он скорректировал свою позицию. Ведь оставляя себе лазейку для отступления, можно было сдрейфить и погубить все дело. Но где взять деньги, чтоб заменить кредиты ЦБ? Уже виднелся предел снижения бюджетных расходов, а значительный рост доходов маячил еще где-то вдалеке. При слабом государстве единственным реальным способом остановить инфляцию оставалось перехватить деньги у кредиторов на финансовом рынке и дожидаться наступления более благоприятной ситуации [309, с. 260].

Чубайс рассчитывал именно на этот позитивный сценарий развития. Он опирался на имеющийся зарубежный опыт и, возможно, даже не подозревал, какие опасности готовит ему мировой финансовый рынок. Российским финансам важно было продержаться до тех пор, пока не прекратится трансформационный спад, т.е. пока реформированная экономика не начнет приносить определенные плоды. И поначалу казалось, что дела складываются сравнительно успешно.

Помимо видимых результатов, имелись еще и результаты, невидимые глазу рядового гражданина. Чубайс сумел в 1995 г. очень сильно сократить расходы государства и уменьшить размер бюджетного дефицита, служащего причиной денежной эмиссии. Иначе говоря, он не только оттягивал «лишние деньги» с валютного рынка, но и делал многое для того, чтобы устранить сам источник нездоровой финансовой политики, ставшей уже почти нормой за несколько лет радикальных реформ. Казалось, еще чуть-чуть, и Россия, пройдя по краю горной пропасти, сумеет выбраться в благословенную тихую долину, куда уже пришли к тому времени многие страны Центральной и Восточной Европы.

Но, увы, путь оказался гораздо более трудным. За поворотом тропы Россию ждали препятствия, о которых реформаторы не думали или не хотели думать, отправляясь в дальнюю дорогу.

Во-первых, достижения Чубайса в области бюджетной экономии оказались меньше, чем хотелось бы. Дефицит устранить не удалось. Виноват ли был в этом недостаточный радикализм реформатора, столь часто упрекаемого за радикализм излишний? Или проблема была в отсутствии политической поддержки со стороны вялого Ельцина и постепенно восстанавливающего оппозиционность парламента? Однозначного ответа на вопрос о вине у нас нет, но, как бы то ни было, 1995 г. стал лишь первым шагом в правильном направлении, а отнюдь не решительным рывком вперед.

Во-вторых, быстро выяснилось, что проблема, не решенная в 1995 г., принципиально не может быть решена в 1996 г. Президент, проспавший удачное время для начала реформ, подошел теперь к необходимости переизбираться. А в год выборов чрезмерная бюджетная экономия нереалистична. Доля бюджетных расходов в ВВП снова стала возрастать³. Поступления в бюджет с рынка государственных бумаг летом 1996 г. почти что сошли на нет. В августе расходы на обслуживание долга даже превысили приток средств [64, с. 8].

В-третьих, сокращение бюджетных расходов, увы, сопровождалось одновременным сокращением поступлений в казну. Бизнес постепенно научился уклоняться от налогов, да к тому же власть, так и не ставшая единой в своем понимании финансовой стабилизации, сама же помогала предпринимателям получать разного рода льготы. В итоге оказалось, что того сокращения расходов, которого вполне хватило бы при жестком налоговом администрировании, недостаточно в условиях расхлябанности.

В-четвертых, оказалось, что само по себе использование госзаймов есть палка о двух концах. Деньги, которые привлекало в бюджет государство, изымались не только с валютного рынка, но, по всей видимости, и из реального сектора экономики. Высокая доходность, обеспечиваемая государством, делала бессмысленными (или, по крайней мере, весьма проблематичными) какие бы то ни было стратегические инвестиции. Есть ли смысл предпринимателю трудиться в поте лица и строить завод, который даст отдачу лишь года через три, когда можно вложить деньги в ценные бумаги и получить от правительства хороший доход уже через три месяца?

Наконец, в-пятых, политика Чубайса не принимала во внимание переменчивость конъюнктуры мирового финансового рынка. Скорее всего, предполагалось, что за год-два задачи финансовой стабилизации будут решены, а потому на более длительную перспективу можно не заглядывать. Но слабость напора

³ Правда, это произошло уже после того, как Чубайс после жесткой критики со стороны Ельцина был вынужден уйти из правительства.

1995 г. в сочетании с президентскими выборами 1996 г. отложили решение задачи финансовой стабилизации на период 1997–1998 гг. А к тому времени из Азии уже стал выплзывать финансовый кризис, обративший в бегство инвесторов, доверивших свои деньги таким государствам с нестабильной экономикой, как Россия.

Проходя сквозь валютный коридор, мы в потемках не заметили его узких мест. И почувствовали их, лишь расшибив нос о дверной косяк. Впрочем, это уже отдельная история, произошедшая в 1998 г. и заслуживающая особого рассказа. А пока – в 1995 г. – команда Чубайса напрягала все свои силы для того, чтобы обеспечить финансовую стабильность.

Во всем виноват Чубайс?

Напряглись, в основном, посредством залоговых аукционов. Суть их состояла в том, что ряд крупных предприятий, запрещенных к продаже Государственной Думой, решили, по сути дела, продать с черного хода. Покупатель формально не приобретал собственность на аукционе, а соревновался с конкурентами за право одолжить бюджету крупную сумму. В залог кредита он получал искомое предприятие, которое государство впоследствии имело право себе вернуть. Но поскольку денег на возврат кредита у него не было, заложенное имущество с большой долей вероятности переходило в собственность кредитора.

Иначе говоря, одна часть государства в лице правительства пыталась на хромой козе объехать другую часть того же самого государства в лице депутатского корпуса. Ситуация была идиотской, но, собственно говоря, запрет на приватизацию лучших предприятий страны в условиях мучительно идущей финансовой стабилизации неизбежно порождал подобный идиотизм.

В итоге государство выручило кое-какие деньги, но одновременно решило и еще одну задачу. Кредиторы в лице будущих олигархов – Владимира Потанина (инициатора залоговых аукционов [122, с. 181]), Михаила Ходорковского, Бориса Березовского и др. – оказались теперь привязаны к правящей группировке. Ясно было, что, если в будущем году на президентских выборах победит Ельцин, у государства «не найдется» денег на выкуп столь выгодно полученной собственности. Если же победит коммунист Геннадий Зюганов, то... кто его знает?

Таким образом, для того, чтобы закрепить свои права на имущество, бизнесмены должны были поддержать Ельцина на выборах, что они, кстати, и сделали уже через несколько месяцев.

Трудно сказать, действительно ли имущество на залоговых аукционах пошло за бесценок. Настоящего рыночного измерителя для цены предприятий в 1995 г. не существовало. Отечественные капиталы тогда были еще тощими (много выложить не могли), а иностранцев, теоретически способных взвинтить цену, к кормушкам не подпускали: распродажа родины получится.

Скорее всего, уровень коррупции в ходе данной операции был не выше, чем при любой деловой операции, в которой участвует государство. Но ясно, во всяком случае, что из тех денег, которые бизнес фактически заплатил, часть пошла не в бюджет, а в предвыборный фонд президента. И это было главное.

Рулил залоговыми аукционами тогда Альфред Кох, вскоре возглавивший Госкомимущество, а позднее даже ставший вице-премьером. Прямой и резкий, достаточно циничный, он как нельзя лучше подходил для приватизации, в необходимости которой был искренне убежден [подробнее о Кохе см. 254, с. 280–289].

Кох — типичный правый. Сильный человек, умеющий выживать в трудных условиях, а потому считающий, что всегда необходимо делать ставку именно на сильных. Если уж принимать во внимание стандартный тезис левых об упертых, бескомпромиссных реформаторах, то Кох, возможно, один из тех немногих, кто этому тезису соответствует. Во всяком случае, Чубайс на его фоне — просто сгусток компромиссов.

Как правило, в большой политике, где необходимо маневрирование, такие люди, как Кох, не приживаются. Но при необходимости осуществления решительных прорывов их ненадолго выводят на первый план. А впоследствии на подобных неполитичных политиков еще долго вешают всех собак.

Словом, Кох в 1995 г. свою задачу выполнил. Однако запомнился год не столько даже валютным коридором и залоговыми аукционами, сколько успехом коммунистов и жириновцев на очередных выборах в Думу. Новый парламент, по остроумному замечанию его первого вице-спикера Владимира Рыжкова, напоминал стивенсоновских персонажей доктора Джекиля и мистера Хайда. В один и тот же день депутаты могли принять хорошо продуманный нужный закон и нелепое, если не сказать глупое, постановление [223, с. 82].

Альфред Кох

Гайдар и Федоров, ушедшие из власти, чтобы триумфально в нее вернуться, оказались теперь со своими политическими партиями вообще выброшены за борт большой политики. Черномырдин с новым движением «Наш дом — Россия» (НДР) остался на третьем месте. Его правительство оказалось правительством явного меньшинства, держащегося только на президенте.

Ельцин был шокирован результатами парламентских выборов. Президент в 1995 г. уже плохо представлял, что на самом деле происходит в стране, а потому успех коммунистов застал его врасплох. Естественно, захотелось свалить всю вину на другого. Тогда-то и появилось знаменитое ельцинское утверждение о том, что во всем виноват Чубайс⁴.

Роль Чубайса в подрыве авторитета власти действительно была велика. Финансовая стабилизация, проводившаяся на фоне экономического спада и нарастающих военных действий, не могла не ударить по интересам некоторых слоев населения. Сокращение расходов привело к длительным задержкам с выдачей зарплат бюджетникам, к ухудшению положения тех предприятий, которые не способны были вписаться в рыночные условия хозяйствования.

Конечно, если бы не чеченская война, больше средств могло бы остаться для социальных нужд, для оплаты труда тех людей, которые работали на государство. Но об этом Ельцин предпочитал не распространяться. Ведь война у нас — это святое, это забота о территориальной целостности России. Ее нельзя переводить на деньги. А если денег не хватает, то виновным пусть будет тот, кто пытается каким-то образом заткнуть образовавшиеся бюджетные дыры.

Впрочем, похоже, Борис Николаевич понимал, что наехал на Анатолия Борисовича напрасно. В тот момент Чубайс вынужден был покинуть правительство, но уже в середине 1996 г. он возглавил администрацию президента, т.е. поднялся на ступень выше в бюрократической иерархии. Впоследствии Ельцин практически всегда отзывался о Чубайсе с большим уважением. Может быть, с большим, чем о ком бы то ни было другом из своего окружения.

Но то было потом. А в 1995 г. приоритеты расставили четко. Все для фронта, все для победы. И вот пошли, как написал Альфред Кох, «солдатские

⁴ Если быть точным, то Ельцин обвинил Чубайса в низких результатах НДР [170, с. 69], к которому Анатолий Борисович не имел никакого отношения. Естественно, при таком «наезде» фольклор породил ироничное уточнение, согласно которому Чубайс виноват вообще во всем.

могилы по всей России. Тонкие, детские еще косточки самых бедных, самых бесправных крестьянских детей тысячами закопали в землю толстенные генералы с лампасами. И от этого посева образовались у них дачи, “Мерседесы”, жопастые внуки в Швейцариях» [122, с. 179]. Толпа же заходила в патриотическом угаре, орала: «Во всем виноват Чубайс!» И сдала на бойню очередную партию своих детей.

Могли ли мы тогда надеяться на лучшее? Казалось, что проблеск надежды появился. Разруха в экономике постепенно отступала, разум вытеснял тупое безразличие 1994 г. Но разруха в головах еще держалась прочно. Смешались черное и белое, добро и зло, любовь и ненависть. На чеченской войне мы пожирали сами себя, а потому то, что казалось важным еще годом-другим ранее, теперь превращалось в тлен.

Глава 18

Коробка с демократией

Президентские выборы 1996 года

Незадолго до президентских выборов, проходивших летом 1996 г., двух сотрудников Анатолия Чубайса задержали на выходе из Дома правительства с набитой долларowymi купюрами коробкой из под бумаги для ксерокса. Главный президентский охранник генерал Александр Коржаков намеревался выяснить, что за деньги такие кочуют по коридорам власти, но разгневанный Чубайс, не занимавший тогда практически никаких официальных постов, в жесткой форме потребовал освободить своих людей. Генерал — близкий друг самого президента — наплевал на требование и тут же оказался уволен.

Вся эта история представляется крайне загадочной, если не принять во внимание тот факт, что принципиальное противостояние Коржакова и Чубайса возникло еще весной. Причем затрагивало оно отнюдь не вопросы личных амбиций или личного влияния на президента. Даже проблемы экономических реформ не были в тот момент у Анатолия Борисовича и Александра Васильевича на первом плане, хотя близкий друг генерала первый вице-премьер Олег Сосковец придерживался совсем иного взгляда на рыночное хозяйство, нежели люди, начавшие преобразования в 1992 г. На самом деле главным в споре «генералов» и «либералов» было различие взглядов на будущее российской государственности.

Коржаков, Сосковец и глава госбезопасности генерал Михаил Барсуков фактически настроены были на то, чтобы предотвратить неизбежное поражение Ельцина на президентских выборах, пойдя на государственный переворот. Они намеревались запретить КПРФ и отменить (формально — отложить) выборы, сохранив власть своего патрона недемократическим путем. Чубайс же — отнюдь не фанатик свободного волеизъявления народа — настаивал на том, что несоблюдение формальных признаков демократии губительно и что выборы

можно выиграть, если применить соответствующие методы, подкрепленные щедрым олигархическим финансированием.

Ошибка президента

К началу 1996 г. Ельцин растерял все, что недавно еще имел – популярность среди широких слоев населения, имидж сторонника реформ, да и просто репутацию приличного человека. В тот момент трудно было поверить, будто этот старый, больной, слабовольный политик сможет все-таки выиграть президентскую гонку. Явный успех коммунистов на парламентских выборах конца 1995 г. показывал, что главным претендентом на пост главы государства является лидер левых Геннадий Зюганов.

По оценкам социологов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМа), в январе 1996 г. лишь 5% россиян доверяли Ельцину. К марту этот показатель вырос до 9%. По уровню доверия населения президент был сопоставим с безответственным демагогом Владимиром Жириновским (те же 9%, что и у Ельцина), уступал премьер-министру Виктору Черномырдину (12%), а также генералу Александру Лебедю (17%), демократическому лидеру Григорию Явлинскому (18%), но самое главное – коммунисту Геннадию Зюганову, чьи 20% доверия казались в тот момент величиной, практически недостижимой [79, с. 195].

В действительности, 20% – это очень мало для победы на президентских выборах, где во втором туре остаются лишь два альтернативных соперника, а значит, избиратели голосуют, скорее, против недруга, нежели за друга. Любопытно, что в том же самом марте при ответе на вопрос «За кого вы проголосовали бы во втором туре?» россияне отдавали предпочтение Зюганову над Ельциным с разницей всего лишь в один процентный пункт. А в апреле президент даже вышел на два пункта вперед [79, с. 195]. Но в начале 1996 г. демократическая часть общества, шокированная быстрой деградацией Ельцина и падением его рейтинга, с трудом могла себе представить, что Зюганова можно еще каким-то образом обойти. Немолодой, неяркий и нехаризматичный коммунист казался в тот момент чуть ли не страшной глыбой, лежащей на пути движения страны в будущее.

11 января группа ближайших соратников Ельцина во главе с Георгием Сатаровым собралась вместе, чтобы спланировать кампанию. «На встрече царил полный пессимизм, не было никакой надежды, – вспоминал позже один из ее участников Игорь Минтусов. – Девять из десяти выступавших считали, что заниматься этим бессмысленно, что выборы уже проиграны» [цит. по 280, с. 371]. Евгений Ясин, находившийся в то время на посту министра экономики,

вспоминал, как в январе 1996 г. в Давосе на всемирном экономическом форуме российский посол в Швейцарии, встречавший правительственную делегацию, усадил всех, включая самого министра, в автобус, тогда как персональный автомобиль предоставил Зюганову, которого воспринимал как будущего президента [311, с. 96]. Чиновничье чутье в таких вещах – самое тонкое. И пример, приведенный Ясиным, весьма показателен.

Впрочем, чутье в Давосе проявляли не только российские чиновники, но и зарубежные журналисты. Уже в первый день форума Зюганов дал 15 интервью иностранным СМИ [170, с. 130].

Геннадий Андреевич – лысоватый пятидесятидвулетний функционер-идеолог без каких-либо ярко выраженных лидерских качеств, казалось бы, совершенно не годился для того, чтобы вступить в схватку с Ельциным. Героический Александр Руцкой и коварный Руслан Хасбулатов провалились – так куда же этому «коммуняке»? Те хоть предлагали какой-то плохо осознанный третий путь, тогда как этот откровенно тянул страну назад, в болото полностью дискредитировавшего себя социального строя.

Ничего не было в Зюганове такого, что могло бы героизировать коммунистического вождя. Он никогда не сражался за родину, не поднимал целину и не «опускал» диссидентов. Брежнев с Андроповым на его фоне казались просто-таки харизматиками. Даже шедший за Зюгановым миф, будто в своей учительской молодости он сеял разумное, доброе, вечное на «полях» родной Орловщины – и в самом деле не более чем миф. Юный Гена в 17 лет годик подхалтуривал в школе, но после получения вузовского диплома быстро перебрался на комсомольскую работу. А с нее – на партийную. Если бы требовалось нарисовать портрет оторванного от народа партократа, лучше Геннадия Андреевича никто для позирования не подошел бы [подробнее см. 106].

Александр Яковлев – бывший начальник Зюганова в ЦК КПСС – как-то раз весьма скептически отозвался относительно способностей Геннадия Андреевича: «Мы хотели его уволить, но он был капитаном волейбольной команды, весьма успешным, вот и держался» [цит. по 170, с. 151].

И вдруг внезапно оказалось, что именно такие качества, какие имелись у Зюганова, должны были быть востребованы в ходе вялой политической борьбы первой половины 90-х гг., когда старая союзная компартия прекратила свое существование, а ее электорат остался и ждал, кто же придет подобрать его многочисленные голоса.

Зюганов, как человек средненький, не стал бросаться ни в какую крайность. С одной стороны, он не ударился в панику на фоне беспрецедентного

давления, оказывавшегося на коммунистов в начале 90-х гг. Он понял, что демократический ажиотаж и суд над КПСС – явления временные, а годами складывавшийся менталитет – вещь постоянная. Или, по крайней мере, быстро не умирающая.

С другой же стороны, Зюганов удержался от соблазна уйти в бизнес и заняться номенклатурной приватизацией, как это сделали многие номенклатурщики, благо имущество тогда само просилось к ним в карман.

Геннадий Андреевич, по-видимому, понял, что его дело – штамповать людям мозги. Другого он все равно не умеет, а на данном поприще имеется совершенно реальный шанс добиться значительного успеха.

Впрочем, была у Зюганова серьезная проблема. Как показал опыт Восточной Европы, успеха на выборах добивались лишь кардинальным образом реформированные коммунисты, сумевшие мобилизовать под свои знамена значительно более широкие слои электората, нежели примитивные сторонники уравнилельных идей. Вопрос о том, чтобы, следуя европейскому опыту, превратить КПРФ в партию нового типа, обсуждался в самых различных российских кругах. Даже крупный банкир Владимир Гусинский в первой половине 90-х гг. «вел долгие беседы с Зюгановым, убеждая его принять социал-демократическую идеологию... Он доказывал Зюганову, что, если тот выступит просто в роли защитника обездоленных, его будет ждать долгая политическая карьера» [280, с. 368].

Но дело здесь, по всей видимости, было не в Зюганове. В «братских» компартиях даже после падения социализма сохранялось много интеллектуалов, способных вести общество социал-демократическим путем. КПРФ же находилась на таком уровне развития (и обладала таким кадровым потенциалом), что реформироваться была объективно неспособна. Люди высокой квалификации, желавшие серьезных перемен, из нее разбежались. А вечно средненький вождь коммунистов никак не мог оказаться главным реформатором.

Впоследствии Зюганов, судя по всему, это осознал и решил занять скромное место оппозиционера, действующего лишь по свистку из Кремля. Кто только не издевался над ним за это! Поговаривали даже, что Геннадий Андреевич – главный враг коммунистов: с одной стороны, разваливает партию вялостью

Геннадий Зюганов

и соглашательством, а с другой – тормозит движение вперед, крепко держась за свое место и не подпуская к власти таких новых левых лидеров, как, скажем, глава Народно-патриотического союза России, миллионер Геннадий Семигин [104, с. 7, 374]. Борис Акунин в «Сказках для идиотов» даже нарисовал до боли знакомый образ «засланного казачка» Зиновия Андреевича – эдакого демократического Штирлица в рядах коммунистов, готового хоть переспать с проституткой-трансвеститом, дабы дискредитировать в своем лице возглавляемую им партию [4, с. 63–79].

Но это все было позже. А в преддверии президентской кампании 1996 г. Зюганов серьезно настраивался на победу. И растерявшийся Ельцин до поры до времени невольно делал все для того, чтобы сдать страну коммунистам. Неподаром команда Коржакова–Барсукова–Сосковца настроилась на неконституционные действия. Других шансов на успех эти люди вообще не видели.

Кроме того, установление диктатуры объективно повышало вес самой придворной камарильи. Пространство для политического маневра при таком повороте событий предельно сужалось. Нарушив демократические принципы, Ельцин оказался бы вынужден сидеть «на штыках», которые предоставлял ему Барсуков. Потребность в Черномырдине вообще сходилась на нет, а демократов в лице Чубайса и так уже отправили в отставку. На премьерский пост рано или поздно выдвинулся бы Сосковец – крепкий хозяйственник из металлургов, фигура бледная, но вполне адекватная текущему моменту.

Коржаков, монополизировавший влияние на президента, и Сосковец, имеющий премьерские полномочия, могли бы реально вертеть страной, как заборассудится. Собственно говоря, такого рода правящий тандем действительно сформировался у нас в стране через восемь лет после описываемых событий. Ближайший сподвижник Путина Игорь Сечин и премьер-министр Михаил Фрадков в середине 2000-х гг. напоминали связку Коржаков–Сосковец. Естественно, с поправкой на то, что Путин сильно отличается от Ельцина.

Но вернемся к событиям 1996 г. Президент тогда, наверное, все же сумел понять, что установление «диктатуры Ельцина» сделало бы «диктатора» совершенно безвластным, а потому воспользовался инициативой Чубайса и создал фактически параллельный предвыборный штаб (скромно названный аналитической группой) во главе с Анатолием Борисовичем¹. Вскоре Коржаков и Сосковец уже реально не рулили предвыборной кампанией [85, с. 24–33; 289, с. 245].

¹ Против неконституционного развития событий выступал также министр внутренних дел Анатолий Куликов, прямо заявлявший, что у него нет сил удерживать ситуацию под контролем, а значит, отмена выборов выводила страну на путь к гражданской войне [132, с. 396–397].

Судьба президента

Теперь судьба президента решалась с помощью денег и политтехнологий, а не с помощью грубой силы. Такого рода промежуточный между демократией и диктатурой подход к получению нужного главы государства с помощью выборов даже получил у исследователей название «демокрадура» [52, с. 37].

Чубайс сумел убедить Ельцина в том, что успех возможен, но в том, что он неизбежен, вряд ли был убежден даже сам Анатолий Борисович. Именно поэтому так важен был конкретный ход кампании. Именно поэтому инцидент с коробкой из-под ксерокса имел принципиальное значение.

На политические события 1996 г. оказал значительное воздействие тот факт, что к этому времени крупный российский капитал уже сумел осознать свое место в жизни страны. Он еще не имел настоящей власти, но уже активно стремился к ней. В народе даже появился термин «семибанкирщина», пробуждавший в сознании аналогии с московской семибоярщиной начала XVII века. Борис Березовский, Владимир Виноградов, Владимир Гусинский, Владимир Потанин, Александр Смоленский, Михаил Фридман и Михаил Ходорковский² составили ядро финансово-промышленной олигархии. Еще с сентября 1994 г. они стали регулярно встречаться в московском особнячке на Воробьевых горах, пытаясь так или иначе согласовывать свои позиции в отношении политики и бизнеса [280, с. 304–309, 370].

В 1996 г. будущими олигархами был заключен так называемый «Давосский пакт» [289, с. 243]. Встретившись в Давосе на всемирном экономическом форуме, они договорились поддерживать Ельцина (что, кстати, потом и сделало их олигархами). Чубайс при этом стал ведущим организатором кампании, а российский бизнес скинулся на PR. «Вы дадите мне пять миллионов долларов, не мне лично, а структуре, которую я создам, чтобы привлечь лучших людей», — сказал Чубайс магнатам. Через пять дней деньги были получены [280, с. 370].

Однако деньги — это лишь полдела. Нелегко было убеждать Ельцина в необходимости воспользоваться поддержкой крупного капитала. Американский журналист Дэвид Хоффман собрал информацию о том, как это происходило.

Вот выдержка из его исследования, передающая чудовищное напряжение момента и жесткое противостояние воли президента с волей людей, стремившихся убедить его в необходимости кардинального пересмотра своих взглядов.

² Фамилии расставлены по алфавиту, а не по политическому влиянию, которое на тот момент определить достаточно трудно.

«Смоленский вспоминал, что Чубайс приехал с портфелем. Не обращая внимания на изящную сервировку стола, Чубайс опустил на него свой портфель и достал какие-то бумаги. Не испытывая никакого трепета перед властью, Чубайс сразу выложил плохие новости: “Борис Николаевич, ситуация сложная. Ваш рейтинг – пять процентов!”

Чубайс показал некоторые из бумаг Ельцину. Президент взглянул на них и отбросил в сторону. “Это все чепуха”, – сказал он.

“Ельцин напрялся и покраснел”, – вспоминал Гусинский. “Анатолий Борисович, – очень медленно произнес Ельцин, – мы должны выяснить, кто подготовил эти оценки. Я думаю, что это неправда”. Последнее слово – “неправда” – Ельцин произнес с нажимом.

Чубайс побагровел. Наступила долгая пауза. “Борис Николаевич, – заговорил Гусинский, – все, что говорят вам ваши люди, ваше окружение, все это ложь”.

“Он повернулся и пристально посмотрел на меня”, – рассказывал Гусинский. Он чувствовал, что очень не нравится Ельцину и что ему позволили прийти в Кремль только потому, что Ельцин нуждался в нем и в банкирах, чтобы удержаться у власти. Ельцин был циничным человеком.

“Почем вам знать, что говорят мне мои люди?” – спросил Ельцин Гусинского, снова медленно произнося слова.

“Борис Николаевич, – ответил Гусинский, – потому что вы поступаете глупо. Вот почему. Мне кажется, вы поступаете глупо потому, что получаете от них глупую информацию”.

По словам Гусинского, за его словами последовала еще одна долгая пауза. И Смоленский, сидевший рядом с Ельциным, и Гусинский, сидевший напротив, говорили, что Ельцин оглядывался вокруг, как будто искал что-то потяжелее, чтобы швырнуть в Гусинского» [280, с. 374].

После этого была еще встреча Ельцина с Березовским, организовать которую помогла жена президента. И, наконец, Борис Николаевич решил пересмотреть свои взгляды. Дело закрутилось.

Общество однозначно поставили перед выбором: либо Ельцин со всеми его «забавными прибабасами», либо коммунисты со всеми их вовсе не смешными дефицитами. Броский лозунг «Купи в последний раз еды» пробудил в памяти народной прелести коммунистического правления. Питерский мэр Анатолий Собчак вспоминал, что в день выборов ему встретилась старушка, запасаящаяся продуктами на случай победы Зюганова [234, с. 115].

Хорошо профинансированное творчество ельцинских интеллектуалов заполонило информационное пространство страны. Концерты, встречи, газетные

статьи, броские лозунги, ирония в адрес коммунистов, шутки-прибаутки... Даже народные частушки, не имевшие к народному творчеству никакого отношения [16, с. 564]:

Отдал голос сгоряча
Против Николаича –
Лес рублю теперича
За Геннадь Андреича!

Конечно, антикоммунистическая кампания в значительной степени основывалась на блефе. Но блеф этот, в свою очередь, основывался на фактах нашей недавней истории, на реальных «достижениях» коммунистической экономики. Неудивительно поэтому, что Ельцин на фоне искусного избиения коммунистов изрядно прибавлял в политическом весе буквально каждый месяц.

Финансировалась кампания, как все серьезные мероприятия того времени, в значительной степени черным налом. Причем дело было не только в уходе от налогов и в намерении скрыть гигантскую сумму, потраченную на раскрутку Ельцина.

Важнее оказалось другое. Проведение безналичных платежей в такого рода работе принципиально не подходило. Любой исполнитель понимал, что деньги надо хватать сразу. Если Ельцин проиграет, никто по его счетам расплачиваться не станет. Более того, если даже он выиграет, команда победителей, не нуждающаяся больше в соответствующей службе, скорее всего, тоже денежки зажмет. Ведь в ажиотаже предвыборной гонки миллиарды никто толком не считает. Какой соблазн для правоверного «ельциноида» урвать миллиончик-другой!

Политтехнологи выводили на улицы толпы агитаторов, и для организации работ брали чемодан с долларами. Популярный певец давал концерт в поддержку Ельцина и тут же увозил с собой дипломат со «свежей зеленью». Журналист писал заказную статью и тут же получал конверт³. Понятно, что в предвыборном штабе деньги должны были переноситься коробками.

Один очевидец рассказывал, что в гостинице «Орленок» в Москве собрали молодежь, участвовавшую в предвыборной кампании. Во время этого мероприятия, длившегося три дня, молодежных лидеров по очереди приглашали в номер председателя. Каждый из них получал по мешку наличных денег» [280, с. 390].

³ Дэвид Хоффман отмечает, что журналисты признавались его коллеге Ли Хокстедеру, что команда Ельцина выплачивала им сотни тысяч долларов за благоприятное освещение событий и, главным образом, за нападки на коммунистов и Зюганова [280, с. 387].

Согласно сведениям, собранным Андерсом Ослундом из конфиденциальных источников, неофициальная стоимость президентской кампании Бориса Ельцина составила 600 млн долларов [187, с. 531]. Если исходить из того, что в «коробке из-под ксерокса» переносилось порядка полумиллиона «зеленых», то таких «коробок», условно говоря, летом 1996 г. фигурировало по России более тысячи. Инцидент в здании правительства был лишь одним мелким звеном в сложной цепи политической кампании, направленной против коммунистов.

Прекрасно разбиравшийся в сути такого рода работы Коржаков решил сыграть на том, что столь очевидный и единственно возможный механизм подготовки победы Ельцина совершенно шокировал бы широкую публику, окажись он вынесен на всенародное обсуждение. Именно поэтому сотрудники Чубайса и были задержаны в тот момент, когда тащили на себе материальную базу «грядущего успеха демократии».

Казалось бы, по Чубайсу нанесен безошибочный удар. Вырисовывалась печальная картина. Обелить в глазах народа тех, кто таскает доллары коробками, практически невозможно. Действия Коржакова останавливали циркулирование черного нала в самый напряженный момент. Чубайсовские доллароносители в подобной ситуации неизбежно должны были удариться в панику. Ряд важнейших мероприятий по этой причине объективно срывался. Ельцин недобирает нескольких процентов. И этого хватало бы для победы Зюганова.

А в случае победы Зюганова уже не имели бы никакого значения ни оправдания Чубайса, ни констатация факта подрывной работы Коржакова. Провал демократического сценария автоматически запускал в действие сценарий недемократический. Скорее всего, Ельцин вынужден был бы тогда пойти на признание результатов выборов недействительными. Барсуков с его молодцами из ФСБ выходил бы на первый план. Невинный Чубайс опять оказался бы во всем виноват, а виновный Коржаков все равно пришел бы к власти, поскольку иной власти, нежели коржаковская, у Ельцина при таком раскладе событий уже не было.

Ошибаются те, кто считает, что НТВ преувеличило опасность, обвинив тогда Коржакова с Барсуковым в подготовке путча. Поймав коробку из-под ксерокса, они объективно вели дело именно к реализации давно подготовленного сценария государственного переворота. Просто затеянная ими толковая многоходовая комбинация была далеко не очевидной для стороннего наблюдателя. Генералы сами не захватывали Кремль, но, зная характер шефа, мягко подвели Ельцина к принятию решения о неизбежности узурпации власти с их помощью. Судьба президента висела на волоске.

Однако на этот раз они просчитались в своих оценках возможного поведения Ельцина. Точнее, недоучли реакции Чубайса, роли дочери президента Татьяны Дьяченко и возможностей, создаваемых хорошо профинансированными СМИ.

Возвращение президента

Анатолий Борисович пребывал в бешенстве, переходящем в истерику [122, с. 208–209]. Блестяще поставленная кампания срывалась из-за предательства ельцинской камарильи. И что еще важнее – Чубайс принципиально не способен был сдать гэбистам своих людей. Его личный этический кодекс не предполагал подобного. В это трудно поверить, зная нравы, царящие в российских верхах, но в данном случае имеются материалы тайного прослушивания приватного разговора, в котором Чубайс жестко давил на помощника Ельцина, требуя любой ценой вытаскивать двух бедолаг.

А как он орал на Барсукова, требуя освободить задержанных! Он грозил ему так, будто именно Чубайс был главой всеильной госбезопасности, а противник – всего лишь жалким нашкодившим мальчишкой⁴. Как ни странно, этот напор дал искомый результат. «Крутые генералы», в конечном счете, сдрейфили и отпустили задержанных, тогда как «мягкотелые либералы» полностью поставили ситуацию под свой контроль.

Но требовалось еще додавить противника и полностью изъять власть из его рук. Воздействовать на Ельцина ходил Черномырдин, которого Чубайс убедил в том, что при правлении Коржакова–Сосковца для Виктора Степановича места на политическом Олимпе не останется. А довершила дело информация о путче, распространенная через НТВ. Гусинский оттянулся по полной программе, поскольку не простил Коржакову, как тот клал его людей мордой в снег.

Впрочем, дело было не только в напоре и в информировании. Потеря доверия к Коржакову автоматически вынуждала подозрительного президента опереться на другого близкого человека. И то, что дочь Татьяна оказалась

⁴ После всей этой истории сложилось впечатление, будто Чубайс и Коржаков являлись непримиримыми личными противниками. Однако, как это ни парадоксально, Анатолий Борисович до возникновения конфликта неплохо относился к Александру Васильевичу: «Я не то что отторжения к нему не испытывал, но по-человечески позитивно к нему относился. Это чистая правда. Но когда ты видишь, что этот хороший мужик активно пытается управлять государством, нефтяной промышленностью и другими отраслями, то понимаешь, что это просто абсурд» [170, с. 90].

вовремя введена в предвыборный штаб, сыграло решающую роль. То ли до Ельцина действительно дошло, что его подставляют, то ли он поверил дочери, транслировавшей позицию Чубайса. Но как бы то ни было Коржаков, Барсуков и Сосковец разом получили отставку.

Дальнейшее оказалось делом техники. Решающую роль сыграл союз с Александром Лебедем, заключенный перед вторым туром голосования. Генерал был назначен секретарем Совбеза, и это привлекло его электорат на сторону Ельцина.

Впрочем, если быть точным, данный союз выстраивался заранее. Ельцин как-то раз весьма прозрачно намекнул на то, что именно Лебедь может стать главой государства после следующих выборов — в 2000 г. [170, с. 395]. А руководитель «Инкомбанка» Владимир Виноградов рассказывал, что взял на себя финансирование предвыборной кампании генерала, но координировал ее со штабом Чубайса. «Лебедь делал все, что мы ему говорили», — вспоминал Виноградов. По его оценке, на предвыборную кампанию генерала было израсходовано 10 млн долларов [280, с. 390]⁵.

Генерал Лебедь представлял собой противоречивую фигуру. Как у левых, так и у правых, с ней были связаны чрезвычайно большие ожидания. Откровенные симпатии Лебеда к Пиночету, с одной стороны, стягивали на сторону генерала приверженцев твердой руки, а с другой — либералов, надеющихся на радикальные рыночные реформы.

«Приди к нам русский Пиночет — // Сведи всю мафию на нет», — взывала некая провинциальная газета [201, с. 9], и в этой обращенной к Лебеде просьбе звучал голос миллионов избирателей. В первом туре генерал занял третье место, с большим запасом обойдя Явлинского и Жириновского, но уступив Ельцину с Зюгановым [79, с. 193]. При таком раскладе союз Лебеда с президентом обеспечивал тому успех во втором туре. И Ельцин действительно одержал убедительную победу, получив 53,8% голосов избирателей против 40,3%, которыми удалось заручиться Зюганову. Даже если предположить, что имели место фальсификации (или, выразимся мягче, сработал «административный ресурс»), все равно в реальности победы Ельцина трудно усомниться. Прогнозы социологов также давали ему ощутимое преимущество, хотя и не столь большое, как получилось «по факту» [79, с. 218]. Таким образом, стратегия Чубайса доказала

⁵ В мемуарной литературе высказывалось мнение о том, что Ельцин до самого последнего момента не хотел идти на сговор с Лебедем, которого считал одиозной фигурой [130, с. 182–183]. Однако подобная оценка представляется недостаточно адекватной.

свое преимущество перед стратегией Коржакова. И Ельцин, если судить по его мемуарам, это действительно впоследствии оценил [85, с. 33].

Правда, ко второму туру победитель, сраженный очередным инфарктом, пребывал между тем и этим светом. «Выиграл выборы, не приходя в сознание», – констатировали хорошо информированные циники из высшего света. Начинался «третий тур избирательной кампании» – соревнование со смертью. Ельцин был столь плох, что впоследствии даже возникла совершенно бредовая легенда, будто он все же скончался, а с конца 1996 г. и до знаменитой новогодней ночи 1999–2000 гг. Россией правил двойник умершего президента, дергаемый за веревочки корыстной и преступной олигархией [см., напр., 172]. Впрочем, в эту ахиною мало кто поверил даже из тех людей, которые откровенно не жаловали ельцинскую систему власти.

Пока Ельцин болел, огромная власть сосредоточилась в руках Чубайса и Лебеда. Первый возглавил кремлевскую администрацию и де-факто стал регентом. Второй же начал готовиться принять бразды правления после кончины президента.

Сорокашестилетний генерал-десантник был от природы талантливым человеком, на редкость наделенным здравым смыслом, личной смелостью и чувством юмора. Увы, в отличие от Пиночета, ему не хватало приличного образования. Взгляды Лебеда на экономику представляли собой сочетание целого ряда чрезвычайно точных наблюдений с абсолютной безграмотностью. А политические подходы – умение вовремя взять быка за рога при полной неспособности к адекватной оценке перспектив.

В чем здравый смысл Лебеда не отказывал практически никогда, так это в оценке любых военных действий. Еще в детстве в родном Новочеркасске он видел печально знаменитый расстрел рабочих [278, с. 14]. А в 80-х гг. ему довелось уже комбатом пройти через Афганистан.

В отличие от паркетных генералов из КГБ, Лебедь знал, что такое собирать кишки, ступни, кисти рук солдат, разорванных на куски снарядом. Он задолго до чеченской войны понимал, к чему приводит зачистка кишлаков, как рождает эта операция в мирных крестьянах звериную злобу по отношению к захватчикам. Наконец, он трезво осознавал, насколько армия, состоящая из мальчишек-призывников, не способна бороться с матерыми волками – моджахедами.

Лебедь вообще не был похож на типичного армейского шовиниста. Он любил армию, с трудом представлял свою жизнь вне этой системы, но в то же время трезво осознавал масштабы царящего там скотства, которому не желал поддаваться.

«Здесь могут обозвать собакой, // Отнять достоинство и честь, // Но мы, в душе послав всех на... // Всегда спокойно скажем: “Есть”». Это четверостишие, весьма точно отражающее армейское положение дел, Александр Иванович знал с курсантских времен [142, с. 50]. Но когда в Афганистане командир полка, всплыв по глупости, послал его на... Лебедь взбунтовался, передал командование батальоном своему заместителю и устранился от дел. Подполковник посылал за непослушным комбатом, но тот передавал, что движется туда, куда послало его начальство, и не намеревается возвращаться, пока не будут принесены извинения. Как ни странно, извинения действительно были публично принесены.

Жизнь вокруг Александра Ивановича всегда была ключом, причем порой по чьей-нибудь голове. Однажды в Афганистане Лебедю пришлось выводить на задание батальон местных «командос», не слишком спешивших выполнять приказы. Шеф этих храбрых ребят, завидев русского капитана, попытался было поприветствовать шурави. «Вместо ответа я вежливо отправил его в глубокий нокдаун», — вспоминал в мемуарах Лебедь. Через несколько минут афганский лагерь зашевелился [142, с. 198, 257].

Много лет спустя, в Баку, где приходилось предотвращать столкновения азербайджанцев с армянами, один местный начальник оставил инородцев без электричества. Лебедь достал пистолет, положил его на стол, а затем поинтересовался у советского работника, куда тот полетит, если его выбросить в окно: вниз или вверх? Вскоре электроснабжение было восстановлено.

Иногда от своей кипучей энергии Лебедь страдал сам. То в боксе ему кромсали нос соперники (откуда и появилось «природно-ласковое» выражение генеральского лица), то он на гимнастическом снаряде ломал себе руку. Чинили ему потом эту руку без всякого наркоза — так было больше шансов, что кости правильно срастутся. К счастью, где-то под конец операции хирург вовремя уловил момент, когда одуревший от боли десантник готов был звездануть его здоровой дланью по физиономии [142, с. 180].

Лебедь сделал очень быструю карьеру, дослужившись к сорока годам до генерала. Но пока он служил, страна стала другой. Из армейского строя суть этих перемен разобрать было трудно. «Теоретическая база» генерала представляла собой сочетание природного здравого смысла с явной экономической безграмотностью [см., напр., 143, с. 39–50]. Не сталкивавшийся лично ни с политикой, ни с экономикой, Лебедь, даже дослужившись до генеральских звезд, оставался во многом по-детски наивен. Впервые попав на партийный съезд, он глупо и пошло оскорбил Александра Яковлева, вряд ли догадываясь, что перед

ним не просто крупный политик, но фронтовик, тяжело раненный в годы Великой Отечественной войны.

В 90-е гг. Лебедь немного пообтесался. Особенно, когда был вынужден уйти из армии и заняться политикой. Но тонкостей реформаторского процесса не понимал, что резко развело его с Чубайсом. Тот в дни коржаковского путча публично подчеркивал позитивную роль Лебеда, пытаясь сблизиться с генералом. Однако секретарь Совбеза уже считал себя первой политической звездой страны. Полагая, что Ельцин не поднимется с постели, Лебедь взял курс на скорые выборы. Отвечая на вопрос журнала «Шпигель», видит ли он себя президентом в 2000 г., генерал произнес: «Возможно, еще раньше» [170, с. 413].

Чтобы укрепить свои политические позиции, Лебедь тем или иным путем стремился поставить под свой контроль немногие реально боеспособные части российской армии. То он носился с идеей формирования какого-то не вполне понятного «русского легиона» (возможно, по аналогии со знаменитым французским легионом), то протаскивал президентский указ о фактическом подчинении самому себе «частей и соединений, выполняющих задачу в интересах Чеченской республики». Действовал он при этом чрезвычайно прямолинейно и в то же время наивно, ссорясь со всеми высокопоставленными лицами, которых при другом раскладе мог бы, наверное, иметь в числе союзников.

Министр внутренних дел Куликов вспоминал, что на совещании в узком кругу отказался встать под секретаря Совета безопасности, заявив, что подчиняется только Верховному главнокомандующему, т.е. президенту. На это Лебедь прореагировал абсолютно неадекватно:

— А я вам что, х-й собачий?

— А вы почему ведете себя по-хамски в присутствии председателя правительства России и двух министров? — поинтересовался Куликов.

— Да, я — хам! Я — хам! А что?! [132, с. 453–455].

Позднее Лебедь, обыгрывая «птичьи» фамилии — свою и Куликова — шутил, что «двум пернатым в одной берлоге не ужитья». Однако на самом деле он плохо уживался со всеми возможными видами политической «флоры» и «фауны». И все же этот грубый, неуживчивый генерал за короткий срок своего пребывания у власти сделал для России больше, чем многие изощренные политики. Возможно, ему это удалось как раз потому, что он не боялся рубить с плеча.

Главным итогом недолгой работы генерала на посту секретаря Совбеза стало заключение хасавюртского мира с Чечней. Мир, конечно, был условным, но все же он давал реальный шанс на выход из кавказского кризиса. «Я солдат,

я навоевался, — говорил Лебедь, — я профессионально ненавижу войну, я сделаю все для того, чтобы на земле России войны больше не было» [170, с. 402].

За пару месяцев Лебедь совершил столько, сколько вряд ли способен был совершить кто-то другой. Он лично мотался по горам, рискуя попасть в засаду. Он встречался с Масхадовым и Удуговым, не дожидаясь приказа сверху. Он брал на себя смелость думать о России в тот момент, когда всем было на нее наплевать.

Темпы работы оказались феноменальными. Однажды ночью он практически без охраны прорвался в Старые Атаги и сел говорить с Масхадовым. Потом вдруг прервал разговор: «Тебя, Аслан, я знаю. А это кто с тобой?» Лебедю объяснили, что Удугов.

— Это тот Мовлади Удугов, который обозвал меня козлом?

— Ну, кто Вам сказал, Александр Иванович? Это вообще не из моего лексикона.

Лебедь ответом удовлетворился, и переговоры продолжились [15, с. 39].

Российские демократы Хасавюрт поддержали. Вместо того, чтобы двинуться навстречу своим потенциальным сторонникам, Лебедь публично их обхамил. Видимо, считал, что так он быстрее станет президентом.

Но Ельцин не умер, и чрезмерная активность Лебеда вызвала у него резкое отторжение. Да и как можно относиться к человеку, который тебя, по сути дела, при жизни хоронит? В общем, проработав лишь около ста дней, секретарь Совбеза получил отставку. Никто по нему не заплакал. Народ, как обычно, безмолвствовал.

Через некоторое время после ухода Лебеда получил отставку и подобранный им на пост министра обороны генерал Игорь Родионов. Выгнали его в такой же хамской манере, в какой обращался с людьми Лебедь. Если не на нем самом, то уж на Родионове Ельцин полностью отыгрался. Выглядело это по описанию ближайших помощников президента следующим образом.

Шло заседание Совета обороны, на котором предполагалось обсуждать вопросы военной реформы. Ельцин дал слово министру обороны:

«— Вам пятнадцать минут на доклад.

— Пятнадцать минут абсолютно недостаточно.

— Пятнадцать минут, — повторил президент.

— Если мы хотим серьезно говорить о реформе, мне нужно пятьдесят минут, — настаивал Родионов.

— Мы теряем время, начинайте. — Голос Ельцина становился все более суровым.

– В таком случае я отказываюсь делать доклад, – решительно заявил министр.

– Начальник Генерального Штаба, пожалуйста, – поднял Ельцин Самсонова.

– Я тоже отказываюсь.

– Игорь Сергеевич Сергеев, – произнес президент, оговорившись (отчество Главкома РВСН⁶ – Дмитриевич – авт.).

Сергеев встал и, полагая, что ему предстоит делать доклад, направился к столу, где сидел президент.

– Подождите, – остановил его Ельцин. – Принимайте обязанности министра обороны» [16, с. 773].

На то, как обошлись с Родионовым, всем было тем более наплевать. Ведь это был даже не Лебедь.

В 1996 г. уход Лебеда из большой политики вызвал в элите позитивную реакцию. Чересчур активный генерал мешал буквально всем. Militarисты надеялись на возобновление войны, демократы – на продолжение реформ, чиновники – на рост коррупции. Непредсказуемость секретаря Совбеза для всех была опасной.

Сегодня, когда мы уже знаем, как застопорились впоследствии реформы, какого преемника нашел себе Ельцин и каких жертв стоило нам развязывание новой чеченской войны, на события осени 1996 г. стоит взглянуть иными глазами.

Объективно Лебедь являлся тогда оптимальным союзником для российской демократии. Во всяком случае, не худшим, чем Ельцин в 1990 г. Генерал нуждался в том, что могли дать ему интеллектуалы, а демократия вынуждена была опираться на харизматическую фигуру, поскольку сама по себе оставалась бессильной.

Но ни та, ни другая стороны не смогли возвыситься до государственного решения. Все считали комбинации лишь на полхода вперед. Наверное, Чубайс в меньшей степени, нежели Лебедь, виноват в стратегическом просчете, но и с него как с «регента» нельзя снять ответственность за печальную осень 1996 г.

⁶ Ракетные войска стратегического назначения.

Глава 19

Сладкий вкус крови

Междоусобица в верхах российской элиты

В середине лета 1997 г., когда затихли на время бурные стычки оппозиции с внезапно свалившимся на ее голову правительством младореформаторов, а начавшие обростать первым послекризисным жирком россияне расслабились и отбыли на становящиеся все более популярными турецкие курорты, политическая жизнь страны внезапно сделала крутой поворот. Поначалу никто этого не заметил, поскольку поворот сей произошел в тихом месте на Лазурном побережье Франции неподалеку от Сан-Тропе.

Поздно вечером трое мужчин средних лет прибыли на виллу, принадлежащую одному марокканскому коммерсанту, имевшему деловые интересы в России. Там ждал их еще один человек. Переговоры заняли четыре часа и завершились безрезультатно. Но эти четыре часа во многом изменили ход российских событий и разрушили столь мучительно обретенный годом ранее консенсус элит.

Если бы участники той беседы могли хотя бы приблизительно представить себе, к чему приведет их неспособность пойти навстречу друг другу, они как кардиналы на конклаве сидели бы в Сан-Тропе безвылазно вплоть до полного погашения конфликта. Но «ребята» были смелы, энергичны, напористы. Им казалось, что страна лежит у их ног и надо лишь протянуть руку, чтобы взять все, причитающееся им по праву сильного. Каждый из этой четверки сильным считал именно себя. Каждый имел собственное видение того, что такое хорошо и что такое плохо. Каждый представлял собой по-настоящему крупную фигуру, влияние которой на российские дела трудно было переоценить.

Звали визитеров Борис Березовский, Владимир Гусинский и Владимир Потанин. Эти люди контролировали значительную долю отечественного бизнеса

и оказывали самое непосредственное воздействие на большую российскую политику. А принимал их тот, кто в середине 1997 г., собственно говоря, и делал эту политику. Его звали Анатолий Чубайс [279, с. 329–330].

По закону или по понятиям?

Предметом разговора была приватизация блокирующего пакета акций государственной компании «Связьинвест». Данный пакет должен был быть продан на аукционе тому, кто заплатит большую сумму, нежели конкурент. Однако в то, что игра на российском рынке может быть честной, никто из компетентных людей не верил. Из этого вытекала необходимость предварительно оговорить характер грядущей сделки, а потому все заинтересованные стороны собрались на Лазурном побережье.

Березовскому и Гусинскому «Связьинвест» нужен был как хлеб. Каждый из них претендовал на то, чтобы контролировать ведущие российские электронные СМИ. Березовский в середине 90-х гг. установил свой контроль на ОРТ — Общественном российском телевидении (как назывался тогда Первый канал), а Гусинский был отцом-основателем НТВ. Но контроль не мог быть полным до тех пор, пока вне их медиа-империй оставалась передача сигнала.

Большое значение для медиа-бизнеса имели даже устанавливаемые хозяином «Связьинвеста» расценки. Но еще важнее оказывалось другое. ТВ в современной России представляет собой не столько бизнес, сколько инструмент политического влияния, а потому сигнал теоретически мог бы перекрываться чисто административными методами, т.е. вне зависимости от того, готов потребитель заплатить за услуги «Связьинвеста» или же нет. Настоящим медиамагнатом способен был стать лишь тот, кто контролировал бы и творческую, и техническую части телевидения. А потому Березовский с Гусинским вошли в альянс ради обретения полного контроля в данной сфере.

Зачем «Связьинвест» нужен был Потанину, не вполне ясно. Его интерес к масс-медиа ограничивался печатной прессой, да и тот вскоре практически сошел на нет. Скорее всего, Владимир Олегович намеревался впоследствии просто спекулировать приобретенными на выгодных условиях активами, тем более что партнером в борьбе за «Связьинвест» он избрал Джорджа Сороса, специализирующегося именно на такого рода бизнесе.

Для сравнения заметим, что именно так поступили с предприятиями петербургского энергетического машиностроения, буквально вырванными Потаниным в конце 90-х гг. у более слабого конкурента. Их попытались уже

в 2005 г. переуступить с наваром германскому концерну «Siemens» — правда, натолкнулись на политическое сопротивление. Но в 1997 г. политические вопросы требовалось решать не при продаже, а при покупке.

Для Березовского и Гусинского логика решения проблемы была абсолютно ясна. «Связьинвест» требовалось приватизировать не по закону, какового в России фактически не имелось, а по понятиям. Понятия же были таковы.

Возглавляемая этими двумя олигархами система телепропаганды обеспечила Борису Ельцину победу на выборах 1996 г. Тем самым Березовский и Гусинский как бы заняли важнейшее место в механизме государственного разделения труда. В лице «Связьинвеста» они не просто приобретали активы. Они обеспечивали себя имуществом, необходимым для нормального функционирования власти и удовлетворения интересов всех лиц, так или иначе с властью связанных. Их интересы трудно было отделить от интересов правящей элиты как таковой.

Березовский с Гусинским не без основания полагали, что консенсус элит, сформировавшийся еще в ходе президентской кампании 1996 г, установил некие правила игры — весьма далекие от тех, какие приняты в цивилизованном обществе, но зато эффективно работающие в российских условиях. Скороспелый пересмотр правил (даже ущербных) — это самое плохое, что только может быть в рыночной экономике. А потому приватизация «Связьинвеста» должна пройти в соответствии с консенсусом 1996 г. И лишь когда-нибудь в будущем российские правила игры смогут быть заменены на те, которые используются Западом.

Березовский с Гусинским, по свидетельству Альфреда Коха, прямо заявили ему с Чубайсом: «Если вы Потанину разрешите участвовать в этом аукционе, мы через наши СМИ вас размажем по стенке» [123, с. 26].

Логика Чубайса тоже была вполне ясной, но, в отличие от Березовского с Гусинским, он пытался приватизировать «Связьинвест» не по понятиям, а по закону. Резкий отход от тех норм, которыми он руководствовался еще недавно, и нанесение удара по столь тщательно выстраивавшемуся им же самим консенсусу-96, определялись переменой его личного статуса и теми новыми политическими задачами, которые приходилось решать в 1997 г.

В начале 1997 г. Ельцин, преодолевший затяжную болезнь, парализовавшую политическую жизнь страны более чем на полгода, решился, наконец, кардинальным образом реформировать правительство. Хотя Виктор Черномырдин сохранил свой премьерский пост, но реальная власть во многом перешла к тандему первых вице-премьеров — к Анатолию Чубайсу и Борису Немцову. Правительство младореформаторов (как стали их называть) должно было завершить финансовую стабилизацию и обеспечить переход к экономическому

росту, чтобы на следующих президентских выборах Ельцин смог спокойно передать власть преемнику.

Успех младореформаторства автоматически делал бы этим преемником Немцова. Ставки были очень серьезными, и они заставляли пересматривать все понятия, сформировавшиеся в той политической ситуации, когда борьба шла за переизбрание Ельцина на президентский пост.

Высокий, стройный, моложавый Немцов, казалось бы, самой природой был предназначен для того, чтобы стать президентом. Он располагал к себе людей, настраивал их на оптимистический лад и внушал надежду. Надежду на то, что трудности, символизируемые грузной, мрачной фигурой все больше деградировавшего Ельцина, вскоре останутся позади.

Кудрявый вице-премьер представлял собой лицо новой России — приятное, улыбочное, немножко дерзкое и даже заносчивое. Но такой дерзкой и даже заносчивой становится любая страна, вырывающаяся из оков прошлого. В этом смысле новый герой был адекватен обществу. Впрочем... не обществу, пожалуй, а лишь той динамичной его части, для которой реформы были не стрессом, а шансом.

Немцов практически не имел за спиной политической карьеры. Физик по образованию он оказался российским депутатом, когда ему лишь немного перевалило за тридцать. Но даже поддепутатствовать тогда толком не пришлось. Молодой политик вернулся в свою Нижегородскую область, чтобы стать губернатором.

Народу, как ни странно, такой нестандартный губернатор пришелся по вкусу, и когда демократы первой волны начали вылетать из властной системы, Немцову удалось сохранить свои позиции. Он сохранил их, даже несмотря на то, что открыто дружил с Явлинским, подчеркивал уважительное отношение к Гайдару и Чубайсу, а также критиковал развязывание войны в Чечне.

В умении нравиться людям состояло главное достоинство Бориса Ефимовича. Для непосредственного руководства правительством он вряд ли так уж требовался, но понятно было, что «будущего президента» следует вытащить из провинции и представить всему народу.

Вытаскиваться, правда, губернатору не очень хотелось. Он понимал, какой риск для его столь хорошо складывающейся карьеры влечет за собой работа

Борис Немцов

рука об руку с непопулярным Чубайсом. И все же Москва манила. Казалось, что личное обаяние молодого высокого парня, подкрепленное успехами экономической политики, может сотворить чудо. Может сделать президентом страны человека непонятого и непривычного для большинства ее забитых и перепуганных граждан.

Война на уничтожение

Важнейшей экономической проблемой, вставшей перед Чубайсом в 1997 г., был бюджетный кризис. Российский бизнес за минувшие после начала реформы пять лет научился оптимизировать платежи и скрывать от обложения значительную часть доходов. Поступления в бюджет сокращались, а возможности разного рода манипулирования с расходами и государственным долгом были не безграничны.

Что касается займов, то Россия и так уже слишком пристрастилась к этому наркотику. Сажая в 1995 г. бюджет «на иглу», Чубайс вряд ли рассчитывал, что нездоровая «жизнь займы» столь надолго затянется. Кстати, летом 1997 г. до России донеслись первые раскаты грома, вызванного азиатским финансовым кризисом, и хотя Чубайс, сидя в Сан-Тропе, скорее всего, еще не представлял себе масштабов будущей катастрофы, объективно эти события должны были подталкивать его к экстренному оздоровлению российских финансов.

В первую очередь, это означало сокращение расходов, и младореформаторы еще весной наложили секвестр на оставшийся им от старого правительства бюджет. Однако попытка экономии вызвала такое сопротивление со стороны контролируемой коммунистами Думы, что Чубайс волей-неволей вынужден был задуматься о пополнении казны, т.е. о работе не только с расходами, но и с доходами.

«Связьинвест» представлял собой того упитанного агнца, которого сам бог велел срочно отправить на заклание. Чубайс хотел выручить как можно больше денег для того, чтобы заткнуть самые зияющие дыры в бюджете. Для него речь шла не просто о миллиарде-другом долларов, а о судьбе страны в постельцинский период. С этой точки зрения, стремление Березовского с Гусинским получить пакет акций задешево казалось крайне корыстным и недальновидным. Разве имело смысл сегодня слопать «Связьинвест», а через три года отдать всю страну коммунистам? В общем, когда Сорос пришел к Немцову и поинтересовался: «Вы честный будете устраивать аукцион по “Связьинвесту” или как всегда?», то получил краткий и вполне однозначный ответ: «Честный».

Но для тандема, противостоящего Чубайсу, цена вопроса тоже измерялась не просто деньгами. «В конечном счете все хотят добиться нормальной конкуренции, но нельзя изменить ситуацию за один день, — говорил по этому поводу Березовский [280, с. 428]. Он полагал, что власть должна была расплатиться по тем обязательствам, которые фактически взяла на себя в 1996 г., прибегнув к помощи делового сообщества. Нарушение правил игры ставило под сомнение с таким трудом возникшее в элите доверие друг к другу. А без этого доверия перспективы постельщинского периода все равно оказывались крайне проблематичными.

Владимир Потанин

Более того, доверие начало разрушаться уже в ходе борьбы за «Связьинвест». Многие тогда говорили о близости интересов Чубайса и Потанина. Возникал вопрос: заботился ли первый вице-премьер только о выгодности сделки для государства или же он еще тайком подыгрывал своему приятелю?

Березовский и Гусинский, еще пару лет назад стремившиеся перегрызть друг другу глотки, а теперь сплотившиеся в совместной борьбе за контроль над медиапространством, бесспорно, смотрели на весь мир как на сборище прохиндеев, которым дай только палец — руку откусят. «Связьинвест» явно выглядел тем самым пальцем, который Чубайсу с Потаниным никак нельзя было отдавать.

Тем не менее, отдать пришлось. Чубайс настоял на своем. И как только Потанин приобрел искомое, заплатив на 200 млн долларов больше, чем предлагали соперники, в России разразилась страшная информационная война. Война на уничтожение. Чубайса и его команду решено было выбить из политики, а возможно, и посадить в тюрьму.

Надо сказать, что олигархические войны, причем далеко не только информационные, но и самые настоящие, кровопролитные, стали в России ко второй половине 90-х гг. нормой вещей. Государство оказалось неспособно охранять частную собственность. Более того, чиновники и милиционеры сами активно включались в борьбу за чужое имущество, используя для этого силу вверенного им оружия и государственного аппарата. Вряд ли после таких жестоких разборок в олигархических верхах оставался хоть один человек, не имевший за плечами длительной школы военных действий. Кто-то умело

Владимир Гусинский

сам разбирался с противниками, кто-то нанимал для этого бандитов, кто-то предпочитал выстраивать корпоративные охранные структуры с использованием старых кадров из советской службы госбезопасности. В общем, голубей в олигархических кругах не имелось — только ястребы. И ведение войны на уничтожение было для них понятным, привычным делом. Просто в отношении Чубайса и команды младореформаторов они использовали несколько иное оружие, нежели в отношении конкурентов по бизнесу.

Уже в субботу 26 июля — на следующий после инвестиционного конкурса день — в борьбу вступил Сергей Доренко, работавший у Березовского на ОРТ. Затем, в воскресенье, подключилось НТВ. С понедельника информационную войну начали контролируемые Гусинским радио «Эхо Москвы» и газета «Сегодня». Радио еще держалось в рамках приличия, тогда как газета «наезжала» по полной [207, с. 371–372]. По словам Коха, руководитель НТВ Олег Добродеев как-то раз публично признался ему в том, что со стороны Гусинского имелось задание «мочить» Коха, Чубайса и Немцова [123, с. 32]. А по словам Немцова, Доренко «ловил за 200 долларов проституток на Тверской, и они рассказывали в эфире общенационального канала, как развлекались в пансионате “Лужки” с Немцовым. Анонимные рассказы анонимных проституток с закрытыми лицами повторялись по ОРТ из недели в неделю» [177, с. 23].

Сорокапятилетний Гусинский — театральный режиссер по своей первой специальности — срежиссировал информационную войну на славу. Как театральный деятель он в первой половине 80-х гг. славы не снискал, но зато как бизнесмен во второй половине десятилетия сумел продвинуться довольно сильно. И прежде всего потому, что втянул в свою «пьесу» мэра Москвы Юрия Лужкова, который на очень выгодных условиях отдавал ему для реконструкции здания в самом центре столицы, а затем размещал бюджетные средства в принадлежащем Гусинскому банке [280, с. 188–190; 231, с. 100–111]. С таким влиятельным партнером легко было не только быстро богатеть, но и энергично «мочить» любого противника.

Однако основным мотором информационной войны стал тогда пятидесятилетний член-корреспондент РАН Борис Березовский. Еще до перестройки он успел сделать научную карьеру, а теперь торопился сделать

карьеру бизнесмена и политика. Ждать Бориса Абрамович не хотел.

Первый капитал Березовский сформировал на спекуляциях машинами «АвтоВаза». На этом деле столкнулся с бандитами и, чтобы устоять перед солнцевскими, вступил (по оценке П. Хлебникова) в альянс с чеченцами [279, с. 32]. Отсюда, возможно, вырос его интерес к Кавказу, в полной мере проявившийся позднее — на посту заместителя секретаря Совбеза (1996–1997 гг.), когда он взялся обустроить полусвободную Чечню. Обустривал, правда, неудачно. Гораздо удачнее делал он свои собственные дела, проводя операции с АВВА в эпоху господства мошеннических финансовых компаний (1994 г.), с «Сибнефтью» в эпоху залоговых аукционов (1995 г.), с финансовыми потоками «Аэрофлота» в эпоху «давооского пакта» (1996–1997 гг.). А главное — он сумел войти в доверие семьи Ельцина.

Борис Березовский

К 1997 г. Березовский успел уже многое заработать и многое испытать. В 1994 г. его взрывали — правда, неудачно. Возможно, именно после этого он стал человеком «отмороженным», потеряв последние следы респектабельности «членкора». Кто-то пытался пройти по его труп, и теперь «недобитый олигарх» готов был идти по трупам врагов¹.

В конечном счете, стычка с Чубайсом подорвала и собственную карьеру Березовского, потерявшего пост в Совбезе. Но его звездный час был еще впереди. А пока ОРТ и НТВ «мочили» младореформаторов на совесть. Казалось, что у страны больше нет никаких проблем, кроме нечестности Чубайса и тех, кто его окружал. Сергей Доренко и Евгений Киселев весь талант телезвезд бросили на уничтожение врагов своих работодателей. Били по-крупному — за антинародную политику, и по-мелкому — за гонорары, полученные от книги о приватизации. Ни финансовая стабилизация, ни экономический рост, ни устойчивость политической системы страны больше не имели значения для телекомпаний.

¹ О той морально-политической атмосфере, в которой выковывался характер Бориса Абрамовича, можно составить представление по талантливо написанному роману «Большая пайка» Юлия Дубова — друга и делового партнера Березовского [80]. В российской художественной литературе существуют также произведения, в которых достаточно точно изображаются схватки за контроль над предприятиями, развязанные различными финансово-олигархическими группами. В частности, стоит обратить внимание на романы Юлии Латыниной из серии «Олигархическая сага» — «Стальной король» [134], «Охота на изюбря» [135] и «Промзона» [136].

Киселев, как признанный журналист-аналитик, много сделавший в начале 90-х гг. для становления российской демократии и имевший в связи с этим хорошую репутацию, упирал в своем «мочении» на аналитичность. Он старался доказать интеллектуальному телезрителю, что Чубайс и его команда коррумпированы, а значит, работают в личных интересах. Доренко же в войне против младореформаторов нажимал на эмоции, на хлесткую, остроумную фразу, на свою способность находить личный контакт с массовым зрителем.

Это был в полной мере человек Березовского. Сергей Леонидович с Борисом Абрамовичем нашли друг друга как родственные души и работали чрезвычайно эффективным тандемом. В первый раз олигарх обратил внимание на журналиста, когда тот иронично проехался по поводу неудавшегося покушения на Березовского. Борис Абрамович не обиделся, а, напротив, решил использовать талант Сергея Леонидовича. Приехал к нему, долго ждал в приемной, как простой посетитель, кушал там арбуз. В конечном счете, они сошлись, перешли на ты и стали понимать друг друга с полуслова [280, с. 520].

Совокупными усилиями Березовского, Гусинского, Доренко и Киселева² Чубайс был полностью уничтожен. Сначала в отставку отправились его сподвижники (в частности, Альфред Кох), а затем он сам потерял правительственный пост и пошел «отсиживаться» на должность главы РАО «ЕЭС России».

Попутно пострадал и Немцов, не дистанцировавшийся от избиваемых товарищей, а потому быстро растерявший политические очки. Как «наследник престола» он перестал существовать. Атака на младореформаторов открыла дорогу Владимиру Путину, хотя в тот момент никто, конечно, об этом не догадывался.

Гораздо быстрее выявилось, что эта атака открыла дорогу в Россию финансовому кризису. Пока шли разборки, никто не занимался спасением рубля, а когда «разобрались», спасти уже было поздно. В общем, все «повеселились» на славу.

Цены и ценности

Тихий, незаметный 1997 г. стал на самом деле годом поистине революционным. Не менее революционным, чем 1992 г., сформировавший основы современной экономической системы, и 1993 г., породивший президентскую

² Интересно отметить, что даже бывший министр финансов Александр Лившиц, прекрасно понимавший, что происходит в стране, не отказался от возможности дать телевизионное интервью, в котором «рассуждал о шпионах в правительстве и о том, как они передают важную информацию в представляющий иностранные интересы МВФ» [55, с. 218].

модель, ставшую в итоге центром политического строя пореформенной России. В 1997 г. у нас утвердился пореформенный менталитет, и эта смена образа мышления стала духовной революцией огромного масштаба.

С конца 80-х гг., т.е. с того времени, когда в стране появилась возможность делать деньги, у нас у всех, как у бывших «совков», произошло своеобразное раздвоение сознания.

С одной стороны, мы все еще жили борьбой идей, перенося во внешнюю жизнь ту «кухонную» оппозиционность системе, которая сформировала целые поколения людей брежневской эпохи. Мы читали газеты и ходили на выборы. Мы искали выразителя своих идей и непременно находили его: кто в Ельцине, кто в Гайдаре, кто в Явлинском, кто в Зюганове. Мы хотели, чтобы мир был переустроен, и видели свой личный успех частью этого глобального переустройства.

Но с другой стороны, постепенно стало выявляться, что личный успех возможен и без глобальных трансформаций. Люди, раньше других отошедшие от духовных ценностей «кухонного прошлого» и раньше других осознавшие ценность денег и всего того, что можно на них купить, вдруг с интересом для себя обнаружили, насколько большой и чуть ли не безграничный мир потребления раскрывается перед их глазами.

В первой половине 90-х гг. эта вторая группа людей еще держалась в тени. Не в том смысле, что про них не знали, а в том, что властителями дум для миллионов россиян все же оставались подвижники, стремившиеся к трансформации системы. Но постепенно сами эти подвижники стали обнаруживать прелести «скромного» обаяния буржуазии. Те, кто вчера еще застенчиво жался в приемных у властителей дум, сегодня легко покупали газеты, телеканалы, театры и даже политические партии со всеми потрохами и всеми «властителями» в придачу. А самое главное — они создавали для купленных героев такие возможности труда и отдыха, о которых те раньше лишь в книжках читали.

Особое значение в этом плане имела президентская кампания-96. Российские интеллектуалы входили в нее искренними борцами с коммунистическим реваншем. Но многочисленные «коробки из-под ксерокса», с невероятной быстротой циркулировавшие в творческой среде, за несколько месяцев полностью изменили моральный климат. Выходили «властители дум» из той политической схватки с твердым убеждением, что ценности в обществе могут быть разными, но цены на предоставляемые интеллектуалами услуги всегда должны быть выгодными.

Мы видели, как политики льстят нам и тут же нас предают. Мы видели, как бизнесмены агитируют за идею и тут же покупают себе привилегии. Мы видели, как чиновники приходят во власть нищими и тут же начинают буквально лопаться от сваливающихся на них богатств. И мы поняли главное. Есть только одна вещь, которая нам никогда не изменит. Это деньги. И желательны крупные деньги. Те, которым не страшны случайности — черные вторники, дефолты, девальвации.

Раньше олигархов недолюбливали, но, по большому счету, оставались к ним равнодушными, потому что мир больших денег находился у нас где-то на обочине магистрального пути к светлому демократическому будущему. Теперь же олигархов искренне возненавидели, поскольку все мечтали оказаться на их месте.

В 1997 г. элитная российская интеллигенция впервые показала всей стране, что при выборе между идеями и деньгами приоритетом становятся деньги. Не все сразу поняли, что лежало в основе той информационной войны, которую нам продемонстрировали по телевидению. Но те, кто понял, бросились догонять «властителей дум». Если вчера еще за ними следовали в идейном плане, то сегодня — в чисто рыночном. Все стремились продать идеи за твердую монету.

Через несколько лет отдельные инициативные попытки российских интеллигентов использовать свои возможности и способности для проведения информационных войн превратились в целую систему. Возник даже особый сегмент рынка, на котором «ум, честь и совесть» продавались любому покупателю вне зависимости от того, кого, как и какими методами тот собирает «мочить».

Скорее всего, такого рода явления не были единичными и касались различного рода изданий. Если поначалу журналоги и журналюшки еще нуждались в каких-то моральных самооправданиях для своей новой специфической деятельности, то со временем дело оказалось полностью переведено на коммерческие начала. Сформировался «русский пиар, бессмысленный и беспощадный», по меткому выражению Андрея Колесникова [108, с. 32].

Некий известный телеведущий, «мочивший» Юрия Лужкова во время парламентской кампании 1999 г. столь профессионально и самозабвенно, что фактически утопил его как политика, поначалу пробовался в пропагандисты именно к московскому мэру. Однако финансовые запросы его были столь велики, что Лужок сдуру поспешил. «То-то потом жалел, небось», — посмеялся осенью 1999 г. один крупный лидер правых (старый враг Юрия Михайловича) на полузакрытой встрече в небольшом питерском ресторане.

Утопив Лужкова, можно было стать чуть ли не столь же богатым, как сам Лужков. Один известный журналиста (может быть, тот же самый) хвастался в эпоху больших денег, что не ел меньше чем на 10 тысяч долларов в месяц. Скорее всего, столько и не требовалось для принятия внутрь вкусной и здоровой пищи, но надо же было как-то потратить внезапно свалившееся богатство.

Постепенно новые ценности охватили все общество. Известный режиссер, поддерживающий партию власти в расчете на будущее финансирование; журналист, сливающий грязь на бизнесмена по заказу конкурента; пенсионер, голосящий за депутата в обмен на продовольственный паек — все это звенья одной цепи. Все это плоды того духовного климата, который сложился после 1997 г.

И вот уже писатель Татьяна Москвина грустно-иронично констатирует: «Какая там у нас интеллигенция: горстка мучеников, толпа лакеев и Алексей Герман». Политик и правозащитник Юрий Вдовин вводит в оборот понятие «элиты “секонд-хэнд”». А историк и журналист Даниил Коцюбинский, для которого описанные выше события — лишь часть более общей проблемы, делает глобальный пессимистический вывод: «нынешняя генерация человечества осталась без элиты».

Вкус денег, как вкус крови. Он непреодолимо манит хищника. Особенно такого несчастного и голодного, как «совок», который только что покинул тоталитарную систему. Сопротивляться этому зову невозможно. Или, по крайней мере, очень трудно. Сохранить в душе доминирование ценностей над ценами по силам только тому, кто уже стал Личностью. А кто из нас успел стать Личностью за тот краткий период взросления, что начался в 1985 г.?

Вообще-то деньги — неплохая вещь. Пожалуй, можно сказать, что они создали западную цивилизацию, поскольку заменили грубую силу и административный диктат в качестве регулятора социальных отношений. Деньги связали между собой свободных людей, тогда как диктат выстраивал рабов, панически боявшихся любой свободы.

За годы реформ и мы, наконец, научились пользоваться деньгами, что позволило создать реально работающий рынок на месте бывшего ГУЛАГа. Беда лишь в том, что мы еще не научились пользоваться самими собой, смешав вновь обретенные рыночные рефлексы с моралью обитателя концлагеря.

Трудно овладеть собой. И в тот год, когда тебя вдруг внезапно окунают в свободу... И десять лет спустя... И двадцать... И двадцать пять... Может, лишь то поколение россиян, которое почувствует себя в денежном плену так же плохо, как мы при тоталитаризме, сумеет устоять перед вкусом крови?

Глава 20

Пропать для рывка вверх

Дефолт и девальвация августа 1998 г.

В ночь со 2 на 3 июля на своей подмосковной даче выстрелом в голову был убит депутат Государственной Думы, генерал-лейтенант Лев Рохлин — герой первой чеченской войны, один из самых ярких российских военачальников. При ином повороте событий дело это долго не сходило бы с первых полос газет, но в середине 1998 г. журналистам не слишком хотелось копаться в подробностях появления очередного «высокопоставленного» трупа. Страна в страхе сжалась перед наступлением гигантского финансового кризиса.

Кризис разразился через полтора месяца после гибели Рохлина. Приказал долго жить сооруженный Анатолием Чубайсом в 1995 г. валютный коридор. Рубль рухнул. Государство отказалось платить по своим обязательствам перед кредиторами. Крупнейшие банки страны в мгновение ока стали банкротами. Тысячи людей потеряли сбережения, миллионы — нашли их обесценившимися.

Теперь уж точно стало не до июльской трагедии. А тем временем официальная версия, обвинявшая в убийстве жену Рохлина — Тамару, начинала выглядеть все более и более нелепой. По стране ползли слухи о том, что настоящий боевой генерал не мог погибнуть столь жалким образом — от «бытовухи», — а значит, произошло политическое убийство. Ведь Рохлин все более явно переходил в оппозицию Кремлю, учредил собственное политическое движение, возбуждал людей к активным действиям и чуть ли не подговаривал близких ему офицеров к движению на Москву. Словом, готовил военный путч [см., напр., 270, с. 251—254]. По свидетельству бывшего министра внутренних дел генерала Куликова в конце апреля Рохлин совершенно откровенно спрашивал его: «Анатолий Сергеевич, как вы думаете, если армейские части войдут в Москву, будут ли внутренние войска этому препятствовать?» [132, с. 299].

На Москву, правда, в то бурное лето не двигался разве что ленивый. Баствующие шахтеры даже разбили лагерь в центре столицы и день за днем стучали касками прямо у здания правительства. Все требовали лучшей жизни, не подозревая еще, что именно эта жизнь и была «лучшей». Ведь такой уровень реальных доходов, какой был до 17 августа, не удастся потом вернуть на протяжении нескольких лет.

Летом 1998 г. всем казалось, что власть в России из рук вон плохая, что на нее следует давить, давить и давить, что лишь под давлением она согласится заняться делами народными. И надо признать, в то тревожное время власть действительно производила грустное впечатление. Она не стала глупее, чем раньше, и тем более пассивнее, чем в годы черномырдинского застоя. Но никогда еще она не была такой слабой, беспомощной и совсем не страшной. Никогда не выглядела она такой обреченной, как в недолгий период премьерства Сергея Кириенко.

Нет хлеба? Ешьте киндер-сюрприз

К началу 1998 г. в российском руководстве обнаружилась удивительная вещь. Несколько лет ожесточенных междоусобных сражений фактически полностью вывели из строя правящую элиту.

Нельзя сказать, конечно, что ребята пострадали в физическом смысле и разбрелись по госпиталямлизывать раны. Напротив, они расцвели, отрасли нomenclатурные брюшки и стали все чаще навещать альпийские курорты, дабы растрясать там излишние «трудовые накопления», сосредотачивающиеся в районе талии. Но если говорить не в физическом, а в юридическом плане, то как кандидаты на замещение вакантных должностей высшего ранга государственные люди первой половины 90-х гг. котироваться теперь перестали.

Первый мощный удар был нанесен еще в ходе президентских выборов 1996 г. по группировке Коржакова—Барсукова—Сосковца. Эта ветвь, растущая из мощного президентского тела, была обрублена Анатолием Чубайсом. Зарождающийся альянс чекистов с красными директорами развалился. Чекисты вновь смогли консолидироваться лишь к 2000 г., тогда как директора с тех пор окончательно растворились в олигархических кругах.

Сам Чубайс, в свою очередь, был вышиблен из седла в 1997 г. группировкой объединенных олигархов. Вместе с ним фактически оказались добыты остатки той чрезвычайно устойчивой в политическом смысле команды, которая пришла вместе с Егором Гайдаром осенью 1991 г. Впрочем, поражение младореформаторов являлось, скорее, тактическим отступлением. Не имея возможности удержать

захваченные высоты, они, тем не менее, сохраняли силы для того, чтобы не дать закрепиться на них противнику.

В результате затормозилось политическое продвижение олигархов, которые как лично, так и через своих ставленников, начали было после успешной президентской кампании 1996 г. отхватывать себе чрезвычайно лакомые кусочки властной вертикали. Близости «главного олигарха» Бориса Березовского к президентской семье хватало для совершения ряда важных деловых операций, но не для захвата всей власти целиком.

Что же касается формальной политической оппозиции, то она не сумела заставить Кремль с собой считаться. Александр Лебедь в 1996 г. перехитрил сам себя, Геннадий Зюганов показал, что достиг предела своих возможностей и уже не опасен, а Григорий Явлинский за много лет так и не продемонстрировал способности к разумным компромиссам.

И вот в этой-то ситуации вдруг Бориса Ельцина перестал устраивать премьер-министр Виктор Черномырдин. Есть два объяснения того, почему тот был отправлен в отставку весной 1998 г.

Если подходить к вопросу с позиций нормальной политической логики, то надо заметить, что уже в начале года отток капитала, спровоцированный азиатским финансовым кризисом, ясно говорил о возникновении беспрецедентной угрозы рублю. Российские власти поначалу отнеслись ко всему происходящему с чересчур уж большим спокойствием. Подумаешь, спекулянты стали выводить свои деньги из какой-то там Индонезии! Ну и что? Мы-то здесь при чем?

Наша страна столь долго существовала в отрыве от экономических процессов, захватывающих весь мир, живущий по принципам рыночного хозяйства, что и в 1998 г. — через шесть лет после начала российской радикальной трансформации — людям трудно было поверить в существование какой-то связи между деньгами, находящимися в Москве, и деньгами, убегаящими из Джакарты. Казалось, паника, охватившая азиатов, никак не может передаться россиянам.

Имелись, впрочем, ученые, понимавшие, что рано или поздно все глобальные рыночные процессы дойдут и до нас. Но их видение ситуации затемняли традиционные представления, согласно которым Россия — отнюдь не развивающийся рынок, а великая держава, лишь случайно попавшая в беду. Этим людям казалось, что под воздействием азиатского кризиса капиталы, скорее, устремятся в Россию, чем из России. Наша экономика с ее огромными потенциальными возможностями виделась надежной гаванью для терпящих бедствие «кораблей».

Высокопоставленный сотрудник МВФ Мартин Гилман описал свои впечатления от увиденного на очередном собрании управляющих Фонда, состо-

явшегося в конце сентября 1997 г. в Гонконге. Присутствовавший там Анатолий Чубайс был абсолютно счастлив. Только что ему вручили премию журнала *Euromoney* в связи с избранием лучшим министром финансов года. Лоуренс Саммерс – известный ученый-экономист и заместитель министра финансов США – произнес много проникновенных слов в адрес Чубайса и всего того, что его команде удалось сделать в России. Сам Анатолий Борисович, как виделось Гилману, ощущал, что годы труднейшей работы позади и теперь наконец-то он может вздохнуть свободно, поскольку Россия встала на твердый рыночный фундамент и двинулась по пути экономического роста [55, с. 31–33, 178].

Но на деле все пошло совсем по иному сценарию. На многих ненадежных развивающихся рынках международный бизнес перепугался и стал выводить капиталы. Россия с ее дефицитным бюджетом, большим государственным долгом и вялой экономикой представлялась бизнесу такой же потенциальной зоной бедствия, как, скажем, и Индонезия. Деньги перестали вкладывать в государственные бумаги. Более того, взысканный с государства старый долг тут же обращали в валюту и выводили за рубеж. Под угрозой оказалось сразу два столпа системы, выстроенной Чубайсом в 1995 г., – покоящийся на государственных займах бюджет и относительно стабильный рубль.

Экономист Андрей Илларионов показал, что еще осенью 1997 г. нужно было принимать экстренные меры по изменению валютной политики [102, с. 18]. О вероятности возникновения связанной с оттоком капитала «стихийной девальвации рубля» говорил в ноябре 1997 г. Григорий Явлинский. Но Центробанк вел себя так, как будто бы ничего не происходило. И точно так же вели себя другие люди и структуры, оказывающие воздействие на экономику¹.

Наверняка руководители Центробанка не хуже Илларионова и Явлинского понимали сложность ситуации. Однако публично высказываться по этому вопросу они не стремились, да, пожалуй, и не могли, поскольку катастрофизм из уст официальных лиц лишь вызвал бы панику и ускорил нарастание проблем. В их задачу входило принятие реальных решений по выводу страны из критической ситуации, однако с такого рода решениями дело не задалось.

Многое зависело от действий правительства. Но Черномырдин не справлялся с возникшей проблемой, а подпиравшие его младореформаторы оказались

¹ Некоторые аналитики полагают, что поворот экономического курса осенью 1997 г. был активно невозможен по политическим причинам, поскольку «это предполагало бы отказ от шанса на экономический рост ради перестраховки на случай возможных (на вид еще не неизбежных неприятностей)» [199, с. 10]. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, девальвация рубля непосредственно способствовала переходу к экономическому росту, а не препятствовала ему.

деморализованы. Иногда решения младореформаторов торпедировались премьером, как было, например, в случае отмены Черномырдиным решения Чубайса об аресте имущества некоторых нефтяных компаний — крупных неплательщиков налогов [154, с. 9]. В этом смысле отчаянная попытка сформировать совершенно новое правительство могла считаться рациональным ответом на вызов, брошенный экономическими проблемами.

Но, возможно, дело обстояло гораздо проще. Черномырдин стал слишком явно показывать, что считает себя преемником Ельцина², и президент решил поставить выскочку на место, благо особых заслуг у того все равно не имелось. Известный исследователь российской олигархии Дэвид Хоффман даже прозрачно намекает на то, что решение главы государства было сознательно спровоцировано телевизионным интервью Бориса Березовского, рассказавшего о том, как идет кампания по выдвижению преемника Ельцина [280, с. 16]. Нетрудно догадаться, сколь гневен стал Борис Николаевич, когда увидел это интервью.

Березовский позднее откровенно признавался Хоффману, что считал необходимым заменить Черномырдина, который к тому времени уже устал и просто плыл по течению. Премьер пять лет давал обещания как правым, так и левым. Эти обещания, по оценке Березовского, сковали Виктора Степановича, как цепи. Гусинский, участвовавший в той беседе, сказал Хоффману, что целиком разделяет данное мнение [280, с. 455]. Вполне возможно, что олигархи в тот момент уже думали о том, кто сменит Ельцина на президентском посту в 2000 г., и не желали, чтобы главным фаворитом стал Черномырдин.

Скорее всего, на самом деле все факторы сыграли свою роль.

«Доброжелатели» нашли возможность открыть президенту «истинное лицо» пригретого на его широкой груди премьера. Ельцин закипел от гнева и снял Черномырдина. Но довести кадровую рокировку до логического конца — до назначения на премьерский пост исключительно своего, полностью подконтрольного «человечка» — они не сумели.

Считается, что таким «человечком» был Иван Рыбкин — бывший крупный аграрно-коммунистический лидер, бывший спикер Государственной Думы и бывший секретарь Совета безопасности. В Совбезе они и сошлись с Березовским, который некоторое время занимал пост заместителя Рыбкина. Борис Абрамович запросто устанавливал контакты с людьми, происходившими из иного лагеря, а беспринципность коммунистов и их страстное желание

² По данным журналистов В. Панюшкина и М. Зыгаря, Черномырдин уверял, что у него была личная договоренность с Ельциным о том, что тот уступает ему свое место в 2000 г. [191а, с. 56].

приобщиться к материальным благам олигархического капитализма становилась все более очевидна всем: от людей уровня Березовского до рядовых трудящихся.

Однако слабость и зависимость Ивана Петровича были слишком уж очевидны для всех, не исключая Ельцина. Организованная Борисом Абрамовичем «ловля Рыбкина в мутной воде» не увенчалась успехом. Президент до самого последнего момента думал о том, кому предложить возглавить правительство, и, наконец, сделал свой выбор не в пользу Березовского.

На пост премьера выдвинули 37-летнего министра топлива и энергетики Сергея Кириенко — политика, представляющего второй эшелон младореформаторов. Выходец из нижегородской команды Бориса Немцова, успевший поработать как в дореформенном комсомоле, так и в пореформенном бизнесе, он, по сути дела, вообще не имел самостоятельной политической биографии.

Невысокий, шуплый очкарик с лицом типичного «ботаника», он был быстро и точно прозван киндер-сюрпризом, что отражало две самых характерных черты этой новой фигуры российского истеблишмента — бросающуюся в глаза несамостоятельность и внезапность появления на сцене. Кириенко, бесспорно, был человеком умным, квалифицированным и — что в данном случае особенно важно — умеющим схватывать на лету важную информацию. В этом смысле он оказывался вполне адекватен таким сильным интеллектуалам, как Гайдар или Чубайс. Тем не менее, вторичность Сергея Владиленовича по отношению к Егору Тимуровичу и Анатолию Борисовичу была настолько очевидной, что даже не требовала каких-то комментариев.

В то время многие недоумевали, как Кремль умудрился найти такого премьера. Но с формальной точки зрения все, от кого зависело выдвижение, действовали вполне логично. Усталый, больной Ельцин, тосковавший по своему звездному часу 1991 г., полагал, наверное, что нашел второго Гайдара, способного растрясти застоявшееся болото недееспособной власти. Замаранные в общественном мнении младореформаторы первого эшелона, не имея возможности лично выйти на ведущие роли, должны были приветствовать выдвижение «лучшего из худших» (не олигархам же, в конце концов, отдавать премьерский пост!). Парламентарии, промурыжив Кириенко для порядка некоторое время, дали согласие на назначение, поскольку не хотели рисковать роспуском Государственной Думы и своими насиженными креслами.

Но в целом надо признать, что назначение было крайне неудачным. У Кириенко в 1998 г. и у Гайдара в 1991 г. были совершенно разные задачи. После августовского путча всю политическую нагрузку нес на себе еще не успевший

растерять популярность Ельцин, тогда как от Гайдара требовалось лишь сделать правильный экономический выбор. Но в чрезвычайно сложном политическом пространстве 1998 г. на посту премьера нужен был прежде всего политик, способный решать встающие перед ним проблемы. Что же касается самой постановки проблем, то надвигающийся кризис уже не оставлял особого выбора: требовалось идти на девальвацию рубля и одновременно усиливать жесткость финансовой политики.

Чего тут думать? Трясти надо

Новому премьеру необходима была способность быстро решать ключевые задачи, не допуская социального взрыва. Это в качестве программы минимум. Что же касается программы максимум, то он после всего этого должен был, по возможности, еще и уцелеть в качестве главы правительства, не допуская политического кризиса.

Теоретически имелось два прямо противоположных способа решения задач.

Первый – пойти на прорыв. Принять все необходимые при столь негативном развитии событий экономические меры, а в случае возникновения конфликта с коммунистической Думой быть готовым к роспуску парламента. В 1998 г. такой подход казался практически невозможным, чуть ли не чреватым гражданской войной. Но как показало на будущий год сравнительно легкое отстранение правительства Евгения Примакова, левые российские парламентарии были трусоваты и, скорее всего, в принципе не способны бороться ни за идеи, ни за власть.

Второй вариант – пойти на умиротворение. Найти сильную политическую фигуру, с которой оптимистические ожидания могли бы быть связаны у самых разных сторон политического противостояния. Пользуясь открывшимися возможностями для компромисса, новый премьер имел бы шанс провести абсолютно легальным путем те преобразования, которые необходимы были для улучшения положения дел в экономике. Впоследствии выбор Примакова как раз и означал развитие событий по данному сценарию с той только разницей, что реализовывать его начали не до кризиса, а уже после него.

Понятно, что сделать ставку на умиротворение означало риск получить бестолкового премьера, способного завести страну не туда. Все помнили, сколько времени ушло у Черномырдина на обучение элементарным экономическим понятиям. Но, скорее всего, в 1998 г. способность управлять, способность растряссти закосневшую систему и заставить ее спастись была, сколь ни парадоксально

это звучит, важнее умения думать. Ведь думающий премьер, как показал случай с Кириенко, все равно был ни на что не годен.

Сделать ставку на такого «либерала», как Кириенко, означало возникновение кризиса, выход из которого возможен через призвание такого «политического тяжеловеса», как Примаков. Сделать сразу же ставку на «тяжеловеса» означало вероятный кризис, выход из которого можно было затем поручить либералам. Даже легковесным. Но Кремль все же выбрал Кириенко, отказавшись тем самым как от решительного прорыва, так и от неторопливого умиротворения.

К исходу весны, когда Кириенко наконец прошел через парламентское утверждение, предотвратить кризис было уже практически невозможно. Капиталы еще в 1997 г. начали энергично бежать с развивающихся азиатских рынков. Постепенно все нарастающая финансовая паника охватывала и Россию. С января 1998 г. вплоть до августовской катастрофы уже не только иностранные, но и отечественные инвесторы продавали государственные бумаги, вырученные рубли переводили в валюту, а ее затем переправляли за рубеж [126, с. 46].

Соответственно, у государства возникало две проблемы.

Во-первых, поскольку никто больше не хотел одалживать ему денег даже на формально очень выгодных условиях, бюджет разваливался и впереди начинал возникать призрак дефолта, т.е. неспособности расплатиться по очередным обязательствам. Какое-то время правительство готово было тратить на погашение своих обязательств те бюджетные средства, которые раньше использовало для обычных (в т.ч. социальных) нужд. Но такое безумие не могло продолжаться долго. Уже к марту 1998 г. на обслуживание долга уходило 45,3% расходов федерального бюджета [199, с. 137]. Получалось, что почти каждый второй бюджетный рубль доставался не врачам, учителям и другим работникам госсектора, а кредиторам. Причем это ведь происходило в довольно бедной стране, где бюджетники и так не отличались высокими заработками.

Во-вторых, поскольку желающих продавать рубли оказывалось гораздо больше, нежели желающих продавать доллары, российская валюта уже не могла удерживаться в старом коридоре. Тот, кто выводил свои деньги за рубеж, возможно, не считал российскую экономику столь уж плохой, но понимал простую вещь: если удерут другие, он свои вложения, в конечном счете, потеряет. А другие думали точно так же, и соревновались в гонках на выход с финансового рынка.

В основе паники лежали две вещи. Во-первых, точное знание того факта, что Банк России не имеет достаточных резервов, дабы выкупить скидываемые инвесторами рубли. А во-вторых, оправдавшееся впоследствии подозрение,

что такой проблемной экономике, как российская, при слабости Центробанка никто уже по-настоящему помочь не захочет.

Возможно, при высоких мировых ценах на нефть массовое бегство кредиторов от рубля компенсировалось бы продажей валютной выручки экспортерами. Проще говоря, на рынке одна часть бизнесменов продавала бы доллары, тогда как другая – покупала бы. Однако азиатский экономический кризис ударил по ценам на нефть. Что и неудивительно. Ведь если падает производство и нарастает пессимизм, неизбежно снижаются потребности в энергоносителях. Таким образом, нараставшие в России проблемы усугубились падением доходов от продажи нефти, и ситуация стала быстро становиться катастрофической.

Если бы российские власти хотя бы в 1997 г. задумались о принятии экстренных мер по спасению, а не смаковали бы уничтожение команды Чубайса, шанс на мягкий выход из кризиса у них имелся бы. Резкое снижение государственных расходов могло бы помочь удержаться от очередных заимствований, а следовательно, уменьшить объем обязательств. Но государство было слабо, за процесс в целом никто не отвечал, все надеялись на авось. Когда же Кириенко взял бразды правления в свои руки, даже авось уже не настраивал на оптимистический лад.

Оставался только МВФ. По-настоящему крупные зарубежные кредиты могли бы предоставить Центробанку те валютные средства, которые были необходимы для выкупа рублей энергично скидываемых с рук инвесторами.

Чтобы договориться с зарубежными кредиторами, власти вновь привлекли к работе Чубайса, который совсем уже отошел от дел правительства. Главный парадокс этой истории состоял в том, что уговаривал его заняться переговорами в том числе и Березовский. «В то время я считал Чубайса лучшим переговорщиком», – отмечал олигарх. А друг Березовского Бадри Патаркацишвили заметил Борису Абрамовичу: «Послушай, мы как идиоты потратили два года на то, чтобы уничтожить этого человека, а теперь просим его спасти нас» [280, с. 475].

Шанс на спасение был. С одной стороны, МВФ хотел помочь России, поскольку кризис ставил под сомнение способность его руководства к эффективному управлению реформами. С другой же стороны, чиновники МВФ, так же как и российские чиновники, оказались не способны на по-настоящему радикальные действия. Выложить десятки миллиардов долларов они не сумели, а та небольшая помощь, которая была все же Россией получена, не могла отвратить инвесторов от быстро нарастающего пессимизма.

«Золотовалютные резервы ЦБР к середине августа сократились до 15 млрд долларов (в том числе валютные резервы – до 10 млрд долларов). При сохранении

кредитования России международными организациями пополнение резервных активов Банка России до конца года возможно было еще на 5–8 млрд долларов. То есть для поддержания стабильности на валютном рынке до конца 1998 г. Центральный банк имел в своем распоряжении от 10 до 18 млрд долларов... При этом краткосрочные долговые обязательства государственного и частного сектора уже превысили эту сумму, составив более 20 млрд долларов» [199. с. 72].

Кириенко честно крутился, пытался экономить, пытался взыскивать налоги с крупных неплательщиков, но так и не смог довести до конца ни одно начатое им дело. В итоге 17 августа 1998 г. правительству пришлось пойти на дефолт (т.е. на отказ от своих обязательств по государственному долгу) и на ослабление рубля. Впрочем, Кириенко в вопросе о рубле снова проявил слабость, стремясь сохранить валютный коридор путем некоторого расширения его границ (до 9,5 рублей за доллар), но не решаясь сломать в принципе старую систему.

Можно ли было тогда обойтись без дефолта? Да, можно, если просто «напечатать» деньги и покрыть ими государственные обязательства. Многие «обнищавшие» банкиры и некоторые хладнокровные эксперты предлагали тогда именно такой подход. Репутация российского государства перед кредиторами за счет денежной эмиссии была бы спасена. Однако это означало бы резкое усиление инфляции без возможности дать широким массам населения хоть какую-то денежную компенсацию роста цен. Ведь денежки ушли бы к кредиторам. Понятно, что правительство, и без того опасавшееся социального взрыва, на подобный вариант спасения репутации идти не могло.

А можно ли было по-иному выстроить политику девальвации? Вот здесь пространство для маневра действительно имелось.

Можно было сразу же расстаться с прошлым, отпустив рубль в свободное плавание, как, собственно, и произошло в дальнейшем. Можно было пойти другим путем: девальвировать рубль раза в два, зафиксировать его и дальше удерживать от падения, пользуясь тем, что при подешевевшем рубле Центробанку нужно в два раза меньше резервов для осуществления валютных интервенций.

При первом варианте обесценивание рубля наносило мощный удар по платежеспособности российских банков, получающих доходы в отечественной валюте, но имеющих обязательства в валюте иностранной. Не менее мощный удар наносился и по населению, фактически лишавшемуся возможности приобретать резко вырастающие в цене импортные товары. Но зато отечественный производитель становился более конкурентоспособным, благо издержки его производства разом обесценивались по сравнению с себестоимостью товаров зарубежных фирм.

При втором варианте население и банки страдали в меньшей степени, но зато и меньше преимуществ получали отечественные производители. Сохранялся шанс на то, что должники не обанкротятся и смогут как-то свести концы с концами. Но в то же время имелась вероятность того, что государство не выполнит свое обязательство держать стабильный, хотя и обесценившийся рубль.

Отказавшись как от радикального, так и от умеренно-радикального варианта выхода из кризиса, Кириенко лишний раз продемонстрировал слабость правительства. И вот теперь уже по-настоящему заметался президент.

Его неинформированность выглядела комичной. За день до принятия премьер-министром решения о девальвации Борис Ельцин публично говорил, что таковой не будет [55, с. 278]. Когда же девальвация произошла, он явно не знал, как себя вести. Сначала оставил Кириенко в должности, но через несколько дней, так и не дождавшись какого-либо изменения обстоятельств, решил отправить правительство в отставку.

Вслед за рухнувшим правительством по-настоящему рухнул и рубль. Он не удержался в пределах того компромиссного коридора, который отвел ему Кириенко, и перешел в «свободное плавание». Через несколько месяцев на российском валютном рынке давали уже более 30 рублей за доллар.

Рухнули и многие крупные коммерческие банки. Во-первых, они потеряли деньги, которые одолжили государству. Во-вторых, те рублевые средства, которыми они могли распоряжаться благодаря вкладам населения и счетам предприятий, из-за девальвации резко обесценились в сравнении с валютными долгами зарубежным кредиторам. А в-третьих, банки не смогли устоять перед напором тех вкладчиков, которые стремились снять с депозитов свои рубли и поскорее купить на них доллары. В итоге народ в дополнение к потерям денег, связанным с девальвацией, потерял еще и сбережения. По имеющимся оценкам, 12% вообще не получили обратно свои вклады, а 10% получили их только частично [199, с. 250].

Последний Прикол

Чтобы как-то удержаться от развала экономики, Ельцин попытался вернуть Черномырдина. Даже при неизменно плохом состоянии здоровья Борис Николаевич должен был понимать, насколько данный шаг является очевидным признанием ошибки с назначением Кириенко. То, что президент столь явно подставился, свидетельствует, насколько деморализован он был после внезапного экономического провала. Однако главное унижение ждало Ельцина впереди. Парламентарии не утвердили Черномырдина, которого стремился потопить

Юрий Лужков при поддержке доминировавших в Думе коммунистов. Сам старо-новый кандидат в премьеры повел себя в этой ситуации далеко не лучшим способом. Вместо того, чтобы продемонстрировать жесткость и уверенность в себе, что давало бы хоть какой-то шанс, он выступил с речью в стилистике «Братья и сестры» с большим количеством соплей. «Вы ох...ли, Виктор Степанович?» – воскликнул один из его помощников [110, с. 192–193]. По всей видимости, Черномырдин и впрямь был близок к столь эмоционально описанному помощником состоянию, поскольку не вынул гласу разума и в итоге полностью провалился.

Евгений Примаков

На роспуск Думы идти в этих условиях президент не рискнул. На пост премьера пришлось искать иную кандидатуру. Компромиссной фигурой оказался устраивающий Лужкова министр иностранных дел Примаков, которому тогда уже почти стукнуло семьдесят.

Кремль вряд ли мог считать его своим человеком, хотя Евгений Максимович и являлся членом правительства. Вручение Примакову экономики, да к тому же в столь кризисной ситуации, могло означать более резкий разрыв с курсом реформ, чем даже появление Черномырдина в декабре 1992 г. Многие эксперты ожидали с приходом Примакова некоммунистического поворота по примеру того, который на несколько лет раньше произошел в Болгарии. Там левые открыто встали на популистский проинфляционный путь и дестабилизировали экономику (открыв, правда, тем самым для реформаторов путь к возвращению во власть).

Таким образом, российские правые смотрели на Примакова, как на чужака, которого нужно активно критиковать, не дожидаясь даже будущих неизбежных ошибок. Но и для коммунистов новый премьер не являлся своим. Он считался человеком Горбачева, а тот для зюгановцев был как красная тряпка. Членов КПРФ мог привлекать жесткий внешнеполитический курс, который Примаков демонстрировал с тех пор, как заменил на посту главы МИДа Андрея Козырева. Могло привлечь их и то, что в новое правительство на формально крупный пост вице-премьера, курирующего экономический блок, пригласили бывшего главу советского Госплана Юрия Маслюкова. Но в целом быть уверенными, что Примаков согласится на кардинальное полевение экономического курса, они никак не могли.

Тем не менее, враждующие стороны сошлись на том, что лучшего главу правительства им не найти. Каждый стремился видеть в Примакове героя своего собственного романа. Что же касается самого Евгения Максимовича, то он вел себя со скрытностью, характерной то ли для дипломата, то ли для шпиона.

О его шпионском прошлом ходило много слухов. В основном, они основывались на том, что Ельцин в начале 90-х гг. назначил Примакова руководителем Службы внешней разведки. Можно ли предположить, что главным шпионом вдруг сделали человека, к данной сфере не имевшего абсолютно никакого отношения?

Сам Примаков, впрочем, не подтверждает своего шпионского прошлого. В молодости Евгений Максимович трудился корреспондентом «Правды» (органа ЦК КПСС) на Ближнем Востоке. При этом почти все советские разведчики, работавшие в этом регионе, были его однокашниками, хорошими знакомыми или даже близкими друзьями [118, с. 63]. Но при этом Примаков уверяет, что выполнял лишь поручения ЦК, а не КГБ [208, с. 20]. В определенном смысле это, конечно, тоже разведдеятельность, хотя и не имеющая отношения к шпионажу в традиционном понимании этого слова.

Евгений Максимович говорит, что работа на Востоке дала ему лишь спокойствие, умение выжидать и способность выражаться иносказательно [166, с. 26], что он, кстати, блестяще проявил позднее на премьерском посту. Из Каира он перебрался не на Лубянку, а в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Помимо журналистских корреспонденций (в т.ч. фельетонов, написанных вместе с Томасом Колесниченко под псевдонимом ПриКол [166, с. 45]), он имел уже к тому времени ряд книг и докторскую диссертацию, посвященную, правда, строительству социализма в Египте. Примаков не стал крупным экономистом, но личностью был яркой, энергичной, что позволило в институте занять пост заместителя директора.

Порой он даже возглавлял ИМЭМО, поскольку директор — академик Иноземцев — часто уезжал консультировать Брежнева. Институту того времени вообще было свойственно переключаться с фундаментальных теоретических проблем на оперативный политический анализ, чему руководство активно способствовало. Через семь лет такой работы Примаков получил собственный институт — Институт востоковедения, где его встретила «теплая, дружественная обстановка». Вот донос в ЦК КПСС, написанный коллегами Примакова в октябре 1985 г.

«Коммунисты Института востоковедения АН СССР просят вас принять самые строгие меры против произвола, беззакония, взяток, злоупотребления

служебным положением, которое насадил в нашем институте «академик» директор Примаков Е.М., настоящая фамилия Киршинблат.

Махровый делец, руководитель сионистской мафии в институте, злоупотребляет служебным положением, почти целый год в году пребывает в загранкомандировках, собирая взятки со своих сотрудников, живущих за границей, и на нетрудовые доходы выстроил себе дачу-дворец на «Малой земле». Не брезгуя ничем, крупной мощной разбазаривает Примаков-Киршинблат государственную казну для своего обогащения, алчности и наживы.

Он полностью развалил институт, разделив сотрудников на угодных ему евреев и неугодных остальных прочих...» [166, с. 12–13]³.

Вскоре Примаков вернулся в ИМЭМО, чтобы его официально возглавить. Протежировал ему секретарь ЦК Александр Яковлев, поэтому надолго Евгений Максимович в науке не задержался. Примакова ждал политический взлет. Сначала его даже хотели поставить заведующим международным отделом ЦК, но КГБ отдал предпочтение Валентину Фалину [166, с. 112]. Возможно, кстати, этот факт опровергает гипотезу о тесной близости Примакова с гэбистами.

Впрочем, в 1989 г. Горбачев все же призвал ученого в политику, поставив его во главе одной из палат Верховного Совета СССР, где тот тихо подремывал на заседаниях и делал вид, будто борется с привилегиями номенклатуры. Но после августовского путча Примаков оказался между двух стульев. С одной стороны, он не поддержал путчистов и тем самым сохранил репутацию порядочного человека. С другой же – оказался вне новой политической тусовки, поскольку оставался лоялен именно Горбачеву, а не российскому руководству.

Казалось, что начатая в 60 лет политическая жизнь не задалась, тем более что СССР вскоре распался и Горбачев ушел. Но Ельцин неожиданно придал карьере Примакова второе дыхание...

За те месяцы, которые продремал на посту премьера Примаков, в России произошли кардинальные перемены. Страна проснулась, начала работать. Всяких дурацких затей с путчами уже не возникало. Путчисты-затейники – от Крючкова до Рохлина – перестали привлекать внимание общества. Но произошли ли эти перемены благодаря Примакову или же вопреки ему?

³ По словам самого Примакова, фамилия у него – от матери. Отец, которого он никогда не видел, был Немченко. Еврейкой являлась лишь бабушка по материнской линии [208, с. 19].

Глава 21

Операция «Преемник»

Конец эпохи Бориса Ельцина

Эпоха Бориса Ельцина завершалась в 1999–2000 гг. Вставал вопрос о том, кто продолжит преобразования, начатые первым президентом России. Пускать дело на самотек ельцинское окружение не собиралось. Требовалось подготовить преемника. Причем такого, который удовлетворит самые разные силы, группировавшиеся вокруг Кремля и в то же время окажется достаточно твердым для того, чтобы не упустить власть из своих рук. Ведь после кризиса 1998 г. вопрос об удержании власти казался чрезвычайно важным и сложным. В то время никто еще не знал, что вскоре наступит нефtedолларовое изобилие, стабилизирующее политическую систему.

Старый конь борозды не испортит?

Немцов в качестве возможного преемника тихо исчез еще в 1998 г. Последствия информационной войны с младореформаторами не могло перевесить никакое личное обаяние. А кроме того, мимолетное правительство Сергея Кириенко, в котором Немцов еще сохранял свои позиции, производило даже на либералов тяжелое впечатление своей беспомощностью.

Тем не менее, к началу 1999 г. преемник нашелся сам. Евгений Примаков, все более уверенно чувствующий себя в кресле премьера и неожиданно для многих начавший набирать рейтинг, волей-неволей стал всеми рассматриваться в качестве возможного президента-2000.

Старый конь борозды не испортит, полагали сторонники Примакова. И хотя «конь» был уж слишком старый, «борозда» буквально в первые же месяцы 1999 г. стала давать многообещающие всходы. В России после десятилетнего перерыва наконец-то наметился слабенький, но все же вполне очевидный,

рост ВВП. В экономическом смысле 1999 г. оказался для России переломным, хотя тогда мало кто это способен был сразу понять. В тот год благосостояние народа фактически не выросло, но вслед за ним мы имели целое десятилетие быстрого, динамичного развития вплоть до начала мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Россия качественным образом преобразилась, а первые признаки такого преобразования появились именно в 1999 г.

О том, каковы были причины экономического роста 1999 г., по сей день активно спорят политики. Левые уверяют, будто Примаков с Маслюковым сотворили чудеса, но в чем они конкретно состояли, внятно никто не объясняет. Правые же настаивают на том, что девальвация сделала российские предприятия конкурентоспособными, а заложенные еще в первой половине 90-х гг. основы рыночной экономики сформировали у русских бизнесменов умение воспользоваться внезапно открывшимися преимуществами.

С экономической точки зрения, эти объяснения вполне понятны. Поскольку вследствие девальвации рубль стал значительно дешевле по отношению к валютам западных стран, издержки российских предприятий оказались существенно ниже издержек их зарубежных конкурентов. Ведь зарплата и налоги, а также расходы на сырье, материалы, транспорт выросли совсем незначительно в сравнении с тем, как вырос вдруг доллар. Импортные товары стали не по карману подавляющему большинству российских граждан. Они быстро исчезли с полок магазинов, а их место начала занимать разнообразная отечественная продукция. Именно импортозамещение (есть у экономистов такой хорошо известный термин) легло в основу нашего экономического роста.

Автор этих строк хорошо помнит, как до девальвации 1998 г. он кормил свою семью практически только эстонскими молочными и мясными продуктами, поскольку на прилавках петербургских магазинов они лежали в изобилии. Цены были вполне приемлемыми, а качество — великолепным. Порой моей семьей приобретались также финские и латвийские товары, благо транспортные издержки при завозе их в Петербург оказывались не слишком высокими.

После девальвации все импортно-молочное как корова языком слизала. Я стал покупать отечественное, поскольку ходить в элитарные, дорогие магазины с финскими и немецкими товарами позволить себе не мог. И быстро выяснилось, что продукты, производимые петербургскими, московскими и новгородскими предприятиями, теперь — в 1999 г. — на порядок лучше, чем в дореформенные времена, и по качеству почти уже не уступают эстонским товарам.

Девальвация сделала российских производителей конкурентоспособными. Однако не меньшую роль сыграли в этом повышении конкурентоспособности те рыночные реформы 90-х гг., которые заставили отечественный бизнес крутиться, менять технологии и бороться за покупателя. Из-за высокой инфляции первой половины 90-х гг. и завышенного рубля середины десятилетия эффект этих реформ долгое время был незаметен, но теперь наконец все встало на свои места.

Вспомним, что в период самого начала экономических преобразований рубль был достаточно дешев, однако тогда даже низкая себестоимость российской продукции не делала ее конкурентоспособнее импортной. Более качественные зарубежные товары вытесняли советские, а директора предприятий, тогда еще не приватизированных, сворачивали производство и требовали поддержки от государства. В 1999 г. частные хозяева уже не требовали поддержки, прекрасно понимая, что с нищего государства ничего не возьмешь, но активно обновляли производство и захватывали свои рыночные ниши.

Если бы за годы реформ такие предприятия не сформировались, мы бы в 2000-х гг. потребляли примерно то же самое, что в советское время. По крайней мере, до тех пор, пока рубль вновь не укрепился бы под воздействием растущих цен на нефть. Однако в реальной жизни характер потребления после девальвации остался примерно таким же, каким был до девальвации – с той лишь разницей, что на место импортных товаров пришли отечественные.

В образной форме суть этих сложных процессов, при которых результаты реформ пожинаят совсем не те, кто когда-то их делал, изложил сам Евгений Максимович. На юбилее у Черномырдина весной 1998 г. блестящий тамада Примаков произнес тост: «Пожилой и молодой поспорили: кто умелее? Пожилой предложил влезть на дерево и вытащить из гнезда яйцо так, чтобы высиживающая яйца птичка не сдвинулась с места. Молодой попробовал – птичка улетела. Пожилой сказал: смотри, как это делается. Снял шубу, соболью шапку, залез и действительно вынул яйцо из-под нешелохнувшей птички. Спустился вниз, а там уже нет ни шубы, ни собольей шапки. Так выпьем же за молодое поколение!» [118, с. 182].

В экономике все выглядело прямо противоположным образом. Молодые реформаторы осуществили целый ряд жестких мер, позволивших экономике заработать. На этом они растеряли все симпатии общества, а под конец окончательно дискредитировали себя, не сумев выпутаться из финансового кризиса 1998 г. И когда Кириенко объективно вынужден был взять на себя

ответственность за дефолт и девальвацию, пришел Примаков и снял политический урожай с начавшегося экономического роста.

Впрочем, неверно было бы в этой связи мазать Примакова черной краской. Заслуга его велика. Только состоит она совсем не в том, что хотели бы приписать ему левые политики.

Декларации премьера и его реальные действия различались кардинальным образом. Если Гайдар искренне пытался в свободное от реформ время раскрыть народу глаза на преимущества рыночного хозяйства и если Черномырдин столь же искренне поначалу ругал рынок за базарность, а позднее переходил к стихийному монетаризму, то Примаков сразу же стал наводить тень на плетень.

Премьер много говорил о том, что до него все делалось не так, подчеркивал важность социальной ориентации экономики, критиковал приватизацию. Он выказал уважение совсем было подзабытым советским академикам, и те сразу осчастливили правительство программой всеобщего регулирования. В какой-то момент казалось, что страна вот-вот сорвется в очередной виток инфляции, поскольку методы регулирования у академиков отличались невероятной простотой: дать денег всем их достойным. Средств на это потребовалось бы невиданное количество, поскольку недостойных бюджетной поддержки, естественно, у нас не имелось, тем более при традиционной российской уступчивости по отношению ко всякого рода лоббистам.

Тем не менее, ни академики, ни даже вице-премьеры — коммунист Юрий Маслюков и аграрий Геннадий Кулик — экономикой так толком и не порулили. Реальная власть оставалась в руках прагматично мыслящих чиновников. Особую роль сыграл в этот период министр финансов, «яблочник» Михаил Задорнов, сумевший удержаться от столь соблазнительного популизма. Да и Виктор Геращенко, вновь возглавивший Центробанк, предстал вдруг совсем иным человеком, нежели в трудный период 1992—1994 гг.

Возникла парадоксальная ситуация. Коммунистическая и аграрная партии, а также «Яблоко» и лично г-н В. В. Геращенко на чем свет стоит крыли всяких гайдарочубайсов. Когда же они в той или иной степени оказались у власти, то ни в одном из принципиальных моментов не изменили курса реформ. Денег не напечатали, приватизацию не отменили, бедность не уничтожили. Оказалось, что практически вся российская элита мыслит достаточно прагматично и не видит серьезных альтернатив тому курсу реформ, который был начат в 1992 г.

Сам Примаков спокойно «дремал» в кресле главы кабинета, ни во что особо не вмешиваясь и сохраняя много свободного времени. Один министерский

чиновник среднего ранга как-то с удивлением вспоминал в приватной беседе, что, привезя премьеру из своего ведомства некую бумагу, он вдруг попал в кабинет к ничем толком не занятому Евгению Максимовичу, тогда как обычно такого рода технические дела ведутся через аппарат.

Лишь временами премьер лично давал «отлуп» особенно энергичным лоббистам. Обесценившимися в четыре раза рублями погасили долги правительства перед бюджетниками, и народ воспарил духом, не вполне понимая, что рубль января 1999 г. — это совсем не то же самое, что рубль июля 1998 г. Сонное обаяние премьера начинало сплачивать общество.

Интересно, что еще в момент формирования правительства Примакова даже сами представители элиты не знали, насколько они едины в своем видении ситуации. Никогда в истории пореформенной России (ни до, ни после) не было зафиксировано такого количества отказов от занятия ведущих административных постов. Уклонились от сделанных Ельциным и Примаковым предложений такие персоны первого ранга, как Виктор Черномырдин, Сергей Кириенко, Григорий Явлинский, Александр Шохин, Владимир Рыжков, Александр Жуков. Быстро покинул крупный пост в минфине Алексей Кудрин. У каждого был свой мотив, но ясно, что, когда отказывается столько людей сразу, это означает принципиальное неверие в возможности правительства. Чиновники явно опасались его позорного провала в самом ближайшем будущем.

Однако вскоре все изменилось, и желающих порулить оказалось вдруг предостаточно. Начало 1999 г., когда реально выявилась близость взглядов на экономику, имевшаяся у левых и правых, стало важнейшей отправной точкой для дальнейшего развития страны.

Оказалось, что никакие препятствия, по большому счету, не мешают консолидации российской элиты. Оказалось, что все сложившиеся в свое время стереотипные альтернативы вроде «реформаторы — контрреформаторы», «демократы — коммунисты», «ельцинисты — патриоты» и т.д. уже по преимуществу устарели. Оказалось, что как власть, так и оппозиция желают рынка, не хотят гиперинфляции, а самое главное, жаждут увеличения личных доходов наряду с возможностью свободно использовать их в стране и за рубежом.

Милые бранятся – только тешатся

То, как быстро в 1999–2000 гг. осуществились консолидация элиты и образование партии власти, показало, что урок примаковской *realpolitik* не прошел

бесследно. В эпоху больших и малых путчей между ведущими политиками часто проскальзывала искра очевидной ненависти. Теперь же конфликты вроде тех, которые имели место в пространстве «Единство» — «Отечество» — «Вся Россия»¹ можно было вполне охарактеризовать выражением «милые бранятся — только тешатся». Спор между этими «милыми» напоминал не жестокую схватку, а, скорее, праймериз, выявляющие тех, кто будет лидировать в партии власти.

Впрочем, как ни покажется это странным, сам Примаков в атмосферу всеобщего братания вписаться не сумел. По всей видимости, премьер, несмотря на свою отменную политическую хитрость, совершил три принципиальные ошибки.

Во-первых, он решил наехать на олигархов и прежде всего лично на Бориса Березовского с тем, чтобы резко ограничить власть так называемой президентской Семьи². Примаков даже стал грозить бизнесу тюрьмой за экономические преступления. Но тех инструментов «наезда», которые впоследствии имелись у Владимира Путина, в распоряжении Примакова не было.

Во-вторых, будучи прагматиком в экономике, он поддался личным антизападным настроениям в области внешней политики. Державность проявлялась буквально в каждом его жесте, особенно в том, как он демонстративно развернул свой самолет над Атлантикой, отказавшись лететь в США, поскольку американцы в этот момент начали бомбардировать Косово [подробнее см. 208, с. 290—307]. Позднее Путин тоже любил демонстрировать нашу имперскую мощь, но весной 1999 г. в Кремле еще оставались люди, на дух не переносившие подобного поведения.

Наконец, в-третьих, Примаков несколько увлекся антиреформенной риторикой, ориентируясь на широкие массы, но не учитывая при этом настроения части российской элиты. Многие полагали, что старый лис лишь

¹ Под такими названиями фигурировали три политических движения, образованных различными представителями властных элит. Впоследствии они слились в «Единую Россию».

² В понятие «Семья» тогда обычно включали дочь Ельцина Татьяну Дьяченко, журналиста Валентина Юмашева (впоследствии женившегося на Татьяне), а также Бориса Березовского и Романа Абрамовича, которые не были, естественно, родственниками президента, однако решали многие политические и деловые вопросы вместе с Дьяченко и Юмашевым.

О том, как попадали в Семью люди вроде Абрамовича, не связанные родственными отношениями, рассказал как-то раз Борис Немцов журналисту Владимиру Соловьеву. А тот уже поведал об этом всем. «Они сидели у Волошина и отмечали один из своих пролетарских праздников бурным возлиянием, а какой-то пацанчик бегал вокруг них и всем разливал. И Боря спросил: “А это кто?” Ему говорят: “Это Рома, он дружить умеет”» [238а, с. 254].

прикидывается прагматиком, а когда возьмет всю власть в свои руки, то покажет истинное лицо.

При всех плюсах главы правительства оказалось, что многие чувствовали бы себя спокойнее, если бы примаковский курс осуществлялся без Примакова. А когда растущий рейтинг премьера показал, насколько вероятна его победа на президентских выборах 2000 г., Кремль понял необходимость скорейшей отставки кабинета. Лично взял на себя функцию политического устранения соперника новый глава кремлевской администрации Александр Волошин.

Сегодня нам трудно даже представить себе масштаб власти, которой недолгое время обладал этот скромный и не слишком известный широким массам человек. Он был реальным делателем российской политики на рубеже эпох Ельцина и Путина. В верхах все прекрасно понимали, что значит Волошин. В этой связи любопытную историю рассказывает тележурналист Владимир Соловьев. Как-то раз Волошин вовремя не успел прийти на самый главный церковный праздник страны. Свое место в храме уже занял президент, а главы администрации еще не было. Он появился с опозданием. «Так попы для Волошина все заново начали – минут на семь задержали и по новой» [238а, с. 87].

Волошин занял свой пост в марте 1999 г., и это назначение ознаменовало начало решительного наступления на Примакова. По всей видимости, спровоцировано оно было тем, что премьер в конце января выступил с чрезвычайно серьезной политической инициативой, суть которой сводилась к консервации сложившегося положения дел вплоть до президентских выборов: Ельцин не прибегает к отставке правительства и роспуску Думы, а та, в свою очередь, отказывается от разворачивания процедуры импичмента.

Иначе говоря, Примаков под видом примирения конфликтующих сторон стремился получить у президента гарантии сохранения своего поста в обмен на гарантии парламентариев по сохранению самого президента. Однако на практике подготовка этого длительного «мира» означала развязывание самой настоящей войны.

Сегодня нам очевидно: растущий рейтинг премьера при таком раскладе фактически указывал на то, что именно Примаков сменит Ельцина в 2000 г. В тот момент наверняка этого никто знать не мог, но ясно, что Бориса Николаевича, уже пуганного президентскими амбициями Черномырдина, нетрудно было убедить в очевидной нескромности Евгения Максимовича. И вот Волошин пошел напролом.

Иногда этого человека представляют послушным орудием в руках Березовского, который тогда дрожал за свою шкуру. Иногда – беспринципным

карьеристом, прошедшим к успеху по политическому трупу Примакова.

Бесспорно, интриги Березовского и карьера много значили в той истории, но все же, наверное, не были главными [подробнее о Волошине см. 254, с. 240–245]. Волошин — экономист и бизнесмен, занявшийся под конец политикой, — имел свое видение российской государственности, в которой не было места для наездов на бизнес и для конфронтации с Западом. Уйдя в отставку осенью 2003 г. в связи с арестом Михаила Ходорковского (т.е. в тот момент, когда Путин стал реализовывать декларации Примакова), Волошин задним числом объяснил мотивацию действий, предпринятых им в период политической борьбы 1999 г.

Александр Волошин

Александр Стальевич никогда не был яркой фигурой, никогда не привлекал симпатий масс. Даже тех «узких масс», которые симпатизировали, скажем, Гайдару или Чубайсу. Этого серого кардинала можно было бы, наверное, назвать вторым Бурбулисом, если бы характер его политики не был прямо противоположен бурбулисовской. Геннадий Эдуардович сражался с врагом стенка на стенку и вылетел из политики по причине абсолютной, «стальной» негибкости. Александр Стальевич, напротив, несмотря на свое отчество, готов был гнуться в любую сторону, чтобы в итоге настоять на своем — на принципиальном.

Волошин был бюрократом-трудоголиком, иногда не успевавшим поспать и дорабатывавшимся чуть ли не до потери сознания — прямая противоположность Примакову. Редкий по реалистичности портрет Волошина дает журналист кремлевского пула Елена Трегубова, заставшая его как-то предельно уставшим в одной из зарубежных командировок.

«После того, как он удачно приземлился в кресло, последним, что его слегка выдавало, было лишь мерное, едва заметное кругообразное покачивание головы вместе с верхней частью туловища. Вокруг собственной оси. Было такое впечатление, что сейчас глава администрации запоет звук “Ом”. Присмотревшись к этим циклическим движениям, я вдруг поняла, что Волошин просто спит с открытыми глазами.

В какой-то момент он все-таки попался.

На один из наших вопросов Волошин живо ответил:

– Ага.

– Чего “ага”? – удивленно переспросили девчонки.

– Угу.. – пояснил Волошин. И продолжал сидеть, изображая, что не спит.

Глаза его то и дело как-то сами собой закрывались (точно так же, как если спящему зверю пробовать поднять веко), но он чудовищным усилием воли смаргивал и продолжал дарить нам рассредоточенный, сведенный даже не на переносице, а на вечности, мутный взгляд спящего Будды.

Малкина решила, что глава администрации просто устал говорить о политике и поэтому с ним надо срочно побеседовать о любви:

– Александр Стальевич, а вот скажите: а какие женщины вам нравятся?

– Тарелки, – сомнамбулически проговорил Волошин.

Оказалось, что он отвечал на предыдущий вопрос, заданный Нетребой – про его хобби» [261, с. 206–207].

Предельно уставший Волошин копал и копал яму под своего врага до тех пор, пока тот не свалился в нее. Но как только Александр Стальевич оказывался на трибуне или в прямом публичном столкновении с противником, так сразу тушевался и выглядел явно не лучшим образом. Впрочем, весной 1999 г. трибуна особой роли не играла. Примакова свалили, вырыв ему большую-пребольшую яму.

Идеологический фактор в российской политике постепенно перестал действовать. Волошин победил с помощью аппаратной борьбы, а не с помощью пламенных речей. Каких-то депутатов просто перекупили, но, как полагают некоторые наблюдатели, главным было то, что Кремль с подачи Волошина наехал на спонсоров политических сил, поддерживавших Примакова. Они испугались потери своих денег. После чего Евгения Максимовича можно было легко отправлять в отставку, что и произошло в мае 1999 г. На место Примакова был поставлен Сергей Степашин. Народ при этом безмолвствовал.

Не так сидим

«Эксперимент» со сменой премьера показал, насколько велик в России потенциал авторитарной власти, казалось бы подорванный девальвацией. До поры до времени с народом можно делать все, что угодно. Этот факт, наряду с открывшимися возможностями консолидации элит, во многом

определил схему дальнейшего развития страны. Но пока что перед Кремлем стояла более частная, хотя и очень непростая проблема: кто станет преемником Ельцина?

Рассматривался ли Степашин в качестве преемника? Можно ли сказать, что он уже был избран, но не сумел потом оправдать доверие из-за своего нежелания «мочить чеченцев в сортире», а потому оказался «разжалован» из преемников в рядовые? Вряд ли это предположение соответствует действительности. Назначение Степашина проходило в условиях столь жесткой политической борьбы, что даже стороннему наблюдателю было очевидно: различные кремлевские группировки пока еще не пришли к компромиссу.

Сорокасемилетний генерал Степашин, занимавший с апреля 1998 г. пост министра внутренних дел, был вдруг в апреле 1999 г. назначен первым вице-премьером. До этого момента его мало кто принимал всерьез, поскольку еще в 1995 г. генеральская карьера вдруг резко оборвалась из-за неудачных действий в Чечне. Несколько лет многим казалось, что Степашин уже не поднимется.

Новое назначение Сергея Вадимовича стало столь неожиданным, что на одном из важных заседаний в Кремле Ельцин должен был даже заняться уточнением сложившейся иерархии. Он решил пересадить Степашина на более почетное место, дабы подчеркнуть значимость своего выдвиженца. Детская суета чиновников со стульями выглядела диковато на фоне острых проблем, стоящих перед страной. Не так сидящий Степашин занял после этой курьезной истории место в фольклоре по соседству с во всем виноватым Чубайсом.

Но когда Ельцин уже вносил кандидатуру нового премьера в Думу, то в разговоре со спикером Геннадием Селезневым назвал имя другого своего фаворита — министра путей сообщения Николая Аксененко, который очень нравился Роману Абрамовичу [111, с. 182]. Официальные бумаги, тем не менее, пришли на Степашина. Страна совсем перестала понимать, что же происходит в Кремле. Похоже, в тот момент Семья окончательно запутала уставшего Бориса Николаевича.

Характерно, что впоследствии, утешая в личной беседе недоназначенного Аксененко, Ельцин еще раз продемонстрировал, насколько все в Кремле зависело от случая: «Не переживай, Николай, сегодня он — премьер, завтра — ты. Поживем до осени, там видно будет» [163, с. 343].

Кремль в суете и в острой межклановой борьбе затыкал кадровые дыры, готовясь при этом к главной операции года — операции «преемник». Степашин был в этой игре всего лишь одной из фигур. Не пешкой, но и не игроком.

Неопределенность позиции Степашина проявилась и в том, что он не получил возможности назначить желаемого им Александра Жукова на пост министра финансов. Затем они сошлись вроде с Ельциным на Задорнове, как первом вице-премьере и министре финансов, но в последний момент президент передумал. В итоге минфин возглавил Михаил Касьянов, который потом долго еще ассоциировался в общественном мнении с Семей.

Но главным ставленником Семьи Касьянов, конечно же, не являлся. В тот момент его политический вес был совершенно ничтожен. На передний план последовательно выдвигался Владимир Путин, который уже занимал принципиальные посты руководителя ФСБ и секретаря Совета безопасности.

Вряд ли они со Степашиным могли быть конкурентами. Да и Аксененко, скорее всего, рассматривался лишь как возможный кандидат в главные хозяйственники. Операция «Преемник» до поры до времени осуществлялась вне прямой связи с борьбой за пост премьер-министра. Сошлись эти две линии лишь тогда, когда один из чеченских лидеров – Шамиль Басаев – вторгся со своими бандитами в Дагестан, а в Москве взлетела на воздух пара жилых домов.

Эта история качественным образом изменила положение дел в стране. С одной стороны, в обществе возник реальный страх за себя, за детей, за свое имущество. Ни у кого не могло быть уверенности в том, что, засыпая вечером в своей постели, ты утром проснешься живым, а не взлетишь на воздух вместе с домом. С другой же стороны, у Кремля открылась возможность для проведения маленькой победоносной войны. Открылась возможность и для выдвижения лидера, которому предназначено в этой войне победить, а затем стать любимцем миллионов избирателей.

Был ли Степашин тем самым нерешительным премьером, которого срочно требовалось заменить на крутого Путина, «спасшего» в итоге страну от злых террористов? Подобный образ Степашина вольно или невольно сформировался в головах россиян в августе-сентябре 1999 г. И надо сказать, что не совсем безосновательно. Ведь генерал-то, по сути дела, был человеком штатским, сделавшим карьеру в качестве вузовского преподавателя общественных наук.

Именно Степашин, возглавляя в 1994 г. госбезопасность, отвечал за бесплодную попытку танкового прорыва к Грозному, в результате которой Джохара Дудаева должен был сменить ставленник Кремля Умар Автурханов (тогда дудаевцы легко взяли верх над робкими прокремлевскими чеченцами и полулегально посаженными в танки кадровыми российскими военнослужащими). Именно Степашин вольно или невольно принял на себя ответственность

за то, что Басаева не замочили в 1995 г. после совершенного им в Буденновске захвата заложников. Именно Степашин своими контрастирующими с камуфляжем пухлыми щечками создавал впечатление о разъевшемся, небоеспособном генералитете.

Но можно смотреть на вещи и иными глазами. Бесшабашность Павла Грачева при штурме Грозного была еще хуже осторожности Степашина, а Михаил Барсуков воевал с Салманом Радуевым после вторжения боевиков в Кизляр так, что лучше бы уж отпустил бандита, как отпустили Басаева после Буденновска. От примитивной упертости этих генералов страна тогда лишь проиграла.

Степашин же был хотя явно и не самым выдающимся государственным деятелем России, но все же человеком думающим о государстве. Летом 1999 г. у него имелся четкий план разрешения чеченского кризиса. Предполагалось осуществить жесткую блокаду Чечни, закрытие авиа- и железнодорожного движения, развертывание в Ставрополье бригады внутренних войск, резкое усиление дагестанской милиции. Далее планировалось выйти на Терек, являющийся удобной естественной границей, там остановиться и принудить чеченскую сторону к переговорам на российских условиях [249, с. 88].

Многим тогда этот план представлялся слишком заумным по сравнению с «мочением террористов в сортире», но прошедшие годы показали, что, с точки зрения защиты реальных российских интересов, он был более реалистичным. Фактически создавалась граница, отделяющая Чечню от России. Доводился до логического завершения проект, в основе которого лежал хасавюртский мир Александра Лебеда. Туповатым «патриотам» движение к представлению Чечне реальной независимости (предполагающей одновременно и ответственность за свои действия) казалось предательством интересов родины. Но на деле именно такой вариант избавлял нас от «Норд-Оста», Беслана, падающих самолетов и взорванных мирных граждан.

Это не был план маленькой победоносной войны, укрепляющей позиции Кремля в глазах населения. Это был план защиты страны от серьезной угрозы, надвигающейся на нас с юга. Такой план вряд ли мог понравиться начальству, и Степашин лишился поста премьера в пользу Путина, который на фоне войны быстро стал единственно возможным кандидатом в президенты.

Помимо войны, было еще два случая, в которых Степашин проявил себя более осторожным, более умеренным политиком, чем хотелось Семье.

Первый случай имел место на собрании акционеров «Газпрома» 30 июня. Несмотря на явно выраженную просьбу Кремля избрать в совет директоров

концерна пять человек, представляющих государство, глава правления Рем Вяхирев провел туда только четверых. Вот как описывают произошедшие после этого события журналисты В. Панюшкин и М. Зыгарь:

«Степашин был готов простить Вяхиреву эту вольность, но Волошин в ярости стал убеждать премьер-министра “не утираться и не позволять с собой так поступать”. Волошин утверждал, что если “Газпром” прямо перед выборами станет настолько независимым – это будет очень опасно. А Степашин считал, что не стоит перед выборами увеличивать напряжение лишним конфликтом с “Газпромом”.

– Ты как премьер дал указание, кого надо избрать. А они их выкинули! Кто это сделал? Рем Иванович сам взял и решил. Теперь нужно все исправить. Собрать чрезвычайное собрание, переизбрать совет, – горячился Волошин.

– Но это ведь такая крупная компания... А как рынок прореагирует? – колебался Степашин.

– Тебе наплевали в лицо! Давай, назначай совещание, зови Вяхирева и никаких разговоров» [191а, с. 75].

Второй случай имел место 3 августа. Александр Волошин пытался сколотить на скорую руку партию власти из губернаторов, объединившихся вокруг Минтимера Шаймиева в движении «Вся Россия». Степашин, как премьер, должен был возглавить эту партию. Однако в последний момент он отказался [191а, с. 77].

В результате осенью силами Березовского была раскручена новая партия власти – «Медведь» (Межрегиональное движение «Единство»). На выборах этот «зверь» показал значительно лучшие результаты, чем объединенные «Отечество» Юрия Лужкова и «Вся Россия». В итоге новый парламент был более-менее поставлен под контроль. А в ночь под Новый год Ельцин официально передал своему Путину президентские полномочия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991.
2. Авен П. Экономика торго. О «крахе» либеральных реформ в России // Коммерсантъ, 27.01.1999.
3. Аганбегян А.Г. Научно-технический прогресс и ускорение социально-экономического развития. М.: Экономика, 1985.
4. Акунин Б. Сказки для идиотов. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
5. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003.
6. Андреева Н. Не могу поступиться принципами // Советская Россия, 13.03.1988.
7. Андриянов В.И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003.
8. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991.
9. Арбатов Г.А. Человек системы. М.: Вагриус, 2002.
10. Архангельский А. Базовые ценности: инструкции по применению. СПб.: Амфора, 2006.
11. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.
12. Бакатин В.В. Освобождение от иллюзий. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1992.
13. Бакатин В.В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992.
14. Бакатин В.В. Дорога в прошедшем времени. М.: Дом, 1999.
15. Бархатов А.А. Генерал Лебедь, или Моя лебединая песня. М.: Политбюро, 1998.
16. Батурин Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф., Костиков В.В., Краснов М.А., Лившиц А.Я., Никифоров К.В., Пихоя А.Г., Сатаров Г.А. Эпоха Ельцина. М.: Вагриус, 2001.
17. Берг М.Ю. Веревочная лестница. СПб.: Алетейя, 2005.
18. Биллингтон Д. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001.

19. Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М.: Росспэн, 2005.
20. Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Захаров, 2003.
21. Боксер В. Незабываемый 1990, или Мы из Кронштадта? История «Демократической России»: уроки прошлого // <http://www.polit.ru/analitics/2005/10/26/demros.html>.
22. Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М.: Республика, 1995.
23. Бретвейт Р. За Москвой-рекой. Перевернувшийся мир. М.: Московская школа политических исследований, 2004.
24. Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005.
25. Буковский В.К. И возвращается ветер... М.: Захаров, 2007.
26. Булгаков М.А. Собачье сердце // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. М.: Художественная литература, 1989.
27. Бунич П.Г. Главное – заинтересовать. М.: Экономика, 1986.
28. Бунич П.Г. Хозрасчет и налоговые регуляторы // Перестройка управления экономикой: проблемы, перспективы. М.: Экономика, 1989.
29. Бурлацкий Ф.М. Глоток свободы. Книга 1. М.: РИК «Культура», 1997.
30. Бурлацкий Ф.М. Глоток свободы. Книга 2. М.: РИК «Культура», 1997.
31. Бьюкенен П. Дж. Правые и не-правые: Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М.: АСТ: Транзиткнига, 2006.
32. Валовой Д.В. Экономика в человеческом измерении. М.: Политиздат, 1988.
33. Варенников В.И. Судьба и совесть. М.: Палей, 1993.
34. Васильев С.А., Львин Б.Н. Социальные механизмы экономической реформы и характер переходного процесса // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М.: Прогресс, 1989.
35. Васильев С.А. Хозяйственные реформы в Югославии: развитие и кризис экономического самоуправления. СПб.: ЛФЭИ, 1991.
36. Васильев С.А. Экономика и власть. Статьи, выступления, интервью. М.: Ad Marginem, 1998.
37. Винников А.Я. Цена свободы. СПб.: Библиополис, 1998.
38. Винников А.Я., Губанов И.Б., Тарусина И.Г. Диссиденты, неформалы, демократы. Опыт создания открытой истории демократических движений Ленинграда–Санкт-Петербурга. СПб.: Норма, 2006.
39. Вольский А.И. Четыре генсека. Аркадий Вольский о Брежневе, Андропове, Черненко и Горбачеве // Коммерсантъ, 12.09.2006.
40. Воронников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Совет ветеранов книгоиздания, SI-MAR, 1995.

41. Восленский М. Номенклатура. Анатомия советского правящего класса. М.: Захаров, 2005.
42. Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990.
43. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995.
44. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.
45. Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997.
46. Гайдар Е.Т., ред. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998.
47. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
48. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Росспэн, 2006.
49. Гайдар Е.Т. Смуты и институты // Гайдар Е.Т. Власть и собственность. СПб.: Норма, 2009.
50. Гамов А. Хотели как лучше... Десять вечеров с Виктором Черномырдиным, или Как рождались крылатые слова эпохи. М.: Международные отношения, ЧеРо, 2008.
51. Гарифулина Н. Тот, кто не предал. Олег Шенин: страницы жизни и борьбы. М.: Внешторгиздат, 1995.
52. Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю., ред. Первый электоральный цикл в России (1993–1996 гг.). М.: Весь мир, 2000.
53. Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю., ред. Второй электоральный цикл в России (1999–2000 гг.). М.: Весь мир, 2002.
54. Гельман В., Хопф Т., ред. Центр и региональные идентичности в России. СПб.-М.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003.
55. Гилман М. Дефолт, которого могло не быть. М.: Время, 2009.
56. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988.
57. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Книга 1. М.: Новости, 1995.
58. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Книга 2. М.: Новости, 1995.
59. Горбачев М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
60. Гордин Я.А. Переключка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2000.
61. Горелик Г. Андрей Сахаров. Наука и свобода. М.: Вагриус, 2004.

62. Грачев А.С. Горбачев. М.: Вагриус, 2001.
63. Грачев П.С. Меня назначили ответственным за войну // Труд, 15.03.2001.
64. Гребенников П.И. Российский рынок краткосрочного государственного долга в 1993–1998 гг. // SPIDER-PE. Научные доклады по проблемам государственного и муниципального управления, 2000. №13.
65. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
66. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 1-я). М.: Прогресс-Традиция, 2003.
67. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). М.: Прогресс-Традиция, 2003.
68. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб., Издательство Ивана Лимбаха, 2009.
69. Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан... Кремль... Лефортово... Эпизоды политической биографии Александра Руцкого. М.: Лада-М, 1994.
70. XXVII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. Стенографический отчет. Том 1, М.: Политиздат, 1986.
71. XXVII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. Стенографический отчет. Том 2, М.: Политиздат, 1986.
72. XXVII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. Стенографический отчет. Том 3, М.: Политиздат, 1986.
73. Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М.: Муравей, 2003.
74. Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
75. Джохар Мусаевич Дудаев // <http://www.peoples.ru/state/statesmen/dudaev/>.
76. Дмитриев М.Э., Травин Д.Я. Российские банки: на исходе золотого века. СПб.: Норма, 1996.
77. Дмитриев М.Э. Бюджетная политика в современной России. М.: Московский центр Карнеги, 1997.
78. Дмитриев М.Э., Травин Д.Я., ред. Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы. СПб.: Норма, 1998.

79. Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
80. Дубов Ю. Большая пайка. М.: Вагриус, 2004.
81. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.
82. Дудаева А. Миллион первый. М.: Ультра. Культура, 2003.
83. Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. Л.: Час пик, Социально-коммерческая фирма «Человек», 1990.
84. Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Огонек, 1994.
85. Ельцин Б.Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: АСТ, 2000.
86. Ефимов А.Н. Планирование народного хозяйства в СССР // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1979. Том 3.
87. Жвания Д. Путь хунвейбина. Хроники последней русской революции. СПб.: Амфора, 2006.
88. Жириновский В.В. Последний бросок на юг. М., 1993.
89. Закария Ф. Постамериканский мир. М.: Европа, 2009.
90. Заостровцев А.П. Вымогательство ренты в рентоориентированном обществе // SPIDER-PE. Научные доклады по проблемам государственного и муниципального управления, 2000. №11.
91. Заостровцев А.П. Экономический анализ политики: концепции теории общественного выбора. СПб., СПбГУЭФ, 2008.
92. Зенькович Н.А. Михаил Горбачев: жизнь до Кремля. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
93. Зенькович Н.А. Мальчики в розовых штанишках. Очень грустная книга. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
94. Зиберт Х. Эффект кобры. Как можно избежать заблуждений в экономической политике. СПб., СПбГУЭФ, 2003.
95. Зиновьев А.А. Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус. М., Приложение к журналу «Лепта», 1991.
96. Зиновьев А.А. Катастрофка: «Перестройка в Партграде», «Революция в Царьграде». М.: Эксмо, 2003.
97. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М.: Эксмо, 2008.
98. Злобин Н., Соловьев В. Противостояние: Россия – США. М. Эксмо, 2009.
99. Злобин Н. Второй новый миропорядок. Геополитические головоломки. М.: Эксмо, 2009.
100. Ивашов Л.Г. Маршал Язов (роковой август 91-го). М., Библиотечка журнала «Мужество», 1992.

101. Илларионов А.Н., ред. Российские экономические реформы: потерянный год. М., 1994.
102. Илларионов А.Н. Как был организован российский финансовый кризис // Вопросы экономики, 1998. №12.
103. Илларионов А.Н. Инфляция и антиинфляционная политика // Красавина Л.Н., ред. Инфляция и антиинфляционная политика в России. М.: Финансы и статистика, 2000.
104. Ильин А.А. Геннадий Зюганов: «Правда» о вожде. М.: Алгоритм, 2005.
105. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Социальное пространство наркотизма. Тимофеев Л.М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. СПб.: Медицинская пресса, 2001.
106. Кислицын С.А. Геннадий Зюганов. Краснодар, Флер-1, 1999.
107. Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения, 1995.
108. Колесников А.В., Привалов А.Н. Новая русская идеология: хроника политических мифов. М., ГУ-ВШЭ, 2001.
109. Колесников А.В. Неизвестный Чубайс. Страницы из биографии. М.: Захаров, 2003.
110. Колесников А.В. Спичрайтеры. Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. М.: АСТ: Хранитель, 2007.
111. Колесников А.В. Анатолий Чубайс: биография. М.: АСТ, 2008.
112. Конституция Российской Федерации. СПб.: Литера, 1998.
113. Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. 2-е изд. М.: ОГИ, 2006.
114. Коржаков А.В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: Интербук. 1997.
115. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.
116. Корнаи Я. Макростабилизация в Венгрии: политэкономический взгляд // Мировая экономика и международные отношения, 1999. №2.
117. Корнаи Я. Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии. М.: Логос, 2008.
118. Королев Б.В. Как Примаков стал ПРИМАКОВЫМ. М.: Софт Издат, 2003.
119. Костиков В.В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.: Вагриус, 1997.
120. Кох А., Свиначенко И. Ящик водки. Том 1. М.: Эксмо, 2003.
121. Кох А., Свиначенко И. Ящик водки. Том 2. М.: Эксмо, 2004.
122. Кох А., Свиначенко И. Ящик водки. Том 3. М.: Эксмо, 2004.
123. Кох А., Свиначенко И. Ящик водки. Том 4. М.: Эксмо, 2005.
124. Коцюбинский Д.А. Новейшая история одного города. Очерки политической истории Санкт-Петербурга 1989–2000. СПб.- М.: Лимбус Пресс, 2004.

125. Красухин Г.Г. Комментарий. Не только литературные нравы. М., Языки славянской культуры, 2008.
126. Кризис финансовой системы России: основные факторы и экономическая политика // Вопросы экономики, 1998. №12.
127. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
128. Крючков В.А. Личное дело. Часть 1. М.: Олимп, АСТ, 1996.
129. Крючков В.А. Личное дело. Часть 2. М.: Олимп, АСТ, 1996.
130. Кузнецов А. Камера для президента: Маленькие демократические истории Кремля ельцинской эпохи. М.: АСТ, 2007.
131. Куликов А.С., Лембик С.А. Чеченский узел. Хроника вооруженного конфликта 1994–1996 гг. М.: Дом педагогики, 2000.
132. Куликов А.С. Тяжелые звезды. М.: Война и мир, 2002.
133. Кучмаев Б.Г. Коммунист с божьей отметиной. Документально-публицистический очерк. Ставрополь, 1992.
134. Латынина Ю. Стальной король. М.: Эксмо, 2005.
135. Латынина Ю. Охота на изюбря. М.: Эксмо, 2005.
136. Латынина Ю. Промзона. М.: Эксмо, 2005.
137. Латынина Ю. Ниязбек. М.: Эксмо, 2005.
138. Латынина Ю. Джаханнам, или До встречи в аду. М.: Эксмо, 2005.
139. Латынина Ю. Земля войны. М.: Эксмо, 2007.
140. Лацис О.Р. Искусство сложения. М.: Советский писатель, 1984.
141. Лацис О.Р. Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
142. Лебедь А.И. За державу обидно... М.: Грегори-Пэйдж, 1998.
143. Лебедь А.И. Идеология здравого смысла. М.: Русь-Фильм, 1998.
144. Лигачев Е.К. Предостережение. М.: ЗАО «Газета “Правда”», 1999.
145. Лисичкин Г.С. Тернистый путь к изобилию. Очерки. М.: Советский писатель, 1984.
146. Лопатников Л., Филиппов П. Ответы критикам реформы. СПб.: Норма, 1996.
147. Лопатников Л.И. Перевал: к 15-летию рыночных реформ в России. М-СПб.: Норма, 2006.
148. Лукьянов А.И. Переворот мнимый и настоящий. Ответы на вопросы из «Матросской тишины». М.: Палея, 1993.
149. Лукьянов А.И. В водовороте российской смуты (размышления, диалоги, документы). М.: Книга и бизнес, 1999.
150. Макаревич А.В. Сам овца. Автобиографическая проза. М.: Захаров, 2007.
151. Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., Московский центр Карнеги, 1998.

152. Манн Т. Путь на Волшебную гору. М.: Вагриус, 2008.
153. Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России. 1985–1994. М.: Дело Лтд., 1995.
154. Мау В.А. Политическая природа и уроки финансового кризиса // Вопросы экономики, 1998. №11.
155. Мау В.А. Экономическая реформа: сквозь призму экономики и политики. М.: Ad Marginem, 1999.
156. Медведев В.А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М.: Былина, 1994.
157. Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
158. Мелихов А. Требуется небосвод // Звезда, 2007. № 9.
159. Меньшиков С.М. Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку. М.: Международные отношения, 1996.
160. Минутко И.А. Юрий Андропов: Реальность и миф. М.: АСТ-Пресс Книга, 2004.
161. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Том 1. СПб., 2003.
162. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Том 2. СПб., 2003.
163. Михайлов. А.Г. Портрет министра в контексте смутного времени: Сергей Степашин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
164. Михайлов А.Г. Чеченское колесо. Генерал ФСБ свидетельствует. М.: Совершенно секретно, 2002.
165. Михник А. Выступление в дискуссии «Интеллектуалы и демократия», проведенной фондом «Либеральная миссия» // http://liberal.ru/Discussions_DisplayDiscussion.asp?Rel=249.
166. Млечин Л.М. Евгений Примаков. История одной карьеры. М.: Центрполиграф, 1999.
167. Млечин Л.М. Кремль. Президенты России. Стратегия власти от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина. М.: Центрполиграф, 2003.
168. Млечин Л.М. Брежнев. М.: Проспект, 2005.
169. Мороз О.П. Так кто же расстрелял парламент? М.: ИД «Русь-Олимп», 2007.
170. Мороз О.П. Красные больше не вернуться. М.: ИД «Русь-Олимп», 2007.
171. Мукусев В.В. Разберемся... Фрагменты интервью, выступлений, статьи, сценарии и расследования разных лет. М.: Флинта, Наука, 2007.
172. Мухин Ю. Код Ельцина. М.: Яуза, Пресском, 2005.
173. Мэтлок Д. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М.: Рудомино, 2003.
174. Найшуль В.А. Революция и справедливость. М.: ОГИ, 2005.

175. Наш путь. Стратегические перспективы развития России в XXI веке. М.: Арктогея-центр, 1999.
176. Немцов Б.Е. Провинциал. М.: Вагриус; Нижегородский журнал, 1997.
177. Немцов Б.Е. Исповедь бунтаря. М.: Партизан, 2007.
178. Никонов Б.Ф. Фонд заработной платы // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Том 4.
179. Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон? М.: Арктогея-центр, 2001.
180. О коренной перестройке управления экономикой: сборник документов. М.: Политиздат, 1987.
181. Общественные движения Ленинграда. Информационный бюллетень. Л., 1989.
182. Орлов Б.С. Социал-демократия: история, теория, практика. Работы 2000–2005 гг., М.: Собрание, 2005.
183. Оруэлл Д. Скотный двор // Оруэлл Д. Проза отчаяния и надежды. Л.: Лениздат, 1990.
184. Оскоцкий В.Д., ред. Александр Яковлев: Свобода – моя религия. К 80-летию со дня рождения. М.: Вагриус, 2003.
185. Ослунд А. Шокотерапия в Восточной Европе и России. М.: Республика, 1994.
186. Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996.
187. Ослунд А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М.: Логос, 2003.
188. Павлов В.С. Август изнутри. Горбачев-путч. М.: Деловой мир, 1993.
189. Павлов В.С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М.: ТЕРРА, 1995.
190. Пайпс Р. Собственность и свобода. М., Московская школа политических исследований, 2000.
191. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.
- 191а. Панюшкин В., Зыгарь М. Газпром: новое русское оружие. М.: Захаров, 2008.
192. Паршев А. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: АСТ, Астрель, 2006.
193. Пелевин В. Generation П. М.: Вагриус, 1999.
194. Петербург без России: Pro et contra. Материалы газетной дискуссии о политическом статусе Санкт-Петербурга. СПб.: Янус, 2004.
195. Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998.
196. Печенев В.А. Горбачев: к вершинам власти (из теоретико-мемуарных размышлений). М., Господин Народ; Феномен человека, 1991.
197. Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М.: Росспэн, 2008.

198. Подопригора Б.А. Судьба офицера: от Кабула до Сараево (публицистика, проза, поэзия). СПб.: Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга «Петроцентр», 2008.
199. Полетаев А.В., ред. Обзор экономической политики в России за 1998 год // Бюро экономического анализа. М.: Росспэн, 1999.
200. Политковская А.С. За что. М.: Новая газета, 2007.
201. Полушин В. Генерал Лебедь — загадка России. М.: Внешторгиздат, 1996.
202. Попов Г.Х. Пути перестройки: мнение экономиста. М.: Экономика, 1989.
203. Попов Г.Х. Снова в оппозиции. М.: Галактика, 1994.
204. Попцов О.М. Хроника времен «царя Бориса». М.: Edition Q Verlags-GmbH, Совершенно секретно, 1996.
205. Преображенская И. Недорогие джинсы // Юность, 1975. № 1.
206. Прибытков В.В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь генсека Черненко. М.: Молодая гвардия, 2002.
207. Привалов А. Игра на контрастах // 250 недель развития капитализма в России. М., ЗАО «Журнал Эксперт», 2000.
208. Примаков Е.М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2007.
209. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: Росспэн, 2000.
210. Раззаков Ф.И. Владимир Высоцкий. По лезвию бритвы. М.: Яуза, Пресском, 2004.
211. Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
212. Рисованный И.М. Экономическая наука и институциональные преобразования в России XIX—XX вв.: логика идей и логика реформ. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003.
213. Рогов К. Выступление в дискуссии «Интеллектуалы и демократия», проведенной фондом «Либеральная миссия» // http://liberal.ru/Discussions_DisplayDiscussion.asp?Rel=249.
214. Ройз М. Чужак в Кремле. Записки канадского журналиста. М.: Бизнес-Пресс, 1993.
215. Ролан Ж. Экономика переходного периода. М., ГУ ВШЭ, 2007.
216. Ронкин В.Е. На смену декаблям приходят январы... Воспоминания бывшего бригадмилыца и подпольщика, а позже политзаключенного и диссидента. М.: Общество «Мемориал» — Издательство «Звенья», 2003.
217. Рубинов А.З. Кардиограмма очереди. М.: Московский рабочий, 1988.
218. Рубинов А.З. Откровенный разговор в середине недели. Очерки. М.: Советский писатель, 1990.

219. Рубинов А.З. Веселые похоронные истории. М.: Детектив-пресс, 2005.
220. Румянцев А.М., ред. Политическая экономия. Учебник для экономических вузов и факультетов. Изд. 2-е, доп. Том 1. Капиталистический способ производства. М.: Политиздат, 1977.
221. Румянцев А.М., ред. Политическая экономия. Учебник для экономических вузов и факультетов. Изд. 2-е, доп. Том 2. Социализм – первая фаза коммунистического способа производства. М., Политиздат, 1977.
222. Рывкина Р.В. Драма перемен. М.: Дело, 2001.
223. Рыжков В.А. Четвертая республика. Очерк политической истории современной России. М.: Ad Marginem, 2000.
224. Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995.
225. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998.
226. Сакс Д. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1995.
227. Саркози Н. Мое мнение. Франция, Европа и мир в XXI веке. СПб., ALEXANDRIA, SYMPOSIUM, 2009.
228. Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления. Л.: Советский писатель, 1990.
229. Сахаров А.Д. Воспоминания. Том 1. М.: Права человека, 1996.
230. Сахаров А.Д. Воспоминания. Том 2. М.: Права человека, 1996.
- 230а. Сванидзе Н., Сванидзе М. Медведев. СПб.: Амфора, 2008.
231. Скляренко В., Щербак Г., Мирошникова В. 50 знаменитых бизнесменов. Харьков: Фолио, 2003.
232. Собчак А.А. Хожение во власть. М.: Новости, 1991.
233. Собчак А.А. Из Ленинграда в Петербург: путешествие во времени и пространстве. СПб.: Контрфорс, 1999.
234. Собчак А.А. Дюжина ножей в спину. Поучительная история о российских политических нравах. М.: Вагриус. Петро-ньюс, 1999.
235. Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: Весь мир, 2001.
236. Соколов М. Умереть неодураченным (Аморальная государственность) // Дело, 28.02.2005.
237. Соловей В. Коммунистическая и националистическая оппозиция в контексте посткоммунистической трансформации России // Россия политическая. М., Московский центр Карнеги, 1998.
238. Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева, М.: Московский центр искусств, 1991.

- 238а. Соловьев В.Р. Мы и они. Краткий курс выживания в России. М.: Эксмо, 2007.
239. Солуэй Д. Рудольф Нуреев на сцене и в жизни. Превратности судьбы. М.: Центрполиграф, 2000.
240. Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
241. Степанков В, Лисов Е. Кремлевский заговор. М., Огонек, ОГИЗ, 1992.
242. Столяров А. После жизни // Нева, 2004. № 9.
243. Страницы истории: Дайджест прессы. 1987 / Сост. А.Я.Разумов, Э.А. Урусова. Л.: Лениздат, 1988.
244. Страницы истории: Дайджест прессы. 1988. Январь-июнь / Сост. Е.Б. Никанорова, А.Я. Разумов. Л., Лениздат, 1989.
245. Страницы истории: Дайджест прессы. 1988. Июль-декабрь / Сост. С.А. Прохватилова, Э.А. Урусова. Л.: Лениздат, 1989.
246. Страницы, опаленные смертью. Александр Мень, Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Николай Гиренко // Сборник статей (статьи, публичные выступления, эссе, главы из книг, экспертные заключения). М.: Вестник Европы, 2006.
247. Страхов К. Среди идущих за властью почти нет честных людей (интервью с Б. Курковой) // «Дело», 7.11.2005.
248. Стреляный А.И. Социализм мысли против социализма чувств. Очерки. М.: Правда, 1988.
249. Телень Л. Поколение Путина. Портреты-интервью. М.: Вагриус, 2004.
250. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.
251. Толстой А.К. История государства российского от Гостомысла до Тимашева / Толстой А.К. Собрание сочинений. Том 1. М.: Изд-во художественной литературы, 1963.
252. Травин Д.Я. Анатолий Чубайс – загадочный политик, который ясен каждому // Час Пик, 05.10.1992.
253. Травин Д.Я. Пути реформ. СПб.: Звезда, 1995.
254. Травин Д.Я. Железный Винни-Пух и все, все, все... Либералы и либерализм в российских реформах. СПб.: Дело, 2004.
255. Травин Д.Я., Маргания О.Л. Европейская модернизация. Книга 1, М.-СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.
256. Травин Д.Я., Маргания О.Л. Европейская модернизация. Книга 2, М.-СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.
257. Травин Д.Я. «Поле чудес» или библиотека? Аналитический комментарий в российской прессе // Неприкосновенный запас, 2006. № 6.

258. Травин Д.Я. Путинская Россия: от рассвета до отката. СПб.: Дело, 2008.
259. Травин Д.Я. Почему история для народа? // Литературные кубики, 2009. № 6.
260. Трапезников А.А. Виктор Муравленко. М.: Молодая гвардия, 2007.
261. Трегубова Е. Байки кремлевского диггера. М.: Ad Marginem, 2003.
262. Тренин Д. Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». М.: Московский центр Карнеги, Европа, 2006.
263. Улюкаев А.В. В ожидании кризиса. Ход и противоречия экономических реформ в России. М.: Стрелец, 1999.
264. Уткин А.И. Измена генсека. Бегство из Европы. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009.
265. Фаллачи О. Ярость и гордость. М.: Вагриус, 2005.
266. Федоров Б.Г. 10 безумных лет: почему в России не состоялись реформы. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.
267. Фетисов Т.И., сост. Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М.: Республика, 1997.
268. Филатов С.А. Совершенно несекретно. М.: Вагриус, 2000.
269. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. История, теория и практика. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Европейский дом, 2008.
270. Хайрюзов В.Н., Дроботова Е.В. Рохлин. Несостоявшийся переворот (Звезда и крест генерала Рохлина). М.: Вече, 2004.
271. Хакамада И.М. SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman. М.: АНО РИД «Новая газета», 2006.
272. Хапаева Д. Время космополитизма. Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Звезда, 2002.
273. Хапаева Д. Готическое общество: морфология кошмара. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
274. Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002.
275. Хасбулатов Р.И. Великая Российская трагедия. Том 1. М.: ТОО «Симс», 1994.
276. Хасбулатов Р.И. Великая Российская трагедия. Том 2. М.: ТОО «Симс», 1994.
277. Хейне П. Экономический образ мышления. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1991.
278. Хереш Э. Генерал Лебедь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
279. Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2004.
280. Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2008.
281. Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992.

282. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993.
283. Чубайс А.Б., ред. Приватизация по-российски. М.: Вагриус. 1999.
284. Чурбанов Ю.М. Мой тесть Леонид Брежнев. М.: Алгоритм, 2007.
285. Шаталин С.С., Борисов Е.И. Диалог за Кремлевской стеной. Тверь: НПО «Центрпрограммсистем», 1991.
286. Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001.
287. Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М.: Новости, 1991.
288. Шеварднадзе Э.А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М.: Европа, 2009.
289. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М.: Росспэн, 1999.
290. Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). Том 1. М., Московский центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ, 2005.
291. Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). Том 2. М., Московский центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ, 2005.
292. Шмелев Н.П. Авансы и долги // Новый мир, 1987. № 6.
293. Штемлер И.П. Завод. Универмаг: романы. М.: Профиздат, 1988.
294. Шубин А. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М.: Европа, 2006.
295. Шушкевич С.С. Интервью Д. Травину. 16 декабря 2006.
296. Щекочихин Ю. Лавина // Юность, 1978. № 12.
297. Щелкин А.Г. Россия возвращается к своему будущему: катарсис отечественного кризиса. СПб.: Борвик полиграфия, 2002.
298. Явлинский Г., Михайлов А., Задорнов М. 400 дней доверия. М.: Недра, 1990.
299. Явлинский Г.А. Экономика России: наследство и возможности. М.: ЭПИ-центр; Харьков: Фолио, 1995.
300. Явлинский Г.А. Несколько интервью по личным вопросам. М.: ЭПИцентр, 1999.
301. Язов Д.Т. Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М.: Палея, 1999.
302. Якоби А.А. Материально-техническое снабжение // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Том 2.
303. Яковлев А.Н. Постигжение. М.: Захаров, Вагриус, 1998.
304. Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2003.
305. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1983.
306. Янов А.Л. После Ельцина. «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 1995.

307. Ясин Е.Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. М.: Экономика, 1989.
308. Ясин Е.Г. Недопустимы ни задержки, ни забегания вперед // Перестройка управления экономикой: проблемы, перспективы. М.: Экономика, 1989.
309. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. 2-е изд. М., ГУ ВШЭ, 2003.
310. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М., ГУ-ВШЭ, 2003.
311. Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Блудная дочь Европы?	5
<i>От изоляции до модернизации</i>	6
<i>Общий путь</i>	13

ЧАСТЬ 1. ПРЕДЫСТОРИЯ

Глава 1. Один день Дениса Ивановича	16
<i>Как начинается утро</i>	17
<i>Рабочий день</i>	22
<i>После работы</i>	27
<i>Вечер трудного дня</i>	33
Глава 2. Хотели как лучше...	38
<i>Как была устроена советская экономика</i>	40
<i>Как советская экономика работала на самом деле</i>	51
<i>Как возникла экономика дефицита</i>	59
<i>Несостоявшаяся косыгинская реформа</i>	63
Глава 3. Разруха в клозетах и в головах	68
<i>Лишь бы не было войны</i>	69
<i>Хочу быть председателем Всемирной Коммунистической Республики</i>	72
<i>Двухпроцентный автомобилизм</i>	75
<i>Плач стоит по всей Руси великой</i>	76
<i>В поисках халявы</i>	80
<i>В поисках великого мифа</i>	82
Глава 4. Встреча четырех генсеков	86
<i>«Борьба хорошего с лучшим»</i>	87
<i>Мы ждем перемен</i>	93
<i>Провал «аристократии духа»</i>	96

Часть 2. ПЕРЕСТРОЙКА

Глава 5. Московская весна	102
<i>Челночная дипломатия Яковлева</i>	103
<i>Объгорили и подкузьмили</i>	106
<i>Горбачевская каша</i>	109
Глава 6. Съезд победителей	114
<i>Пир духа или пир брюха?</i>	115
<i>План или рынок?</i>	119
<i>ГенОк и К°</i>	124
Глава 7. Третий рубеж	128
<i>Ты все пела — это дело. Так пойдн же попляши</i>	129
<i>Теоретики и практики</i>	132
<i>Госзаказ — госприказ</i>	135
<i>Рыночный социализм и гуляшный коммунизм</i>	140
Глава 8. Великая схизма	146
<i>«Совраска» взбрыкнула</i>	146
<i>Принцип на принцип</i>	151
<i>Дела внешние и внутренние</i>	155
Глава 9. Последний аккорд перестройки	162
<i>Орденоподносец</i>	162
<i>На двух стульях</i>	165
<i>Где взять китайцев?</i>	174
Глава 10. «500 дней» одного года	180
<i>Явление Явлинского</i>	180
<i>Горячее лето</i>	185
<i>Скрещение ежа и ужа</i>	189
Глава 11. Операция АБЦ	192
<i>Ежик в тумане</i>	193
<i>Крюкотворчество</i>	196
<i>От триумфа к трагедии</i>	200
<i>Беловежская пуца</i>	204

Часть 3. РЕФОРМЫ

Глава 12. Другая жизнь	208
<i>Ребята, не Москва ль за нами?</i>	208
<i>Бюрократический выбор России</i>	211
<i>Тимурович и его команда</i>	213
<i>От спячки и до ручки</i>	217
<i>Судьба зарубежных Гайдаров</i>	225
Глава 13. Деньги для реформы	230
<i>Последний козырь Андрея Козырева</i>	230
<i>«Мировая закулиса»?</i>	233
Глава 14. Малая Октябрьская революция	238
<i>Акела промахнулся</i>	239
<i>Властитель слабый и лукавый</i>	242
<i>ОПУС первый и последний</i>	246
Глава 15. Жизнь удалась	254
<i>Пока не клюнул жареный петух</i>	254
<i>Куплю жене сапоги</i>	260
<i>Черный вторник</i>	264
Глава 16. Первая Чеченская трагедия	268
<i>Земля наша богата, порядка только нет</i>	269
<i>Дудаев и Масхадов</i>	273

Глава 17. Проблеск надежды?	278
<i>Распродажа российской империи</i>	<i>279</i>
<i>При входе в коридор не разбейте нос о косяк.</i>	<i>285</i>
<i>Во всем виноват Чубайс?</i>	<i>288</i>
Глава 18. Коробка с демократией	292
<i>Ошибка президента.</i>	<i>293</i>
<i>Судьба президента</i>	<i>297</i>
<i>Возвращение президента.</i>	<i>301</i>
Глава 19. Сладкий вкус крови	308
<i>По закону или по понятиям?</i>	<i>309</i>
<i>Война на уничтожение.</i>	<i>312</i>
<i>Цены и ценности</i>	<i>316</i>
Глава 20. Пропась для рывка вверх	320
<i>Нет хлеба? Ешьте киндер-сюрприз.</i>	<i>321</i>
<i>Чего тут думать? Трясти надо.</i>	<i>326</i>
<i>Последний ПриКол</i>	<i>330</i>
Глава 21. Операция «Преемник»	334
<i>Старый конь борозды не испортит?</i>	<i>334</i>
<i>Милые бранятся — только тешатся</i>	<i>338</i>
<i>Не так сидим</i>	<i>342</i>
ЛИТЕРАТУРА	347

Для заметок

Для заметок

Серия **Книга для учителя**

Травин Дмитрий Яковлевич

Очерки новейшей истории России
Книга первая: 1985–1999

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Редактор – Капитонов Д.М.
Технический редактор – Фофанова Н.М.
Корректор – Капитонов Д.М.
Художник – Куршева Ю.Н.
Компьютерная верстка – Гургуца М.Б.

ISBN 978-5-87857-160-9

Сдано в набор 10.02.2010. Подписано в печать 14.03.2010.
Формат 70x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonС. Усл.-п.л. 23. Тираж 15000 экз. (1-й завод – 5000 экз.)
Заказ № .

НОРМА

Издательство «Норма»
192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37
Тел. (812) 712-67-73

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906»
195299, Санкт-Петербург, ул. Киришская, 2а
Тел. (812) 531-20-00, 531-25-55